Герритсен Тесс

Жатва

Джекобу — моему мужу и лучшему другу

Благодарности

Сердечно благодарю Эмили Бестлер за деликатное и вдумчивое редактирование; Дэвида Баумена — за исчерпывающие сведения о русской мафии; трансплантационных координаторов Сьюзен Пратт из медицинского центра Пенобскот-Бей и Брюса Уайта из медицинского центра штата Мэн — за сведения по донорству органов и тканей; Пэтти Канн — за помощь в поиске данных на компьютере медицинской библиотеки; Джона Сарджента из Рокланда, штат Мэн, — за ценную информацию по части замков, а также Роджера Пеппера — за отправку мне материалов исследования.

И конечно же, огромное спасибо Мэг Рули и Дону Клири из агентства Джейн Ротроузен. Благодаря вам этот роман увидел свет.

1

Для своих лет он был коротышкой, заметно уступал ростом остальным ребятам, попрошайничавшим в подземных переходах возле метро «Арбатская». Но уже в одиннадцать он делал то же, что и они. Курить начал четырьмя годами ранее, подворовывать — тремя. А пару лет назад он впервые дал мужику — из тех, что пользуют мальчиков. Этот род занятий Якову не нравился, но дядя Миша велел ему не ломаться и не капризничать. Иначе на что они будут покупать хлеб и сигареты? Среди подопечных дяди Миши Яков был не только самым низкорослым. Он был еще и блондином, а дяди-Мишиным клиентам очень нравились светловолосые малолетки. Они даже не замечали, что у Якова нет левой руки. Просто не обращали внимания на сморщенную культю. Клиентов очаровывали его маленький рост, светлые волосы и решительный взгляд синих глаз.

Яков мечтал поскорее распрощаться с этим ремеслом и, подобно мальчишкам постарше, зарабатывать «облегчением» карманов. Каждое утро, просыпаясь в квартире дяди Миши, и каждый вечер, прежде чем уснуть, он хватался своей единственной рукой за изголовье кровати и тянулся, тянулся в надежде вырасти хотя бы на несколько миллиметров. Дядя Миша советовал ему бросить это бесполезное занятие. Яков был из породы низкорослых, и тут уж ничего не изменишь. Женщина, которая семь лет назад оставила его наедине с громадной Москвой, тоже была низенькой. Яков едва помнил эту женщину и ничего не помнил из своей

прежней домосковской жизни. Он знал лишь то, что рассказывал ему дядя Миша, но рассказам этим верил наполовину. В своем нежном возрасте Яков отличался не только маленьким ростом, но и достаточной житейской мудростью.

Вот и сейчас с присущим ему скептицизмом мальчишка поглядывал на мужчину и женщину, которые вместе с дядей Мишей сидели за обеденным столом и говорили о делах.

Эта парочка приехала на большой черной машине с тонированными стеклами. Мужчину звали Грегором. Он был в костюме с галстуком. На ногах — ботинки из натуральной кожи. Светловолосую женщину звали Надией. Ее одежда состояла из шерстяной юбки и дорогого шерстяного жакета. В руках она держала крепкого вида чемоданчик-дипломат. Надия была нерусская. Это поняли все обитатели квартиры. Наверное, американка. Или англичанка. По-русски она говорила хорошо, но с акцентом.

Пока мужчины за рюмкой водки обсуждали дела, женщина разглядывала тесную квартирку дяди Миши. Старые армейские койки, стоящие у стены, груды грязного постельного белья и четырех мальчишек, сбившихся в кучку. Все они молча и настороженно прислушивались к разговору взрослых. Надия поочередно обвела взглядом всех четверых. Глаза у нее были красивые, светло-серого цвета. Первым ее взгляда удостоился самый старший — пятнадцатилетний Петр. Затем настал черед тринадцатилетнего Степана и десятилетнего Алексея.

Наконец она посмотрела на Якова.

Яков привык, что взрослые пристально разглядывают его, и потому спокойно смотрел на иностранку. К чему он не привык — так это к мимолетности внимания. Обычно приходившие сюда почти не смотрели на других мальчишек. Но сейчас внимание Надии было приковано к долговязому прыщавому Петру.

— Михаил Исаевич, вы приняли правильное решение, — сказала она дяде Мише. — Здесь у этих ребят нет будущего. А мы даем им такой редкий шанс!

Она улыбнулась мальчишкам.

Олух Степан тоже ей улыбнулся, будто влюбленный идиот.

— Они ж по-английски не брешут, — ответил дядя Миша. — Только отдельные слова знают.

— Дети быстро овладевают чужим языком. Им это дается без усилий.

— Все равно им понадобится какое-то время. И на язык, и к чужой еде привыкнуть.

— Наше агентство хорошо знакомо с особенностями переходного периода. Мы имеем опыт работы с русскими детьми. С такими же сиротами, как эти. Некоторое время они пробудут в специальной школе и приспособятся к новой жизни.

— А если не смогут?

— Иногда бывает и такое, — помолчав, ответила Надия. — Возникают трудности эмоционального характера.

Она снова обвела взглядом четверых подопечных дяди Миши.

— Кто-то из них вас особо беспокоит? — спросила Надия.

Яков прекрасно понимал, что речь о нем. Это он редко смеялся и никогда не плакал. Дядя Миша прозвал его «каменным малышом». Яков сам не знал, почему из него не выливаются слезы. Остальные мальчишки, стоило им пораниться или получить тумаков, распускали нюни. Яков в таких случаях просто выключал разум. Его разум становился похож на экран телевизора, когда поздно вечером прекращались передачи. Ни картинок, ни звуков, только успокаивающий белый шум.

— Они все хорошие ребята. Просто отличные ребята, — сказал дядя Миша.

Яков посмотрел на трех других парней. У Петьки был нависающий лоб и плечи, вывернутые вперед, как у гориллы. У Степки между маленькими сморщенными ушами помещался мозг размером с грецкий орех. Алешка до сих пор сосал палец.

«А я? — подумал Яков, глядя на свой жалкий обрубок. — У меня всего одна рука. Чего это мы у дяди Миши такие отличные?»

Однако тот продолжал нахвалить своих питомцев. Иностранка согласно кивала. Да, прекрасные ребята. Здоровые ребята.

— У них даже зубы хорошие! — подчеркнул дядя Миша. — Гнилых совсем нет. Вы на моего Петьку посмотрите. Какой рослый.

— А вот этот заморыш какой-то, — сказал Грегор, указывая на Якова. — Что случилось у него с рукой?

— Родился таким.

— Из-за радиации?

— Ему это ничуть не мешает, — не отвечая на вопрос, сказал дядя Миша. — Он и одной управляется.

— Это не станет проблемой. — Надия поднялась. — А теперь мы должны ехать. Пора.

— Уже?

— У нас плотный график.

— Но... одежонку собрать...

— Наше агентство снабдит их одеждой. Получше, чем та, что на них сейчас.

— Неужели ехать нужно так срочно? Вы нам и проститься не дадите?

В глазах женщины мелькнуло раздражение.

— Прощайтесь, только недолго. Мы не хотим выбиться из графика.

Дядя Миша оглядел своих мальчишек, связанных с ним отнюдь не кровными узами и даже не любовью. Их свела взаимозависимость. Общность потребностей. Дядя Миша обнял каждого из четверых. Якова он обнимал чуть дольше и чуть крепче. От дяди Миши привычно пахло луком и сигаретами. Хорошие запахи. Однако Якову захотелось поскорее высвободиться. Он не любил, когда его трогают. Кто бы то ни был.

— Помни своего дядю Мишу, — шептал ему хозяин тесной квартирки. — Когда разбогатеешь в Америке, не забывай того, кто о тебе заботился.

— Я не хочу в Америку, — сказал Яков.

— Так это ж лучше и для тебя, и для других сорванцов.

— Они пусть едут, а я хочу остаться здесь. Дядя Миша, я хочу остаться с тобой.

— Надо ехать.

— Почему?

— Потому что я так решил. — Дядя Миша схватил Якова за плечи и хорошенько встряхнул. — Я так решил.

Яков взглянул на ребят. Те радостно скалились.

«Они счастливы, — подумал он. — Чего ж я не радуюсь?»

— Я отведу детей в машину, — сказала Надия, беря Якова за руку. — А вы с Грегором подпишите документы.

— Дядя Миша! — окликнул Яков.

Но Михаил Исаевич стоял к нему спиной и смотрел в окно.

Надия вывела мальчишек на лестничную площадку, и они стремглав понеслись с четвертого этажа на улицу, вкладывая в спуск всю свою неукротимую энергию. Их стоптанные ботинки гулко стучали по ступенькам. Хорошо, что на лестнице было пусто.

Уже на первом Алешка вдруг застыл.

— Я Шу-Шу забыл! — крикнул он и метнулся к лестнице.

— Вернись! — потребовала Надия. — Не смей подниматься наверх!

— Я ее там не оставлю!

— Я кому сказала, вернись! — прикрикнула на него Надия.

Но Алексей уже бежал вверх. Надия приготовилась броситься вдогонку, когда Петр сказал:

— Алешка без Шу-Шу все равно не поедет.

— Что еще за чертова Шу-Шу? — сердито спросила иностранка.

— Плюшевая собачонка. Алешка ее везде с собой таскает.

Женщина встала возле лестничного пролета и задрала голову. Алексей был уже на четвертом этаже. В глазах Надии мелькнуло нечто, чего Яков не понял.

Настороженность, что ли?

Казалось, Надия не знала, бежать вслед за Алешкой или плюнуть на него. Когда на четвертом этаже хлопнула дверь и вниз чуть ли не кубарем скатился этот малолетний дурень, радостно сжимая в руках

старую засаленную мягкую игрушку, женщина чуть в обморок не упала от облегчения.

— Вот она! — радостно бормотал мальчишка, обнимая свое грязное сокровище.

— Теперь идемте! — приказала Надия, открывая дверь.

Все четверо втиснулись на заднее сиденье машины. Яков оказался почти что на коленях у Петра.

— Обязательно свою костлявую задницу на меня класть? — проворчал Петр. — Подвинься.

— Куда? Тебе на морду?

Петр пихнул его локтем. Яков в долгу не остался.

— А ну прекратите! — прикрикнула с переднего сиденья Надия. — Ведите себя прилично.

— Нам тут тесно, — пожаловался Петр.

— Ничего, устроитесь. И сидите тихо!

Надия все время смотрела на дом. На окна дяди-Мишиной квартиры.

— Почему не едем? — спросил нетерпеливый Алешка.

— Грегор подписывает документы.

— И долго еще?

— Недолго, — ответила Надия, откидываясь на спинку сиденья и глядя перед собой.

«Уф, пронесло», — подумал Грегор, когда за обрадованным Алешкой вторично закрылась дверь.

Появись этот маленький придурок чуть позже, тут бы такое замутилось. Надия дура, что ли? Не могла удержать пацана? Грегор с самого начала был против ее участия, однако Рейбен настоял. Сказал, что женщины вызывают доверие.

Топот Алешкиных ног становился все тише. Потом хлопнула дверь парадной. Тогда Грегор повернулся к сутенеру.

Дядя Миша стоял у окна и смотрел на улицу, на черную машину, в которой сидели его питомцы. Растопыренная ладонь с жирными пальцами елозила по стеклу. Дядя Миша все еще прощался с мальчишками. В его глазах стояли слезы.

Однако первые слова дяди Миши были не о мальчишках, а о деньгах.

— В дипломате?

— Да, — ответил Грегор.

— Вся сумма?

— Двадцать тысяч американских долларов. По пять тысяч за каждого ребенка. Вы же согласились на эту цену.

— Да, — вздохнул дядя Миша, проводя рукой по своему морщинистому лицу.

Морщины были не столько признаком возраста, сколько результатом сильного пристрастия Михаила Исаевича к водке и сигаретам.

— Они попадут в хорошие семьи?

— Надия позаботится об этом. Вы же знаете, она любит детей. Потому и выбрала такую работу.

— Может, она и мне подберет хорошую американскую семейку? — Он выдавил жалкую улыбку.

Грегору пришлось взять его за плечи и отвернуть от окна.

— Не тяните время. Вот деньги. Если хотите, пересчитайте.

Дядя Миша щелкнул замком, открыл крышку. Внутри лежали аккуратные пачки американских долларов. Двадцать тысяч. Сумма, которой ему с лихвой хватит, чтобы утопить в водке собственную печень.

«Дешево же в наши дни стоит человеческая душа», — подумал Грегор.

На улицах новой России можно было купить что угодно. Ящик израильских апельсинов, американский телевизор, женские ласки. Возможности повсюду — умей лишь копнуть и воспользоваться. Сметливые и талантливые пользовались.

Дядя Миша смотрел на деньги, на свои деньги, но во взгляде не было ликования. Наоборот. Пачки купюр вызывали у него неприязнь, если не отвращение. Он защелкнул крышку дипломата и стоял, склонив голову и упираясь руками в прочный черный пластик.

Грегор встал у дяди Миши за спиной, достал автоматический пистолет с глушителем и дважды выстрелил сутенеру в голову.

Дальнюю стену забрызгало кровью и серым веществом. Дядя Миша ничком повалился на пол, увлекая за собой столик. Черный чемоданчик тоже упал, глухо стукнувшись о покрытый ковром пол.

Грегор торопливо схватил дипломат, пока тот не залило кровью. Ошметками дяди-Мишиных мозгов забрызгало боковую стенку. Грегор дернул дверь туалета, оторвал кусок туалетной бумаги и тщательно вытер пластик. Бумагу скомкал и спустил в унитаз. Затем вернулся в комнату, где лежал дядя Миша. Лужица крови успела превратиться в лужу и пропитать вторую ковровую дорожку.

Грегор еще раз оглядел комнату. Работа сделана, улик нет. Его подмывало забрать с собой недопитую бутылку водки, но он удержался. Мелкота пристанет с вопросами. Ведь водку выставил их дядя Миша. Грегору не хватало терпения отвечать на вопросы мальчишек. Разговоры с ними — забота Надии.

Он защелкнул входную дверь и спустился вниз.

Надия с ребятней ждали его в машине. Грегор открыл дверцу и нырнул на водительское сиденье. Надия посмотрела на него. В ее глазах ясно читался вопрос.

— Все бумаги подписаны? — уточнила она.

— Да. Все без исключения.

Надия откинулась на спинку сиденья. Она вздохнула громко и с явным облегчением. Грегор завел мотор.

«Не годится эта баба для таких дел», — подумал он.

Что бы там Рейбен ни болтал, но Надия только мешала.

На заднем сиденье шумно возились. Грегор взглянул в зеркало. Мальчишки вовсю толкались и пихались. Все, кроме самого маленького. Яков смотрел прямо перед собой. Их глаза встретились, и у Грегора возникло неприятное чувство. Ему показалось, что на него смотрят глаза взрослого человека, неизвестно как оказавшиеся на детском лице.

Потом Яков повернулся и ударил соседа в плечо. Возня стала еще шумнее. В воздухе замелькали мальчишечьи руки.

— Ведите себя прилично! — прикрикнула Надия. — Нам далеко ехать. В Ригу.

Мальчишки угомонились. Ненадолго на заднем сиденье стало тихо. Потом в зеркале заднего обзора Грегор увидел, как паренек со взрослыми глазами локтем двинул соседу под ребра.

Грегор улыбнулся и подумал, что беспокоиться нет причин. Дети как дети.

2

Время перевалило за полночь. Карен Террио вела две битвы сразу: со своими глазами, заставляя их не закрыться, и с собой, заставляя себя ехать дальше.

Бóльшую часть двух последних дней Карен провела за рулем. Она уехала сразу после похорон тети Дороти и с тех пор почти безостановочно добиралась домой. Останавливалась она лишь, чтобы удовлетворить потребности организма — немного вздремнуть, проглотить гамбургер и влить в себя очередную чашку кофе. Она не считала чашки, но их было много. Очень много. Воспоминания о похоронах тетки успели потускнеть и превратиться в цепь разрозненных эпизодов двухдневной давности. Увядающие гладиолусы. Родственники, чьих имен она не помнила. Черствые сэндвичи. И обязательства. Чертова пропасть родственных обязательств.

Сейчас Карен хотела только одного: добраться домой.

Она знала, что нельзя испытывать организм на прочность. Разумнее всего было бы съехать на обочину и полчасика подремать. Но от Бостона ее отделяли всего пятьдесят миль. В последний раз она остановилась возле закусочной «Данкин донатс» и выпила три чашки кофе. Это немного помогло, дав ей сил продержаться от Спрингфилда до Стербриджа. Однако действие кофеина ослабевало. Карен могла убеждать себя, что бодрствует, но то и дело клевала носом. Более того, на какую-то секунду она даже заснула за рулем.

Впереди показалась неоновая вывеска закусочной «Бургер кинг». Карен свернула с шоссе.

Войдя в закусочную, она заказала кофе, маффин с черникой и села за ближайший столик. Свободных мест в это время суток было предостаточно. Посетителей было немного, и выглядели они одинаково. У всех были не лица, а бледные маски, олицетворяющие крайнее утомление.

«Призраки шоссе», — подумала Карен.

Ночью их встретишь в каждой придорожной закусочной. В зале было неестественно тихо. Как и Карен, эти люди старались не поддаться сну, чтобы снова сесть за руль.

За соседним столиком сидела удрученного вида женщина с двумя малолетними детьми. Дети тихо и сосредоточенно жевали печенье. Светловолосые, хорошо воспитанные детишки. Карен сразу подумала о своих дочерях-близняшках. Завтра у них день рождения, а сейчас они крепко спят. Завтра обеим исполнится тринадцать. Еще на год дальше от детства.

«Когда вы проснетесь, я уже буду дома».

Она взяла вторую чашку кофе, защелкнула пластиковую крышку и вернулась к своей машине.

В голове прояснилось. Она одолеет остаток расстояния. Всего пятьдесят миль. Еще какой-нибудь час, и она войдет к себе домой. Карен включила двигатель и вырулила со стоянки.

«Пятьдесят миль, — думала она. — Всего-то пятьдесят миль».

А в двадцати милях от места, где в тот момент находилась Карен, в машине, припаркованной возле магазина «Севен-илевен»[1], Винс Лори и Чак Сервис приканчивали последние пять банок пива. Пили они уже четыре часа подряд, устроив маленькое дружеское состязание. Победит тот, кто одолеет больше жестянок пива «Бад» и при этом не блеванет. Чак был впереди на одну банку. Счет выпитому они давно потеряли. Точное количество они узнают завтра, когда подсчитают пустые банки, высившиеся двумя горками на заднем сиденье.

Но Чак безусловно был впереди. Мало того, он еще вовсю хвастался этим, что сильно злило Винса. Чак всегда и во всем его опережал. Винс считал их состязание нечестным. Он мог бы взять реванш, однако кончилось пиво. Чак меж тем нагло ухмылялся, хотя прекрасно знал, что приобрел фору нечестным путем.

Винс толкнул дверцу и выбрался с водительского сиденья наружу.

— Куда собрался? — спросил Чак.

— Возьму еще пивка.

— В тебя больше не влезет.

— Мне лучше знать! — огрызнулся Винс.

Пошатываясь, он двинулся через стоянку к двери «Севен-илевен».

— Ты даже идти не можешь! — со смехом крикнул ему Чак.

«Придурок!» — зло подумал Винс.

Пусть этот долбаный Чак не врет: он прекрасно может идти. Вот, уже дошел до двери. Сейчас он войдет в магазин, возьмет две упаковки «Бада»... Нет, даже три. Он спокойно выпьет все три. Желудок у него железный, только отливать постоянно требует. А во всем остальном — полный о’кей.

У входа Винс споткнулся. Да за такие высоченные пороги судить нужно! Главное, он устоял на ногах. Подойдя к шкафу-холодильнику, Винс достал три шестибаночных упаковки пива. Балансируя с ними в проходе, он доковылял до стойки и бросил кассиру двадцатидолларовую бумажку.

Продавец посмотрел на деньги и покачал головой.

— Не могу взять, — сказал он.

— Что значит, не можешь взять?

— Я не имею права продавать пиво нетрезвым покупателям.

— Хочешь сказать, я пьян?

— Совершенно верно.

— Видишь эту бумажку? Целых двадцать долларов. И не хочешь обменять ее на пиво?

— Я не хочу отвечать за нарушение правил. Так что, сынок, верни-ка пиво на место и лучше возьми чашку кофе. И хот-дог.

— Да не нужны мне твои вонючие хот-доги!

— Тогда, парень, на выход шагом марш.

Винс швырнул одну упаковку на прилавок, но не рассчитал бросок. Картонка скользнула вниз и шлепнулась на пол. Винс хотел было проделать то же самое со второй упаковкой, но кассир достал пистолет. Винс удивленно разинул рот. Его рука застыла в воздухе.

— Пошел вон из магазина! — потребовал кассир.

— О’кей, — пробормотал Винс, послушно поднимая руки. — Как скажете…

Он покинул магазин, снова споткнувшись на пороге.

— И где пиво? — спросил Чак, когда Винс плюхнулся на водительское сиденье.

— Кончилось.

— Быть не может, чтобы у них кончилось пиво.

— А я тебе говорю, кончилось. Понял?

Винс завел двигатель и надавил на акселератор. Машина рванула со стоянки.

— И куда мы теперь едем? — поинтересовался Чак.

— Искать другой магазин, — сощурившись, ответил Винс. — Слушай, где тут пандус? Должен быть где-то здесь.

— Парень, хватит подвигов. Пиво в тебя уже не лезет. После первого же глотка ты уделаешь весь салон.

— Я спрашиваю, где этот долбаный пандус?

— Думаю, ты его уже проскочил.

— Ошибаешься.

Винс крутанул руль влево. Шины с визгом перевалили через поребрик.

— Послушай… Я тебе серьезно говорю.

— У меня есть целых двадцать долларов. И кому-то они нужны. Кто-то их возьмет.

— Винс, ты едешь не той дорогой!

— Чего?

— Ты едешь не той дорогой! — крикнул Чак.

Винс мотнул головой и попытался сосредоточиться на дороге, но фонари слишком ярко светили ему прямо в лицо, слепя глаза. С каждой секундой они почему-то становились все ярче.

— Сворачивай вправо! — заорал Чак. — Это же машина! Вправо сворачивай!

Винс повернул вправо. Огни тоже.

Потом он услышал крик… жуткий, незнакомый голос.

Не крик Чака. Его собственный.

Доктор Эбби Ди Маттео не просто устала. Она дико, нечеловечески устала — так, как еще никогда в жизни не уставала. Она провела на ногах двадцать девять часов подряд, и это было более чем заметно. Десять минут, которые ей удалось подремать в комнате ожидания рентгеновского кабинета, — не в счет.

Моя руки в реанимации хирургического отделения, Эбби глянула в зеркало и поморщилась. На нее смотрела изможденная женщина. Круги под глазами (почти под цвет глаз), нечесаные черные волосы, превратившиеся в спутанную гриву. Десять часов утра. Ей бы душ принять. Куда там! Даже зубы не чистила. Ее завтрак состоял из яйца вкрутую и чашки сладкого кофе. Спасибо хирургической сестре, позаботилась о ней. Ланч представлялся Эбби великим счастьем. А уж уйти из клиники в пять и к шести добраться домой — это вообще было бы запредельным блаженством. Даже просто посидеть на стуле казалось ей роскошью.

Но попробуй посиди во время понедельничного утреннего обхода! Особенно если его проводит доктор Колин Уэттиг — руководитель хирургической ординатуры клиники Бейсайд. В армии он был генералом медицинской службы и отличался тем, что любил задавать неожиданные и порою беспощадные вопросы, требуя четких, обоснованных ответов. За глаза его так и звали — Генералом. Эбби боялась Генерала. И не только она. Генерала боялись все ординаторы.

Сейчас в реанимации хирургического отделения собралось одиннадцать ординаторов. Они стояли полукругом. Одни были в белых халатах, другие — в зеленых хирургических костюмах. Все внимательно смотрели на руководителя, зная, что каждый из них в любой момент может

подвергнуться допросу с пристрастием. Оплошать с ответом означало обречь себя на длительное унижение. У Генерала оно имело личностную окраску.

Группа уже побывала у коек послеоперационных больных, где обсуждала лечебные планы и прогнозы. Теперь все стояли возле койки № 11, где лежала новая пациентка, порученная заботам Эбби. Генерал и коллеги-ординаторы ждали от нее подробностей истории болезни.

Планшет с записями, который Эбби держала в руке, ей не требовался. Историю болезни она читала по памяти, глядя в неулыбчивое лицо Генерала.

— Возраст пациентки — тридцать четыре года. Белая. Поступила сегодня в час ночи. Передана нам травматологической службой. Лобовое столкновение на девяностой трассе. Автомобиль пациентки двигался с большой скоростью. На месте катастрофы пациентке была проведена интубация и ряд необходимых действий по стабилизации состояния, после чего вертолетом ее доставили в нашу клинику. В отделении неотложной помощи у пациентки были выявлены множественные травмы. Среди них — сложный и вдавленный переломы черепа, перелом левой ключицы и плечевой кости, а также множественные ранения лица. Согласно первичному осмотру, произведенному мною, пациентка относится к типу упитанных женщин среднего телосложения. В настоящий момент пациентка не проявляет реакций ни на какие раздражители, за исключением постуральных, вызывающих у меня сомнение…

— Значит, у вас они вызывают сомнение? — спросил доктор Уэттиг. — Как прикажете это понимать? Постуральные реакции либо есть, либо нет. Вот я и хочу знать: они у пациентки есть или нет?

У Эбби колотилось сердце. Черт, Генерал уже к ней прицепился. Проглотив слюну, она ответила:

— Иногда конечности пациентки сокращаются в ответ на болезненные раздражители. А иногда… нет.

— На чем основана ваша интерпретация? Чем вы измеряли двигательные реакции? Вы использовали шкалу Глазго для определения глубины комы?

— Поскольку нулевая реакция оценивается единицей, а наличие постуральных реакций — двойкой, у пациентки этот показатель равняется… полутора.

Ординаторы сдержанно засмеялись.

— На шкале Глазго нет показателя со значением полтора, — заметил доктор Уэттиг.

— Мне это известно, — пробормотала Эбби. — Но состояние пациентки не соответствует целым значениям…

— Продолжайте отчет, — перебил ее Генерал.

Эбби перевела дыхание, оглядев своих коллег-ординаторов. Неужели она уже испортила себе репутацию? Времени на мысленный анализ сказанного у нее не было. Надо продолжать.

— Основные показатели пациентки: давление — девяносто на шестьдесят, пульс — сто ударов в минуту. Как я уже говорила, ей сделали интубацию. Спонтанное дыхание отсутствует. Дыхание полностью обеспечивается за счет механической вентиляции легких со скоростью двадцати пяти вдохов в минуту.

— Почему выбрали такую скорость?

— Для поддержания легких пациентки в состоянии гипервентиляции.

— Зачем?

— Чтобы понизить содержание углекислоты в ее крови и тем самым свести к минимуму отек мозга.

— Продолжайте.

— Как я уже говорила, осмотр головы выявил сложные и вдавленные переломы черепа левой теменной и левой височной областей. Наличие сильных припухлостей и ран на лице затруднило осмотр лица и выявление возможных переломов лицевых костей. Зрачки пациентки находятся в среднем положении. Реакция отсутствует. Ее нос и горло…

— А окулоцефалические рефлексы?

— Я их не проверяла.

— Не проверяли?

— Нет, сэр. Не хотела трогать шею пациентки из-за возможного вывиха позвоночника.

Легкий кивок Генерала свидетельствовал, что ее ответ принят.

Эбби принялась описывать состояние отдельных органов пациентки. Дыхание — нормальное. Сердце — без видимых патологий. Живот мягкий. Доктор Уэттиг ее не перебивал. К концу рассказа о неврологическом осмотре жертвы ДТП Эбби говорила увереннее, даже с вызовом. А почему она должна робеть? Она же хорошо знает свое дело.

— И каковы были ваши впечатления перед тем, как вы увидели рентгенограммы? — спросил доктор Уэттиг.

— Среднее положение зрачков и отсутствие реакции, — начала Эбби, — позволяют говорить о возможном сдавлении среднего мозга. Вероятнее всего, вследствие субдуральной или эпидуральной гематомы.

Эбби помолчала и уже с тихой, но явной уверенностью в голосе продолжила:

— Это подтверждается данными компьютерной томографии. Выявлена обширная левосторонняя субдуральная гематома со значительным линейным смещением. Для удаления сгустков нам пришлось обратиться к нейрохирургам.

— Итак, доктор Ди Маттео, вы утверждаете, что ваши первоначальные впечатления полностью подтвердились?

Эбби кивнула.

— А теперь посмотрим, каково состояние пациентки на данный момент, — сказал доктор Уэттиг, подходя к койке.

Ручкой-фонариком он посветил в глаза пациентки.

— Зрачки не реагируют, — сказал Генерал.

Костяшками пальцев он сильно нажал на грудину. И снова — никакой реакции. Тело пациентки даже не шевельнулось.

— Реакции на боль также нет. Ни постуральных, ни каких-либо иных реакций.

Все ординаторы вплотную окружили койку, но Эбби осталась стоять в ногах пациентки, внимательно глядя на забинтованную голову. Пока доктор Уэттиг проводил осмотр: стучал резиновым молоточком по сухожилиям, сгибал пациентке локти и колени, Эбби чувствовала, как на нее вновь наваливается усталость. Она уже не следила за действиями Генерала. Взгляд Эбби был устремлен на голову пациентки. Перед приходом нейрохирургов той состригли все волосы. Эбби помнила волосы этой женщины: каштановые, густые, перепачканные кровью, в

осколках лобового стекла. Осколки застряли и в ее одежде. В приемном покое Эбби помогала медсестрам раздевать пациентку. Блузку пришлось разрезать. Бело-голубую шелковую блузку с лейблом дома моды Донны Каран. Почему-то эта деталь глубоко врезалась Эбби в память. Не кровь, не сломанные кости, не покалеченное лицо. Блузка от Донны Каран. У Эбби дома тоже была блузка от Донны Каран. Она представила, как ее пациентка, тогда еще здоровая и полная сил, замирает у стойки, перебирая вешалки с блузками. Эбби даже услышала характерное поскрипывание вешалок, передвигаемых по металлу…

Доктор Уэттиг закончил осмотр.

— Когда дренировали гематому? — спросил он у хирургической медсестры.

— Около четырех часов утра, когда пациентку перевезли сюда из реанимации.

— То есть шесть часов назад?

— Получается, так.

— Тогда почему мы не наблюдаем никаких изменений?

Теперь вопрос доктора Уэттига был адресован Эбби.

Эбби вынырнула из полудремы. Все собравшиеся смотрели на нее. Она не торопилась с ответом и вначале еще раз оглядела пациентку. Грудь пациентки ритмично поднималась и опускалась, подчиняясь аппарату искусственной вентиляции легких.

— Причиной… могут являться послеоперационные опухоли, — сказала она, глядя на монитор. — Внутричерепное давление немного возросло… на двадцать миллиметров.

— Как по-вашему, оно достаточно высокое, чтобы вызвать изменения в реакциях зрачков?

— Да. Но…

— Вы ее осматривали сразу же после операции?

— Нет, сэр. Тогда ею занимались нейрохирурги. Я разговаривала с их ординатором, и он мне сообщил…

— Я спрашиваю мнение не того ординатора, а ваше, доктор Ди Маттео. Вы обнаружили у пациентки субдуральную гематому, которая была

удалена. Тогда почему через шесть часов после операции ее зрачки по-прежнему в среднем положении и не реагируют на раздражители?

Эбби мешкала с ответом. Генерал внимательно смотрел на нее. Остальные — тоже. Шелест аппарата искусственной вентиляции легких лишь усугублял унизительную тишину.

Доктор Уэттиг властно обвел глазами окружавших его ординаторов.

— Кто-нибудь поможет доктору Ди Маттео ответить на мой вопрос?

Эбби расправила плечи:

— Я сама отвечу.

— Да? — удивился доктор Уэттиг, поворачиваясь к ней.

— Зрачковые изменения… постуральные реакции конечностей… они свидетельствовали о состоянии верхнего отдела среднего мозга. Минувшей ночью я предположила, что это вызвано субдуральной гематомой, оказывавшей давление на средний мозг. Но поскольку состояние пациентки не улучшилось, я… думаю, что ошиблась.

— Думать, что ошибся, и ошибаться — разные понятия. Какое из них ваше?

— Я ошиблась, — выдохнула Эбби.

— И какой диагноз вы поставите сейчас?

— Кровоизлияние в средний мозг. Его могла вызвать сила срезывания. Или остаточное повреждение, спровоцированное субдуральной гематомой. Пока что при томографическом сканировании это может и не проявляться.

Лицо доктора Уэттига оставалось непроницаемым. Затем он повернулся к ординаторам.

— Что ж, кровоизлияние в средний мозг — это вполне обоснованное предположение. Добавим сюда показатель глубины комы. По шкале Глазго он равен трем… — Он взглянул на Эбби. — Точнее, трем с половиной. Оба фактора говорят нам, что прогноз на выздоровление равен нулю. Пациентка не в состоянии самостоятельно дышать. У нее отсутствует самопроизвольное движение конечностей. Судя по всему,

рефлексы ствола мозга также отсутствуют. В данный момент у меня нет иных предложений, кроме искусственного поддержания жизни пациентки. Советую рассмотреть вопрос об использовании здоровых органов для трансплантации.

Генерал удостоил Эбби легким кивком и направился к койке другого пациента.

— Поздравляю, Ди Маттео, — шепнул один из ординаторов, пожимая ей руку.

— Спасибо, — устало кивнула Эбби.

Вивьен Чао, старший ординатор отделения общей хирургии, в ординаторской среде Бейсайда считалась личностью легендарной. Все началось с ее первого дежурства, когда Вивьен была еще интерном. Через два дня у ее напарницы произошел психический срыв. Кончилось тем, что безутешно рыдающую девушку поместили в палату для душевнобольных, а все тяготы дежурства легли на плечи Вивьен. Двадцать девять дней подряд она оставалась единственным дежурным хирургом-ортопедом. Ее дежурства длились круглые сутки. Вивьен поселилась в ординаторской, куда перевезла все необходимое. Питалась он исключительно в больничном кафетерии и на этой скудной диете быстро потеряла пять фунтов. Все двадцать девять дней Вивьен не покидала клиники. На тридцатый день, выйдя в окружающий мир, она не обнаружила своей машины. Оказалось, что работники стоянки сочли ее автомобиль брошенным и вызвали службу эвакуации.

Через четыре дня, заступив на новое дежурство, Вивьен узнала, что ее коллега-интерн, занимавшийся сосудистой хирургией, попал под городской автобус и был госпитализирован с переломом крестца. И вновь кто-то должен был закрыть брешь.

Вивьен Чао опять переехала жить в ординаторскую.

Этим она заслужила высокую репутацию, показав себя не только опытным врачом, но и человеком, преданным интересам клиники. Позднее ее репутация была подтверждена на ежегодном торжественном обеде, где награждали отличившихся врачей. Вивьен вручили изящную коробочку с двумя стальными шариками.

Когда Эбби впервые услышала о подвигах Вивьен Чао, ей было трудно связать стальные шарики (символ стальной воли и безупречной репутации) с обликом хрупкой немногословной китаянки. Из-за

маленького роста Вивьен оперировала стоя на подставке. Во время обходов она преимущественно молчала, зато всегда вставала впереди. На ее лице не было ничего, кроме внимания и холодного бесстрастия.

Вот и сегодня днем, когда Вивьен зашла в реанимацию хирургического отделения, ее лицо хранило привычную непроницаемость. Эбби тем временем отчаянно сражалась со своей непомерной усталостью. Каждый шаг давался ей с трудом, каждое решение требовало напряжения воли. Она даже не замечала стоявшую рядом Вивьен, пока та не сказала:

— Я слышала, к тебе поступила пациентка с серьезной травмой головы. Четвертая группа крови, резус положительный.

Эбби подняла голову от карточки, куда записывала текущее состояние больного.

— Да. Вчера ночью привезли.

— Она еще жива?

Эбби посмотрела в сторону отсека с койкой № 11.

— Смотря что ты понимаешь под словом «жива».

— Сердце и легкие не затронуты?

— Функционируют.

— Возраст?

— Тридцать четыре года. А почему ты спрашиваешь?

— У меня в свое время был пациент. Я тогда проходила учебную практику. Он страдал сердечной недостаточностью в последней стадии. Такая же группа крови: четвертая, резус положительный. Очень ждал новое сердце.

Вивьен подошла к стойке с карточками пациентов.

— Какая койка?

— Одиннадцатая.

Вивьен взяла нужную карточку, откинула металлическую обложку и стала просматривать записи. Ее лицо не выдавало никаких эмоций.

— Она уже не моя пациентка, — пояснила Эбби. — Я передала ее нейрохирургам. Они дренировали субдуральную гематому.

Вивьен читала.

— После операции прошло всего десять часов, — сказала Эбби. — Мне кажется, пока еще рано говорить о донорстве.

— Насколько вижу, у нее никаких неврологических изменений.

— Никаких. Но есть шанс…

— С тройкой по шкале Глазго? Я так не думаю.

Вивьен закрыла карточку, вернула на стойку и направилась в отсек, где находилась койка № 11. Эбби последовала за ней.

Встав в проеме двери, Эбби смотрела, как Вивьен быстро проводит физический осмотр. Так же сосредоточенно, без лишних движений китаянка работала и в операционной. Она оперировала легко, совершенно не напрягаясь. В свой первый год, еще будучи интерном, Эбби часто присутствовала на операциях Вивьен и всегда восхищалась ее маленькими быстрыми руками с тонкими, чуть ли не детскими пальчиками. Эти пальчики умели вязать идеальные хирургические узлы, Эбби буквально замирала от благоговейного восторга. Сама она часами упражнялась, изводя ярды ниток и покрывая хирургическими узлами ручки комодных ящиков. Технику вязания Эбби освоила, и достаточно хорошо, однако она знала: ее руки никогда не сравнятся с волшебными руками Вивьен Чао.

Но сейчас безупречные движения рук Вивьен, осматривавших Карен Террио, сильно пугали Эбби.

— По-прежнему никакой реакции на болезненные раздражители, — заметила ей Вивьен.

— Еще рано.

— Может, и рано. А может, и нет.

Достав из кармана молоточек, Вивьен принялась проверять реакцию сухожилий.

— Эта пациентка — настоящий подарок судьбы.

— Не понимаю, как ты можешь так говорить.

— У меня в отделении интенсивной терапии есть пациент. Группа крови и резус такой же, как у нее. Он уже целый год ждет донорское сердце. Думаю, ее сердце идеально подошло бы.

Эбби смотрела на неподвижную Карен Террио. Ей снова вспомнилась бело-голубая блузка. Интересно, о чем думала эта женщина, в последний раз надевая блузку и застегивая пуговицы? Наверное, о каких-то обычных мелочах. Уж явно не о своей смерти. И не о больничной койке, трубках капельниц или машинах, нагнетающих воздух ей в легкие.

— Хотелось бы заблаговременно сделать лимфатическую перекрестную пробу. Надо убедиться в совместимости, — сказала Вивьен. — Можно было бы провести тесты и на лейкоцитарные антигены других органов. Ей уже делали электроэнцефалограмму?

— Я больше не веду эту пациентку, — напомнила Эбби. — Тем не менее разговор о донорстве мне кажется преждевременным. Мы еще даже не говорили об этом с ее мужем.

— Кому-то придется с ним поговорить.

— У нее есть дети. Им понадобится время, чтобы понять.

— У детей есть время, а у органов их матери его совсем немного.

— Я знаю. Конечно, все к этому идет. Но после операции прошло чуть больше десяти часов.

Вивьен подошла к раковине и стала мыть руки.

— Неужели ты надеешься на чудо?

У двери отсека появилась хирургическая медсестра:

— Пришел муж этой женщины. С ним дети. Они ждут, когда их пустят. Сказать, чтобы еще подождали?

— Я закончила, — сказала Вивьен.

Бросив в мусорную корзину скомканное бумажное полотенце, она ушла.

— Можно их позвать? — спросила у Эбби медсестра.

Эбби сразу представила, какая картина откроется глазам детей Карен Террио.

— Пусть еще немного подождут, — сказала она медсестре.

Подойдя к койке, Эбби расправила одеяло, потом смочила бумажное полотенце и оттерла с щеки Карен засохшую слизь. Пластиковый контейнер с мочой она задвинула в дальний угол, чтобы тот не так бросался в глаза. Отойдя к двери, Эбби в последний раз взглянула на Карен Террио. Нет, ни она, ни кто-либо другой уже не в силах помочь этой женщине, равно как и уменьшить страдания, выпавшее на долю ее мужа и дочерей.

Вздохнув, она кивнула медсестре:

— Можете позвать ее близких.

К половине пятого Эбби едва понимала, о чем пишет. Глаза смотрели в разные стороны, она с неимоверным трудом возвращала их в фокус. Дежурство длилось уже тридцать три с половиной часа. К счастью, оно закончилось. Наконец-то она поедет домой.

Но, сделав последнюю запись в последней карточке, Эбби вдруг обнаружила, что смотрит на дверь отсека Карен Террио. Она пошла туда, встала у изголовья, оцепенело глядя на лежащую Карен. Неужели нельзя ничего придумать? Совсем ничего?

Она даже не слышала шагов за спиной.

— Привет, несравненная, — раздался мужской голос.

Только тогда Эбби обернулась.

Перед ней стоял темноволосый, синеглазый доктор Марк Ходелл. Он улыбался. Его улыбка предназначалась только для Эбби. Как же ей сегодня не хватало этой улыбки. Чаще всего встречи Эбби и Марка ограничивались недолгим совместным ланчем, а то и приветственным жестом в больничных коридорах. Сегодня они вообще не виделись, и появление Марка отозвалось в Эбби приливом тихой радости. Наклонившись, он поцеловал ее. Потом, отойдя на шаг, оглядел растрепанные волосы и мятый халат.

— Вижу, у тебя была тяжелая ночь, — сочувственно пробормотал Марк. — Сколько удалось поспать?

— Не знаю. Наверное, полчаса.

— До меня дошли слухи, что утром ты стойко выдержала битву с Генералом.

— Достаточно того, что он не вытер об меня ноги, — пожала плечами Эбби.

— Так это уже победа.

Эбби улыбнулась, но стоило ей снова взглянуть на койку № 11, как улыбка погасла. Карен Террио была густо опутана трубками и проводами. Вентилятор, инфузионный насос. Аспирационные трубки. Мониторы, показывающие электрокардиограмму, кровяное и внутричерепное давление. Каждую функцию организма Карен измеряло и контролировало какое-нибудь устройство. Зачем в эпоху новых технологий прощупывать у пациента пульс или прикладывать руки к груди, проверяя сердцебиение? Зачем вообще нужны врачи, если машины все могут делать сами?

— Она поступила ко мне минувшей ночью, — сказала Эбби. — Тридцать четыре года. Замужем, двое дочерей-близняшек. Они приходили ее навестить. И знаешь, Марк, что меня поразило? Никто из них к ней даже не прикоснулся. Ни муж, ни дети. Просто стояли, смотрели… и только. Я думала: «Ну почему вы такие равнодушные? Подойдите к ней, возьмите за руку, погладьте лоб. Это ведь ваш последний шанс пообщаться с женой и матерью. Другого не будет». Но они стояли как истуканы. Может, от шока? Потом спохватятся…

Эбби тряхнула головой и быстро провела рукой по глазам.

— А попала она сюда по вине одного пьяного придурка. Представляешь? Его вынесло на встречную полосу. Лобовое столкновение. И знаешь, Марк, что злит меня сильнее всего? Невероятно злит. Этот придурок останется жить. Он сейчас наверху, в ортопедии. Скулит из-за пары поганых сломанных костей.

Эбби сделала глубокий вдох. Она выдыхала воздух, вместе с ним выдавливая из себя гнев.

— Боже мой, я пошла в медицину, чтобы спасать жизни. Но сейчас я сильнее всего желаю, чтобы она отделалась переломами, а этого подонка размазало по шоссе… Думаю, мне пора домой, — добавила она, поворачиваясь к Марку.

Марк погладил ей спину. Жест был успокаивающим и одновременно властным, он говорил о том, что Эбби — его женщина.

— Пошли, — сказал Марк. — Я провожу тебя до машины.

Они покинули отделение интенсивной терапии и вошли в лифт. В кабине ноги Эбби сразу же стали ватными, и она повисла у Марка на плече. Марк же обнял ее, окутав привычным теплом своих сильных рук. Его объятия были для Эбби островком безопасности. Рядом с ним она ничего не боялась.

Всего лишь год назад присутствие Марка Ходелла не вселяло в нее такой уверенности. Эбби тогда была интерном, а Марк — штатным торакальным хирургом. Он был не просто опытным врачом. Марк был ключевой фигурой в команде хирургов Бейсайда, проводящих пересадки сердца. Встретились они за операционным столом, спасая десятилетнего мальчишку. Его привезли в клинику со стрелой в груди. Оказалось, ребенок повздорил с братом, а тот нашел столь варварское применение подарку, полученному на день рождения. Когда Эбби появилась в операционной, Марк уже был в полном хирургическом облачении. Ее стаж интерна исчислялся всего одной неделей. Эбби нервничала и трусила. Еще бы! Ассистировать знаменитому доктору Ходеллу. Робея, она подошла к столу. Осторожно посмотрела на светило торакальной хирургии. У доктора Ходелла был широкий лоб мыслителя. Из-под маски на Эбби смотрели прекрасные синие глаза. Такие искренние и проницательные.

Они оперировали вместе. Мальчишку удалось спасти.

Через месяц Марк пригласил Эбби на свидание. Она отказалась, причем дважды, и вовсе не потому, что не хотела с ним идти. Просто Эбби считала, что ей не следует с ним встречаться.

Прошел месяц. Марк снова пригласил ее на свидание. Искушение пересилило, и Эбби согласилась.

А через пять с половиной месяцев Эбби переехала к Марку. Он обитал в Кембридже. Поначалу было непросто жить под одной крышей с сорокаоднолетним холостяком, который никогда не делил с женщиной ни свою жизнь, ни свой дом. Но сейчас, в объятиях Марка, Эбби не представляла себя с другим мужчиной. Вряд ли она смогла бы кого-то полюбить так, как Марка.

— Моя бедная малышка, — проворковал Марк, дыханием согревая ее волосы. — Медицинские будни жестоки.

— Не гожусь я для всего этого. Ловлю себя на мысли: что, черт побери, я здесь делаю?

— То, о чем всегда мечтала. Так ты мне говорила.

— Я уже не помню, о чем я мечтала. Я все больше теряю ее из виду, свою мечту.

— Полагаю, это как-то связано с желанием спасать жизни?

— Да. И поэтому я пожелала, чтобы пьянчугу, виновника аварии, размазало по шоссе. Вот до чего дошла.

Эбби тряхнула головой. Она была очень недовольна собой.

— Эбби, ты сейчас проходишь через самое плохое, что есть у нас в клинике. Хуже травматологии в Бейсайде нет ничего. Тебе осталось всего пару дней отдежурить. Точнее, продержаться.

— Вот уж облегчение! Потом я попаду в торакальную хирургию.

— По сравнению с этим отделением дежурства там тебе покажутся куском торта. «Травму» у нас всегда называли отделением-убийцей. Ничего не поделаешь, через нее проходят все ординаторы.

Эбби еще крепче прижалась к Марку:

— А если бы я вообще ушла из хирургии и стала, например, психиатром, ты бы потерял ко мне всякое уважение?

— Непременно. Можешь даже не сомневаться.

— Ну и мерзавец же вы, доктор Ходелл.

Смеясь, Марк поцеловал ее в макушку.

— Многие придерживаются такого же мнения, но тебе одной разрешается высказывать его вслух.

Лифт спустил их в больничный вестибюль. Открылись и закрылись входные двери. На дворе стояла осень, однако Бостон вот уже шестой день наслаждался теплом бабьего лета, наступившего в конце сентября. Путь через стоянку, туда, где находилась машина Эбби, отнял у нее последние крохи сил. Она уже не шла, а еле волочила ноги.

«Вот что медицина делает с нами, — подумалось ей. — Мы проходим сквозь полосу огня, чтобы стать хирургами».

Долгие дни, когда едва замечаешь время, умственные и эмоциональные перегрузки, упрямое движение вперед. Спасение чужих жизней, за которое приходится расплачиваться кусками и обрывками собственной. Она знала: только так можно отсеять людей случайных и оставить тех,

кто уже никогда не уйдет из хирургии. Процесс жестокий, но необходимый. Марк преодолел этот путь. И она справится.

У машины Марк еще раз обнял ее и поцеловал.

— Сил хватит доехать домой? — спросил он.

— Включу автопилот и поеду.

— Я буду где-то через час. Привезти тебе пиццу?

Зевая, Эбби плюхнулась на водительское сиденье.

— Бери себе, а мне не надо.

— Ты что, и ужинать не хочешь?

Эбби включила двигатель.

— Сегодня у меня одно желание, — вздохнула она. — Добраться до кровати и заснуть.

3

Это ощущение пришло к ней ночью, похожее на тишайший шепот или нежнейшее прикосновение крылышек феи к лицу: «Я умираю». Оно не испугало Нину Восс. Вот уже несколько недель, как возле нее, сменяясь, постоянно дежурили трое нанятых медсестер, а доктор Мориссi стал приходить ежедневно. И дозы вводимого ей фуросемида тоже постоянно увеличивались. Но все это время Нина сохраняла спокойствие. Разве есть причины для волнений? Ее жизнь протекала в богатстве и обилии впечатлений. Она жила в любви и радости, не переставая удивляться чудесам мира. За свои сорок шесть лет она видела восход солнца над храмами Карнака, спускалась в сумрачные развалины Дельфов, бродила по холмам Непала. Она наслаждалась покоем разума, который наступает, когда человек признаёт свое место в Божьей вселенной. Если же говорить об огорчениях, у Нины их было всего два. Она так и не познала радости материнства. Это было ее первой печалью.

А еще ее огорчало, что Виктор останется один.

Муж часто нес вахту у ее постели. Долгими часами, слушая натужное дыхание и кашель, он держал ее руку. Он помогал менять ей кислородные подушки и присутствовал при визитах доктора Мориссi. Даже во сне она чувствовала, что Виктор рядом. Бывало, на рассвете, сквозь пелену снов, она слышала его слова: «Она еще так молода. Очень молода. Неужели больше ничего нельзя сделать? Совсем ничего?»

Что-нибудь! Что угодно! В этом был весь Виктор. Он не желал верить в неминуемое.

Но Нина верила.

Открыв глаза, она увидела, что ночь наконец-то прошла и теперь в окно спальни светит солнце. Из окон их дома открывался захватывающий вид на ее любимый пролив Род-Айленд-Саунд. Прежде, когда она еще была здорова и никакая кардиомиопатия не иссушала ее силы, она любила вставать рано утром. Нина выходила на балкон спальни и встречала восход солнца. Не каждое утро выдавалось ясным. Но даже в пасмурную погоду, когда над проливом повисала густая пелена тумана, сквозь которую было едва видно серебристое дрожание воды, она все равно стояла на балконе и наслаждалась тем, как земля принимает новый день. Вот и сегодня земля приняла новый день.

«Сколько рассветов было мне даровано. Спасибо, Господи, за каждый».

— Доброе утро, дорогая, — прошептал Виктор.

Он стоял возле ее постели и улыбался. Одним лицо Виктора Восса казалось воплощением властности, другим — гениальности, третьим — безжалостности. Но в это утро на его лице не было ничего, кроме безмерной любви и такой же безмерной усталости.

Нина протянула мужу руку, которую он нежно поднес к губам.

— Виктор, тебе обязательно нужно поспать.

— Я не устал.

— Но я же вижу, что устал.

— Говорю тебе, я бодр.

Он снова поцеловал руку жены, прикоснувшись теплыми губами к ее холодной коже. Некоторое время супруги молча смотрели друг на друга. В трубках, подведенных к ноздрям Нины, негромко шипел кислород. Из раскрытого окна слышался шум океанских волн, ударяющих о камни.

Нина закрыла глаза:

— А помнишь то время…

Ей пришлось сделать паузу. Даже короткий разговор сбивал ритм ее дыхания.

— Какое время? — осторожно спросил Виктор.

— День, когда я... сломала ногу.

Она улыбнулась.

Это было в швейцарском Гштааде, в первую неделю их знакомства. Виктор рассказывал, что заметил Нину, когда она неслась на горных лыжах по спуску высшей категории сложности (два черных ромба). Виктор тогда помчался следом, догнал ее у подножия. Потом подъемник вернул их на вершину, и они снова понеслись вниз. Это было двадцать пять лет назад.

С тех пор они не разлучались ни на один день.

— Я знала, — прошептала Нина. — В той больнице... когда ты сидел у моей кровати... я уже тогда знала.

— Что ты знала, дорогая?

— То, что ты — мой единственный.

Нина открыла глаза и снова улыбнулась мужу. Только сейчас она заметила слезинку, ползущую по его щеке. Но ведь Виктор не плакал! За четверть века совместной жизни она ни разу не видела его плачущим. Нина привыкла считать мужа сильным и смелым человеком. Однако сейчас, вглядываясь в его лицо, она понимала, как же она ошибалась.

— Виктор, — сказала она, беря его руку в свои. — Ты не должен бояться.

Он быстрым, почти сердитым жестом провел другой рукой по лицу.

— Я тебя вытащу. Я не хочу тебя терять.

— Ты меня не потеряешь.

— Нет! Этого мне мало. Я хочу, чтобы ты жила на земле. Со мной. Понимаешь? Со мной!

— Виктор, если я что-то и знаю... то немногое, что мне известно... — Ей опять не хватило воздуха, и она глубоко вдохнула. — Это время... наше время на земле... оно лишь ничтожная часть... нашей жизни.

Нина почувствовала: муж порывается действовать. Ей было хорошо знакомо его состояние нетерпеливой решимости. Такие разговоры не для него. Виктор встал, подошел к окну. Он стоял к ней спиной, глядя на

пролив. Рука Нины, более не согреваемая теплом его руки, быстро холодела, возвращаясь в свое обычное состояние.

— Нина, я обязательно что-нибудь придумаю, — сказал он.

— В этой жизни… есть вещи… которые мы не в силах изменить.

— Я уже предпринял ряд мер.

— Но, Виктор…

Он повернулся и посмотрел на нее. Его плечи загораживали окно и, казалось, гасили утренний свет.

— Дорогая, я позабочусь обо всем. Тебе не о чем волноваться.

Это был один из тех прекрасных теплых вечеров, когда солнце неторопливо спускалось за горизонт, в бокалах позвякивали кубики льда, а вокруг прогуливались нарядно одетые женщины, распространяя ароматы изысканных духов. Местом такого чуда был огороженный сад доктора Билла Арчера. Эбби казалось, что даже здешний воздух напоен магией. Ее окружали решетки и арки, увитые розами и ломоносом. Всю лужайку составляли живописные цветочные клумбы. Сад был предметом радости и гордости Мэрили Арчер, чье звучное контральто разносило в воздухе ботанические названия цветов. Она устроила экскурсию для жен врачей, водя их от клумбы к клумбе.

Сам Арчер в это время, расположившись в патио, неторопливо потягивал коктейль.

— Мэрили знает эту чертову латынь лучше меня, — смеясь, сказал он Марку.

— У нас в колледже латынь была целых три года, — кивнул Марк. — Кое-что еще помню.

Они стояли возле кирпичного очага, где готовилось барбекю: Билл Арчер, Марк, Генерал и двое хирургов-ординаторов. В этом тесном кругу Эбби была единственной женщиной. Она так и не смогла привыкнуть к исключительно мужскому обществу. Иногда она ненадолго забывала об этом, но всегда возвращалась в действительность, испытывая неизменное чувство дискомфорта от мужского окружения.

По правде говоря, сегодняшняя домашняя вечеринка у Арчера не была сугубо мужской. Но женщины — жены врачей — двигались в

параллельной вселенной, редко пересекаясь с мужьями. До Эбби иногда долетали всплески женского хихиканья и обрывки разговоров. Дамасские розы, поездки в Париж, рецепты любимых блюд. Казалось, ее одновременно тянут в обе стороны. Она будто служила границей между двумя вселенными, испытывая притяжение каждой из них, но ощущая себя одинаково чужой и среди женщин, и среди мужчин.

В этот мужской круг Эбби попала благодаря Марку. Они с Биллом Арчером были давними коллегами и почти друзьями. Арчер, сам торакальный хирург и руководитель хирургической команды, проводящей пересадки сердца, семь лет назад пригласил Марка на работу в клинику Бейсайд. Неудивительно, что мужчины успели притереться и отлично ладили друг с другом. Оба были крепкого, атлетического сложения. У обоих был сильно развит дух соперничества. Если за операционным столом они работали дружно и слаженно, то на заснеженных склонах Вермонта или в водах Массачусетского залива неизменно сходились в азартных соревнованиях. У обоих в гавани Марблхед стояли парусные яхты класса J-35. В этом году счет гонок был 6:5 в пользу «Красноглазки» Арчера. В ближайшие выходные Марк рассчитывал взять реванш на «Моем пристанище» и даже завербовал помощника — ординатора второго года Роба Лессинга.

«Какое мне дело до всех этих мужских разговоров о яхтах?» — думала Эбби.

Она с трудом понимала их речь, подогреваемую тестостероном и густо усыпанную морскими и техническими терминами. Центральное место в этом кругу занимали седеющие мужчины. Арчер с его посеребренной гривой. Колин Уэттиг, успевший заметно поблекнуть. И Марк, у которого в сорок один год уже появилась седина на висках.

Внимание Эбби невольно отключилось от разговора об уходе за корпусом яхты, о конструкции килей и грабительских ценах на спинакеры. Она заметила двоих запоздавших гостей: доктора Аарона Леви и его жену Элейн. Аарон — хирург-кардиолог, также входивший в команду трансплантологов, — был болезненно застенчивым человеком. Взяв бокал с коктейлем, он ушел в дальний конец лужайки, где и стоял, молчаливый и понурый. Элейн оглядывалась по сторонам в поисках собеседников.

У Эбби появился шанс выскользнуть из мужского круга и отдохнуть от разговора о яхтах. Покинув Марка, она подошла к чете Леви.

— Добрый вечер, миссис Леви. Рада снова видеть вас.

Элейн приветливо улыбнулась.

— Добрый вечер. Вас, кажется, зовут… Эбби?

— Да. Эбби Ди Маттео. Кажется, мы встречались на ординаторском пикнике.

— Совершенно верно. Там была тьма народу. У меня плохая память на имена. Но вас я запомнила.

— Это несложно, — засмеялась Эбби. — В ординатуре всего три женщины. Так что мы постоянно мозолим глаза.

— Согласитесь, это все же лучше, чем в прежние времена, когда женщин в ординатуре вообще не было. Насколько я знаю, ординаторы сменяют отделения. Где вы сейчас?

— Завтра перехожу в торакальную хирургию.

— В таком случае вы будете работать вместе с Аароном.

— Если повезет, и я встану к операционному столу. Так хочется поучаствовать в пересадке.

— Вам просто придется этим заниматься. У трансплантационной команды сейчас очень напряженный график. К ним даже направляют больных из Массачусетской клинической больницы! Аарон всегда смеется до колик в животе. — Элейн наклонилась к Эбби и, понизив голос, пояснила: — Дело давнее, но в свое время они не захотели взять Аарона на работу. А теперь вот посылают к нему пациентов.

— Массачусетская клиническая превосходит клинику Бейсайд только в одном. Они гордятся своей связью с Гарвардом и окружают ее густым мистическим туманом, — сказала Эбби. — Вам ведь знакома Вивьен Чао, наш старший ординатор?

— Разумеется.

— Гарвард она окончила с отличием. Но когда пришло время выбирать место интернатуры, первым номером в ее списке значился Бейсайд.

— Аарон, ты слышал? — спросила у мужа Элейн.

— О чем? — отозвался тот, с явной неохотой поднимая глаза от бокала.

— Вивьен Чао выбрала не МКБ, а Бейсайд. Аарон, ты занимаешь в клинике высокое и прочное положение. И чего тебе вдруг захотелось уехать из Бостона?

— Уехать?

Эбби посмотрела на Аарона. Тот неодобрительно и даже сердито глядел на жену. Больше всего ее удивило внезапно опустившееся молчание. На другом конце лужайки слышался смех. Ветер доносил обрывки разговоров. Здесь же царила напряженная тишина.

Аарон кашлянул.

— Это не более чем мысль, — сказал он. — Ты же знаешь. Люди устают от суматохи больших городов. Мечтают переехать в какой-нибудь тихий городишко. Мечтать мечтают, но с места не трогаются.

— Я не мечтаю, — сказала Элейн.

— Я выросла в таком городишке, — улыбнулась Эбби. — Белфаст, штат Мэн. Еле дождалась, когда вырасту и уеду оттуда.

— Так всегда и бывает, — подхватила Элейн. — Молодежь в этих дырах только и ждет, как бы поскорее вырваться в цивилизацию.

— Я бы не сказала, что жизнь в Белфасте была настолько невыносимой.

— Однако вы ведь не собираетесь туда возвращаться?

Эбби помялась.

— Мои родители умерли. Обе сестры уехали в другие края. Меня там ничто не манит. Зато очень многое манит в Бостоне.

— Это всего лишь моя фантазия, — сказал Аарон, припадая к бокалу. — Я всерьез не думаю ни о каком переезде.

И снова — странное молчание. Эбби окликнули. Обернувшись, она увидела Марка. Он махал рукой.

— Прошу прощения, — улыбнулась она супругам Леви и поспешила к патио.

— Арчер устраивает экскурсию по своему внутреннему святилищу, — сообщил Марк.

— Что еще за внутреннее святилище?

— Идем. Сама увидишь.

Взяв Эбби за руку, Марк повел ее через террасу в дом. Они поднялись на второй этаж. На втором этаже Эбби была всего один раз, когда смотрела картины из собрания Арчера.

Сегодня ее впервые пригласили в комнату в конце коридора.

Арчер уже был там. В кожаных креслах расположились еще двое приглашенных врачей — Фрэнк Цвик и Радж Мохандас. Эбби едва заметила их присутствие. С первых секунд ее внимание целиком поглотила необычная комната.

Она попала в музей старинных медицинских инструментов. За стеклами витрин была собрана удивительная и пугающая коллекция. Скальпели и ванночки для кровопускания. Банки, в каких держали пиявок. Акушерские щипцы, губы которых могли раздавить младенцу череп. Над камином висело живописное полотно, изображавшее сражение между врачом и смертью за жизнь молодой женщины. Из стереоколонок лилась музыка: один из Бранденбургских концертов Баха.

Арчер уменьшил громкость до едва слышного. В комнате установилась почти музейная тишина.

— А где Аарон? — спросил Арчер.

— Он в курсе. Сейчас поднимется, — сказал Марк.

— Подождем... Что скажете о моей скромной коллекции? — улыбнулся Арчер, поворачиваясь к Эбби.

Его вопрос заставил Эбби оторваться от витрин.

— Я в полном восхищении. Отдельные экспонаты просто ставят меня в тупик. Я совсем не понимаю их назначения.

Арчер указал на странное устройство с рычагами и колесиками. Некоторые колесики соединялись приводными ремнями.

— Смотрите, какая любопытная вещица. Это генератор слабых электрических токов. Его пластины прикладывались к разным частям человеческого тела. Считалось, что с его помощью можно лечить множество болезней: от женских до диабета. Не правда ли, забавно? В какую только чепуху не заставляет нас верить медицина!

Эбби остановилась перед картиной. Смерть, естественно, была в черном балахоне. Но героем, конечно же, являлся врач. Победитель. Бесстрашный рыцарь. И спасал он по традиции женщину. Прекрасную женщину.

Дверь открылась.

— Ну вот и он, — объявил Марк. — Аарон, мы уже думали, не забыл ли ты.

Аарон молча вошел в комнату, молча сел, кивком поблагодарив за подвинутый стул.

— Эбби, ваш бокал пуст. Вы позволите его наполнить? — спросил Арчер.

— Мне достаточно.

— Глоток бренди. А? Ведь машину поведет Марк?

— Хорошо, — улыбнулась Эбби и поблагодарила хозяина.

Арчер торопливо плеснул бренди и вернул ей бокал. В комнате снова установилась эта странная тишина. Казалось, все ждали, когда кончатся формальности. Эбби удивляло и слегка настораживало, что других ординаторов сюда не позвали. Такие вечеринки Билл Арчер устраивал раз в несколько месяцев, приглашая к себе младший медицинский персонал клиники. Можно было подумать, будто он праздновал смену полосы дежурств в отделениях торакальной хирургии и травматологии. Сейчас по саду бродили еще шестеро ординаторов. Но здесь, в святилище Арчера, были только члены команды трансплантологов.

И Эбби.

Она сидела на диване рядом с Марком, потягивая бренди. От напитка по ее горлу расходился приятный жар. Но Эбби наслаждалась другим теплом — теплом проявленного к ней внимания. Будучи интерном, она смотрела на этих пятерых мужчин как на богов. Она считала большой честью ассистировать Арчеру или Мохандасу. Близкие отношения с Марком открыли ей доступ в этот узкий круг, однако Эбби и сейчас не забывала, кто они и какую власть имеют над ее карьерой.

Арчер сел напротив.

— Эбби, я не впервые слышу лестные отзывы о вас. От Генерала. Сегодня, прежде чем уехать, он наговорил комплиментов в ваш адрес.

— Доктор Уэттиг? — переспросила Эбби, не в силах сдержать смешок удивления. — Честно говоря, я никогда толком не знала, как он относится к моей работе.

— Это очень в духе Генерала. Он любит держать мир в некотором напряжении.

Собравшиеся засмеялись. Эбби тоже.

— Я очень уважаю мнение Колина, — сказал Арчер. — И знаю: он считает вас одним из лучших ординаторов второго года. Я ведь тоже работал с вами и могу подтвердить его слова.

Эбби смущенно ерзала на диване. Марк крепко сжал ей руку. Этот жест не ускользнул от Арчера, вызвав его улыбку.

— Мы все знаем об особом отношении Марка к вам. Отчасти по этой причине мы пригласили вас на разговор. Он может показаться несколько преждевременным, но мы, Эбби, сторонники долгосрочного планирования. Никогда не мешает заблаговременно провести разведку территории.

— Простите, я не понимаю, о чем вы, — призналась Эбби.

Арчер потянулся к графину с бренди и налил себе совсем чуть-чуть.

— Нашу трансплантационную команду всегда интересовало только самое лучшее. Это касается квалификации врачей и их умения работать. Поэтому мы внимательно присматриваемся к интернам и ординаторам. Кто-то назовет наши интересы корыстными. Так оно и есть. Мы выращиваем специалистов для своей команды.

Он помолчал.

— А вас мы пригласили, чтобы узнать, интересуют ли вас операции по пересадке органов. Прежде всего речь идет о пересадке сердца.

Эбби недоуменно посмотрела на Марка. Тот кивнул.

— Мы не настаиваем на быстром решении, — сказал Арчер. — Но хотим, чтобы вы всесторонне обдумали наши слова. Впереди у нас несколько лет, чтобы лучше познакомиться. Правда, к тому времени ваши интересы могут измениться. Возможно, вам не захочется дальше работать в клинике Бейсайд. Либо вы поймете, что трансплантационная хирургия — не ваше призвание.

— Нет, это мое призвание.

Эбби подалась вперед. Ее лицо пылало от воодушевления.

— Просто… просто я очень удивлена. И польщена. Ведь в клинике так много хороших ординаторов. Например, Вивьен Чао.

— Да. Вивьен — прекрасный хирург.

— Мне думается, на следующий год она войдет в число штатных хирургов Бейсайда.

— Согласен, хирургические способности доктора Чао — выше всяких похвал, — включился в разговор Мохандас. — Я мог бы назвать еще нескольких перспективных ординаторов. Есть изречение, очень популярное среди хирургов. Возможно, вы его слышали: «Обезьяну тоже можно научить оперировать. Вся штука в том, чтобы она еще понимала, когда оперировать».

— Постараюсь пояснить слова Раджа, — улыбнулся Арчер. — Профессиональные качества — очень важное условие. Но это еще не все. Мы ищем хирургов, способных работать в команде. В вас мы видим человека, хорошо умеющего работать в команде. Человека, чьи личные цели не противоречат целям команды. Эбби, мы настаиваем на умении работать в команде. Стоя у операционного стола и обливаясь потом, мы не застрахованы от любых случайностей. Вдруг ломается оборудование. Скальпели выскальзывают из рук. Или сердце, которое мы так ждали, теряется в пути. Но мы — команда и должны держаться, что бы ни случилось. И мы держимся.

— Помимо этого, мы помогаем друг другу, — добавил Фрэнк Цвик. — И в операционной, и за ее стенами.

— Золотые слова, — поддержал его Арчер и добавил, взглянув на Аарона: — Ты согласен?

Как и в саду, Аарон лишь прокашлялся и ничего не сказал.

— Да, мы помогаем друг другу и за стенами операционной. За стенами клиники. И это — одно из преимуществ принадлежности к нашей команде.

— Одно из многих преимуществ, — поправил его Мохандас.

Собравшиеся замолчали. Из колонок по-прежнему раздавались совсем тихие звуки Бранденбургского концерта.

— Я люблю эту часть, — сказал Арчер, прибавляя громкость.

Комната наполнилась пением скрипок. Эбби обнаружила, что снова рассматривает картину над камином. Смерть, сражающаяся с врачом. Битва за жизнь пациентки. За ее душу.

— Вы сказали… есть и другие преимущества, — напомнила мужчинам Эбби.

— Вот вам мой пример, — начал Мохандас. — После завершения ординатуры у меня оставались неоплаченными несколько студенческих займов. Но при устройстве на работу в Бейсайд это было учтено. Мне помогли полностью расплатиться с долгами.

— Я как раз хотел подробнее остановиться на этом, чтобы вы отчетливее представляли себе привлекательность работы в команде, — сказал Арчер. — В наши дни хирург оканчивает ординатуру лишь к тридцати годам. Многие к тому времени уже женятся, выходят замуж и обзаводятся ребенком, а то и двумя. Они приобретают профессиональный опыт и... долговое бремя. Займы, которые они брали, нужно возвращать, а это в среднем сто тысяч долларов. А у хирургов еще нет собственного дома! И вот они десять лет работают, чтобы расплатиться с долгами. Им уже сорок. Но за эти годы у них успели подрасти дети, и теперь пора думать о колледже для потомства!

Арчер покачал головой:

— Даже не знаю, почему сегодня еще находятся те, кто идет в медицину. В нашей профессии больших денег явно не заработать.

— Да, — согласилась Эбби. — В медицине есть трудности.

— Вы наверняка имеете в виду финансовые трудности. И здесь Бейсайд способен помочь. Марк рассказывал нам, что вам со времен учебы в колледже хорошо знакомы долги и займы.

— Не только это. Я получала стипендию. Но займы тоже приходилось брать.

— И тут хочется крикнуть: «Ой! Больно!» — усмехнулся Арчер.

Эбби грустно кивнула:

— Я уже начинаю чувствовать боль.

— Займы на учебу в колледже? Это тоже было?

— Да. У моей семьи были финансовые проблемы, — призналась Эбби.

— Вы говорите так, словно стыдитесь этого.

— Те проблемы в большей степени были вызваны... полосой невезения. У меня заболел младший брат. Несколько месяцев он провел в больнице, а у нас не было медицинской страховки. Но в том городе, где я выросла, очень многие жители не имели страховок.

— Что лишь подтверждает мои слова. Догадываюсь, сколько усилий вы приложили, сражаясь с финансовыми проблемами. Мы все знаем об этом не понаслышке. Радж из семьи иммигрантов. Он до десяти лет вообще не говорил по-английски. Я — первый в нашей семье, кто получил высшее образование. Среди нас нет «бостонских браминов»[2]. Никто не может похвастаться богатым папочкой или фондом на наше имя. Мы знаем, каково пробивать себе дорогу в жизни. И в команде нам нужны люди нашей закваски.

Бранденбургский концерт закончился. Стихли последние звуки скрипок и труб. Арчер выключил музыкальный центр и снова повернулся к Эбби.

— Вы сегодня получили богатую пищу для размышлений. Разумеется, мы пока не делаем вам никаких твердых предложений. Это больше похоже на… — Арчер улыбнулся Марку. — На первое свидание.

— Я понимаю, — сказала Эбби.

— И еще один момент, который вам следует иметь в виду. Вы единственный ординатор, с которым мы говорили на эту тему. Единственная кандидатура, которую мы рассматриваем всерьез. Так что настоятельно рекомендую проявить мудрость и не рассказывать об этом вашим коллегам. Вспыхнет зависть, чего мы совсем не хотим.

— Разумеется, я сохраню этот разговор в тайне.

— Вот и отлично. — Арчер обвел глазами собравшихся. — Думаю, все согласятся с такой постановкой вопроса? Верно, джентльмены?

Мужчины дружно закивали.

— Консенсус достигнут, — объявил Арчер. Он улыбнулся и снова протянул руку к графину с бренди. — Это я и называю настоящей командой.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Марк по пути домой.

Эбби запрокинула голову и с каким-то неистовством крикнула:

— Я не чувствую под собой ног! Боже, какой был вечер!

— Значит, ты счастлива?

— Ты что, шутишь? Я напугана.

— Напугана? Чем?

— Тем, что обязательно наделаю ляпов и испорчу впечатление о себе.

Марк засмеялся и похлопал ее по коленке:

— Слушай, мы же успели поработать со всеми ординаторами и потому знаем, что зовем к себе самого лучшего.

— И в какой мере выбор был обусловлен вашим влиянием, доктор Ходелл?

— В ничтожной. Остальные полностью сошлись во мнении насчет тебя.

— Правда?

— Правда, Эбби. Можешь мне верить: в нашем списке ты идешь первым номером. И мне думается, ты считаешь все это потрясающей удачей.

Улыбающаяся Эбби откинулась в пассажирском кресле. Воображение подбрасывало ей картины будущего. До этого вечера она смутно представляла, где станет работать через три с половиной года. Вероятнее всего, в одной из клиник страховой медицины. Частная практика клонилась к закату, и Эбби не видела для себя никаких перспектив в этой сфере. По крайней мере, в пределах Бостона. А ей очень хотелось остаться здесь.

В Бостоне. Рядом с Марком.

— Я ужасно хочу войти в команду, — сказала она. — Надеюсь, не разочарую никого из вас.

— Не разочаруешь. Команда знает, какие люди ей нужны. В этом наши мнения целиком совпадают.

— И даже мнение Аарона Леви? — помолчав, спросила Эбби.

— А с чего Аарону занимать другую позицию?

— Не знаю. Я сегодня немного поговорила с его женой. У меня возникло ощущение, что Аарон не очень-то счастлив. Ты знал, что он подумывает уехать из Бостона?

— Что?

Марк был искренне удивлен.

— Говорил, что хотел бы перебраться в какой-нибудь городишко.

— Как бы не так, — засмеялся Марк. — Элейн — типичная бостонская девчонка.

— Она и не думает о переезде. Это мысли Аарона.

Некоторое время Марк молча крутил руль, обдумывая услышанное.

— Должно быть, ты его неправильно поняла, — наконец произнес он.

— Возможно, — пожала плечами Эбби.

— Пожалуйста, свет, — сказала Эбби.

Хирургическая медсестра настроила бестеневой светильник, направив луч на грудь пациентки. Место операции было отмечено черным маркером: два крестика, поставленных чуть выше пятого ребра и соединенных линией. Грудная клетка, как и сама пациентка, была невелика. Мэри Аллен, 84 года, вдова. В клинику поступила неделю назад с жалобами на снижение веса и сильные головные боли. Обычный в таких случаях рентген грудной клетки дал тревожные результаты: множественные узелки в обоих легких. В течение шести дней пациентке делали всевозможные анализы, сканировали и снова возили на рентген. Она прошла бронхоскопию. Ей кололи иглами грудную стенку. Тем не менее полной ясности с ее диагнозом по-прежнему не было.

Сегодня они получат ответ.

Доктор Уэттиг взял скальпель. Лезвие замерло над отмеченным местом. Эбби ждала, когда же он сделает надрез. Генерал почему-то медлил. Вместо этого он взглянул на Эбби. Из-за маски взгляд его синих глаз казался еще более жестким, металлическим.

— Скажите, Ди Маттео, сколько раз вы ассистировали при открытой биопсии легких? — спросил он.

— Пять.

— Вы знакомы с историей болезни этой пациентки? Видели рентгеновские снимки?

— Да, сэр.

— В таком случае действуйте, доктор, — сказал Уэттиг, передавая ей скальпель.

Эбби с удивлением смотрела на скальпель, поблескивающий в его руке. Генерал редко уступал кому-либо свою операцию. Даже более опытным ординаторам.

Эбби взяла скальпель, ощутила вес полоски нержавеющей стали. Скальпель удобно лежал в ее руке. Эбби уверенным движением натянула кожу в месте надреза и провела скальпелем по верхней кромке ребра. Пациентка была совсем худенькой. Слой подкожного жира почти отсутствовал. Второй разрез, чуть глубже первого, раздвинул межреберные мышцы.

Эбби достигла плевральной полости.

Введя палец в разрез, она ощупала поверхность легкого. Поверхность была мягкой, губчатой.

— Все в порядке? — спросила Эбби у анестезиолога.

— В полном.

— Фиксирую место разреза.

Чтобы расширить область разреза, пациентке раздвинули ребра. Вентилятор гнал воздух. Под его напором еще один маленький кусочек легочной ткани надулся и лопнул, словно воздушный шарик. Не обращая внимания на вздутие, Эбби поставила зажим.

— По-прежнему все нормально? — снова обратилась она к анестезиологу.

— Без проблем.

Эбби сосредоточилась на выступающем островке легочной ткани. Ей хватило беглого взгляда, чтобы определить местонахождение узелка.

— Достаточно твердый, — поморщилась Эбби. — Плохо дело.

— Ничего удивительного, — сказал Уэттиг. — Судя по рентгенограмме, дело пахнет интенсивной химиотерапией. Мы сейчас лишь подтверждаем тип клеток.

— Головные боли — следствие метастазов в мозгу?

Уэттиг кивнул:

— Прогрессирующая форма рака. Восемь месяцев назад ее рентгенограмма была в норме. Теперь эта пациентка — настоящая раковая ферма.

— Ей восемьдесят четыре, — сказала одна из медсестер. — Как-никак прожила долгую жизнь.

«Вот только какую жизнь?» — мысленно спросила Эбби, проводя иссечение и удаляя кусочек легкого вместе с узелком.

С Мэри Аллен она познакомилась только вчера. В палате старуха сидела очень тихо, почти не шевелясь. Жалюзи были опущены, отчего в комнате царил полумрак. Оказалось, свет вызывает у Мэри головные боли. «У меня от солнца глаза болят. Боли я не чувствую только во сне. А у меня много разных болей».

Потом она попросила у Эбби какое-нибудь снотворное посильнее.

Закончив иссечение, Эбби зашила рану. Уэттиг не комментировал ее действия. Он только следил за работой, сохраняя свой обычный холодный взгляд. Но даже молчание Генерала могло считаться достойным комплиментом. Она давно усвоила: если Генерал не критикует, это уже победа.

Наконец Эбби зашила грудную клетку пациентки и убрала дренажную трубку. Она сняла окровавленные перчатки и бросила в «грязный» бак.

— Теперь самое сложное — сообщить неприятные новости, — сказала Эбби, глядя, как медсестры вывозят каталку Мэри из операционной.

— Она знает, — сказал Уэттиг. — Они всегда знают.

Под скрип колес каталки Эбби и Генерал направились в постоперационную палату. Там, отделенные занавесками, лежали четверо прооперированных пациентов. Кто-то из них уже пришел в сознание, кто-то еще только выбирался из анестезиологической дремы. Койка Мэри Аллен была самой последней, в дальнем конце помещения. Пациентка потихоньку приходила в себя. Шевельнула ногой. Потом застонала. Попыталась высвободить руку из ограничительного зажима.

Достав стетоскоп, Эбби быстро прослушала легкие Мэри.

— Введите ей пять миллиграммов морфина. Внутривенно.

Медсестра выполнила распоряжение Эбби. Такой дозы сульфата морфина будет достаточно, чтобы унять боль и облегчить Мэри

возвращение в сознание. Стоны прекратились. Кардиомонитор отмечал ровные, ритмичные удары ее сердца.

— Доктор Уэттиг, какие будут распоряжения? — спросила медсестра.

Эбби посмотрела на Генерала.

— Распоряжения получите у доктора Ди Маттео, — сказал он и вышел из палаты.

Медсестры переглянулись. Обычно Уэттиг сам писал распоряжения, касавшиеся прооперированных больных. Новое проявление его доверия к профессионализму Эбби.

Взяв карточку Мэри, она присела к столу и начала писать: «Перевод в палату № 5, восточное крыло. Передача под наблюдение службе торакальной хирургии. Диагноз: проведена открытая легочная биопсия с целью определения характера многочисленных легочных узелков. Состояние: стабильное». Затем Эбби последовательно выписала все рекомендации, касающиеся диеты, лекарств и процедур. Оставалось заполнить графу с кодом состояния[3]. Почти автоматически она написала: «Полный код».

Подняв голову от записей, Эбби еще раз взглянула на Мэри Аллен. Та пока еще лежала на каталке. Эбби попыталась ощутить себя восьмидесятичетырехлетней старухой, все тело которой пронизано раковыми клетками. Мало того что дни Мэри сочтены. Каждый из них несет ей неутихающую боль. Что бы предпочла эта старуха? Быструю и более гуманную смерть или продолжение своих мучений? Этого Эбби не знала.

— Доктор Ди Маттео! — послышалось из динамика интеркома.

— Я слушаю.

— Примерно десять минут назад поступил вызов из четвертой палаты, восточное крыло. Вас просили туда подойти.

— В нейрохирургию? Они сказали зачем?

— Что-то связанное с пациенткой по фамилии Террио. Они вас просят поговорить с ее мужем.

— Карен Террио больше не моя пациентка.

— Доктор, я лишь передаю вам их просьбу.

— Спасибо. Сейчас буду.

Вздохнув, Эбби поднялась со стула и подошла к каталке Мэри Аллен, чтобы в последний раз взглянуть на кардиомонитор и проверить общее состояние. Пульс немного ускорился. Мэри начала шевелиться. Она снова стонала. Боль вернулась.

— Введите ей еще два миллиграмма морфина, — сказала медсестре Эбби.

Вспышки на экране кардиомонитора показывали, что сердце Карен Террио бьется медленно и ровно.

— У нее такое сильное сердце, — бормотал Джо Террио. — Оно не хочет сдаваться. И сама она тоже не хочет сдаваться.

Он сидел у постели жены, держа ее руки. Его взгляд был прикован к зеленой линии, тянущейся по экрану осциллоскопа. Джо ошеломляло обилие медицинской аппаратуры: всех этих трубок, мониторов, аспирационного насоса. Ошеломляло и пугало. Все внимание мужа Карен было приковано к кардиомонитору. Возможно, Джо думал, что если он сумеет постичь секреты этого загадочного ящика, то разберется и во всем остальном. Даже поймет, как оказался у койки женщины, которую любит и сердце которой не прекращает биться.

Было три часа дня. С момента, когда пьяный водитель протаранил машину Карен Террио, прошло уже шестьдесят два часа. Возраст пациентки — тридцать четыре года. Реакция на ВИЧ отрицательная, раковых опухолей и инфекционных заболеваний не обнаружено. Здесь лежала пока еще живая женщина с мертвым мозгом. Проще говоря, Карен представляла собой живой супермаркет здоровых органов для пересадки. Сердце. Легкие. Почки. Поджелудочная железа. Печень. Кости. Роговица. Кожа. С нее одной трансплантологи могли собрать обильную жатву. Как бы страшно ни звучало это слово, вполне обиходное в жаргоне трансплантологов, но организм Карен мог бы спасти жизнь или улучшить состояние полудюжине больных.

Эбби подвинула стул и села напротив Джо. Она была единственным врачом, долго и обстоятельно говорившим с Джо Террио. Неудивительно, что сейчас медсестры позвали именно ее. Она должна убедить Джо подписать необходимые документы и позволить Карен умереть. Некоторое время Эбби сидела молча. Ее и Джо разделяло простертое тело Карен Террио, грудь которой поднималась и опускалась в установленном ритме: двадцать вдохов в минуту.

— Вы правы, Джо, — наконец сказала Эбби. — У вашей жены сильное сердце. Оно способно вот так же биться еще какое-то время. Но не годами. В конце концов тело оценит свое состояние. Тело поймет.

Джо поднял на нее глаза, воспаленные от слез и бессонницы:

— Поймет? Что?

— То, что мозг его хозяйки мертв и сердцу больше незачем биться.

— Как тело может понимать такие вещи?

— Мозг нужен нам, не только чтобы думать и чувствовать. Мозг задает организму цель и смысл существования. Стоит цели исчезнуть, сердце, легкие и другие органы перестают работать.

Эбби кивнула в сторону аппарата искусственной вентиляции легких:

— Как видите, это устройство дышит за вашу жену.

— Я знаю, — прошептал Джо, растирая себе лицо. — Знаю, знаю…

Эбби молчала. Вцепившись себе в волосы, Джо раскачивался на стуле. Из его горла вырывались звуки, чем-то похожие на рыдания. Максимум того, что может позволить себе мужчина. Когда он снова поднял голову, его волосы стояли торчком, мокрые от слез.

Он опять взглянул на монитор. Монитор был единственным устройством, не вызывавшим у Джо страха.

— Все это… так преждевременно.

— Нет, не преждевременно. Очень скоро состояние органов вашей жены начнет ухудшаться, и они уже не будут пригодны для трансплантации. Поймите, Джо: эта задержка ничего не даст.

Тело жены было барьером, поверх которого Джо смотрел на доктора Ди Маттео.

— Вы принесли бумаги? — спросил он.

— Они при мне.

Джо подписал документы, едва взглянув на бланки. Эбби и дежурная медсестра засвидетельствовали подлинность его подписей. Копии документов лягут в историю болезни Карен Террио, попадут в базу данных БОНА — Банка органов Новой Англии[4] и базу данных

координатора трансплантационных операций клиники Бейсайд. После этого наступит время жатвы.

Карен Террио похоронят, но части ее организма еще долго будут жить в других телах. И прежде всего ее сердце. Человек, которому его пересадят, и не узнает, как весело билось это сердце, когда пятилетняя Карен бегала и играла; как замирало от счастья, когда в двадцать лет она выходила замуж, а через год переполнялось радостью материнства. Пусть это и не бессмертие, но что-то очень близкое к бессмертию.

Но вряд ли подобные мысли могли утешить Джозефа Террио, не покидавшего вахту у постели жены.

Эбби застала Вивьен Чао в раздевалке операционной, куда та пришла после экстренной четырехчасовой операции. Однако на хирургическом костюме, который Вивьен успела снять, не было ни пятнышка пота.

— Муж Карен Террио дал согласие на жатву, — сказала Эбби.

— Он подписал документы? — спросила Вивьен.

— Да.

— Прекрасно. Тогда я распоряжусь насчет перекрестной пробы.

Вивьен потянулась за чистой хирургической блузой. Сейчас на ней были только лифчик и трусики. Сквозь ее плоскую грудную клетку проступали все ребра.

«Профессиональная зрелость не обязательно сопровождается телесной», — подумала Эбби.

— Как ее основные органы? — поинтересовалась китаянка.

— Поддерживаются в стабильном состоянии.

— Главное, чтобы не падало давление. Пусть почки обильно снабжаются кровью. Не каждый день судьба преподносит симпатичную пару почек, да еще и четвертой группы с положительным резусом.

Вивьен надела чистые хирургические штаны, завязывающиеся на поясе, и заправила в них блузу. Все ее движения отличались точностью. Даже элегантностью.

— Пойдешь на жатву? — спросила Эбби.

— Если сердце решат отдать моему пациенту, пойду. Жатва — самая легкая часть. Куда интереснее сама пересадка и приживление органа.

Вивьен закрыла шкафчик, щелкнув замком.

— Есть минутка? Хочу познакомить тебя с Джошем.

— Кто он?

— Мой пациент. Достался мне по линии обучения. Он сейчас в палате интенсивной терапии.

Они покинули раздевалку, вышли в коридор и направились к лифту. Свою коротконогость Вивьен компенсировала быстрыми, почти яростными шагами.

— Нельзя говорить об успехе пересадки сердца, пока не сравнишь состояние пациента до и после операции, — сказала Вивьен. — Сейчас я тебе покажу этого парня с его собственным сердцем. Быть может, для тебя кое-что прояснится.

— Что ты имеешь в виду?

— У твоей пациентки есть сердце, но умер мозг. У моего парня здоровый мозг и практически нет сердца.

Двери лифта распахнулись. Вивьен вошла в кабину.

— Когда видишь такие трагедии, некоторые вещи начинают обретать смысл.

В лифте они ехали молча.

«Конечно, в этом есть смысл, — думала Эбби. — И большой смысл. Вивьен его видит отчетливо. Но мне не прогнать из памяти ту картину… Дочери Карен, совсем еще дети… Они стояли возле постели матери, боясь до нее дотронуться».

Так же молча Вивьен вела Эбби в палату отделения интенсивной терапии.

Джошуа О’Дей спал на койке № 4.

— Целыми днями только и делает, что спит, — пояснила медсестра.

У нее были светлые волосы и миловидное лицо. На бедже значилось: «ХАННА ЛАВ, ДИПЛОМИРОВАННАЯ МЕДСЕСТРА».

— Из-за перемены лекарств? — спросила Вивьен.

— Думаю, из-за депрессии, — покачала головой Ханна и вздохнула. — Я ухаживаю за ним уже не первую неделю. С самого дня его поступления. Он такой замечательный парень. Мне он очень нравится. Простой, бесхитростный. Раньше он со мной разговаривал. А с недавних пор погрузился в эту спячку. Когда не спит, лежит и смотрит на свои трофеи.

Ханна кивнула в сторону тумбочки, на которой любовно были разложены спортивные ленты и вымпелы. Среди них находились и его собственные награды, самой ранней из которых был вымпел, полученный Джошем еще в третьем классе. Тогда, будучи бойскаутом-волчонком[5], он участвовал в соревнованиях «Дерби соснового леса»[6]. Эбби знала об этих соревнованиях. Как и Джошуа О'Дей, ее брат был бойскаутом-волчонком.

Эбби подошла к койке. Парнишка выглядел гораздо младше своих лет. Судя по записи в истории болезни, ему было уже семнадцать, но он вполне бы сошел за четырнадцатилетнего. Вокруг его постели, словно лианы, переплетались пластиковые трубки капельниц, а также трубки артериальных датчиков и катетеров Свана-Ганца. Последние использовались для наблюдения за давлением в правом предсердии и легочной артерии. Все данные выводились на монитор. Давление в правом предсердии было высоким. Сердце парня не справлялось со своей главной задачей — качать кровь. Кровь шла обратно в венозную систему. Это было видно и без монитора. Эбби сразу отметила раздутые вены на шее Джоша.

— Два года назад он был звездой школьной бейсбольной команды в Реддинге, — сказала Вивьен. — Я не разбираюсь в бейсболе и не могу оценить его уровень. Но отец парня очень гордится его успехами.

— Очень гордится, — подтвердила Ханна. — Недавно заявился в палату с мячом и бейсбольными перчатками. Затеяли игру. Уж не знаю, как в бейсболе называются эти приемчики, но папашу мне пришлось выставить.

Она засмеялась:

— Отец в мальчишке просто души не чает.

— И давно он болеет? — спросила Эбби.

— В школе пропустил целый год, — сказала Вивьен. — Два года назад подцепил вирус. Вирус Коксаки, тип B. За шесть месяцев у него

развилась острая сердечная недостаточность. В нашей клинике Джош уже месяц. Ждет новое сердце… Правда, Джош?

Парень открыл глаза. Казалось, он смотрит на врачей через несколько слоев марли. Джош несколько раз моргнул, затем улыбнулся Вивьен:

— Привет, доктор Чао.

— Гляжу, у тебя появились новые ленты.

— Вы про эти? — Джош закатил глаза. — Даже не знаю, откуда мама их выкопала. Она у меня хранит все подряд. Даже мои молочные зубы. Собраны у нее в мешочек. По-моему, это уже слишком.

— Джош, как видишь, я пришла не одна. Познакомься: это доктор Ди Маттео, хирург-ординатор.

— Здравствуй, Джош, — улыбнулась Эбби.

Казалось, парень только сейчас заметил ее присутствие. Он молчал.

— Ты не возражаешь, если доктор Ди Маттео тебя осмотрит? — спросила Вивьен.

— Зачем?

— Когда получишь новое сердце, будешь носиться не хуже Дорожного Бегуна. Помнишь мультики о нем? Тогда мы уже не сможем разложить тебя на койке и провести врачебный осмотр.

— И любите же вы эти осмотры, — улыбнулся Джош.

Эбби подошла к койке. Джош послушно расстегнул пижаму. Грудь у него была бледной, совсем без растительности. Как у ребенка. А ведь Джош уже был подростком. Эбби прижала руку к его сердцу. Оно билось слабо, будто птица, уставшая натыкаться на прутья клетки. Эбби достала стетоскоп. Она стояла, слушая удары сердца Джоша. Во взгляде парня сквозили настороженность и недоверие. Подобные взгляды Эбби часто видела в педиатрических палатах. Так смотрят дети, которые слишком давно находятся в больнице и знают: каждая новая пара врачебных рук — это новая боль. Когда она смотала и убрала в карман стетоскоп, Джош облегченно вздохнул.

— Это все? — спросил он.

— Да, все. — Эбби расправила ему пижаму. — Джош, а какая твоя любимая команда?

— Разве не видно?

— Конечно видно. «Ред сокс».

— Отец записал мне на видео все их игры. Мы с ним всегда вместе ходили на матчи. Отец и я. Когда вернусь домой, буду смотреть все пленки подряд. Целых три дня сплошного бейсбола…

Он глотнул воздуха, насыщенного кислородом.

— Доктор Чао, я хочу домой, — глядя в потолок, сказал Джош.

— Я знаю, — тихо отозвалась Вивьен.

— Хочу снова увидеть свою комнату. Я скучаю по своей комнате.

Джош глотал слюну, пытаясь удержать слезы, но все же шумно всхлипнул.

— Я хочу увидеть свою комнату, — повторил он. — Только и всего. Просто увидеть свою комнату.

Ханна поспешила к его койке, подхватила Джоша на руки и принялась качать, как маленького. Он отчаянно сражался с подступающими слезами, сжимал кулаки. Он уткнулся в волосы медсестры.

— Все хорошо, — приговаривала Ханна. — Малыш, ты не стесняйся. Хочется поплакать — поплачь. Я же тут, с тобой. И никуда не уйду. Пока я тебе нужна, я буду рядом. Все в порядке, Джош.

Эбби видела: лицо медсестры мокро от слез. То были не слезы Джоша, а ее собственные.

Эбби и Вивьен молча ушли из палаты.

В сестринской Вивьен подписала два экземпляра заявки на лимфоцитарную перекрестную пробу между кровью Джоша О’Дея и Карен Террио.

— Как скоро его могут оперировать? — спросила Эбби.

— Изъять сердце мы могли бы уже завтра утром. Чем раньше, тем лучше. У парня только за сегодня трижды проявилась желудочковая тахикардия. При таком нестабильном сердечном ритме у него в запасе мало времени. — Вивьен повернулась к Эбби. — Я бы очень хотела, чтобы Джош вернулся домой и смотрел матчи «Ред сокс». А ты?

Лицо китаянки, как всегда, оставалось спокойным и непроницаемым. Эбби подумала, что внутри Вивьен может все обливаться слезами, но та никогда этого не покажет.

В сестринскую вошла секретарь палаты.

— Доктор Чао, я передала в реанимацию хирургического отделения ваш запрос на перекрестную пробу. Мне сказали, что они уже выполняют этот анализ с кровью пациентки Карен Террио.

— Потрясающе. Хоть один раз мой интерн подсуетился.

— Доктор Чао, быть может, я их не так поняла, но перекрестная проба выполняется не с лимфоцитами Джоша О'Дея.

— Что? — опешила Вивьен, поворачиваясь к секретарю.

— Мне сказали, они проводят анализ для другого пациента. Точнее, пациентки. Нины Восс. Категория частных пациентов.

— Но Джош в критическом состоянии! В списке очередников он первый.

— Мне они всего лишь сказали, что сердце предназначено той частной пациентке.

Вивьен вскочила, подбежала к телефону и вдавила несколько кнопок. Эбби слышала ее разговор.

— Это доктор Чао. Я хочу знать, кто заказал лимфоцитарную перекрестную пробу по Карен Террио?

Судя по лицу Вивьен, ответ ей не понравился. Она нахмурилась и молча повесила трубку.

— Они тебе назвали имя? — спросила Эбби.

— Да.

— И кто же это?

— Марк Ходелл.

4

На этот вечер Эбби и Марк заказали столик в «Касабланке» — ресторане, находившемся по пути к дому. Они собирались отпраздновать полгода

совместной жизни. Однако настроение за столиком было далеко не праздничным.

— Я всего-навсего хочу знать, что это за шишка такая — Нина Восс? — спросила Эбби.

— А я тебе отвечаю: сам не знаю. Может, сменим тему? — предложил Марк.

— Парень в критическом состоянии. У него по два раза в день останавливается сердце. И теперь, когда судьба послала нам донорское сердце, идеально совместимое с организмом этого мальчишки, ты почему-то идешь в обход системы регистрации. Спрашивается почему? Почему нужно отдавать это сердце какой-то частной пациентке, которая до сих пор находится дома?

— Мы ничего не отдаем. Тебе понятно? Это было клиническое решение.

— У клинического решения есть имя?

— Аарон Леви. Он мне сегодня позвонил и сказал, что Нину Восс завтра доставят в клинику. Он же попросил меня провести скрининг-тест по сердцу донора.

— И это все, что он тебе сказал?

— По сути, да.

Марк откупорил бутылку и наполнил свой бокал, пролив несколько капель бургундского на скатерть.

— Может, теперь мы все-таки сменим тему?

Эбби смотрела, как он смакует вино. Марк глядел в сторону, стараясь не встречаться с нею глазами.

— Кто эта пациентка? — спросила Эбби. — Сколько ей лет?

— Я не хочу об этом говорить.

— Но ведь ты собираешься ее оперировать. И ее возраст ты должен знать.

— Сорок шесть, — буркнул Марк.

— Из какого штата?

— Она из Бостона.

— А я слышала, что ее должны доставить на самолете из Род-Айленда. Так мне сказали медсестры.

— Летом они с мужем живут в Ньюпорте.

— И кто ее муж?

— Некто по имени Виктор Восс. Кроме имени, я о нем ничего не знаю.

— И на чем же этот Восс заработал свои деньги?

— Я разве что-то говорил о деньгах?

— А летний дом в Ньюпорте? Марк, не надо делать из меня дурочку.

Марк по-прежнему смотрел не на нее. Он любовался цветом вина в бокале. А ведь до этого вечера он всегда ловил ее взгляд. Он смотрел только на нее. И она тоже смотрела только на него и видела все то, что поначалу так ее привлекало. Прямой взгляд. Эти морщинки у глаз, говорящие, что человек любит смеяться. Наверное, морщинки были одного возраста с Марком. Эбби очень нравилась его живая, искренняя улыбка. Но сегодня Марк просто избегал смотреть на нее.

— Я и не знала, как легко, оказывается, купить сердце, — сказала она.

— Ты торопишься с выводами.

— Двум пациентам нужно новое сердце. Один — подросток из бедной семьи, попавший в клинику по линии обучения. У него даже нет медицинской страховки. Вторая — жена богача, у которой летний дом в Ньюпорте. Кому достанется приз? Ответ вполне очевиден.

Марк потянулся к бутылке и налил себе еще. Третий по счету бокал. Для человека, гордого своим умеренным образом жизни, это было равнозначно пьянству.

— Послушай, Эбби, — заговорил он. — Я и так целыми днями не вылезаю из клиники. И за ее пределами мне меньше всего хочется обсуждать больничные темы. Давай побеседуем о чем-нибудь другом.

Они оба молчали. Сердце Карен Террио, словно плотное покрывало, гасило искры разговора на любую иную тему.

«Наверное, мы уже сказали друг другу все, что требовалось», — думала Эбби.

Быть может, в своих отношениях они достигли той печальной стадии, когда история жизни одного для другого уже не тайна и нужно искать новые темы для общения.

«Мы только полгода вместе, а уже начались полосы молчания».

— Этот парень напомнил мне Пита. Пит тоже был фанатом «Ред сокс».

— Кто?

— Мой брат.

Марк никак не отреагировал на ее слова. Он сидел ссутулясь, всей своей позой показывая, как ему неприятен этот разговор. Марку всегда было непросто говорить про Пита. Врачи ведь тоже не любят говорить о смерти. Недаром они напридумывали слов-заменителей. Врачи редко говорят о пациенте: умер. Начинается игра в слова: «исчерпал жизненные силы», «не смог вернуться к жизни», «достиг состояния, несовместимого с жизнью».

— Пит буквально с ума сходил по «Ред сокс», — произнесла Эбби. — У него была куча карточек с портретами игроков и результатами игр. Пит экономил на школьных завтраках и покупал карточки. А потом извел кучу денег на прозрачные конверты для них, чтобы сохранить каждую в первозданном виде. Карточка стоила цент, а конверт — пять центов. Но у десятилетнего мальчишки своя логика.

Марк глотнул вина. Он облачился в броню недовольства, игнорируя попытки Эбби продолжить разговор.

Идея праздничного обеда провалилась. Оба ели молча.

Дома Марк зарылся в хирургические журналы. Отступление было его обычной реакцией на разногласия с Эбби. Наверное, она бы не возражала по-настоящему поскандалить с ним. В семье Ди Маттео было трое упрямых сестер и младший братишка Пит. Невзирая на обилие родственных стычек в детстве и подростковом возрасте, все члены семьи горячо и искренне любили друг друга. Что-что, а спорить до хрипоты Эбби умела.

Чего она не выносила — так это молчания вроде сегодняшнего.

Не зная, как избавиться от подавленного состояния, Эбби пошла на кухню и стала надраивать металлическую мойку.

«Я превращаюсь в двойника своей матери, — с презрением к себе подумала она. — Я сержусь и что при этом делаю? Убираю кухню».

Покончив с раковиной, Эбби отмыла верхнюю панель газовой плиты, после чего отвернула конфорки и начистила их до блеска. К тому времени, когда Марк поднялся в спальню, вся кухня просто сверкала.

Эбби тоже поднялась в спальню.

Они лежали в темноте. Рядом, но не прикасаясь друг к другу. Молчание Марка передалось Эбби, и она не знала, как прорвать эту завесу. Пусть она покажется жалкой и навязчивой, но она больше не в силах выносить эту пытку.

— Мне противно, когда ты так себя ведешь, — сказала Эбби.

— Эбби, пожалуйста, не надо. Я устал.

— И я тоже. Мы оба устали. Похоже, теперь это наше обычное состояние. Но я не могу отвернуться и уснуть. И ты не можешь.

— Ладно. Что ты хочешь от меня услышать?

— Все что угодно! Я просто хочу, чтобы ты не переставал говорить со мной.

— Я не вижу смысла в бесконечных разговорах. Они отнимают силы.

— Но есть вещи, о которых мне просто необходимо с тобой поговорить.

— Говори. Я слушаю.

— Ты слушаешь как будто через стенку. У меня такое чувство, что я пришла на исповедь. Стою и говорю, даже не видя того, с кем говорю.

Эбби вздохнула. Она смотрела в темноту, и вдруг у нее возникло ощущение, что она плавает в воздухе. Свободная, ни с кем и ни с чем не связанная.

— Этот парень в палате интенсивной терапии. Ему всего семнадцать.

Марк молчал.

— Он мне очень напоминает брата. Конечно, Пит был намного младше. Но там такое же наигранное мужество, как у всех мальчишек. И Пит вел себя так.

— Это не только мое решение, — сказал Марк. — Другие согласились. Вся команда трансплантологов. Аарон Леви. Билл Арчер. Даже Джереми Парр.

— А при чем тут президент клиники?

— Парру нужна хорошая статистика. Все исследования показывают, что у амбулаторных пациентов чаще приживаются донорские органы.

— Если Джошу О'Дею в ближайшее время не сделать операцию, он долго не протянет.

— Да, Эбби, это трагично. Но такова жизнь.

Она оцепенела от его будничного тона.

Марк потянулся к ее кисти. Эбби отдернула руку.

— Ты бы мог их отговорить, — сказала она. — Переубедить.

— Слишком поздно. Команда уже приняла решение.

— Да кто они такие — эта команда? Сонм богов?

Снова молчание. Долгое. Напряженное.

— Выбирай выражения, Эбби, — тихо произнес Марк.

— У вас что, священный синклит?

— Тогда, у Арчера, все мы были очень откровенны с тобой. Скажу больше: Арчер мне потом говорил, что за последние три года он не встречал более подходящей кандидатуры, чем ты. Подходящей для работы в команде. Но Арчер осторожен в подборе людей, и я его не упрекаю. Нам нужны те, кто будет работать с нами, а не против нас.

— Даже если я не соглашаюсь с мнением остальных членов команды?

— Эбби, в этом и заключается работа в команде. У всех нас есть своя точка зрения. Но решения мы принимаем сообща, а приняв, твердо их придерживаемся.

Марк снова потянулся к ней. На этот раз Эбби не выдернула руку, но и не ответила на его пожатие.

— Эбби, не капризничай. Другие ординаторы пошли бы на что угодно, представься им возможность попасть в бейсайдскую команду трансплантологов. Тебе же эту возможность преподнесли на тарелочке. Ты ведь хочешь работать в нашей команде?

— Конечно. Очень хочу. Я даже не знала, как сильно этого хочу, пока Арчер не завел тогда разговор…

Она сделала глубокий вдох и теперь выдыхала.

— Мне только не нравится одна моя особенность. Мне постоянно хочется большего. Всегда хотелось большего. Того, что вечно тянет и тянет меня вперед. Вначале хотела поступить в колледж, потом в медицинскую школу. Потом хирургическая ординатура. Теперь вот — приглашение в команду. Я ушла очень далеко от того, с чего начинала. А ведь когда-то мне всего лишь хотелось стать врачом…

— Но ведь теперь тебе этого недостаточно?

— Да. Жаль, что я не могу удовлетвориться имеющимся. Но мне действительно этого недостаточно.

— Тогда не упускай того, что само идет тебе в руки. Эбби, я тебя очень прошу. Ради нас обоих.

— Тебя послушать — получается, будто не я, а ты можешь все потерять.

— Это ведь я предложил твою кандидатуру. Я им сказал, что ты лучший выбор, который они могли бы сделать. — Марк посмотрел на нее. — Я по-прежнему так думаю.

Несколько минут они лежали молча, держа друг друга за руки. Потом Марк погладил ее по бедру. Это не было настоящим объятием, но хотя бы попыткой.

Эбби хватило. Она больше не противилась его ласкам.

В карманах полудюжины врачей одновременно запищали пейджеры. И почти сразу же из динамиков интеркома послышалось короткое объявление:

— Синий код. Отделение интенсивной терапии. Синий код. Отделение интенсивной терапии.

Вместе с другими хирургическими ординаторами Эбби устремилась к лестнице. К тому времени, когда она вбежала в отделение, там было достаточно людно. Более чем достаточно для оповещения «синий код». Большинство ординаторов стали расходиться. Наверное, Эбби тоже ушла бы… если бы не увидела, что оповещение касалось койки № 4. Койки Джошуа О’Дея.

Эбби протолкалась сквозь кольцо белых халатов и зеленых хирургических костюмов. В центре лежал Джошуа О'Дей. Над его хрупким мальчишеским телом сверкал верхний свет. Ханна Лав делала непрямой массаж сердца. Другая медсестра лихорадочно рылась в ящиках каталки, вытаскивая ампулы и шприцы, которые тут же передавала врачам. Эбби взглянула на кардиомонитор.

Фибрилляция желудочков. Рисунок умирающего сердца.

— Интубационную трубку на семь с половиной! — потребовал чей-то голос.

Только сейчас Эбби заметила Вивьен Чао, склонившуюся над головой Джоша. В руках у нее был ларингоскоп.

Медсестра сорвала пластиковую упаковку с трубки и протянула ее Вивьен.

— Продолжайте подачу кислорода! — распорядилась Вивьен.

Санитар, державший маску у лица Джошуа, жал на резиновую грушу, вручную нагнетая кислород в легкие мальчишки.

— Достаточно, — остановила его Вивьен. — Начинаем интубацию.

Санитар убрал маску. За считаные секунды Вивьен поставила Джошуа интубационную трубку и подсоединила кислородный шланг.

— Лидокаин введен, — доложила медсестра.

Ординатор отделения интенсивной терапии взглянул на монитор и поморщился:

— Черт. Фибрилляция сохраняется. Придется снова запускать дефибриллятор. Двести джоулей.

Медсестра подала ему пластины дефибриллятора. Места наложения уже были помечены токопроводящим гелем. Одна пластина легла возле грудины, вторая — вблизи соска.

— Всем отойти.

Тело Джошуа О'Дея пронзил электрический разряд, вызвав одновременное сокращение всех мышц. Тело вздыбилось в чудовищной судороге и снова обмерло.

Собравшиеся следили за кардиомонитором.

— Фибрилляция сохраняется, — сказал кто-то. — Нужна инъекция бретилия, двести пятьдесят миллиграммов.

Ханна, не дожидаясь распоряжений, возобновила массаж сердца. Раскрасневшееся лицо медсестры было мокрым от пота и оцепенелым от страха.

— Давайте я вас подменю, — предложила Эбби.

Ханна молча кивнула и отошла.

Усевшись на табурет с упором для ног, Эбби коснулась груди Джошуа. Ее ладонь легла на нижнюю треть грудины. Грудь мальчишки была тощей и хрупкой: того и гляди треснет, если надавить посильнее. Эбби с некоторой опаской взялась за массаж.

Массаж не требовал никакого умственного напряжения. Руки вперед, руки назад, снова вперед и снова назад. Альфа-ритм при реанимации. Эбби одновременно была частью возникшего хаоса и находилась вне него. Сознание ее витало где-то в другом месте. Эбби не могла заставить себя смотреть на лицо Джошуа, следить за движениями Вивьен, закреплявшей интубационную трубку. Она смотрела лишь на тот участок груди, который массировала сомкнутыми руками. Грудина — анонимная часть тела. Она могла принадлежать кому угодно. Например, старику. Или совершенно незнакомому человеку. Вперед, назад. Вперед, назад.

— Всем отойти! — снова послышался чей-то голос.

Эбби послушно отошла. Еще один электрический разряд. Еще один секундный танец тела Джошуа. Гротескный танец.

Фибрилляция желудочков. Сердце подавало сигнал бедствия. Оно не справлялось.

Эбби вернулась на табурет и возобновила непрямой массаж сердца. Вперед, назад. «Джошуа, возвращайся, — говорили мальчишке ее руки. — Возвращайся к нам».

К гулу голосов добавился еще один.

— Попробуем ввести ему хлористый кальций. Сто миллиграммов, — сказал Аарон Леви.

Он стоял у Джошуа в ногах, глядя на монитор.

— Но пациенту уже вводили дигоксин, — сказал ординатор.

— При его состоянии нам нечего терять.

Медсестра приготовила шприц.

— Сто миллиграммов хлористого кальция, — сказала она, подавая шприц ординатору.

Укол был внутривенным. Жалкая добавка в организм, и так уже нашпигованный лекарственной химией.

— Теперь дайте еще один разряд, — распорядился Аарон. — На этот раз четыреста джоулей.

— Всем отойти!

Эбби отошла. Картина повторилась: чудовищная судорога, после которой тело Джошуа замерло.

— Еще разряд, — велел Аарон.

Новая встряска. По экрану монитора тянулась прямая линия. После разряда она вернулась в прежнее состояние. Затем монитор издал слабый писк. Всего один раз. Слабый показатель желудочкового комплекса. Всего один. Сердце Джошуа отказывалось работать самостоятельно.

— Дайте еще разряд, — велел Аарон.

Получив четыреста джоулей, тело Джошуа снова дернулось. Вокруг зашептались. Все смотрели на монитор.

Писк. Сигнал желудочкового комплекса. Еще один. И еще.

— Мы в синусе, — сказал Аарон.

— Появился пульс! — крикнула медсестра. — Я чувствую его пульс!

— Давление — семьдесят на сорок… теперь девяносто на пятьдесят…

По палате разнесся вздох облегчения. Ханна Лав плакала, не стесняясь врачей и других медсестер.

«С возвращением тебя, Джош», — мысленно произнесла Эбби.

Ее глаза тоже были полны слез.

Ординаторы постепенно расходились, но Эбби не могла заставить себя уйти. Сражение за жизнь Джошуа опустошило ее. Она молча помогала медсестрам собирать использованные шприцы и ампулы — эти стекляшки и кусочки пластика, неотъемлемые атрибуты каждого «синего кода». Рядом с нею Ханна Лав заботливо стирала с груди Джошуа токопроводящий гель.

Тишину палаты нарушил голос Вивьен.

— Сейчас ему бы могли пересаживать сердце.

Вивьен стояла возле тумбочки с бейсбольными трофеями Джошуа, теребя в руках ленточку времен его детства. Бойскауты-волчата. «Дерби соснового леса». Третий класс.

— Операцию можно было бы начать в десять утра, располагай мы донорским сердцем. Если этот парень умрет, вина в его смерти ляжет на вас, Аарон.

Вивьен смотрела на Аарона Леви, подписывавшего бумаги, которыми всегда сопровождались экстраординарные события подобного рода. Сейчас его ручка застыла в воздухе.

— Доктор Чао, вам не кажется, что подобные разговоры в палатах не ведут? — тихо спросил он.

— А мне наплевать, слышит меня еще кто-то или нет! Перекрестная проба показала идеальную совместимость. Я рассчитывала, что Джош уже сегодня утром ляжет на операционный стол. Но вы мешкали с решением. Вы его откладывали, откладывали... Ненавижу эти проволочки!

Китаянка глубоко вдохнула и опустила голову, разглядывая детский трофей Джошуа.

— Не знаю, о чем вы только думаете. И вы, и все остальные.

— Пока вы не успокоитесь, я ничего не стану с вами обсуждать.

С этими словами Аарон повернулся и пошел к выходу.

— Нет, станете. Обязательно станете!

Вивьен поспешила вслед за ним.

Какое-то время Эбби еще слышала сердитый голос Вивьен. Ее вопросы. Требования объяснить, почему Джош не получил новое сердце.

Эбби нагнулась и подняла ленточку, оброненную Вивьен. Ленточка была зеленого цвета. Отнюдь не цвет победителя. Утешительный приз. Знак признания за долгие часы, потраченные на изготовление деревянного автомобильчика, его шлифовку, покраску, смазывание колесных осей. За маленькие хитрости вроде рыболовных грузил, повышающих скорость движения. Все подобные усилия обязательно нужно вознаграждать. Неокрепшее «я» десятилетних мальчишек очень нуждается в признании.

В палату вернулась Вивьен. Она заметно побледнела. Некоторое время она молча смотрела на Джоша. Его грудь опускалась и поднималась, подчиняясь ритму дыхательной аппаратуры.

— Я забираю его отсюда, — сказала она.

— Что-о? — встрепенулась Эбби. — Куда?

— В Массачусетскую клиническую больницу, в отделение трансплантологии. Подготовьте Джоша к перевозке. Я сейчас созвонюсь с ними.

Обе медсестры не двинулись с места. Они молча смотрели на Вивьен.

— Он не в транспортабельном состоянии, — решилась возразить Ханна.

— Если он останется здесь, мы его потеряем. Понимаете? Потеряем. Вы готовы это допустить?

Ханна взглянула на щуплую мальчишескую грудь, с которой все еще стирала гель.

— Нет, — торопливо прошептала она. — Нет. Я хочу, чтобы он жил.

— Там команду трансплантологов возглавляет профессор Иван Тарасов. Я училась у него в Гарвардской медицинской школе. Если наша команда не желает заниматься Джошем, им займется профессор Тарасов.

— Но даже если Джошуа выдержит перевозку, ему требуется донорское сердце, — напомнила Эбби.

— Вот мы об этом и позаботимся, — сказала Вивьен, в упор глядя на нее. — Он должен получить сердце Карен Террио.

Только сейчас до Эбби дошло, что́ ей надо сделать.

— Я немедленно переговорю с Джо Террио.

— Учти: все должно быть оформлено документально. Проследи, чтобы везде стояла его подпись.

— А как насчет жатвы? Бейсайдская команда нам не помощники.

— Тарасов обычно посылает на жатву своих людей. Мы будем ассистировать. Если понадобится, сами привезем ему сердце. Дорога́ каждая минута. Нужно все сделать очень быстро, пока нам здесь не начали мешать.

— Постойте, — вступила в разговор вторая медсестра. — У вас ведь нет разрешения на перевозку Джоша в другую клинику.

— Есть, — возразила ей Вивьен. — Джош О'Дей поступил к нам по линии учебных программ. Это значит, что решение принимает старший ординатор. Всю ответственность я возьму на себя, а вы готовьте его к перевозке.

— Сейчас и начнем, доктор Чао, — сказала Ханна. — Я поеду с ним.

— Обязательно поедете.

Вивьен повернулась к Эбби.

— Что стоим, доктор Ди Маттео? — резко спросила она. — Достань нам сердце.

Спустя полтора часа Эбби переоделась в хирургический костюм. Закончив мыть руки, она вошла в операционную № 3.

Карен Террио лежала на столе. Ее бледное тело заливал яркий свет люминесцентных ламп. Медсестра-анестезиолог убирала бутылочки капельниц. Этой пациентке анестезия была не нужна. Карен Террио не чувствовала боли.

Возле стола в полном хирургическом облачении и перчатках стояла Вивьен. По другую сторону высился доктор Лим, хирург-почечник. Эбби уже приходилось работать с ним. Доктора Лима отличали немногословность и умение работать быстро.

— Все подписано и скреплено печатью? — спросила Вивьен.

— В трех экземплярах, — ответила Эбби.

Она сама составила текст соглашения о целенаправленной передаче донорского органа. Таким образом, передача сердца Карен Террио для пересадки семнадцатилетнему Джошуа О'Дею была зафиксирована документально.

На Джо Террио подействовал возраст мальчишки. Он все так же сидел у постели жены, держал ее руку и слушал слова Эбби о семнадцатилетнем парне, любящем бейсбол. Дослушав, Джо молча подписал соглашение.

Потом он в последний раз поцеловал жену.

Медсестра помогла Эбби надеть стерильный халат и перчатки размера шесть с половиной.

— Кто будет изымать сердце? — спросила она.

— Доктор Фробишер из команды Тарасова. Я уже с ним работала, — сказала Вивьен. — Скоро должен подъехать.

— Как насчет переезда Джоша?

— Тарасов позвонил десять минут назад. Они получили все анализы Джоша и подготовили операционную.

Вивьен нетерпеливо смотрела на тело Карен.

— Я бы и сама извлекла сердце. Где этот чертов Фробишер?

Они подождали десять минут. Пятнадцать. Интерком возвестил о новом звонке Тарасова. Тот интересовался, как подвигается жатва.

— Пока никак, — ответила Вивьен. — С минуты на минуту ждем доктора Фробишера.

Наконец медсестра сообщила по интеркому, что доктор Фробишер приехал и переодевается.

Еще через пять минут в операционной появился Фробишер. С его мясистых рук капала вода.

— Перчатки девятого размера, — потребовал он.

Обстановка в операционной сразу же стала напряженной. За исключением Вивьен, никто из присутствующих не работал с Фробишером. Свирепое выражение его лица отнюдь не располагало к разговорам. Медсестры молча и проворно помогли ему надеть халат и перчатки.

Встав к столу, доктор Фробишер критически обвел глазами собравшихся и объект жатвы.

— Что, доктор Чао, опять неприятности? — спросил он.

— Как обычно, — ответила она и кратко представила собравшихся. — Доктор Лим займется почками. Мы с доктором Ди Маттео, если понадобится, будем ассистировать.

— Что с пациенткой?

— Сильнейшие травмы головы. Ее мозг мертв. Все необходимые документы на донорство органов подписаны. Возраст — тридцать четыре года. До катастрофы была практически здорова. Анализ крови произведен в полном объеме.

Рука Фробишера со скальпелем замерла над грудью Карен.

— Есть еще что-то, о чем я должен знать?

— Больше ничего. БОНА подтверждает высшую степень совместимости. Можете мне верить.

— Терпеть не могу, когда мне так говорят, — пробормотал Фробишер. — Хорошо, давайте-ка лучше быстренько глянем на наше сердечко и убедимся, что оно в хорошем состоянии. Потом отойдем от стола и не будем мешать доктору Лиму заниматься его делом.

Фробишер приложил скальпель к груди Карен Террио и одним быстрым движением произвел вертикальный разрез, обнажив грудину.

— Пилу для грудины, — потребовал он.

Хирургическая медсестра подала ему электрическую пилу. Эбби держала расширитель. Когда Фробишер принялся разрезать грудину, она невольно отвернулась. Ее слегка тошнило от визга дисковой пилы и запаха костной пыли, чего никак нельзя было сказать о Фробишере. Его руки двигались быстро и умело. Очень скоро он добрался до грудной полости. Скальпель замер возле околосердечной сумки.

Самой грубой частью операции был распил грудины. Дальнейшие действия отличались гораздо большей деликатностью. Фробишер вскрыл мембрану.

Увидев бьющееся сердце, он удовлетворенно хмыкнул.

— Ваше мнение, доктор Чао? — спросил он у ассистентки.

Вивьен молча и с каким-то благоговением проникла глубоко в грудную полость. Казалось, она ласкает сердце. Пальцы гладили его стенки, ощупывая каждую коронарную артерию. Сердце энергично билось в ее руках.

— Какое прекрасное сердце, — тихо сказала Вивьен, сияющими глазами взглянув на Эбби. — Будто специально для Джоша.

Заверещал интерком.

— Звонит доктор Тарасов, — послышался в динамике голос дежурной медсестры.

— Передайте ему, что сердце выглядит замечательно, — сказал Фробишер. — Мы начинаем изымать почки.

— Доктор Тарасов хочет поговорить с кем-нибудь из наших врачей. По его словам, это очень важно.

— Поговори с ним, — велела Вивьен.

Эбби сняла перчатки и подошла к настенному телефону.

— Добрый день, доктор Тарасов. Я — Эбби Ди Маттео, ординатор клиники. Могу сказать, что сердце выглядит просто замечательно. Через полтора часа мы будем у вас.

— Вы можете опоздать, — ответил Тарасов.

В трубке слышались торопливые переговоры, лязг хирургических инструментов. Сам Тарасов казался напряженным, он постоянно отвлекался. Он словно вообще забыл об их беседе. Сейчас он отдавал распоряжения. Потом вспомнил про телефон.

— Вы слушаете? За последние десять минут у этого парня дважды останавливалось сердце. Мы только что снова вернули его в синусный ритм. Но долго ждать мы не можем. Мы вынуждены подключить его к аппарату искусственного кровообращения, иначе парень не жилец.

Доктор Тарасов снова отвел трубку ото рта, выслушивая чье-то сообщение.

— Мы будем готовить его к операции. Ждем сердце, и как можно быстрее.

Эбби повесила трубку.

— Они собираются подключать Джоша к искусственному сердцу, — сказала она Вивьен. — Его собственное останавливалось дважды. Им позарез нужно донорское.

— Чтобы извлечь почки, мне понадобится час, — сказал доктор Лим.

— Почки подождут, — возразила Вивьен. — Нужно изымать сердце.

— Но...

— Она права, — поддержал китаянку Фробишер. — Кардиоплегический раствор со льдом! — крикнул он медсестре. — Готовьте трансплантационный контейнер. И пусть кто-нибудь почешется насчет санитарного транспорта.

— Мне одеваться? — спросила Эбби.

— Не надо. — Вивьен потянулась к расширителю. — Мы справимся за несколько минут. Ты примешь сердце и поедешь в МКБ.

— А как же мои пациенты?

— Я тебя прикрою. Оставь мне свой бипер. Положи на столе в раздевалке.

Одна медсестра принялась наполнять льдом медицинский контейнер-термос. Вторая принесла к операционному столу несколько ведерок холодного кардиоплегического раствора. Дальнейших указаний Фробишера не понадобилось: обе медсестры работали с кардиохирургами и хорошо знали свое дело.

Скальпель в руке Фробишера быстро делал подготовительные надрезы. Сердце Карен Террио продолжало биться, насыщая кровь кислородом. Теперь его биение должно будет прекратиться. Оборвется последняя ниточка, связывавшая Карен с жизнью.

Фробишер ввел в корень аорты пятьсот кубиков высокопроцентного калийного раствора. Сердце еще билось. Один удар. Второй... Вот и все.

Сердце остановилось и сразу обмякло. Его мышцы парализовала инъекция. Эбби инстинктивно оглянулась на монитор. По экрану тянулась ровная линия. Карен Террио была мертва окончательно и бесповоротно.

Чтобы охладить сердце, медсестра вылила в грудную полость ведерко ледяного кардиоплегического раствора. Затем Фробишер обрезал и перевязал сосуды.

Вскоре он вынул сердце Карен и опустил в ванночку. Холодный бесцветный раствор окрасился кровью. К Фробишеру подошла медсестра, держа наготове открытый полиэтиленовый мешок. Фробишер слегка промыл сердце в растворе, затем опустил в мешок. Туда долили еще некоторое количество раствора. Мешок для надежности поместили во второй мешок, а затем — в трансплантационный контейнер.

— Сердце ваше, доктор Ди Маттео, — сказал Фробишер. — Поезжайте на «скорой». Я поеду на своей машине.

Эбби взяла термос. На выходе из операционной ее догнало предостережение Вивьен:

— Смотри не урони.

5

«Я держу в руках жизнь Джоша О’Дея», — думала Эбби, сжимая лежащий на коленях трансплантационный контейнер.

Бостонские дороги в это время дня были густо запружены транспортом, но мигалки «скорой помощи» творили чудеса. Как по волшебству, водители расступались, освобождая путь. Эбби впервые ехала на «скорой». В другое время и при иных обстоятельствах она бы наслаждалась поездкой. Она бы веселилась, наблюдая, как бостонские водители, считающиеся самыми грубыми в мире, пусть и нехотя, но уступают дорогу. Но сейчас все внимание Эбби было приковано к драгоценному грузу. Каждая новая секунда уменьшала шансы Джоша О’Дея на жизнь.

— Что, док, везете живую запчасть? — спросил водитель, которого, судя по беджу, звали Г. Фурильо.

— Сердце, — ответила Эбби. — Прекрасное сердце.

— И для кого?

— Для семнадцатилетнего парня.

Фурильо маневрировал среди притормаживающих машин. Его руки двигались без малейшего напряжения. Он управлял «скорой» с каким-то непринужденным изяществом.

— Мне случалось ездить в аэропорт за почками. Но должен вам сказать: сердце везу впервые.

— Я тоже.

— Сколько оно остается живым? Часов пять?

— Что-то около этого.

— Да вы расслабьтесь, — посоветовал Фурильо. — Когда приедем на место, у вас в запасе останется четыре с половиной часа.

— Я волнуюсь вовсе не из-за сердца. Из-за мальчишки. Он в тяжелом состоянии, потому меня и просили поторопиться.

Фурильо еще внимательнее следил за дорогой.

— Почти приехали. Самое большее — пять минут, и мы на месте.

В это время ожила его рация.

— Машина двадцать три, ответьте Бейсайду. Машина двадцать три, ответьте Бейсайду.

Фурильо потянулся к микрофону:

— Двадцать третья слушает. Фурильо.

— Двадцать третья, просим вернуться в Бейсайд, отделение скорой помощи.

— Это невозможно. Я везу донорский орган в Массачусетскую клиническую. Вы поняли? Я еду в МКБ.

— Двадцать третья, требуем вашего возвращения в Бейсайд. Немедленно.

— Бейсайд, поищите другую машину. Мы везем живой орган.

— Двадцать третья, вам приказано немедленно возвращаться в Бейсайд.

— Чье это распоряжение?

— Доктора Аарона Леви. Вы не имеете права ехать в МКБ. Вы поняли?

Фурильо вопросительно посмотрел на Эбби:

— Чего они там шумиху подняли?

«Хватились, — подумала Эбби. — Они все поняли и теперь пытаются нас остановить...»

Контейнер, лежавший у нее на коленях, заключал в себе месяцы и годы жизни для семнадцатилетнего мальчишки.

— Не возвращайтесь, — попросила водителя Эбби. — Довезите меня до МКБ.

— Что?

— Я сказала — довезите меня до МКБ.

— Но мне приказывают вернуться.

— Машина двадцать три, ответьте Бейсайду, — надрывалась рация. — Где вы?

— Довезите меня до Массачусетской клинической! — почти требовательным тоном произнесла Эбби.

Фурильо покосился на рацию:

— Ну и закавыка. Кого же мне слушать?

— Тогда высадите меня прямо здесь! Дальше я пойду пешком.

— Машина двадцать три, ответьте Бейсайду. Немедленно ответьте Бейсайду.

— Да пошли вы! — пробормотал Фурильо и прибавил газу.

У подъездного пандуса их уже ждала медсестра в хирургическом костюме.

— Из Бейсайда? — спросила она, едва Эбби вылезла из «скорой».

— Я привезла сердце.

— Идемте со мной.

Эбби едва успела поблагодарить Фурильо и поспешила вслед за медсестрой. Она почти бежала. Словно видеопленка на перемотке, перед ней мелькали людные коридоры и холлы. Они вошли в лифт. Медсестра вставила в прорезь специальный ключ, чтобы лифт не остановили на промежуточных этажах.

— Как парень? — спросила Эбби.

— Подключили к искусственному сердцу. Мы больше не могли ждать.

— Его сердце снова останавливалось?

— Оно уже практически не работало.

Медсестра выразительно посмотрела на трансплантационный контейнер.

— Вы привезли ему последний шанс.

Они вышли из лифта. Снова бегом по коридорам, через автоматические двери. Туда, в хирургическое крыло.

— Мы на месте. Давайте контейнер.

Через широкое окно Эбби увидела множество лиц в хирургических масках. Контейнер несколько раз передавали из рук в руки, после чего открыли. Сердце, предназначенное Джошу, покинуло ледяные недра.

— Если хотите присутствовать при пересадке, переоденьтесь, — сказала Эбби медсестра. — Женская раздевалка вон там.

— Спасибо. Я очень хочу.

К тому времени, когда Эбби надела чистый хирургический костюм, шапочку и бахилы, хирурги удалили из груди Джоша О’Дея его собственное больное сердце. Эбби было не протолкнуться к операционному столу. Зато она слышала разговоры врачей. Знакомая обстановка несколько успокоила Эбби. Все операционные выглядели одинаково: те же инструменты из нержавеющей стали, те же голубовато-зеленые шторы и яркий свет. Но в каждой операционной была своя атмосфера, и она напрямую зависела от личности главного хирурга.

Судя по непринужденным разговорам, с Иваном Тарасовым врачам работалось легко.

Эбби обошла вокруг стола и остановилась рядом с анестезиологом. Кардиомонитор над головой показывал безупречную прямую. Сердца в груди Джоша не было. Мальчишка жил за счет аппарата, гонявшего кровь по его телу. Веки Джоша заклеили лентой, уберегая роговицу от высыхания. На голову ему надели бумажную шапочку, из-под которой выбивался один темный завиток.

«Все еще живой, — подумала Эбби. — Ничего, парень. Ты будешь жить».

— Вы из Бейсайда? — шепотом спросил анестезиолог.

— Всего лишь курьер. Как было до операции?

— Одно время парнишка просто висел на волоске. Но теперь худшее позади. Тарасов у нас быстрый. Уже до аорты добрался.

Иван Тарасов с его седыми кустистыми бровями и добродушным взглядом был олицетворением дедушки, о каком мечтает ребятня. Все распоряжения, будь то новая хирургическая игла или увеличение мощности аспирационного насоса, он отдавал мягко и вежливо, словно просил налить ему еще чашечку чая. Никакой игры на публику, никакого зашкаливающего эго. Просто специалист, тихо и сосредоточенно делающий свою работу.

Эбби снова подняла глаза к монитору. Все та же прямая линия.

По-прежнему — никаких признаков живого сердца.

Родители Джоша О'Дея то плакали, то смеялись. В комнате ожидания было людно. Все, кто там находился, радостно улыбались. Часы показывали шесть вечера. Все страхи, с которых начался этот день, остались позади.

— Новое сердце работает просто замечательно, — сказал доктор Тарасов. — Оно начало биться даже раньше, чем мы ожидали. Это хорошее, здоровое сердце. Оно прослужит Джошу всю жизнь.

— Мы этого просто не ожидали, — признался мистер О'Дей. — Нам позвонили и сказали, что сына везут сюда. «Возникла необходимость» — и больше никаких объяснений. Мы уж подумали... подумали...

Он отвернулся и обнял жену. Они стояли, прижавшись друг к другу, не в силах вымолвить ни слова.

К ним подошла медсестра:

— Мистер и миссис О'Дей, если хотите, можете пройти к сыну. Он просыпается.

Тарасов с улыбкой смотрел, как родителей Джоша уводят в реанимационную палату. Затем повернулся к Эбби. Его голубые глаза возбужденно блестели за стеклами очков в тонкой оправе.

— Потому мы этим и занимаемся, — тихо сказал он. — Ради таких мгновений.

— А ведь его жизнь висела на волоске, — кивнула Эбби.

— На тонюсеньком волоске. — Тарасов покачал головой. — Видно, я старею, раз смерть каждого пациента бьет меня все больнее.

Тарасов повел Эбби в комнату отдыха, где налил ей и себе кофе. С чашкой в руках и с седой гривой всклокоченных волос он сейчас больше напоминал рассеянного университетского профессора, нежели прославленного торакального хирурга.

Он подал Эбби чашку.

— Скажите Вивьен, пусть в следующий раз даст мне хоть немного времени на подготовку. А то не успела позвонить, как нам уже привезли этого мальчишку. У меня самого чуть сердце не остановилось.

— Вивьен знала, что делает. Она не напрасно отправила Джоша к вам.

— Вивьен Чао всегда знает, что делает, — засмеялся Тарасов. — Это у нее еще со студенческих лет.

— Теперь она у нас старший ординатор.

— Вы ведь тоже бейсайдский хирург?

— Ординатор второго года, — ответила Эбби, потягивая горячий кофе.

— Хорошо. В хирургии все еще мало женщин. И слишком много мачо. А им бы только резать.

— Странно слышать такое от мужчины-хирурга.

Тарасов взглянул на других врачей, стоявших возле кофеварки.

— Кощунство в малых дозах полезно для здоровья, — шепнул он.

Эбби залпом допила кофе, потом взглянула на часы.

— Я должна возвращаться в Бейсайд. Мне может влететь за задержку. Но я рада, что видела операцию. — Она улыбнулась хирургу. — Спасибо вам, доктор Тарасов. Вы спасли этому парню жизнь.

Он покачал головой:

— Что вы, доктор Ди Маттео. Я кто-то вроде... водопроводчика. Подсоединил трубы, заизолировал в нужных местах. Главное — сердце, которое вы вовремя привезли.

В Бейсайд Эбби вернулась на такси уже в восьмом часу вечера. Первым, что она увидела, было ее имя, светившееся на информационном табло. Ее просили срочно позвонить дежурному оператору.

— Ди Маттео на линии, — сказала она, сняв трубку ближайшего внутреннего телефона.

— Доктор, мы уже несколько часов отправляем сообщения на ваш пейджер, — сказал оператор.

— Меня должна была подменить Вивьен Чао. Я оставила ей свой бипер.

— Ваш бипер у нас. Вас разыскивал мистер Парр.

— Джереми Парр? — удивилась Эбби.

— Позвоните в администрацию. Его добавочный пять-шесть-шесть.

— Но уже восьмой час. Неужели мистер Парр еще на работе?

— Пять минут назад был.

Эбби повесила трубку. В животе противно заурчало от ощущения тревоги. Джереми Парр, президент клиники, был администратором, а не врачом. С ним она говорила всего один раз, на пикнике, устроенном в честь новых ординаторов. Обычное рукопожатие, обычный набор вежливых фраз, и Парр отошел, чтобы поприветствовать других гостей. По той короткой встрече он показался Эбби человеком спокойным и невозмутимым. И еще — любителем дорогих костюмов.

Естественно, они встречались и потом: то в лифте, то в коридорах. Вежливые улыбки, вежливые кивки. Вряд ли Парр помнил ее имя. И вот теперь, в восьмом часу вечера, президент клиники повсюду ее разыскивал.

«Это не к добру, — подумала Эбби. — Ох, не к добру».

Она подошла к городскому телефону и набрала домашний номер Вивьен. Прежде чем идти к Парру, нужно разведать обстановку. Вивьен наверняка знает, что к чему.

Телефон не отвечал.

Эбби повесила трубку. Ей становилось все тревожнее.

«Время пожинать плоды содеянного. Мы приняли решение. Мы спасли мальчишке жизнь. Как можно нас в этом винить?»

Ее сердце гулко билось. Эбби вызвала лифт и поднялась на второй этаж.

Административное крыло освещалось одиночными люминесцентными трубками на потолке. Эбби шла под этой полоской света. Ковровая дорожка гасила звук ее шагов. Кабинеты по обе стороны коридора пустовали. Рабочий день сотрудников администрации закончился более часа назад. Но в дальнем конце коридора из-под дверей выбивалась полоска яркого света. Это был конференц-зал.

Эбби подошла к двери. Постучалась.

Дверь открыл сам Парр. Его лицо, освещенное сзади, было непроницаемым. За столом сидело человек пять или шесть. Люди из команды трансплантологов. Здесь были Билл Арчер, Марк и Мохандас.

— А вот и доктор Ди Маттео, — сказал Парр.

— Прошу меня извинить. Я не знала, что вы пытались со мной связаться, — торопливо проговорила Эбби. — Меня не было в клинике.

— Мы знаем, где вы были.

Парр вышел из конференц-зала. Вслед за ним вышел Марк. Эбби поняла, что тоже должна выйти. Дверь оставалась полуоткрытой. Эбби видела, как Арчер поднялся с места и плотно закрыл дверь.

— Идемте в мой кабинет, — бросил Парр.

Едва они там оказались, Парр шумно захлопнул дверь.

— Вы понимаете, какой вред причинили нашей клинике? У вас есть хоть малейшее представление об этом?

Эбби взглянула на Марка. Никаких подсказок. Маска на лице любимого человека. Это испугало ее сильнее, чем гнев Парра.

— Джош О'Дей жив, — сказала Эбби. — Донорское сердце спасло ему жизнь. Я не усматриваю в этом никакой ошибки.

— Ошибка в том, каким образом все было сделано, — ответил ей Парр.

— Мы стояли у его койки. Видели, как он умирает. Совсем еще мальчишка, которому...

— Эбби, мы обсуждаем не твои инстинктивные побуждения, — перебил ее Марк. — Они были самыми благими. В этом никто не сомневается.

— Какие, к черту, побуждения, Ходелл? — взорвался Парр. — Они украли это проклятое сердце! Они прекрасно понимали, как это называется. Им было наплевать на тех, кого они втянули в свою авантюру! На медсестер. На водителей «скорой помощи». Они даже доктора Лима впутали!

— В данном случае правила предписывали Эбби подчиняться распоряжениям старшего ординатора. Это она и делала. Выполняла распоряжения.

— Такое нельзя оставлять безнаказанным. Увольнением старшего ординатора тут не обойтись.

Вивьен? Ее уволят? Эбби вопросительно посмотрела на Марка.

— Вивьен во всем призналась, — сказал Марк. — Она признаёт, что заставила тебя и медсестер действовать с нею заодно.

— Я сильно сомневаюсь, что доктора Ди Маттео можно так легко заставить, — сказал Парр.

— А как насчет Лима? — спросил Марк. — Он ведь тоже был в операционной. Вы собираетесь и его выгнать из клиники?

— Лим понятия не имел об этой авантюре. Он всего лишь изымал почки. Ему сообщили, что в Массачусетской клинике на столе лежит пациент, ждущий донорское сердце. Так было написано в заявлении о целенаправленной передаче. Заявлении, подписанном, между прочим, в вашем присутствии, — добавил Парр, выразительно глядя на Эбби.

— Джо Террио добровольно подписал заявление, — сказала Эбби. — Он согласился на то, чтобы сердце передали Джошу.

— А это значит, что никого нельзя обвинить в краже донорского органа, — подчеркнул Марк. — Вы сами знаете, Парр, все было оформлено строго по закону. Вивьен знала, за какие ниточки дергать, и дернула. И одна из ниточек вела к Эбби.

Эбби приготовилась защищать Вивьен, но увидела предостерегающий взгляд Марка: «Осторожно! Не рой себе могилу».

— У нас есть пациентка, которую привезли в клинику, пообещав пересадку сердца. А теперь… теперь у нас нет донорских сердец. Что я скажу ее мужу? «Извините, мистер Восс, неувязочка вышла. Сердце уехало по другому адресу». Это я ему скажу?

Лицо Парра, повернутое к Эбби, от гнева совсем окаменело.

— Вы, доктор Ди Маттео, всего-навсего ординатор. Вы осмелились решать вопросы, которые значительно превосходят ваше положение в клинике и вашу компетенцию. Восс уже знает о вашем геройстве. И теперь Бейсайду придется за это платить. И дорого платить.

— Не усугубляйте, Парр, — осадил его Марк. — Случившееся пока не достигло такого уровня.

— Думаете, Виктор Восс не обратится к своим адвокатам?

— А причина? Закон разрешает целенаправленную передачу донорских органов. Согласно заявлению Джо Террио, сердце должны были пересадить именно этому парню.

— Заявление появилось только потому, что она заставила этого несчастного поставить свою подпись!

Парр разве что не тыкал в Эбби пальцем.

— Я всего лишь рассказала ему про Джоша О'Дея, — возразила она. — Попросила представить умирающего парня, которому всего семнадцать...

— Одного этого достаточно, чтобы вас уволить, — заявил Парр. Он взглянул на часы. — С половины восьмого вечера вы более не являетесь ординатором нашей клиники.

Эбби в ужасе смотрела на президента Бейсайда. Она хотела возразить, но у нее сдавило горло.

— Вы не сможете этого сделать, — сказал Марк.

— Почему?

— По одной причине. Такие решения принимает руководитель ординатуры. Зная Генерала, сомневаюсь, что он позволит кому бы то ни было захватывать его полномочия. Это первое. Второе: у нас заметная нехватка хирургов младшего звена. Если мы потеряем Эбби, дежурства в отделении торакальной хирургии участятся. Врачи начнут уставать. А утомленные врачи делают ошибки. И вы, Парр, знаете цену этих ошибок. Если вам скучно без адвокатов и судебных разбирательств — это самый надежный способ навлечь и то и другое.

Марк повернулся к Эбби:

— Ты вроде дежуришь завтра вечером?

Она кивнула.

— Что будем делать, Парр? Вы не подскажете, кто из ординаторов второго года может заменить Эбби?

Джереми Парр сердито блеснул глазами на Марка:

— Все это временно. Затишье перед бурей. — Он повернулся к Эбби. — Завтра вы услышите первые громовые раскаты. А теперь сгиньте с глаз моих.

На негнущихся ногах Эбби покинула кабинет Парра. В оцепеневшем мозгу не было ни одной мысли. Пройдя половину коридора, она остановилась. Оцепенение сменилось желанием сесть на пол и зареветь. Она бы так и сделала, не будь рядом Марка. Он шел следом за ней.

— Эбби, ты даже не представляешь, какая война шла здесь весь день. Как тебя угораздило встрять во все это? Ты хоть понимала, что делаешь?

— Я спасала жизнь одного мальчишки. И хорошо понимала, что делаю.

У нее дрожал голос, прерываемый всхлипываниями.

— И мы спасли его. Марк, он будет жить. По-моему, этим и должны заниматься врачи. Я не выполняла чужих приказов. Я руководствовалась собственными побуждениями. Собственными!

Она сердито смахнула набежавшие слезы.

— Если Парр собирается меня уволить, пусть попробует. Я готова выступить перед любой комиссией по этике и представить факты. Семнадцатилетний парень и жена какого-то богача. Я сумею показать, из-за чего вспыхнула вся эта шумиха. Возможно, меня все равно уволят. Но им это так просто не сойдет.

Эбби повернулась и пошла дальше.

— Есть другой способ. Еще легче, — сказал ей Марк.

— Ничего другого мне не придумать.

— Послушай меня. — Марк снова взял ее за руку. — Пусть все шишки валятся на Вивьен. Ей так и так больше у нас не работать.

— Я не только выполняла ее указания. Я тоже хотела, чтобы сердце досталось этому парню.

— Эбби, не упускай того, что само плывет тебе в руки! Вивьен уже взяла всю вину на себя. Она сделала это, чтобы оградить тебя и медсестер. Не надо играть в благородство.

— А что будет с Вивьен?

— Ее уже уволили. Обязанности старшего ординатора переходят к Питеру Дейну.

— Куда же она теперь пойдет?

— Это уже ее головная боль, а не Бейсайда.

— Но Вивьен сделала то, что предписано врачебной этикой. Спасла жизнь своему пациенту. За такое не увольняют!

— Она нарушила нашу главную заповедь: играть только в команде. Клиника не может рисковать своей репутацией из-за непредсказуемых личностей вроде Вивьен Чао. В клинике любой врач либо с нами, либо против нас.

Он помолчал.

— Какую позицию займешь ты?

— Не знаю, — покачала головой Эбби, чувствуя, что по щекам снова льются слезы. — Я уже ничего не знаю.

— Эбби, я предлагаю тебе трезво оценить свои возможности. Или отсутствие таковых. За плечами Вивьен пять лет ординатуры. Она состоявшийся хирург. Она может устроиться в другую клинику. Может открыть частную хирургическую практику. А за твоими плечами всего-навсего интернатура. Если тебя сейчас уволят, ты никогда не станешь хирургом. И что дальше? Будешь всю оставшуюся жизнь торчать в какой-нибудь заштатной клинике, осматривать тех, кому оформляют медицинскую страховку? Ты этого хочешь?

— Нет. — Эбби захлестнула волна отчаяния. — Нет.

— Тогда скажи, чего ты хочешь?

— Теперь я точно знаю, чего хочу.

Эбби быстро вытерла слезы. Глубоко вдохнула. Потом еще раз.

— Я поняла это сегодня днем, когда смотрела, как Тарасов оперирует. Он у меня на глазах взял в руки донорское сердце. Вялое, словно кусок мертвого мяса. А на столе — тот самый парень, подключенный к аппарату искусственного кровообращения. Но потом Тарасов подсоединяет донорское сердце к артериям Джоша, и оно начинает биться. Оно живое, и Джош живой…

Она замолчала, борясь с новой волной слез.

— Вот тогда я поняла, чего хочу. Я хочу делать то же, что делает Тарасов. — Эбби посмотрела на Марка. — Дарить кусочек жизни таким мальчишкам, как Джош О'Дей.

Марк кивнул:

— Осталось только осуществить свое желание. Эбби, оно еще вполне осуществимо. Твоя работа. Принятие в штат клиники. Все остальное.

— Я не знаю, каким образом.

— Это ведь я предложил команде твою кандидатуру. Ты по-прежнему мой выбор номер один. Я могу поговорить с Арчером и другими. Если мы все горой встанем за тебя, Парр будет вынужден пойти на попятную.

— Очень большое «если».

— Это зависит от тебя. Прежде всего согласись с линией Вивьен. Она признала свою вину, и не надо подставлять ей плечо. Она была старшим ординатором. Она неправильно оценила ситуацию и приняла неправильное решение.

— Но ведь это неправда!

— Ты видела только часть картины. А тебе было бы полезно увидеть и другую часть. Увидеть ее.

— Кого — ее?

— Нину Восс. Ее привезли к нам в полдень. Думаю, тебе стоило бы на нее взглянуть. Убедиться, что ваш с Вивьен выбор был не так уж безупречен. Может, тогда ты поймешь, что совершила ошибку.

Эбби сглотнула:

— Где она лежит?

— На четвертом этаже. Отделение интенсивной терапии.

Еще на подходе к отделению Эбби поразила непривычная суета: гул голосов, попискивание портативной рентгеновской установки, перезвон двух телефонов. Но стоило ей войти, как почти сразу же наступила тишина. Даже телефоны вдруг замолчали. Медсестры, едва взглянув на нее, тут же отворачивались.

— А-а, это вы, доктор Ди Маттео, — произнес Аарон Леви.

Он только что вышел из пятого отсека. Чувствовалось, хирург едва сдерживает гнев.

— Думаю, вам не помешает взглянуть самой.

Толпа врачей и медсестер расступилась, освобождая ей проход к пятому отсеку. Эбби подошла к окну. Внутри на койке лежала женщина: хрупкая блондинка. Ее лицо было практически одного цвета с простыней. Из ее горла торчала дыхательная трубка, подсоединенная к аппарату искусственного дыхания. Женщина с ним сражалась, отчаянно стараясь дышать самостоятельно. Аппарат отвечал тревожными сигналами и игнорировал ее усилия, пытаясь вогнать в заданный ритм дыхания. Обе руки женщины были закреплены зажимами. Ординатор прокалывал ей руку, чтобы вставить в лучевую артерию пластмассовый катетер. Вторая рука пациентки была утыкана иглами капельниц. Вздутия свидетельствовали о нескольких сделанных ей уколах. Там же находилась и медсестра, пытавшаяся успокоить женщину. Пациентка была в полном сознании. Ее лицо выражало неописуемый ужас. Она походила на подопытное животное.

— Это Нина Восс, — сказал Аарон.

Эбби молчала. Ее ошеломил ужас в глазах женщины.

— Ее привезли восемь часов назад, и почти сразу же ее состояние начало ухудшаться. В пять часов у нее останавливалось сердце. Желудочковая тахикардия. Двадцать минут назад снова остановилось сердце. Пришлось делать интубацию. Сегодня вечером ее должны были оперировать. Команда была готова. Операционная — тоже. Я уже не говорю о пациентке. И вдруг мы узнаём, что донора отправляют на жатву намного раньше, чем установлено графиком. А потом оказывается, что сердце, которое должны были пересадить этой женщине, украли. Слышите, доктор Ди Маттео? Украли!

Эбби молчала. В оцепенении она могла только смотреть на все, что происходило внутри пятого отсека. В это мгновение Нина Восс подняла

глаза, и их взгляды встретились. Глаза, полные боли, взывали о милосердии. Это было как удар.

— Мы не знали, — прошептала Эбби. — Мы и предположить не могли, что она в критическом состоянии…

— Вы понимаете, что будет дальше? У вас есть хоть отдаленное представление?

— Но тот парень… — пробормотала Эбби. — Его спасли.

— А что будет с этой женщиной?

Эбби не находила слов для ответа. Что бы она сейчас ни сказала, какие бы аргументы ни привела в свою защиту, это не могло ни облегчить, ни оправдать страданий пациентки по другую сторону стекла.

Эбби едва заметила мужчину, вышедшего из сестринской. Мужчина направился в ее сторону. Только услышав: «Она и есть доктор Ди Маттео?», Эбби вгляделась в его лицо. Этому человеку было за шестьдесят. Высокий, хорошо одетый, он принадлежал к тому типу мужчин, само присутствие которых требовало внимания.

— Да, я Эбби Ди Маттео, — тихо сказала Эбби.

Стоило ей представиться, как глаза мужчины вспыхнули нескрываемой яростью. Эбби невольно попятилась. Мужчина надвигался на нее. Его лицо потемнело от гнева.

— Значит, вы — вторая, — бросил он. — Вы и та паршивая китаеза!

— Мистер Восс, прошу вас, — осторожно проговорил Аарон.

— Думаете, меня можно водить за нос? — заорал на Эбби Восс. — Можно издеваться над моей женой? Вам это так просто не сойдет… доктор. Будьте вы прокляты! Я позабочусь, чтобы вы ответили сполна!

Сжав кулаки, он шагнул к Эбби.

— Мистер Восс, уверяю вас, мы поступим с доктором Ди Маттео по законам медицинской этики, — лепетал Аарон.

— Я требую, чтобы ее вышвырнули из вашей больницы! Я больше не желаю видеть ее физиономию!

— Мистер Восс, я вам очень сочувствую, — начала Эбби. — Вы не представляете, как я вам сочувствую.

— Уберите ее прочь от меня! — заорал Восс.

Аарон поспешил встать между ними. Крепко взяв Эбби за руку, он потащил ее к выходу из отделения.

— Вам лучше уйти.

— Если поговорить с ним, объяснить...

— Настоятельно прошу вас немедленно покинуть отделение.

Эбби оглянулась на Восса. Тот замер у стекла пятого отсека, будто страж. Можно было подумать, что его жене отовсюду грозит опасность и он — ее единственная защита. Эбби впервые видела столько ненависти во взгляде. Какой тут разговор, какие объяснения?!

— Я ухожу, — сказала она Аарону и быстро пошла к выходу из отделения интенсивной терапии.

Через три часа на Таннер-авеню остановилась машина. Стюарт Сассман выключил мотор и некоторое время сидел в салоне, разглядывая дом под номером 1451. Дом был весьма скромного вида, с темными ставнями и крытым парадным крыльцом. Участок окружал забор из белого штакетника. Было темно, и двора Сассман почти не видел, однако интуиция подсказывала, что здесь любят порядок. Наверняка и трава подстрижена, и сорняки на клумбах выполоты. В воздухе слабо пахло розами.

Сассман вышел из машины, прошел через калитку и поднялся на крыльцо. В доме горел свет, а сквозь зашторенные окна были видны движущиеся силуэты его обитателей.

Он нажал кнопку звонка.

Дверь открыла пожилая женщина. Усталое лицо, усталые глаза, ссутулившиеся плечи. Чувствовалось, на эти плечи свалилось большое горе.

— Что вам угодно? — спросила женщина.

— Простите, что побеспокоил вас в столь позднее время. Меня зовут Стюарт Сассман. Я мог бы переговорить с Джозефом Террио?

— Он сейчас не будет говорить ни с кем. Думаю, вы поняли, что у нас... у нас в семье трагедия.

— Я понимаю, миссис…

— Террио. Я мать Джо.

— Миссис Террио, я знаю о печальной участи вашей невестки. Приношу вам свои глубочайшие соболезнования. Но мне крайне необходимо поговорить с вашим сыном. Это касается смерти Карен.

— Обождите здесь, — сказала женщина и закрыла дверь.

Сассман слышал, как она зовет сына.

Вскоре дверь снова открылась. На пороге стоял мужчина с воспаленными глазами. В каждом его движении ощущалось горе.

— Я — Джо Террио.

Сассман протянул ему руку:

— Мистер Террио, меня послал некто, весьма встревоженный обстоятельствами смерти вашей жены.

— Обстоятельствами?

— Она была пациенткой клиники Бейсайд. Это так?

— Послушайте, я не понимаю, что вам от меня надо.

— Мистер Террио, речь идет о медицинской помощи, оказывавшейся вашей жене, и о возможных ошибках. Эти ошибки могли оказаться фатальными.

— Кто вы такой?

— Адвокат из юридической фирмы «Хокс, Крейг и Сассман». Я специализируюсь на врачебных ошибках и халатности.

— Мне не нужны никакие адвокаты. Особенно сегодня. Гоняйтесь за врачами, а меня оставьте в покое!

— Мистер Террио…

— Проваливайте отсюда!

Джо уже хотел закрыть дверь, но Сассман взялся за внешнюю ручку.

— Мистер Террио, — спокойно и уверенно произнес он. — У меня есть основания полагать, что один из врачей Карен допустил ошибку.

Чудовищную ошибку. Весьма вероятно, ваша жена могла бы жить дальше. Но говорить об этом с уверенностью я не могу. С вашего разрешения я хотел бы взглянуть на бумаги, которые вам выдали в клинике. Я могу вскрыть факты. Все факты.

Джо медленно распахнул дверь.

— Кто вас послал? Вы говорили, вас кто-то послал. Кто?

— Друг, — ответил Сассман, с искренним сочувствием глядя на вдовца.

6

Никогда еще Эбби не боялась идти на работу. Но сегодня утром, входя в вестибюль клиники Бейсайд, она чувствовала, что кидается прямо в огонь. Минувшим вечером Джереми Парр грозил ей последствиями. Сегодня она их увидит. Однако до тех пор, пока Уэттиг официально не объявит ей об увольнении, Эбби решила, как и прежде, выполнять свои обязанности. У нее есть пациенты, которых она ведет. Есть плановые операции. Вечером она заступит на дежурство. Вопреки всему, Эбби собиралась и дальше добросовестно заниматься своим делом. Этого от нее ждали больные. К тому же она ощущала себя в долгу перед Вивьен. Всего час назад они говорили по телефону, и Вивьен ей сказала:

— Кто-то должен отстаивать права таких, как Джош О’Дей. Держись, Ди Маттео. Это нужно и тебе, и мне.

Голоса медсестер смолкли, едва Эбби переступила порог реанимации хирургического отделения. Должно быть, все уже знали об истории с Джошем О’Деем. Самой Эбби никто не сказал ни слова, но она слышала перешептывания, ловила настороженные взгляды. Она подошла к стойке за карточками пациентов, чтобы затем начать обход. Но даже это рутинное действие потребовало от нее полной сосредоточенности. Сложив всю документацию на столик-тележку, Эбби направилась к первой пациентке в ее списке. Подальше от шушуканий и настороженных глаз.

Войдя в отсек, Эбби плотно задвинула занавеску. Мэри Аллен лежала в утробной позе, прижав в телу худенькие руки и ноги. Ее глаза были закрыты. Два дня назад ей провели открытую легочную биопсию, после которой у старухи дважды ненадолго падало давление. Ее решили пока оставить в отделении и понаблюдать. Из записей дежурной медсестры Эбби узнала, что за прошедшие сутки новых спадов давления у Мэри не было. Не было и нарушений сердечного ритма. Скорее всего, сегодня Мэри можно будет перевести в обычную хирургическую палату. Следящая аппаратура ей больше не требовалась.

— Здравствуйте, миссис Аллен, — поздоровалась Эбби.

Старуха мигом проснулась.

— Здравствуйте, доктор Ди Маттео.

— Как вы сегодня себя чувствуете?

— Неважно. Боли никуда не делись. Да вы и сами знаете.

— Где болит?

— В груди. В голове. Теперь еще и в спине. Все время.

Судя по записям в карточке, Мэри постоянно кололи морфин. Но вводимые дозы уже не помогали. Придется увеличивать дозу.

— Мы дадим вам больше лекарств, — пообещала Эбби. — Столько, сколько нужно, чтобы вы не чувствовали боли.

— И чтобы уснуть. Я совсем не могу спать.

Мэри тяжело вздохнула и закрыла глаза. В этом вздохе была вся ее безмерная усталость.

— Знаете, доктор, я просто хочу уснуть и не проснуться...

— Миссис Аллен? Мэри?

— Вы мне поможете? Вы же мой доктор. Вам это легко устроить. Очень легко.

— Мы можем унять боли, — сказала Эбби.

— Но только не мой рак. Верно?

Мэри снова открыла глаза и умоляюще взглянула на Эбби. Этот взгляд требовал предельно честного ответа.

— Унять рак мы не можем, — согласилась Эбби. — Он слишком широко разошелся по вашему организму. Мы можем назначить химиотерапию и замедлить дальнейшее его распространение. Это подарит вам еще какое-то время.

— Время? — Мэри разразилась смехом обреченного человека. — А на что оно мне? Лежать тут у вас еще неделю? Еще месяц? Я бы хоть сегодня отправилась на тот свет.

Эбби взяла Мэри за руку. Рука напоминала кость, обернутую пергаментом. Ни тканей, ни мышц.

— Давайте сначала разберемся с болью. Если заставим ее отступить, у вас изменится отношение и ко всему остальному.

В ответ Мэри просто отвернулась. Она закрывалась, отгораживалась от Эбби.

— Вы же, наверное, пришли слушать мои легкие, — только и сказала она.

Обе знали: осмотр — не более чем формальность. Бесполезная церемония, когда врач прикладывает стетоскоп к груди безнадежно больной пациентки. Однако Эбби тщательно прослушала легкие и сердце Мэри. Что еще она могла предложить старухе? Все это время Мэри лежала на спине.

— Мы переводим вас в обычную палату, — сообщила Эбби. — Там вы сможете походить, подвигаться. Там тише, нет всей этой аппаратуры. Меньше беспокойства.

Никакого ответа. Лишь глубокое дыхание и протяжный вздох.

Эбби уходила из отсека, чувствуя себя еще более раздавленной и бесполезной. Она почти ничем не могла помочь Мэри Аллен. Обещание избавить от боли — предел возможностей. Только это, а дальше — просто не мешать природе делать свое дело.

Открыв карточку Мэри, она написала: «Пациентка высказывает желание умереть. Предписано увеличить дозы сульфата морфина для снятия боли. Изменить код состояния на „Не реанимировать“». К этому Эбби добавила направление на перевод в другую палату и отдала карточку Сесили — медсестре, ухаживающей за Мэри.

— Пусть она хотя бы не мучается от болей, — сказала Эбби. — Титруйте дозу морфина. Вводите столько, сколько потребуется, чтобы она могла спать.

— И каков верхний предел?

Эбби задумалась. Грань между освобождением от боли и бессознательным состоянием, между сном и комой была совсем тонкой.

— Никакого верхнего предела. Поймите, Сесили: она умирает. Она хочет умереть. Если морфин облегчает ее состояние, мы не должны ей отказывать. Даже если это и приближает ее конец.

Сесили кивнула. В ее глазах Эбби прочла молчаливое согласие.

Эбби уже направилась к другому отсеку, когда медсестра ее окликнула.

— Что-нибудь еще?

— Я… я просто хотела вам сказать. Вы должны знать, что…

Сесили беспокойно оглядела помещение. Медсестры видели, что она стоит рядом с опальным доктором Ди Маттео. Видели и ждали.

— В общем, я хочу, чтобы вы знали… Мы думаем… вы с доктором Чао сделали правильно, отдав сердце Джошу О'Дею.

Эбби заморгала, борясь с подступающими слезами.

— Спасибо, — прошептала она. — Огромное вам спасибо.

Только теперь, оглянувшись по сторонам, Эбби увидела одобрительные кивки других медсестер.

— Вы, доктор Ди Маттео, — одна из лучших ординаторов, с кем мы работали, — продолжала Сесили. — Мы хотим, чтобы вы знали и это.

И вдруг со всех сторон раздались аплодисменты. Эбби потеряла дар речи. Она стояла, растерянно прижимая к груди карточку. Все медсестры реанимации хирургического отделения аплодировали ей. Они устроили Эбби настоящую овацию.

— Я требую, чтобы ее убрали из ординаторов и выгнали из Бейсайда, — сказал Виктор Восс. — И я не остановлюсь ни перед чем, чтобы этого добиться.

За восемь лет, проведенных на посту президента клиники Бейсайд, Джереми Парр повидал достаточно кризисных ситуаций. Две забастовки медсестер, несколько судебных дел о врачебных ошибках, каждое из которых тянуло на многие миллионы штрафных выплат. Однажды активисты движения «Право на жизнь» устроили в вестибюле клиники настоящий шабаш. Джереми приходилось видеть разгневанные лица. Но с такой неистовой, клокочущей яростью, перекосившей лицо Виктора Восса, он сталкивался впервые. В десять часов утра Восс явился к нему в кабинет, сопровождаемый двумя адвокатами, и потребовал созвать совещание. Время двигалось к полудню, и теперь в кабинете Парра сидели вызванные им Колин Уэттиг — руководитель хирургической ординатуры, а также юрист клиники Сьюзен Касадо. Ее Парр пригласил

по своей личной инициативе. Хотя пока не было и речи о судебном разбирательстве, президент клиники решил подстраховаться. Отнюдь не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с таким могущественным человеком, как Виктор Восс.

— Моя жена умирает, — бушевал Восс. — Вам это понятно? Умирает. Она может не дожить до завтра. И прямая вина за это лежит на обоих ваших ординаторах.

— Доктор Ди Маттео стажируется всего второй год, — ответил Уэттиг. — Сама она ничего не решала. Решение было принято нашим старшим ординатором доктором Чао. Она больше не работает в клинике.

— Я требую уволить и эту… доктора Ди Маттео.

— Ее не за что увольнять.

— Так найдите повод вышвырнуть ее из клиники!

— Доктор Уэттиг, — спокойным, рассудительным тоном начал Парр, — нужно найти основание для прекращения ее стажировки.

— Нет таких оснований, — гнул свою линию Генерал. — Все ее поступки, все сделанные ею выводы профессионально безупречны. Более того, они все задокументированы. Мистер Восс, я вполне понимаю, как вам сейчас тяжело. В таком состоянии всегда хочется возложить на кого-то вину и потребовать наказания. Но мне думается, ваш гнев направлен не туда. Истинная проблема кроется в нехватке донорских органов. Тысячам людей требуется пересадка сердца, но операции делают единицам. А теперь представьте последствия увольнения доктора Ди Маттео. Она может подать встречный иск. Дело приобретет более широкую огласку. Соответствующие инстанции начнут копать и задавать вопросы. В частности, они спросят, почему семнадцатилетний парень с самого начала не получил предназначенное ему донорское сердце.

Восс сердито сопел.

— Боже мой, — пробормотал Парр.

— Вы понимаете, о чем я говорю? — спросил Уэттиг. — Дело получит скверный оборот. На нашу клинику упадет тень. Мы вовсе не хотим давать газетчикам пищу для статей. А статьи обязательно появятся, и в них будет намек на классовую войну. Еще одна история о вопиющей несправедливости, проявленной к неимущим. Именно так это и подадут населению. И никто не захочет разбираться, так это на самом деле или не совсем так.

Уэттиг вопросительно посмотрел на собравшихся. Все молчали.

«Наше молчание говорит больше, чем многочасовые речи», — подумал Парр.

— Нам совсем не нужно, чтобы у людей возникло искаженное представление о клинике, — сказала Сьюзен. — Мало того что это нанесло бы удар по нашей репутации. Один намек на торговлю донорскими органами — и пресса нас уничтожит.

— Вот я и пытаюсь объяснить мистеру Воссу, как все это выглядит, — подхватил Уэттиг.

— Мне плевать, как это выглядит, — заявил Восс. — Эти двое украли сердце.

— Мистер Террио написал заявление о целенаправленной передаче, обозначив получателя.

— Это сердце гарантировали моей жене.

— Гарантировали? — переспросил Уэттиг и хмуро посмотрел на Парра. — Почему меня не поставили в известность?

— Решение было принято до поступления миссис Восс в клинику, — зачастил Парр. — Полное совпадение всех проб и анализов.

— И с организмом того мальчишки — тоже, — парировал Уэттиг.

Восс вскочил на ноги:

— А теперь послушайте, что я вам скажу. Из-за какой-то Эбби Ди Маттео моя жена умирает. Вы меня плохо знаете. Вредить мне и членам моей семьи крайне опасно. Еще никому это не сходило с рук!

— Мистер Восс, возможно, об этом следует поговорить... — попытался урезонить его один из адвокатов.

— Не перебивайте! Я еще не закончил!

— Мистер Восс, прошу вас. Это совсем не в ваших интересах.

Восс наградил адвоката испепеляющим взглядом. Сделав над собой заметное усилие, он сел.

— Я хочу, чтобы эта доктор Ди Маттео понесла наказание, — бросил он, выразительно взглянув на Парра.

К этому времени рубашка Парра промокла от пота. Уволить ординатора? Нет ничего проще. К сожалению, Генерала не уломаешь. Черт бы побрал этих неуступчивых хирургов! До чего же они не любят подчиняться. Спрашивается, вот что сейчас Уэттиг закусил удила?

Сьюзен Касадо умела говорить мягко и вкрадчиво. Это был тон укротительницы, говорящей с хищниками.

— Мистер Восс, не будет ли правильнее нам всем немного остыть и некоторое время спокойно обдумать эту ситуацию? Поспешное обращение в суд редко дает ожидаемые результаты. Возможно, через несколько дней мы сумеем решить ваши проблемы.

Сказав это, Сьюзен демонстративно посмотрела на Уэттига. Генерал столь же демонстративно ее игнорировал.

— За эти несколько дней моя жена может умереть, — отрезал Восс. Он встал и с нескрываемым презрением посмотрел на Парра. — Я ничего не собираюсь обдумывать. Я требую, чтобы в отношении Ди Маттео были приняты меры. И как можно скорее. Это тоже мое требование.

— Вижу пулю, — сказала Эбби.

Марк изменил положение операционного светильника, направив луч на заднюю часть грудной полости. Там, позади вздымающихся легких, поблескивало что-то металлическое.

— У тебя острое зрение, Эбби. Раз уж ты ее заметила, думаю, не откажешь себе в удовольствии ее извлечь?

Эбби взяла с инструментального подноса пару иглодержателей. Легкие, приняв в себя новую порцию воздуха, раздулись и загородили обзор грудной полости.

— Выпустите из легких воздух. Ненадолго, — попросила она.

— Готово, — сказал анестезиолог.

Подчиняясь естественной кривизне ребер, рука Эбби глубоко проникла в грудную клетку пациента. Марк осторожно отодвинул правое легкое. Концы иглодержателей сомкнулись на кусочке металла, после чего Эбби осторожно вытащила пулю.

В металлическую ванночку шлепнулась пуля знаменитого двадцать второго калибра.

— Кровотечения нет. Похоже, можно зашивать.

— Этому парню повезло, — подытожил Марк, прикидывая траекторию снаряда. — Выстрел пришелся в правую часть грудины. Скорее всего, пуля ударилась в ребро и отклонилась. Ну а потом закувыркалась по плевре. Жертва отделалась пневмотораксом.

— Надеюсь, он усвоил урок, — сказала Эбби.

— Какой еще урок?

— Никогда не зли жену.

— Так это она стреляла?

— Да, малыш. Женщины давно уже не покорные овечки.

Они зашивали грудь пациента. Работалось легко и приятно, как бывает, когда люди давно знают друг друга. Четыре часа дня. Эбби была на ногах с семи утра, и ноги у нее уже болели, а впереди — целые сутки дежурства. Но настроение у Эбби было приподнятое, чему способствовал успех операции и возможность поработать вместе с Марком. Таким ей виделось их будущее: работа рука об руку, с полной уверенностью в себе и в друг друге. Марк был удивительным хирургом. Он умел работать быстро, но тщательно. С его появлением в операционной становилось очень уютно. Марк никогда не терял самообладания. Не было случая, чтобы он накричал на медсестру или вообще повысил голос. Эбби решила: если ей когда-нибудь случится лечь под нож хирурга, путь этим хирургом будет Марк Ходелл.

Какое счастье — вместе стоять у операционного стола. Пусть и в перчатках, их руки постоянно соприкасались. Их головы находились на расстоянии дюйма. В такие моменты Эбби забывала про Виктора Восса и его угрозы зарубить ей карьеру. Возможно, обещанная буря так и не разразится. Топор возмездия не занесен над ее головой. Парр больше не требовал ее к себе в кабинет. Утром Колин Уэттиг отозвал ее в сторонку и в своей обычной немногословной манере сообщил, что ее дежурства получили очень высокую оценку.

«Все обойдется, — подумала она, глядя, как прооперированного пациента увозят в палату. — Пока что главные силы на моей стороне».

— Прекрасная работа, доктор Ди Маттео, — улыбнулся Марк, снимая хирургический халат.

— Бьюсь об заклад, эти слова ты говоришь всем ординаторам.

— Есть слова, которые я никогда не говорю другим ординаторам. — Марк наклонился к ней и шепотом добавил: — Подожди меня в ординаторской.

Сзади послышалось вежливое покашливание.

— Гм… доктор Ди Маттео?

Покрасневшие Марк и Эбби повернулись. В приоткрытой двери операционной виднелось лицо дежурной медсестры.

— Звонила секретарша мистера Парра. Вас просят пройти в административное крыло.

— Прямо сейчас?

— Мне сказали, что вас там ждут, — ответила дежурная медсестра и закрыла дверь.

— А я только успокоилась, — вздохнула Эбби, тревожно глядя на Марка. — Что они еще придумали?

— Что бы ни придумали, не позволяй делать из тебя девочку для битья. Уверен: все будет отлично. Хочешь, я пойду с тобой?

Эбби подумала и покачала головой:

— Я уже большая. Должна сама справляться с такими вещами.

— Если возникнут проблемы, сразу же дай мне знать. Я буду здесь.

Марк крепко стиснул ей руку.

— Обещаю.

Эбби ответила ему слабой улыбкой. Выйдя из операционной, она поспешила к лифту.

С тем же чувством ужаса, какое испытывала вчерашним вечером, Эбби спустилась на второй этаж и по бесшумному ковру пошла в кабинет Джереми Парра. Секретарша провела ее в конференц-зал. Эбби постучала.

— Входите, — раздался голос Парра.

Прерывисто дыша, Эбби вошла.

Парр поднялся ей навстречу. Помимо него, в зале присутствовали Колин Уэттиг и незнакомая Эбби женщина — брюнетка лет сорока, одетая в элегантный синий костюм. По лицам собравшихся Эбби пыталась угадать хоть что-то и не могла. Но интуиция ей подсказывала: эта встреча не сулит ничего хорошего.

— Доктор Ди Маттео, позвольте вам представить Сьюзен Касадо, нашего корпоративного юриста.

«Юриста? Значит, Восс не успокоился?»

Женщины обменялись рукопожатием. В отличие от холодной, как лед, руки Эбби, рука Сьюзен была неестественно теплой.

Эбби села рядом с Уэттигом. Сьюзен зашелестела разложенными бумагами. Уэттиг угрюмо прочищал горло. Потом Парр заговорил:

— Доктор Ди Маттео, вероятно, вы помните вашу роль в лечении миссис Карен Террио.

Эбби нахмурилась. Она ждала совсем не такого начала разговора.

— Я проводила первичный осмотр миссис Террио, — сказала она. — Затем я передала ее отделению нейрохирургии. Все остальное делали уже там.

— Как долго она находилась под вашим наблюдением?

— Официально? Около двух часов. Примерно столько.

— А какие действия вы проводили над пациенткой в течение этих двух часов?

— Стабилизировала ее состояние. Распорядилась о проведении необходимых анализов. Все это отражено в истории болезни миссис Террио.

— Да, у нас есть экземпляр, — сказала Сьюзен Касадо, указав на папку.

— Там все расписано и зафиксировано. Начиная с акта о поступлении пациентки. Все мои наблюдения и распоряжения.

— Все, что вы делали? — уточнила Сьюзен.

— Да. Абсолютно все.

— А могло ли одно из ваших действий негативно отразиться на состоянии пациентки?

— Нет, не могло.

— Не могло быть так, что вы что-то упустили? Что-то достаточно важное. Оглянитесь назад и вспомните.

— Я сделала все, что предписано делать в таких случаях.

— Как я понимаю, пациентки уже нет в живых? — спросила Сьюзен.

— Пациентка стала жертвой лобового столкновения на шоссе. В нашу клинику ее доставили с многочисленными травмами головы. У нее была зафиксирована смерть мозга.

— После ваших процедур.

Эбби в отчаянии обвела глазами сидящих за столом:

— Может быть, вы мне скажете, чем вызваны эти расспросы? Что вообще происходит?

— А происходит вот что, — сказал Парр. — «Вангард мьючуэл», наша страховая компания... Кстати, и ваша тоже... Всего несколько часов назад получила письменное уведомление. Его прислали с курьером, за подписью одного из адвокатов юридической фирмы «Хокс, Крейг и Сассман». Мне неприятно говорить об этом, но, скорее всего, вас, доктор Ди Маттео, и клинику Бейсайд привлекут к суду за ошибки в медицинской практике.

Эбби шумно выдохнула удерживаемый воздух. Она схватилась за край стола, борясь с подступающей тошнотой. Она понимала: от нее ждут объяснений, однако в данный момент она была способна лишь мотать головой и в ужасе озираться по сторонам.

— Насколько понимаю, вы такого не ожидали, — сказала Сьюзен Касадо.

— Я... — Эбби сглотнула горькую слюну. — Нет... нет.

— Это всего лишь предварительное уведомление, — пояснила Сьюзен. — Вы, конечно же, понимаете: прежде чем дойдет до настоящего разбирательства, необходимо выполнить ряд формальностей. История болезни миссис Террио поступит на рассмотрение медицинской экспертной комиссии штата. Они вынесут свое заключение. Если комиссия не найдет в ваших действиях никаких профессиональных

ошибок, все может окончиться на этой стадии. Но у истца по-прежнему будет право обратиться в суд.

— У истца? — переспросила Эбби. — А кто истец?

— Муж покойной. Джозеф Террио.

— Это какое-то недоразумение. Я же ему все подробно объясняла.

— Вот-вот, именно недоразумение, — подхватил Уэттиг.

Все повернулись к Генералу, который до сих пор хранил гробовое молчание.

— Я сам внимательно прочитал все записи. Каждую страницу. Никакими врачебными ошибками там и не пахнет. Доктор Маттео сделала все, что надлежало сделать в подобном случае.

— Тогда почему она единственный врач, на которого они собрались подавать в суд? — спросил Парр.

— Я... единственная? — Эбби оторопело взглянула на юриста клиники. — А как же нейрохирургия? Приемное отделение?

— Там значитесь только вы, доктор, — подтвердила Сьюзен. — И ваш работодатель — клиника Бейсайд.

Эбби привалилась к спинке стула.

— Просто не верится...

— Вот и мне не верится, — сказал Уэттиг. — Любое дело, связанное с медициной, — это обязательно шумиха. Эти чертовы адвокаты бьют из пушек по воробьям. Они готовы притянуть каждого врача в радиусе мили от пациента. Что-то здесь не так. История с Карен Террио — просто предлог.

— Это Виктор Восс, — догадалась Эбби.

— Восс? — Уэттиг даже махнул рукой. — Ему-то какой интерес соваться в это дело?

— Он хочет меня уничтожить. Это и есть его главный интерес. — Эбби оглядела собравшихся. — Как вы думаете, почему из всех врачей упомянута только моя фамилия? Скорее всего, Восс или его люди виделись с Джо Террио и сумели убедить его, что я допустила врачебную ошибку. Если бы мне самой поговорить с Джо...

— Ни в коем случае, — возразила Сьюзен. — Это было бы свидетельством вашего отчаяния. Подсказкой истцу, что ваши дела плохи.

— Мои дела действительно плохи!

— Нет. Пока что это домыслы стороны истца. Если будет доказано, что вы не допустили никаких профессиональных ошибок, дело развалится само собой. Если экспертная комиссия решит вопрос в вашу пользу, другой стороне придется отзывать иск.

— А если они все равно будут настаивать на суде?

— Это совершенно бессмысленно. Одни только судебные издержки...

— Как вы не понимаете? — взвилась Эбби. — Восс не привык отступать. Ему все равно, выиграет он или проиграет! Он способен оплатить целую армию юристов, только бы держать меня в страхе. Иск Джо Террио — лишь первая ласточка. Виктор Восс способен разыскать всех пациентов, которые у меня лечились. И всех их убедить подать на меня в суд.

— И на нас, как на работодателя доктора Ди Маттео. Значит, он будет постоянно трепать клинику Бейсайд, — сказал Парр.

Он был раздавлен ничуть не меньше Эбби.

— Существует же какой-то способ погасить этот пожар, — заметила Сьюзен. — Можно попытаться найти общий язык с мистером Воссом и разъяснить ему всю нелепость его войны против доктора Ди Маттео и клиники.

Никто не произнес ни слова, однако Эбби, взглянув на Парра, угадывала мысли, бродившие в голове президента клиники: «Самый быстрый способ погасить пожар — уволить тебя».

Она ждала, когда Парр выскажет свою мысль вслух. Она даже приготовилась к удару. Но удара не последовало. Парр и Сьюзен лишь переглянулись.

— Игра еще только начинается, — подытожила Сьюзен. — У нас есть несколько месяцев. На маневры. На ответный план...

Она взглянула на Эбби:

— Вам необходимо проконсультироваться с «Вангард мьючуэл». Предлагаю как можно скорее встретиться с их юристом. Подумайте о частном адвокате, сведущем в подобных вопросах.

— Вы считаете, он мне необходим?

— Да.

Эбби сглотнула:

— Не знаю, могу ли я себе позволить частного адвоката…

— В вашем положении, доктор Ди Маттео, вы просто должны, — сказала Сьюзен.

Вечернее дежурство стало для Эбби настоящим спасением. Звонки и сообщения пейджера весь вечер не давали ей расслабиться. То пневмоторакс в отделении интенсивной терапии, то скачок температуры у послеоперационного пациента в хирургии. Почти не оставалось времени на раздумья о судебном иске Джо Террио. Но стоило наступить телефонно-пейджерному затишью, как Эбби начинала кусать губы, сдерживая слезы. Ей и раньше приходилось утешать мужей и жен умерших пациентов, объяснять им, что врачи клиники сделали все возможное и даже невозможное. И никто не угрожал ей судом. Меньше всего Эбби ожидала этого от Джо Террио.

«Чем я могла его обидеть? — мысленно спрашивала себя Эбби. — Может, нужно было проявить больше сострадания? Больше заботы? Черт бы тебя побрал, Джо, ну что еще тебе было нужно от меня?»

При всем желании она не могла больше ничем помочь этому человеку. Она сделала все, что требовала ее профессия. Но она была не в силах оживить мозг Карен Террио. И теперь, в качестве благодарности, — пощечина.

Слезы куда-то делись. Эбби охватила злость. Она злилась на юристов, на Виктора Восса, даже на Джо. При всем сочувствии к этому человеку, потерявшему жену, Эбби понимала, что он ее предал. Тот, чью душевную боль и страдания она так искренне старалась разделить, взял и предал ее.

В десять вечера Эбби наконец смогла вернуться в ординаторскую. Она была слишком расстроена, чтобы читать медицинские журналы. Ей ни с кем не хотелось говорить, даже с Марком. Эбби легла на кушетку и вперилась в потолок. Она не чувствовала ног. Все ее тело будто омертвело.

«Как же я выдержу ночное дежурство, если уже сейчас не могу себя заставить встать с кушетки?»

Однако встать ей все-таки пришлось. В половине одиннадцатого зазвонил телефон.

— Доктор Ди Маттео, — привычно ответила Эбби, садясь на кушетке.

— Говорят из операционный. Доктора Арчер и Ходелл просят вас подойти к ним.

— Сейчас?

— Как можно быстрее. У них намечается операция.

— Иду, — сказала Эбби и повесила трубку.

Она вздохнула, приглаживая волосы. В другое время, в другой вечер, она бы со всех ног бросилась в операционную, торопясь переодеться и встать возле стола. Сегодня ей не хотелось не только вставать к столу, но даже смотреть на лица Марка и Арчера.

«Что раскисла, Ди Маттео? Ты хирург? Если да, то и веди себя как хирург!»

Злость на себя помогла Эбби встать и отправиться в операционную.

Марка и Арчера она нашла в комнате отдыха. Оба стояли возле микроволновой печи и о чем-то переговаривались. По тому, как дернулись их головы, когда она вошла, Эбби догадалась, что разговор не предназначался для чужих ушей. Но едва увидев ее, хирурги улыбнулись.

— А вот и вы, — сказал Арчер. — Ну как, в окопах все тихо?

— Временно, — ответила Эбби. — Слышала, у вас намечается операция.

— Пересадка, — кивнул Марк. — Все наши уже в пути. Вот только с Мохандасом не удалось связаться. Вместо него будет ординатор пятого года. Но нам может понадобиться и твоя помощь. Ну как, готова постоять возле стола?

— На пересадке сердца?

Как же Эбби не хватало этого всплеска адреналина. От депрессии не осталось и следа.

— Сейчас же иду переодеваться, — радостно кивнула Эбби.

— Одна небольшая деталь, — охладил ее пыл Арчер. — Сердце мы будем пересаживать Нине Восс.

Глаза Эбби округлились.

— Неужели ей так быстро нашли сердце?

— Нам повезло. Сердце едет из Берлингтона. Если бы Виктор Восс узнал, что мы позвали вас ассистировать, его бы инфаркт хватил. Но в операционной командуем мы, и нам может понадобиться ваша помощь. В сложившейся ситуации нам не оставалось ничего иного, как позвать вас.

— Не передумала? — спросил ее Марк.

— Ни в коем случае, — без колебаний ответила Эбби.

— Отлично, — улыбнулся Арчер. — Ассистентка у нас есть. — Он кивнул Марку: — Жду вас обоих через двадцать минут в третьей операционной.

В половине двенадцатого им позвонил торакальный хирург из больницы имени Уилкокса в Берлингтоне, штат Вермонт. Донорское сердце изъяли и срочно отправили в аэропорт. По словам хирурга, сердце было в прекрасном состоянии. Температура внутри медицинского контейнера равнялась четырем градусам по Цельсию. Сердце покоилось в насыщенном кардиоплегическом растворе, который временно парализовал сердечную мышцу. В таких условиях сердце сохраняло жизнеспособность от четырех до пяти часов. Без притока крови, питающей коронарные артерии, с каждой минутой так называемого ишемического времени отмирали все новые клетки миокарда. Чем дольше продлится ишемическое время, тем меньше вероятность, что сердце заработает в груди Нины Восс.

Сам полет (срочный чартерный рейс) по расчетам должен был занять максимум полтора часа.

К полуночи вся команда трансплантологов Бейсайда собралась и облачилась в зеленые хирургические костюмы. Помимо Билла Арчера, Марка и анестезиолога Фрэнка Цвика, здесь же присутствовала небольшая «группа поддержки»: медсестры, техник, отвечающая за аппарат искусственного кровообращения, кардиолог Аарон Леви и Эбби.

Нину Восс на каталке доставили в операционную № 3.

В половине второго ночи позвонили из аэропорта Логан. Самолет благополучно приземлился. Это было сигналом для хирургов: мыть руки, надевать перчатки, халаты и маски. Эбби мыла руки, наблюдая через окно за операционной. Команда трансплантологов готовилась к операции. Медсестры выкладывали на подносы простерилизованные инструменты и вскрывали упаковки со стерильными салфетками. Техник настраивала аппарат, напоминающий шкафчик на колесиках. Это и была машина, заменяющая человеческое сердце. Рядом стоял ординатор, вызванный вместо Мохандаса. Он уже подготовился к операции и теперь терпеливо ждал.

На операционном столе, окруженная трубками и проводами, лежала Нина Восс. Похоже, ее совсем не трогала вся эта хирургическая суета. Возле ее головы стоял доктор Цвик и что-то негромко говорил, одновременно делая ей внутривенный укол пентобарбитала. Веки Нины дрогнули и закрылись. Цвик прикрыл ей рот и нос анестезиологической маской. Он несколько раз нажал резиновую грушу, снабдив легкие Нины небольшими порциями кислорода, затем убрал маску.

Следующий этап требовал быстроты. Пациентка уже была без сознания и не могла дышать самостоятельно. Запрокинув ей голову, Цвик ввел в ее горло искривленный клинок ларингоскопа, нащупал голосовые связки и вставил пластиковую эндотрахеальную трубку. Специальная манжета, надутая воздухом, должна была удерживать трубку в трахее пациентки. Цвик подсоединил трубку к вентилятору, и грудь Нины стала подниматься и опускаться, подчиняясь ритму мехов аппарата. Вся интубация заняла менее тридцати секунд.

В операционной уже включили светильник и направили луч на стол. Залитая ярким светом, Нина казалась бесплотной, призрачной. Медсестра откинула простыню, обнажив торс пациентки: ребра, выпирающие под бледной кожей, и маленькие сморщенные груди. Ординатор мазал йодом вокруг ее сердца, дезинфицируя место предстоящей операции.

Двери операционной открылись, вошли Марк, Арчер и Эбби. Все были в зеленых костюмах. С вымытых рук капала вода. Медсестры стерильными полотенцами вытерли им руки, помогли надеть перчатки и халаты. К этому времени Нину Восс полностью подготовили к операции.

Арчер подошел к столу.

— Ну что, еще не привезли? — спросил он.

— Пока ждем, — ответила одна из медсестер.

— Из Логана всего двадцать минут езды.

— Возможно, они попали в пробку.

— В два часа ночи?

— Нам еще только аварии не хватало, — чертыхнувшись, буркнул Марк.

— Было и такое, — не отрываясь от мониторов, сказал Арчер. — В клинике Майо[7]. Им самолетом привезли почку из Техаса. Все как обычно: погрузили контейнер в «скорую», двинулись в клинику. Только успевают выехать за пределы аэропорта — «скорая» врезается в грузовик. Контейнер всмятку, почка тоже. Кстати, имела идеальную совместимость.

— Хватит шутить, — поморщился Цвик.

— Хороши шуточки! Сам-то представляешь, каково угробить донорскую почку?

Ординатор пятого года взглянул на стенные часы:

— После жатвы прошло уже три часа.

— Нужно ждать. Спокойно ждать, — сказал ему Арчер.

Зазвонил телефон. Головы всех повернулись к медсестре, снявшей трубку. Разговор был совсем коротким.

— Курьер уже здесь, — сообщила она. — Поднимается на наш этаж.

— Отлично, — бросил Арчер. — Начинаем резать.

Со своего места Эбби видела лишь кусочек операционного стола, и то когда его не загораживало плечо Марка. Арчер и Марк работали быстро и слаженно. Они провели иссечение грудины, обнажив соединительные ткани, а затем и кость.

Ожил настенный интерком.

— К вам доктор Мейпс, курьер из команды жнецов. Донорский груз при нем, — сообщила секретарша хирургического отделения.

— Мы — на стадии катетеризации, — ответил Марк. — Приглашаем доктора Мейпса присоединиться.

Через внутреннее окошко Эбби была видна хирургическая умывальная. Там сейчас дожидался курьер. Рядом на тележке стоял небольшой медицинский термос. В таком же она везла сердце Карен Террио.

— Доктор Мейпс сейчас переоденется и войдет к вам, — сказала секретарша.

Буквально через минуту курьер уже был в операционной: мужчина невысокого роста с выпуклым, как у неандертальца, лбом и крючковатым ястребиным носом, выпиравшим даже под маской.

— Добро пожаловать в Бостон, — сказал Арчер, мельком взглянув на посланца. — Я — Билл Арчер, а это мой коллега Марк Ходелл.

— Леонард Мейпс. Ассистировал доктору Николсу в Уилкоксе, когда изымали это сердце.

— Как долетели, Лен?

— Жаль, на чартерных рейсах не подают напитки.

Улыбка Арчера была видна даже под маской.

— И что за подарок вы нам привезли, Лен? До Рождества еще далековато, но мы рады подаркам.

— Отличный подарок. Думаю, вы будете довольны.

— Сейчас закончу катетеризацию и взгляну.

Катетеризация восходящей дуги аорты была первым шагом в подключении пациентки к аппарату искусственного кровообращения. Квадратный ящик, над которым продолжала колдовать техник, временно возьмет на себя работу сердца и легких. Он будет собирать венозную кровь, насыщать ее кислородом и возвращать в аорту Нины Восс.

Шелковой хирургической нитью Арчер сделал на стенке аорты два концентрических кисетных шва. Затем скальпелем чуть надрезал сосуд. Хлынула кровь. Арчер проворно вставил катетер в разрез и затянул швы. Кровотечение сразу замедлилось, а затем, когда он вшил наконечник катетера, и вовсе прекратилось. Другой конец катетерной трубки Арчер подсоединил к артериальной линии аппарата.

Марк, которому ассистировала Эбби, уже начал делать венозную катетеризацию.

— Порядок. — Арчер отошел от стола. — А теперь достанем ваш подарочек.

Одна из медсестер открыла контейнер и извлекла сердце, упакованное в два обычных полиэтиленовых пакета. Развязав веревки, она опустила сердце в стерильный калийный раствор.

Затем охлажденное донорское сердце перешло в руки Арчера.

— Иссечение произведено просто мастерски, — сказал он. — Вы, парни, хорошо поработали.

— Благодарю, — лаконично ответил Мейпс.

Арчер водил пальцем по поверхности сердца.

— Артерии мягкие и гладкие. Чистые, как стеклышко.

— А оно не слишком маленькое? — спросила Эбби. — Сколько весил донор?

— Сорок четыре килограмма, — ответил доктор Мейпс.

— Взрослый? — нахмурилась Эбби.

— Мальчишка-подросток. Был совершенно здоров.

Эбби видела, какая боль промелькнула в глазах Арчера. Она помнила: у него самого двое сыновей-подростков. Арчер осторожно вернул сердце в ванночку с охлажденным кардиоплегическим раствором.

— Это сердце еще послужит, — сказал Арчер, снова поворачиваясь к Нине.

Марк и Эбби закончили венозную катетеризацию. Из двух надрезов в правом предсердии выходили две прозрачные тайгоновые трубки, имевшие на концах специальные металлические корзиночки. Катетеры фиксировались кисетными швами. Теперь они будут собирать венозную кровь и направлять ее в насос-оксигенатор.

После этого Арчер и Марк перекрыли верхнюю и нижнюю полые вены, преградив крови обратный путь в сердце.

— Пережимаем аорту, — сообщил Марк, закрывая восходящую дугу аорты.

Измученное сердце Нины Восс, лишенное венозного притока и артериального оттока крови, превратилось в бесполезный мешок. Кровообращение пациентки теперь находилось под полным контролем техника и ее волшебного ящика. Она же управляла температурой тела Нины. Кровь и другие телесные жидкости медленно охлаждались до температуры двадцати пяти градусов по Цельсию. До состояния глубокой гипотермии. Такая температура помогала сохранять в пересаженном сердце жизнеспособность клеток миокарда и уменьшала потребность организма в кислороде.

Цвик выключил вентилятор. Ритмичный шелест мехов стих. Необходимость накачивать воздух в легкие отпала. С этим теперь справлялся аппарат искусственного кровообращения.

Арчер перерезал аорту и легочную артерию. Хлынувшая кровь залила грудь пациентки и забрызгала пол. К Нине быстро подошла медсестра, держа наготове стерильное полотенце, которое и впитало кровь. Арчер продолжал работать, безучастный к поту, густо выступившему у него на лбу, и к жару, который шел от операционного светильника. Затем он рассек предсердия. Снова кровь, забрызгавшая его халат. В этой части сердца она была еще темнее. Рука Арчера по локоть погрузилась в грудную полость пациентки. Он вынул больное сердце Нины Восс — бледное и дряблое — и бросил в ванночку. На месте сердца в теле осталась зияющая пустота.

Эбби взглянула на кардиомонитор. Ей стало не по себе. Прямая линия на экране почему-то пугала, хотя ничего другого аппарат и не мог показывать. В теле не было сердца. Бездействовали легкие. Отсутствовали все классические признаки жизни. И тем не менее пациентка была жива.

В ее грудную полость Марк поместил донорское сердце.

— Кое-кто сравнивает эту процедуру с работой водопроводчика. Соединили трубы, заизолировали места соединений. Вот и все.

Говоря, он осторожно поворачивал сердце, добиваясь нужного положения.

— Кто-то думает, что наша работа не многим сложнее, чем латание брюха звериного чучела. А стоит лишь на минуту отвлечься, и на тебе! Оказывается, ты пришиваешь сердце задом наперед.

Ординатор засмеялся.

— Ничего смешного. Такое случалось.

— Раствор, — коротко бросил Арчер.

Медсестра налила ванночку холодного кардиоплегического раствора. Он предохранял сердце от тепла хирургического светильника.

— Много чего может пойти не так, как должно, — говорил Марк.

Игла в его руке глубоко и даже как-то варварски вонзалась в левое предсердие.

— Реакция пациента на препараты. Перекосы с анестезией. Еще какие-нибудь поганые мелочи. Но почему-то всегда остается виноват хирург.

— Избыток крови, — сказал Арчер. — Эбби, включайте насос.

Зашипел аспирационный насос. Когда Эбби его выключила, в операционной установилась напряженная тишина. Темп работы хирургов ускорился. Мягко тарахтел насос-оксигенатор, щелкали зажимы. Каждый стежок соединял между собой зубчатые края сосудов. Эбби еще раз включила аспирационный насос, но кровь все сочилась. Пропитавшиеся насквозь полотенца летели на пол, и хирурги отпихивали их от себя. Медсестры едва успевали подавать чистые полотенца.

— Анастомоз правого предсердия выполнен, — объявил Арчер, отбрасывая иглу.

— Перфузионный катетер! — потребовал Марк.

Медсестра подала ему катетер. Марк ввел катетер в левое предсердие, которое наполнил калийным раствором, охлажденным до четырех градусов Цельсия. Калийный раствор охлаждал ткани желудочка, удаляя воздушные карманы, которые могли образоваться внутри.

— Порядок. — Арчер повернул сердце, чтобы сделать анастомоз аорты. — Ну что, подключаем все остальное.

— Вы посмотрите! — Марк кивком указал на стенные часы. — Идем с опережением графика. Вот какая у нас команда!

Снова ожил интерком. Вызывала дежурная медсестра.

— Мистер Восс интересуется состоянием своей жены.

— Она в прекрасном состоянии, — ответил Арчер. — Никаких проблем.

— Когда вы предполагаете завершить операцию?

— Где-то через час. Передайте ему, пусть еще немного подождет.

Интерком выключился.

— Не люблю, когда меня гладят против шерсти, — бросил Марку Арчер.

— Восс?

— Буквально всё хочет держать под контролем.

— И лезть туда, где ничего не понимает.

Игла Арчера мерно ныряла в стенки аорты, тяня за собой нить.

— Конечно, будь у меня столько денег, я бы, наверное, тоже захотел контролировать всё и вся.

— А откуда он черпает свои богатства? — спросил ординатор пятого года.

— Вы не знаете, кто такой Виктор Восс? Про международный концерн «Ви-эм-ай интернейшнл» слышали? Производят все: от химических препаратов до робототехники.

— Про концерн слышал, но не знал, что это собственность Восса.

— Теперь знаете. — Арчер сделал последний стежок и обрезал нить. — Аорта готова. Пережатие можно снимать.

— Вынимаем перфузионный катетер, — сказал Марк и повернулся к Эбби. — Подготовь два катетера с электродами.

Арчер взял с подноса чистую иглу и занялся легочным анастомозом. Он накладывал последний стежок, когда донорское сердце вдруг ожило.

— Вы только посмотрите! Холодное как лед, а уже сокращается. Этому сердечку не терпится снова взяться за работу.

— Катетеры с электродами готовы, — сказал Марк.

— Производим впрыскивание изупрела, — сообщил Цвик. — Два микрограмма.

Все напряженно ждали, когда изупрел подействует и сердце начнет сокращаться.

Но сердце молчало.

— Начинай биться, — уговаривал его Арчер. — Не разочаровывай меня.

— Может, дефибриллятор? — спросила одна из медсестер.

— Нет, дадим ему шанс.

Сердце медленно сжалось и стало похоже на узел размером с кулак. Потом снова обмякло.

— Увеличиваем дозу изупрела до трех микрограммов, — сказал Цвик.

— Продолжай, — распорядился Арчер. — Подстегни его еще чуть-чуть.

Еще одно, такое же напряженное сокращение. И опять замирание.

— Четыре микрограмма.

Цвик ввел новую дозу.

Сердце напряглось. Расслабилось. Снова напряглось. Снова расслабилось.

Цвик взглянул на монитор. Теперь по экрану шли зубцы, отражая сердечный ритм.

— Частота возросла до пятидесяти… Шестьдесят четыре… Семьдесят.

— Титруй дозу изупрела, — велел Марк. — Шаг — одна десятая микрограмма.

— Я этим и занимаюсь, — ответил Цвик, задавая концентрацию изупрела.

— Кто-нибудь, подойдите к интеркому и свяжитесь с реанимацией. Сообщите, что мы заканчиваем.

— Шаг титрования — одна десятая, — сказал Цвик.

— Отлично. Отключаем ее от аппарата, — сказал Марк. — Вынимайте катетеры.

Цвик включил вентилятор. Все, кто был в операционной, облегченно вздохнули.

— Будем надеяться, что они с сердцем поладят, — улыбнулся Марк.

— Кстати, каков уровень лейкоцитарной совместимости? — поинтересовался Арчер.

Он оглянулся, ища глазами доктора Мейпса, но того рядом не было.

Эбби была настолько поглощена операцией, что даже не заметила, когда этот маленький человек с выпуклым лбом успел улизнуть.

— Он ушел минут двадцать назад, — сообщила одна из медсестер.

— Просто взял и ушел? — недоумевал Арчер.

— Наверное, торопился на самолет, — предположила медсестра.

— Лишил меня возможности пожать ему руку, — вздохнул Арчер и повернулся к пациентке. — Ладно. Давайте заканчивать.

7

Надия была сыта по горло. Она устала от этого хныканья, от всех несусветных требований и неуправляемых выплесков накапливавшейся мальчишечьей энергии. Ну почему она должна разбирать их дурацкие ссоры и вмешиваться в потасовки? Как же она устала. А теперь еще и морская болезнь! Эта чертова обезьяна Грегор тоже лежал пластом, как и почти вся ребятня. Плавание по Северному морю казалось Надии лавированием между молотом и наковальней. Мальчишки целыми днями валялись на койках, стонали и блевали. Стоны и вонь их блевотины добирались даже до верхней палубы. В такие дни кают-компания пустовала, и там было темно. Пусто было и в судовых коридорах. Сам корабль превращался в скрипучее и стонущее подобие «Летучего голландца». Казалось, им управляет команда призраков.

А вот для Якова это были лучшие дни в его жизни.

Качка на него совсем не действовала. Его не тошнило и даже не мутило. Он свободно разгуливал по всему кораблю. Никто его не останавливал. Команде его присутствие ничуть не мешало. Вроде даже нравилось. Яков зачастил в машинное отделение — царство механика Кубичева. Там, под стук и грохот судовых дизелей, в сизоватой дымке дизельных выхлопов, они с механиком играли в шахматы. Иногда Яков даже выигрывал. Когда ему хотелось есть, он отправлялся на камбуз, в другое царство, где главным был кок по фамилии Любый. Тот поил мальчишку чаем, кормил борщом и баловал национальным украинским лакомством, которое называлось «медивнык». Чем-то оно было похоже на кекс, но гораздо ароматнее и сочнее от обилия меда. Разговорчивостью Любый не отличался. Казалось, он знает всего два слова: «Еще?» и «Довольно?» За кока говорили кушанья, которые он готовил.

Подкрепившись, Яков продолжал разгуливать по кораблю. Его манил пыльный грузовой трюм, притягивала радиорубка со стойками хитрой аппаратуры. Ему очень нравилась палуба. Там можно было здорово спрятаться под брезентом, под которым хранились спасательные шлюпки. Единственным местом, куда он пока не смог попасть, был дальний конец кормы. Яков искал туда проход, но так и не находил.

И все же самым любимым его местом была капитанская рубка. Капитан Дибров и штурман всегда приветливо встречали мальчишку. Они снисходительно улыбались и разрешали ему посидеть за штурманским столом. Указательным пальцем единственной руки Яков водил по карте, где был проложен курс их судна. Из Рижского порта они шли по Балтийскому морю, по узким проливам, мимо Мальме и Копенгагена. Обогнув Данию, вышли в Северное море, где было полным-полно нефтяных платформ. Каждая имела свое название: «Монтроз», «Сороковые широты», «Волынщик». Северное море оказалось не голубой лужицей, как на карте, а обширным водным пространством, по которому они плыли целых два дня. Штурман рассказал, что вскоре они выйдут в Атлантический океан — такое громадное пространство, которое и сравнить не с чем.

— Они этого не переживут, — предсказал Яков.

— Кто не переживет?

— Надия и остальные мальчишки.

— Еще как переживут, — возразил штурман. — В Северном море почти всех выворачивает. Потом их желудки привыкнут. Это из-за внутреннего уха.

— Вы ж про желудок говорили. При чем тут ухо?

— Оно реагирует на движение. Когда движения слишком много, внутреннему уху это не нравится.

— Почему?

— Сам не вполне понимаю. Но мне так врачи объясняли.

— Меня же не тошнит. У меня что, другое внутреннее ухо?

— Должно быть, ты прирожденный моряк.

Яков взглянул на культю левой руки и покачал головой:

— Сомневаюсь.

— У тебя светлая голова, — улыбнулся штурман. — Мозги куда важнее. Там, куда ты плывешь, они тебе очень пригодятся.

— Почему?

— В Америке как? Если ты умный, то можешь разбогатеть. Ты ведь хочешь разбогатеть?

— Не знаю.

Штурман и капитан захохотали.

— Наверное, парнишка совсем безмозглый, — предположил капитан.

Яков смотрел на них, но не улыбался.

— Мы же пошутили, — сказал штурман.

— Знаю.

— Скажи, парень, а почему ты никогда не смеешься? Сколько плывем, я ни разу не слышал твоего смеха.

— Не тянет, вот и не смеюсь.

Капитан фыркнул:

— Каков щенок, а? Настоящий везунчик. В Штатах попадет в богатенькую семью. Неужели и тогда смеяться не потянет? Где ж у него шестеренки заклинило?

Яков пожал плечами и снова уткнулся в карту.

— Зато я никогда не плачу, — буркнул он.

Алексей, свернувшись калачиком, лежал на нижней койке. В руках он, как всегда, сжимал Шу-Шу. Он спал, но проснулся, едва к нему в ноги сел Яков.

— Эй, Алешка, вставать думаешь?

— Меня и лежа мутит, — признался Алексей и снова закрыл глаза.

— Любый на ужин приготовил манты. Я девять штук умял.

— Не говори про еду.

— Ты что, жрать не хочешь?

— Еще как хочу. Но меня после первого же куска вывернет.

Яков вздохнул и оглядел каюту. В ней было восемь коек в два яруса. На шести валялись мальчишки, которым было не до игр и лазанья по кораблю. Яков побывал в соседних каютах — и там такая же картина. Неужели все ребята так и будут валяться, пока корабль не пересечет Атлантику?

— Это все из-за твоего внутреннего уха, — поделился новоприобретенными знаниями Яков.

— Что ты несешь? — застонал Алешка.

— Я про ухо говорю. Оно на пузо действует, вот тебя и рвет.

— Уши у меня не болят.

— Ты уже четыре дня бревном лежишь. Встал бы, пожрал чего.

— Отвали!

Яков изловчился и вырвал из Алешкиных рук драгоценную Шу-Шу.

— Отдай! — заскулил тот.

— Встань и забери.

— Отдай Шу-Шу!

— Сначала встань. Давай, поднимайся.

Алексей попытался отнять собачку, но Яков увернулся, и рука схватила воздух.

— Вставай. Сразу полегчает.

Алешка сел на койке. Его пальцы впились в матрас, а голова двигалась в такт корабельной качке. Неожиданно он зажал рот рукой, кое-как поднялся на ноги и доковылял до умывальника. Его вывернуло в раковину. Он со стоном вернулся на койку.

Яков молча отдал ему Шу-Шу. Обрадованный, Алешка крепко прижал плюшевую игрушку к груди.

— Я ж тебе говорил, что меня мутит. А теперь вали, дай поспать.

Яков вышел в коридор. Надия занимала отдельную каюту. Он постучался в дверь. Ответа не было. Тогда Яков подошел к двери каюты, в которой жил Грегор, и тоже постучался.

— Кто там? — послышался угрюмый голос.

— Это я, Яков. Хотел спросить: вам все еще плохо?

— Пошел ты знаешь куда?

И Яков пошел. Он послонялся по кораблю. Камбуз уже закрыли. Любый отправился спать. Капитан и штурман были слишком заняты, чтобы разговаривать с ним. Как всегда, Яков оказался предоставлен самому себе.

Оставалось машинное отделение. Якову повезло: Кубичев не спал. Они сели играть в шахматы. Яков получил право первого хода и двинул ферзевую пешку.

— А вы были в Америке? — спросил Яков, перекрывая гул дизелей.

— Дважды, — ответил Кубичев, двигая пешкой от ферзя.

— Вам там понравилось?

— Спроси чего полегче. Когда мы заходим в порт, нам велят сидеть в каютах и носа не высовывать.

— Зачем капитан вам это приказывает?

— Не капитан. Люди из каюты, что на корме.

— Что за люди? Я их ни разу не видел.

— А их никто не видит.

— Тогда откуда вы знаете, что они там?

— Спроси у Любого. Он им еду готовит и отправляет. Значит, эту еду кто-то ест… Ты ходить собираешься?

Яков заставил себя сосредоточиться на доске. Он выставил еще одну пешку.

— А чего бы вам не сбежать с корабля, когда мы приплывем? — спросил он Кубичева.

— С какой стати?

— Остались бы в Америке. Разбогатели бы.

Кубичев хмыкнул:

— Они мне нормально платят. Не жалуюсь.

— И сколько они вам платят?

— До чего ж ты настырный.

— Ну сколько? Кучу денег?

— Больше, чем я зарабатывал раньше. И больше, чем зарабатывают такие, как я. А работа — плавай взад-вперед через эту дерьмовую Атлантику.

Яков двинул своего ферзя.

— А судовой инженер — это интересная работа?

— Не стоит трогать ферзя раньше времени. Зачем ты так пошел?

— Пробую новые ходы. Может, и мне выучиться на судового инженера?

— Не советую.

— Но вам же хорошо платят.

— Только потому, что я работаю на «Компанию Сигаева». Они очень хорошо платят.

— Почему?

— По кочану.

— Ну скажите!

— Откуда я знаю? — Кубичев потянулся к доске. — Смотри, мой конь бьет твоего ферзя. Говорил тебе, это дурацкий ход.

— Я поставил опыт, — заявил Яков.

— И, надеюсь, чему-то научился.

Через несколько дней, придя в капитанскую рубку, Яков спросил у штурмана:

— А что это за «Компания Сигаева»?

— Где ты это услышал? — удивился штурман.

— Кубичев рассказал.

— Он не должен был говорить о таких вещах.

— Тогда и вы не говорите, — сказал Яков.

— Ты прав, парень.

Яков на время замолчал, наблюдая, как штурман возится с электронным оборудованием. Тот смотрел на экранчик, на котором постоянно менялись цифры. Некоторые из них штурман записывал в блокнот, поглядывая на карту.

— Где мы сейчас находимся? — поинтересовался мальчишка.

— Вот здесь. — Штурман ткнул пальцем в крестик на карте, в самую середину океана.

— Откуда вы знаете?

— Цифры рассказали. Я видел их на экране. Они сообщили мне широту и долготу места. Вот и все.

— Наверное, чтобы стать штурманом, нужно быть очень умным.

— В общем-то, особого ума не требуется.

Штурман передвигал по карте две пластмассовые линейки, соединенные общим стержнем. Отметив, что ему надо, штурман соединил линейки и поднял к самому верхнему краю карты, где была нарисована картушка компаса.

— Вы делаете что-то незаконное? — вдруг спросил Яков.

— С чего ты так решил?

— А разве не поэтому вам нельзя говорить о том, что вы возите?

Штурман вздохнул:

— Моя единственная обязанность — привести корабль из Риги в Бостон и потом назад в Ригу.

— Вы всегда возите сирот?

— Нет. Обычно мы возим грузы. Ящики с грузами. Что внутри ящиков — меня не касается. Я лишних вопросов не задаю. Вот так.

— Значит, вы занимаетесь чем-то незаконным.

— Ну что ты за любопытный чертенок, — засмеялся штурман.

Он снова стал записывать цифры в книжку аккуратными колонками.

Яков следил за действиями штурмана, потом спросил:

— Как вы думаете, меня усыновят?

— Обязательно.

— Даже с этим?

Яков выпятил культю левой руки.

Штурман посмотрел на него. В глазах взрослого блеснула жалость. Яков это заметил.

— Я точно знаю: тебя обязательно усыновят.

— Откуда вы знаете?

— Кто-то ведь заплатил за твой переезд в Америку. Оформил документы на тебя.

— Не видел никаких документов. А вы?

— Я усыновлениями не занимаюсь. Моя забота — привести корабль в Бостон.

Штурман выразительно посмотрел на дверь рубки:

— Шел бы ты к ребятам. Мне расчеты делать надо. Они внимания требуют.

— Чего мне туда идти? Все по койкам валяются и стонут.

— Ну тогда поиграй один. В другом месте.

Яков нехотя ушел из рубки и спустился на палубу. Палуба была пуста. Яков встал у перил. Он смотрел на воду, рассекаемую корабельным носом. Он думал о рыбах, плавающих под этой серой бурлящей водой. И вдруг ему стало трудно дышать. Бурление воды сдавливало ему горло. Но Яков не убежал с палубы. Он стоял, вцепившись в перила своей единственной рукой. В мозгу у него проносились страшные мысли, мелькали страшные картины холодных океанских глубин. Он давно, очень давно перестал ощущать страх.

И вот сейчас страх вдруг вернулся к нему.

8

Две ночи подряд ей снился один и тот же сон. Медсестры объяснили, что все дело в назначенных лекарствах: метилпреднизолоне, циклоспорине и обезболивающих таблетках. Эти препараты взбудоражили мозг. Волноваться не стоит: у всех, кто прошел через похожее состояние, бывают тяжелые сны. Постепенно они сами уйдут.

Но сегодня утром, проснувшись в слезах, Нина Восс поняла: этот сон не уйдет. Он останется с нею навсегда. Он теперь часть ее, как и пересаженное сердце.

Нина осторожно потрогала повязки на груди. После операции прошло уже два дня. Боль постепенно стихала, хотя по-прежнему будила ее по ночам, напоминая о полученном подарке. Ей досталось прекрасное, сильное сердце. Нина это поняла в первый же день. За долгие месяцы болезни она успела позабыть, что значит сильное сердце, каково ходить и не задыхаться; чувствовать, как теплая кровь постоянно омывает все жизненно важные органы, согревает мышцы, окрашивает пальцы в здоровый розовый оттенок. Она настолько свыклась с мыслью о смерти, что сама жизнь казалась ей чем-то необычным. Но теперь Нина воочию убеждалась: она будет жить. Она в буквальном смысле чувствовала это кончиками пальцев.

О том же говорило и биение ее нового сердца.

Но у нее пока не было ощущения, что сердце принадлежит ей. Возможно, это ощущение так никогда и не появится.

В детстве Нина часто донашивала одежду старшей сестры Каролайн. Сестра обращалась с вещами аккуратно, и потому ее добротные шерстяные свитера и нарядные платья выглядели почти как новые. Казалось бы, вся эта одежда переходила в безраздельную собственность Нины, но ей было не избавиться от ощущения, что она носит вещи

сестры. Они так и оставались для нее «платьями Каролайн» и «юбками Каролайн».

«А чье сердце бьется теперь во мне?» — думала она, осторожно дотрагиваясь до груди.

В полдень приехал Виктор.

— Я снова видела этот сон, — сказала Нина. — Про мальчика-подростка. И такой яркий! Как наяву. Когда проснулась, я даже плакала.

— Дорогая, это всего лишь стероиды, — успокоил жену Виктор. — Врачи предупреждали о побочных эффектах.

— А я думаю, это не просто сон. В нем есть какой-то смысл. Неужели ты не понимаешь? Мальчик погиб, но часть его продолжает жить во мне. Я чувствую этого подростка...

— Зря медсестра разболтала тебе, кто был донором сердца.

— Я сама ее спросила.

— И все равно она не должна была говорить. Мальчишке уже ничто не поможет, а на тебя это нагоняет дурные мысли.

— Ты не прав, — тихо возразила Нина. — Я понимаю: его не воскресить. Но семья... если у него есть семья...

— Уверен: они не хотят, чтобы им бередили душевные раны. Сама подумай. Донорство органов — процесс сугубо конфиденциальный. И на то есть веские причины.

— Но почему бы не послать этим людям благодарственное письмо? Совершенно анонимное. Простое выражение...

— Нет, Нина. Это исключено.

Нина откинулась на подушки. Опять ее голова полнится глупыми мыслями. Виктор прав. Он всегда прав.

— Дорогая, а ты сегодня замечательно выглядишь, — сказал он. — Ты пробовала садиться?

— Дважды, — ответила Нина и вдруг зябко поежилась.

Ей показалось, будто в палате стало холодно, как зимой. Она даже отвернулась. Виктору незачем видеть, что ее трясет.

Возле кушетки, где спала Эбби, сидел Пит и смотрел на нее. Брат был в синей форме бойскаутов-волчат, с аккуратными нашивками на рукавах и ниткой пластмассовых бусинок, прикрепленной к нагрудному карману. Каждая бусинка — знак его бойскаутских успехов и побед. Не было только кепки.

«Куда же он дел кепку?» — подумала Эбби.

Потом она вспомнила: кепка потерялась. Они с сестрами обшарили каждый дюйм вокруг искореженного велосипеда, однако кепку так и не нашли.

Пит давно не приходил. С той ночи накануне отъезда в колледж. До этого брат появлялся несколько раз и всегда просто сидел и смотрел на нее, не произнося ни слова.

— Где ты был, Пит? — спросила Эбби. — Зачем приходишь ко мне, если просто сидишь и молчишь?

Брат не ответил. Он молча смотрел на нее. Его губы не шевелились. Воротник синей рубашки был накрахмален, а саму рубашку будто только что отгладили. Эбби вспомнила, как перед похоронами мать крахмалила и гладила рубашку. Неожиданно Пит повернул голову в сторону соседней комнаты. Похоже, его привлек какой-то звук. Фигура Пита задрожала, как потревоженная водная гладь.

— Что ты хотешь мне сказать своим появлением? — допытывалась Эбби.

Пит все быстрее превращался в отражение на взбаламученной поверхности воды. Эбби услышала целую лавину звуков, и брат исчез. Осталась лишь темнота.

Зазвонил телефон. Эбби ощупью сняла трубку:

— Ди Маттео.

— Говорят из реанимации хирургического отделения. Нужно, чтобы вы к нам подошли.

— Что случилось?

— Миссис Восс. Койка номер пятнадцать. Ей недавно пересадили сердце. Повысилась температура. Сейчас тридцать восемь и шесть.

— А как другие показатели?

— Давление — сто на семьдесят. Пульс — девяносто шесть.

— Сейчас приду.

Эбби повесила трубку и включила настольную лампу. Два часа ночи. Стул возле кушетки пустовал. Никакого Пита. Постанывая от усталости, Эбби встала, проковыляла к умывальнику и плеснула на лицо воды. Вода явно была холодной, однако Эбби этого не ощутила, словно находилась под действием анестезии.

«Просыпайся, — мысленно приказывала она себе. — Просыпайся и решай, что делать. Послеоперационная лихорадка. С пересадки сердца прошло три дня. Первый шаг — проверить состояние шва. Затем — легкие. Живот. Распорядиться насчет рентгена грудной клетки и бактериальных анализов».

Главное — быть предельно собранной.

Эбби понимала, что не имеет права допустить ни малейшей ошибки. Особенно сейчас и особенно в отношении этой пациентки.

Входя по утрам в двери Бейсайда, Эбби замирала: вдруг ее уже уволили? Но день начинался, и под напором обычных врачебных дел тревожные мысли отступали. В шестом часу вечера Эбби облегченно вздыхала. Пронесло! Каждый прожитый день немного развеивал тучи над ее головой. Угрозы Парра виделись уже не такими реальными. Эбби знала: Уэттиг и Марк — за нее. Возможно (всего лишь возможно), с их помощью она сумеет остаться в клинике. Нельзя давать Парру ни малейшего повода усомниться в ее профессиональных качествах. Эбби проверяла и перепроверяла результаты каждого анализа и данные каждого осмотра. Она старалась держаться как можно дальше от палаты, в которой лежала Нина Восс. Меньше всего ей хотелось снова нарваться на Виктора Восса.

Но реальность такова, что у Нины Восс повышенная температура, а она, Эбби Ди Маттео, — дежурный ординатор. Все эмоции и страхи — побоку. Она должна делать то, что должен делать дежурный ординатор.

Надев кроссовки, Эбби вышла из ординаторской.

Ночью клиника словно перемещается в иную реальность. Длинные коридоры совершенно пусты, но в них по-прежнему горит яркий свет. Когда смотришь на все это усталыми глазами, белые стены начинают искривляться и покачиваться, становясь движущимися туннелями. По одному из таких туннелей и брела Эбби. Ее тело все еще дремало, мозг никак не мог включиться в работу. Только сердце откликнулось на призыв о помощи. Оно громко стучало.

Завернув за угол, Эбби вошла в реанимацию хирургического отделения.

Здесь свет был притушен. Большинство пациентов спали. Возле стола дежурной медсестры на стене мерцали экраны шестнадцати мониторов, показывая, что сердца всех шестнадцати пациентов бьются. Мониторы показывали и другие данные, в том числе пульс. Эбби мельком взглянула на монитор № 15. Пульс миссис Восс, сто ударов в минуту, заметно превышал норму.

Одновременно с появлением Эбби на столе дежурной медсестры зазвонил телефон.

— Это доктор Леви. Он хочет поговорить с дежурным ординатором.

Эбби взяла протянутую трубку:

— Здравствуйте, доктор Леви. Эбби Ди Маттео слушает.

Ответом ей было молчание.

— Так это вы сегодня дежурите? — с заметным недовольством спросил кардиохирург.

Эбби вполне понимала причину его недовольства. Аарону Леви ужасно не хотелось, чтобы она дотрагивалась до Нины Восс. Но заменить ее кем-нибудь он не мог. Этой ночью доктор Ди Маттео была единственным старшим ординатором в клинике.

— Я как раз собиралась осмотреть миссис Восс, — сказала Эбби. — У пациентки повышается температура.

— Да. Мне сообщили.

И снова пауза.

Эбби решила плюнуть на неприязнь доктора Леви и вести разговор в сугубо профессиональном ключе.

— Я сделаю все, что предусмотрено в случае послеоперационной лихорадки. Сначала, естественно, осмотрю пациентку. Выпишу направления на клинический анализ крови, бактериологический анализ и анализ мочи, а также направление на рентген грудной клетки. Как только результаты будут у меня, я вам сообщу.

— Хорошо, — наконец подал голос доктор Леви. — Буду ждать вашего звонка.

Надев белый халат, Эбби вошла в отсек Нины Восс. Над кроватью неярко горел ночник. В конусе его мягкого света волосы Нины Восс казались серебристой полоской, протянувшейся среди подушек. Ее глаза были закрыты, а руки — сложены на груди, как у… покойников.

«Словно принцесса в гробу», — подумала Эбби.

Эбби подошла ближе, встала у постели.

— Миссис Восс, — тихо позвала она.

Нина открыла глаза. Ее взгляд медленно сосредоточился на Эбби.

— Я доктор Ди Маттео, — представилась Эбби. — Хирург-ординатор.

В глазах Нины что-то мелькнуло.

«Она знает мое имя, — подумала Эбби. — Знает, кто я».

Гробокопательница. Похитительница тел.

Нина Восс просто смотрела на нее непроницаемыми глазами.

— У вас послеоперационная лихорадка, — пояснила Эбби. — Нам необходимо установить ее причины. Миссис Восс, как вы себя чувствуете?

— Я… устала. Это все, — прошептала Нина. — Просто устала.

— Мне необходимо осмотреть шов у вас на груди.

Включив свет, Эбби осторожно размотала бинты. Место разреза было чистым: ни красноты, ни припухлости. Эбби достала стетоскоп. Она прослушала легкие Нины. Никаких посторонних шумов и хрипов. Потом ощупала живот пациентки, осмотрела уши, нос и горло. Никаких тревожных симптомов, никаких видимых причин лихорадки. Все это время Нина молча следила за действиями Эбби.

— Результаты осмотра показывают, что у вас не должно быть лихорадки, — сказала Эбби, сматывая стетоскоп. — Но температура держится. Значит, причина все-таки есть. Чтобы ее найти, мы сделаем вам рентген грудной клетки и возьмем три пробы крови на бактериологический анализ. — Она виновато улыбнулась. — Боюсь, этой ночью мы не дадим вам поспать.

— Я и так мало сплю, — покачала головой Нина. — Сны мешают. Столько снов…

— Плохие сны?

Нина медленно вдохнула, затем так же медленно выдохнула:

— Сны о мальчике.

— О каком мальчике, миссис Восс?

— Об этом. — Она коснулась рукой груди. — Мне сказали… сердце принадлежало мальчику-подростку. Я даже имени его не знаю. Не знаю, как он погиб. Знаю лишь, что сердце мне досталось от него. Это правда?

— Так говорили в операционной, — кивнула Эбби.

— Вы там были?

— Ассистировала доктору Ходеллу.

Губы Нины тронула слабая улыбка.

— Странно… Вы там… после…

Она замолчала.

Несколько минут никто из двоих не произносил ни слова. Эбби мешало говорить чувство вины. А Нине Восс? Что мешало ей? Ирония этой встречи?

Эбби повернула светорегулятор. Отсек погрузился в сумрак.

«Совсем как в склепе».

— Миссис Восс… То, что произошло тогда… Я говорю про другое сердце… первое… — Эбби было невыносимо смотреть в глаза Нины, и она отвернулась. — Пациент тоже был совсем мальчишка. Семнадцать лет. Ребята в его возрасте мечтают о машинах и девушках. А он мечтал… вернуться домой. Он мечтал только о возвращении домой… — Эбби вздохнула. — Я не могла допустить, чтобы он умер… Миссис Восс, я вас тогда не видела. Не знала, в каком вы состоянии. А он лежал на койке. Его сердце без конца останавливалось. Я должна была сделать выбор.

Эбби заморгала, смахивая слезы.

— И он жив?

— Да. Он жив.

Нина кивнула. Снова дотронулась до своей груди. Казалось, она ведет беззвучный диалог со своим новым сердцем. Вслушивается, отвечает.

— И этот мальчик… Он тоже жив. Я чувствую каждый удар его сердца. Каждый удар. Некоторые считают сердце вместилищем души. Может, родители этого мальчика тоже так считают? Я постоянно думаю о них. О том, как тяжело им было потерять сына. У меня никогда не было сына. Вообще не было детей. — Нина сомкнула пальцы в кулак и приложила к повязке. — Как вы думаете… знать, что часть дорогого тебе человека продолжает жить… это приносит утешение? Если бы он был моим сыном, меня бы это утешило. Меня бы утешило.

На ее висках поблескивали слезинки. Она плакала.

Эбби потянулась к ее руке. Рука Нины оказалась на удивление сильной, а пальцы — жаркими и твердыми. Нина пристально смотрела на нее. Эбби почувствовала, что этот блеск в глазах вызван не только повышенной температурой.

«Если бы я тогда видела, в каком вы состоянии, — думала Эбби. — Если бы на одной койке умирали вы, а на другой — Джош О'Дей, кого из вас я бы выбрала?»

Ответа Эбби не знала.

Над постелью Нины Восс по зеленоватому экрану осциллоскопа тянулась зубчатая линия. Сердце неизвестного мальчишки билось со скоростью сто ударов в минуту. Билось в груди другой женщины, неутомимо гоняя по ее сосудам кровь, разгоряченную лихорадкой.

Эбби держала руку Нины, ощущая пульс. Медленный, ровный. Не пульс Нины, а свой собственный.

Рентгенологу понадобилось двадцать минут, чтобы доставить в отсек Нины портативную установку и сделать снимок. Еще через пятнадцать минут Эбби получила проявленную пленку, которую тут же прикрепила к негатоскопу и стала внимательно рассматривать. Рентген не выявил никаких признаков пневмонии.

Часы показывали три ночи. Эбби позвонила Аарону Леви домой.

— Алло! — послышался в трубке заспанный голос Элейн.

— Элейн, говорит Эбби Ди Маттео. Извините, что беспокою вас среди ночи. Аарон просил меня позвонить. Я могу с ним поговорить?

— Он поехал в клинику.

— А давно?

— Гм… сразу после второго звонка. Разве он не там?

— Я его не видела, — ответила Эбби.

На другом конце линии установилось напряженное молчание.

— Он уехал из дома час назад, — продолжала Элейн. — Ищите его в клинике.

— Я так и сделаю. Сейчас позвоню ему на пейджер. Еще раз извините. Спокойной ночи.

Эбби повесила трубку, затем сняла снова, позвонила доктору Леви на пейджер и стала ждать ответного звонка. Прошло пятнадцать минут, но Аарон так и не позвонил.

Подошла Шейла — медсестра, ухаживающая за Ниной.

— Доктор Ди Маттео, доставлены результаты последнего бактериологического анализа. Будете заказывать еще какие-нибудь анализы?

«Что же я упустила?»

Борясь с сонливостью, Эбби массировала виски и думала. Напряженно думала. Послеоперационная лихорадка на пустом месте не возникает. Где-то есть очаг инфекции. Вот только где? Что она не учла?

— А как насчет самого органа? — спросила Шейла.

— Вы про сердце? — встрепенулась Эбби.

— Мне тут мысль одна в голову пришла. Хотя тот случай — совсем другой…

— Шейла, не молчите. Все может оказаться зацепкой.

Медсестра колебалась.

— У нас такого я еще не видела. Но до Бейсайда я работала в Майо, в службе трансплантации почки. И там был один пациент. Ему пересадили почку. Началась послеоперационная лихорадка. Врачи сбились с ног. Кучу анализов делали. Так и не могли понять, в чем причина, пока он не

умер. Оказалось, грибковая инфекция. Стали смотреть данные по донору: бактериологические анализы крови донора дали положительный результат на грибок. Но анализы запоздали на неделю. За это время почку успели изъять, пересадить, а пациент с пересаженной почкой умер. Вот так.

Эбби обдумывала услышанное. Монитор № 15 показывал, что новое сердце Нины Восс работает вполне исправно.

— Где хранится информация о донорах? — спросила она Шейлу.

— В кабинете координатора по трансплантациям. Но у старшей медсестры есть ключ.

— Пожалуйста, попросите ее разыскать данные о доноре Нины Восс.

Эбби открыла карточку Нины. Перелистав, нашла бланк Банка органов Новой Англии. С ним донорское сердце прибыло из Вермонта. Группа крови донора — четвертая, резус положительный; далее шли результаты анализов на ВИЧ, на сифилис… Все, как требуется в подобных случаях. Все… кроме имени донора.

Через пятнадцать минут Эбби позвонила старшая медсестра.

— Я не нашла данных по донору, — сообщила она.

— Вы смотрели данные на имя Нины Восс?

— Они идут под общим номером ее медицинской документации. Я просмотрела все бумаги под номером миссис Восс. Данных по донору нет.

— А если их по ошибке положили в другую папку?

— Я просмотрела все папки по пересадкам печени и почек. Папку миссис Восс дважды пролистала от корки до корки. Вы уверены, что данные по ее донору не в отделении?

— Хорошо, я попрошу поискать. Спасибо за помощь.

Эбби повесила трубку и вздохнула. Меньше всего ей сейчас хотелось разыскивать пропавшие бумаги. Она обвела глазами внушительную полку с папками, где были собраны сведения о предыдущих госпитализациях пациентов отделения. Если нужную ей папку случайно запихнули туда, поиски займут не меньше часа.

Но можно сделать и по-другому. Позвонить в клинику, где изымали сердце. У них обязательно хранятся копии всех документов по донору.

Эбби через справочную узнала номер больницы имени Уилкокса и сразу же набрала номер, попросив соединить ее с дежурной медсестрой.

— Гейл Де Леон вас слушает.

— Доброе утро. Вас беспокоит доктор Ди Маттео из клиники Бейсайд в Бостоне. У нашей пациентки послеоперационная лихорадка. Несколько дней назад ей пересадили сердце, полученное из вашей клиники. Мне хотелось бы поподробнее узнать о доноре. Прежде всего его имя. В сопроводительных документах имени донора нет.

— Говорите, изъятие сердца происходило у нас?

— Да. Донором был мальчик-подросток.

— Я должна проверить операционный журнал. Потом перезвоню.

Через десять минут Гейл Де Леон действительно перезвонила, но вместо ответа сама задала вопрос:

— Доктор Ди Маттео, а вы уверены, что не ошиблись клиникой?

— Бланк БОНА у меня перед глазами. Там в качестве клиники донора указана больница имени Уилкокса в Берлингтоне, штат Вермонт.

— Да, это наша клиника. Но в журнале нет записи об изъятии донорского сердца у мальчика-подростка.

— Может, вы посмотрите еще раз? Это было... — Эбби взглянула на бланк. — Двадцать четвертого сентября. По времени где-то около полуночи.

— Ждите у телефона.

Из трубки доносился шелест страниц и покашливание старшей медсестры.

— Вы слушаете?

— Да.

— Я проверила записи журнала за двадцать третье, двадцать четвертое и двадцать пятое сентября. Две операции по удалению аппендицита,

удаление желчного пузыря. Еще два кесарева сечения. Никакого изъятия донорских органов в эти дни не проводилось.

— Но мы же получили донорское сердце из вашей клиники!

— Мы вам его не отправляли.

Эбби просмотрела записи хирургических медсестер и нашла: «0105: Прибыл доктор Леонард Мейпс из больницы имени Уилкокса».

— Сердце нам привез ваш хирург, доктор Леонард Мейпс. Он же проводил изъятие сердца у донора.

— В штате нашей больницы нет никакого доктора Мейпса.

— Ну как же? Он торакальный хирург…

— Послушайте! Я еще раз вам говорю: у нас в клинике такого нет. И вообще я не слышала, чтобы в Берлингтоне был врач с такой фамилией. Не знаю, доктор, откуда у вас сведения, но наша клиника здесь ни при чем. Советую вам еще раз все проверить.

— Но…

— Попробуйте поискать в других клиниках.

Эбби медленно повесила трубку.

Она сидела, глядя на телефонный аппарат. Она думала о Викторе Воссе, его деньгах и о том, что можно купить на такие деньги. Она думала об удивительном стечении обстоятельств, в результате которых Нина Восс получила новое сердце. Идеально совместимое сердце.

Потом Эбби снова потянулась к телефону.

9

— Ты торопишься с выводами, — сказал Марк, листая карточку Нины Восс, оформленную в реанимации хирургического отделения. — Всему этому наверняка существует разумное объяснение.

— Я бы хотела его услышать.

— Жатву провели очень грамотно. Сердце надлежащим образом упаковали, доставили по всем правилам. И документы на донора наверняка тоже были.

— А сейчас почему-то их нет, — заметила Эбби.

— Координатор по трансплантациям приходит на работу к девяти утра. Мы спросим у нее насчет документов. Уверен, они где-то в клинике.

— Марк, документы — только часть истории. Я звонила в больницу имени Уилкокса. У них нет хирурга по имени Леонард Мейпс. Старшая медсестра сказала, что в Берлингтоне вообще нет практикующего хирурга с таким именем.

Эбби помолчала, затем тихо спросила:

— А мы вообще знаем, откуда на самом деле к нам попало это сердце?

Марк молчал. Он пребывал в состоянии полудремы, мешавшей думать связно. Было четверть пятого. После телефонного звонка Эбби он заставил себя вылезти из постели и приехать в Бейсайд. Каждый случай послеоперационной лихорадки считался ЧП. Марк доверял выводам Эбби и результатам анализов, но хотел все увидеть своими глазами. Теперь он сидел в сумраке хирургического отделения, листал карточку Нины Восс и отчаянно пытался включить свой мозг в работу. В стеклах его очков отражались экраны трех кардиомониторов с ярко-зелеными зигзагами линий. Где-то рядом, словно призраки, появлялись и исчезали медсестры. Все разговоры велись вполголоса.

Марк закрыл карточку, снял очки и принялся тереть заспанные глаза.

— Чертова лихорадка. Что могло ее спровоцировать? Меня это заботит посильнее любых бумажек.

— А вдруг это инфекция, перешедшая от донора?

— Очень сомневаюсь. С донорскими сердцами я такого еще не видел.

— Но мы же ничего не знаем о доноре. Нам неизвестна его история болезни. Мы даже не знаем, из какой клиники привезли сердце.

— Эбби, у тебя это превращается в навязчивую идею. Я знаю, что Арчер звонил хирургу, изымавшему сердце. И документы тоже были. Они лежали в коричневом конверте.

— Вспоминаю… конверт действительно был.

— Вот видишь? Наши воспоминания совпадают.

— Тогда где этот конверт?

— Послушай, я же стоял возле операционного стола. У меня руки были по шею в крови. Это ты, надеюсь, тоже помнишь. Я пересаживал сердце, и мне было просто некогда следить за каким-то чертовым конвертом.

— Но почему донор окружен такой завесой секретности? Бумаги куда-то делись. Мы даже имени его не знаем.

— Это стандартная процедура. Документы донора относятся к категории конфиденциальных. Они всегда хранятся отдельно от карточки реципиента. В противном случае стороны могли бы встретиться. Родственники донора требовали бы пожизненной благодарности, а сторона реципиента либо терзалась бы чувством вины, либо откровенно ненавидела бы донорскую родню. Все это привело бы к нескончаемым эмоциональным конфликтам. — Марк плюхнулся на стул. — Эбби, мы понапрасну тратим время и силы. Через несколько часов вся эта загадка разрешится. Давай лучше вплотную займемся лихорадкой Нины Восс.

— Давай. Но если возникнут вопросы, тебе придется их обсуждать с Банком органов Новой Англии.

— При чем тут БОНА?

— Я туда позвонила. Они дежурят круглосуточно. Я сказала, что ты или Арчер потом свяжетесь с ними.

— Арчер им все объяснит. Он будет здесь с минуты на минуту.

— Ты и его вызвал?

— Его тоже волнует эта лихорадка. Странно, почему Аарон молчит. Ты звонила ему на пейджер?

— Трижды. Никакого ответа. Элейн сказала, что он поехал в клинику.

— Аарон где-то здесь. Я видел его машину на стоянке. Наверное, задержался в кардиологии.

Марк снова принялся листать карточку Нины Восс.

— Придется начинать без него.

Эбби повернулась к смотровому окну отсека Нины Восс. Глаза пациентки были закрыты. Она спала. Ритмичное дыхание свидетельствовало о том, что с легкими все в порядке.

— Я начинаю курс антибиотиков, — сказал Марк. — Широкий спектр.

— Какую инфекцию ты собираешься лечить?

— Пока не знаю. Это временный мостик, пока не придут результаты бактериологических анализов. У пациентки понижен иммунитет, и нам нельзя рисковать. Инфекция есть инфекция.

Марк встал со стула и подошел к окну отсека. Он стоял, вглядываясь в спящую Нину Восс. Кажется, ее вид несколько его успокоил. Эбби тоже подошла и встала рядом. Они почти касались друг друга, но все их мысли сейчас были только о послеоперационной лихорадке. Врачи беспокоились, а Нина Восс мирно спала.

— Может, реакция на лекарства, — предположила Эбби. — Ей столько всего кололи. Любой препарат мог вызвать скачок температуры.

— Допускаю такую вероятность. Но вряд ли дело в стероидах и циклоспорине.

— Я нигде не нашла источника инфекции. Представляешь? Нигде.

— Пойми: у нее ослаблен иммунитет. Стоит что-то упустить, и она мертва. — Марк взял карточку. — Начнем, так сказать, с прохладительных напитков.

В шесть утра Нине внутривенно ввели первую дозу азактама. Для дальнейших действий требовалась неотложная консультация специалиста по инфекциям. В четверть восьмого прибыл консультант, некто доктор Мур. Он согласился с решением Марка. Лихорадка у пациента с ослабленным иммунитетом — слишком опасный симптом. Необходимо принимать меры.

В восемь часов Нине ввели второй антибиотик — пиперациллин.

В то время Эбби делала утренний обход в реанимации хирургического отделения. Ее столик-тележка был доверху нагружен карточками. Ночное дежурство выдалось тяжелым. Она поспала всего час, когда около двух ее разбудил звонок медсестры. С того времени ей не удалось отдохнуть и пяти минут. Эбби взбодрилась двумя чашками кофе. В конце туннеля уже маячил свет: завершение дежурства. Это придавало ей силы, необходимые для обхода.

«Еще четыре часа, и я поеду домой. Нужно только продержаться до полудня».

Проходя мимо пятнадцатого отсека, Эбби остановилась и заглянула через окошко.

Нина не спала. Увидев Эбби, она слабо улыбнулась и махнула рукой, приглашая войти. Эбби оставила столик возле двери, надела халат и вошла.

— Доброе утро, доктор Ди Маттео, — тихо сказала Нина. — Боюсь, из-за меня вам не удалось поспать.

— Не волнуйтесь, — улыбнулась Эбби. — На прошлой неделе я хорошо выспалась. Как вы себя чувствуете?

— Чувствую, что стягиваю на себя довольно много внимания.

Нина покосилась на стойку с капельницей, откуда в ее организм поступали антибиотики.

— Это лекарство от моей лихорадки?

— Мы надеемся. Вы получаете смесь пиперациллина и азактама. Это антибиотики широкого спектра действия. Если у вас инфекция, они должны подействовать.

— А если не инфекция?

— Тогда жар не спадет. Мы попробуем что-то другое.

— Иными словами, вы сами не знаете, чем вызвана высокая температура.

— Не знаем, — помолчав, ответила Эбби. — Увы, не знаем. И, что называется, стреляем наугад.

Нина кивнула:

— Я так и думала, что вы скажете правду. Доктор Арчер вряд ли будет со мной откровенен. Да вы и сами знаете. Он был у меня утром. Призывал не волноваться. Говорил, что все хорошо, все под контролем. Не захотел признаваться, что вы… стреляете наугад.

Нина тихо рассмеялась, как будто ее лихорадка, антибиотики, все эти трубки и аппараты были частью иллюзии, созданной чьим-то капризом.

— Просто доктор Арчер не захотел вас волновать, — сказала Эбби.

— Правда меня не пугает. Совсем не пугает. Врачи ведь редко говорят правду. — Она пристально поглядела на Эбби. — Мы обе это знаем.

Эбби инстинктивно перевела взгляд на мониторы. Судя по линиям, все показатели Нины Восс были в пределах нормы. Пульс. Кровяное

давление. Давление в правом предсердии. Графики и цифры привычно успокаивали. Они не задавали трудных вопросов и не ждали беспощадно правдивых ответов.

— Виктор, — прошептала Нина.

Эбби повернулась и увидела входящего в отсек Виктора Восса.

— Пошла вон! — рявкнул он. — Прочь из палаты моей жены!

— Я всего лишь проводила осмотр.

— Вон, я сказал!

Восс схватил Эбби за халат. Эбби вырвалась. В тесноте отсека ей было некуда отступать.

Теперь Восс схватил ее за руку с явным намерением сделать больно.

— Виктор, прекрати! — потребовала Нина.

Эбби вскрикнула. Восс с силой вытолкал ее из отсека. Спиной Эбби налетела на столик-тележку — тот откатился, и она больно шлепнулась на ягодицы. Тележка уткнулась в боковую стенку стола дежурной медсестры. Все карточки, что лежали на нем, посыпались на пол. Виктор Восс подскочил к ошеломленной Эбби, навис над ней. Он тяжело дышал, но не от перенапряжения. От злости.

— Чтоб больше не смела приближаться к моей жене! — рявкнул он. — Понятно… доктор? Я спрашиваю: это понятно?

Восс повернулся к шокированным медсестрам и санитаркам:

— Я требую не допускать эту женщину к моей жене. Напишите это на большом листе бумаги и прикрепите к двери. Немедленно!

Он с отвращением посмотрел на Эбби, после чего ушел в отсек жены и задернул занавеску на окошке.

Двое медсестер поспешили к Эбби, чтобы помочь ей встать.

— Я сама, — запротестовала она. — Со мною все нормально.

— Да он с ума сошел, — прошептала одна из медсестер. — Нужно вызвать охрану.

— Не надо, — остановила ее Эбби. — Только хуже будет.

— Но он же напал на вас! Вы можете привлечь его к ответственности.

— Я хочу поскорее забыть об этом, и только.

Эбби подошла к столику-тележке, вокруг которого валялись карточки и листы с результатами анализов. Она стала их собирать. У нее пылало лицо. Отчаянно хотелось разреветься.

«Нельзя плакать, — твердила себе Эбби. — Только не здесь. Я не заплачу».

Она подняла голову. Персонал отделения молча наблюдал за нею.

Эбби оставила собранные карточки на столике и ушла.

Через три часа Марк нашел ее в больничном кафетерии. Эбби сидела в углу, склонившись над чашкой чая и черничным маффином. Маффин был едва надкушен, а чайный пакетик болтался в чашке так долго, что остывшая вода приобрела цвет кофе.

Марк выдвинул стул и сел напротив:

— Эту сцену устроил Восс, а не ты.

— Зато не он, а я приземлилась на пятую точку. Шикарное зрелище для медсестер.

— Но он тебя толкнул. У тебя появился весомый козырь. После случившегося все его дурацкие иски будут выглядеть уже совсем в ином свете.

— Ты считаешь, я должна обвинить его в нападении?

— Что-то вроде того.

Эбби покачала головой:

— Я вообще не хочу думать о Викторе Воссе. И не хочу его больше видеть.

— Но у тебя полно свидетелей. Все видели, как он тебя толкнул.

— Марк, давай забудем эту историю.

Эбби взяла маффин и, едва откусив, снова положила на тарелку. Ей было не до еды. Больше всего ей сейчас хотелось сменить тему разговора.

— Аарон не возражает против курса антибиотиков? — наконец спросила она.

— Я его до сих пор не видел.

Эбби нахмурилась:

— Я думала, он в клинике.

— Я тоже так думал. Несколько раз пытался вызвать его через пейджер. Он не ответил.

— А домой ему ты звонил?

— Звонил. Подошла домработница. Элейн уехала на уик-энд в Дартмут, навестить сына. — Марк пожал плечами. — Сегодня же суббота. Дежурств у Аарона нет. Наверное, решил отдохнуть от всех нас.

— Отдохнуть. — Эбби принялась растирать усталое лицо. — Как бы я хотела сейчас отдохнуть. Пляж, пальмы и большой стакан пинаколады[8].

— Я бы тоже не прочь. Возьмешь порцию и на меня?

— Ты же не любишь пинаколаду.

— Зато я люблю пляжи, пальмы и тебя.

Марк крепко стиснул ее руку. Это все, в чем нуждалась Эбби. Его прикосновение. Сильная рука надежного мужчины.

Марк перегнулся через стол и поцеловал Эбби.

— Пусть смотрят. Устроим еще один спектакль для публики, — шепнул он. — А вообще-то, тебе лучше поехать домой, пока мы не стали центром всеобщего внимания.

Эбби посмотрела на часы. Полдень. Суббота. Начало ее выходных.

Марк проводил ее вниз. Уже на выходе он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Да, забыл тебе сказать. Арчер звонил в больницу имени Уилкокса и говорил с Тимом Николсом, их торакальным хирургом. Тот подтвердил, что сердце для Нины Восс — от их донора. И еще подтвердил, что изымал сердце вместе с доктором Мейпсом.

— Тогда почему Мейпс не числится в штате их больницы?

— Потому что Мейпс прилетел на частном реактивном самолете из Хьюстона. Видно, мистер Восс питает недоверие к хирургам Новой Англии. Вот и нанял южанина.

— Прямо из Техаса? Это же так далеко.

— С его деньгами Восс мог бы привезти из Хьюстона всех врачей Бейлорского медицинского колледжа.

— Значит, изъятие донорского сердца проводилось в больнице имени Уилкокса?

— Николс это подтвердил. Должно быть, медсестра, с которой ты ночью говорила, спросонок заглянула не в тот журнал. Если хочешь, я еще раз позвоню Николсу и попрошу подтвердить.

— Забудем об этом. Мне даже стыдно за свои глупости, — вздохнула Эбби.

Ее машина стояла в дальнем конце стоянки. Ординаторы прозвали это место «сибирской глушью». Но они не жаловались. Получить постоянное место на служебной стоянке Бейсайда было не так-то просто.

— Буду ждать тебя дома, — сказала Эбби. — Если не завалюсь спать.

Марк обнял ее, запрокинул ей голову и поцеловал. Одно усталое тело сомкнулось с другим.

— Осторожнее за рулем, — шепнул ей Марк. — Я тебя люблю.

Эбби побрела к стоянке, затуманенная усталостью и этими тремя словами, что звучали у нее в голове.

Она обернулась, чтобы помахать Марку, но тот уже скрылся за дверьми клиники.

— Я тоже тебя люблю, — сказала Эбби и улыбнулась.

Она достала из сумочки электронный ключ, приготовившись открыть дверцу, и только сейчас обнаружила, что блокировочная кнопка не нажата. Какая же она растяпа! Всю ночь ее машина простояла с незапертой дверцей.

Эбби открыла дверцу и… попятилась. Из салона ей в ноздри ударило волной зловония. Еще отвратительнее был его источник. Гниющие внутренности кольцами обвивали рычаг переключения передач и осклизлой лентой тянулись к рулевому колесу. Пассажирское сиденье

покрывала искромсанная, вздувшаяся масса непонятного происхождения. А на водительском сиденье, прямо на подушке лежало… окровавленное сердце.

Адрес привел его в Дорчестер — задрипанный район на юго-востоке Бостона. Остановившись в нужном месте, он смотрел на приземистый дом, напоминавший ящик. К дому примыкала заросшая лужайка. К стене гаража было приделано баскетбольное кольцо, куда пытался забросить мяч мальчишка лет двенадцати. Все мимо. Мальчишке явно не светил грант на занятия в баскетбольном клубе. Ворота гаража были полуоткрыты. Там стояла старая, давно отъездившая свое машина. Судя по такой рухляди на колесах и обшарпанному дому, материальная помощь здесь очень бы пригодилась.

Человек вылез из машины, перешел улицу. Когда он достиг подъездной дорожки, мальчишка вдруг затих. Он стоял, прижимая к груди мяч, и с явным подозрением смотрел на незнакомца.

— Я ищу дом мистера Флинта, — сказал тот.

— Это он и есть, — ответил юный баскетболист.

— Твои родители дома?

— Только па. А в чем дело?

— Скажи, что к нему приехал кое-кто и хочет поговорить.

— А вы кто будете?

Человек протянул мальчишке визитную карточку. Тот равнодушно пробежал ее глазами и попытался вернуть.

— Ты лучше покажи отцу.

— Сейчас, что ли?

— Да, если отец не занят.

— Понятно.

Мальчишка скрылся за раздвижной дверью. Вскоре вышел брюхастый хмурый мужчина.

— Меня ищете?

— Да. Здравствуйте, мистер Флинт. Меня зовут Стюарт Сассман. Я работаю в юридической фирме «Хокс, Крейг и Сассман».

— И что дальше?

— Насколько я знаю, полгода назад вы лечились в клинике Бейсайд.

— Было такое. Попал к ним после аварии. Въехал в меня один лихой парнишка.

— И вам пришлось удалить селезенку. Это так?

— Как вы все это разнюхали?

— У меня работа такая. Я, мистер Флинт, действую в ваших интересах. Вам ведь сделали серьезную операцию.

— Иначе бы я помер. Так мне сказали. Значит, серьезную.

— И одним из врачей, лечивших вас, была ординатор Эбигайл Ди Маттео?

— Точно. Каждый день меня осматривала. Очень приятная женщина.

— А она или другие врачи рассказывали вам о последствиях удаления селезенки?

— Говорили. Они говорили: надо беречься, а не то можно схлопотать какую-нибудь инфекцию.

— Не какую-нибудь, а смертельно опасную. Они вам об этом говорили?

— Вроде да… Сейчас уже не помню.

— А врачи не упоминали о случайном травмировании во время операции?

— Это как?

— Скажем, скальпель выскользнул из руки хирурга, задел селезенку. Началось сильное кровотечение.

— Нет. — Флинт подался вперед, тревожно глядя на Сассмана. — Никак со мной такое было?

— Этого я пока не знаю. Нам всего лишь нужно ваше согласие на получение вашей карточки.

— Зачем?

— Мистер Флинт, в ваших же интересах убедиться, что поводом для удаления селезенки действительно послужила травма после аварии, а не ошибка хирурга. Если же селезенку вам удалили по ошибке, это называется нанесением ущерба здоровью пациента. В таком случае вы имеете право на компенсацию.

Мистер Флинт молчал и смотрел на сына. Мальчишка внимательно слушал разговор взрослых, хотя вряд ли что-то понимал. Потом мистер Флинт посмотрел на ручку, которую протягивал ему Сассман.

— Говоря о компенсации, я имел в виду деньги.

Мистер Флинт взял ручку и поставил свое имя.

В машине Сассман убрал подписанное заявление на выдачу медицинских документов в портфель, затем достал список. Там значились имена и фамилии еще четверых бывших пациентов, чьи подписи он рассчитывал получить. Вряд ли с ними будут проблемы. Алчность и желание отомстить — комбинация очень сильная и действенная.

Вычеркнув Гарольда Флинта из списка, Сассман завел двигатель.

10

— Свиное сердце. Скорее всего, его подбросили в машину ночью, и оно весь день жарилось внутри закрытого салона. Я до сих пор не могу полностью вытравить вонь. Чем только не брызгала.

— Он решил поиздеваться над тобой, — сказала Вивьен Чао. — Такое нельзя оставлять без ответа.

Эбби и Вивьен вошли в вестибюль Массачусетской клинической больницы и направились к лифтам. В воскресный полдень здесь было не протолкнуться от посетителей. Они едва втиснулись в большую кабину общего лифта. Над головами покачивались разноцветные воздушные шары с пожеланиями скорейшего выздоровления. Когда двери закрылись, в воздухе отчетливо запахло гвоздиками.

— У нас нет никаких доказательств, — вполголоса заговорила Эбби. — Мы не можем заявить, что его наемники изгадили салон машины.

— А кто еще мог сделать такое? Кто фабрикует судебные иски против тебя? Он настолько распоясался, что толкнул тебя, не побоявшись

свидетелей. Говорю тебе, Ди Маттео: тебе тоже пора подавать иски. Нападение. Кошмарные угрозы.

— Все дело в том, что я хорошо понимаю, почему он так себя ведет. У него нервы на пределе. Его жене едва успели пересадить сердце, и вдруг — послеоперационные осложнения.

— Ты никак себя виноватой чувствуешь?

Эбби вздохнула:

— Чувствую, Вивьен. Всякий раз, проходя мимо ее отсека.

На четвертом этаже они вышли из лифта. Их путь лежал к отделению кардиохирургии.

— С его деньгами он способен год за годом превращать твою жизнь в ад, — сказала Вивьен. — Один иск против тебя уже есть. Думаю, скоро появятся и другие.

— Они уже появились. Мне из архива клиники сообщили, что пришли запросы на карточки еще шестерых моих бывших пациентов. И все — от юридической фирмы «Хокс, Крейг и Сассман». Они же представляют интересы Джо Террио.

Вивьен даже остановилась.

— Я никак не думала, — призналась она. — Ты же будешь судиться до конца жизни.

— Или пока не уйду из Бейсайда. Как ты.

Вивьен двинулась дальше. Как всегда, быстрыми и решительными шагами. Маленькая бесстрашная азиатская амазонка.

— А почему ты не борешься за возвращение в Бейсайд?

— Пытаюсь. Но нам с тобой противостоит не кто-нибудь, а Виктор Восс. Едва я назвала его имя своему адвокату, она побелела. Очень показательно для чернокожей женщины.

— Что она тебе посоветовала?

— Забыть о восстановлении на прежней работе. И радоваться, что успела окончить ординатуру. Я хотя бы могу устроиться штатным хирургом в другую клинику. Или открыть собственную практику.

— Неужели твой адвокат так боится Восса?

— Никогда мне не признается, но она действительно его боится. Очень многие его боятся. И потом, в моем положении нет смысла добиваться возвращения в Бейсайд. Это ведь я принимала решение. Если начну качать права, сделаю себе только хуже. Значительно хуже. Можно говорить что угодно, но мы с тобой похитили сердце. Если бы это был не Виктор Восс, нам бы еще сошло с рук. А теперь я расплачиваюсь… — Она посмотрела на Эбби. — Но получается, что меньше, чем ты.

— Меня пока не выгоняют из Бейсайда.

— Вот именно «пока». Ты всего лишь ординатор второго года. Эбби, ты должна показать Воссу зубы. Не позволяй ему тебя уничтожить. Ты чертовски хороший врач, чтобы по милости этого придурка тебя выкинули из Бейсайда.

— У меня иногда появляется мысль: а стоило ли это делать? — покачала головой Эбби.

— Стоило ли? — переспросила Вивьен, остановившись возле двери палаты № 417. — Давай зайдем и посмотрим. А потом ты мне скажешь.

Вивьен постучалась и, не дождавшись ответа, нажала дверную ручку.

На кровати сидел парень и терзал пульт от телевизора, нажимая все кнопки подряд. Если бы не кепка с эмблемой «Ред сокс», Эбби не признала бы в нем Джоша О'Дея. Его щеки заливал здоровый румянец. Едва увидев Вивьен, Джош расплылся в улыбке.

— Привет, доктор Чао! — радостно завопил он. — Я тут как раз думал: придете вы ко мне хоть раз?

— Я уже приходила. Дважды. Но ты оба раза спал. Типичный ленивый подросток, — с притворным недовольством произнесла Вивьен.

Они оба засмеялись. На несколько секунд в палате стало совсем тихо. Затем, робея, Джош раскрыл руки, намереваясь ее обнять.

Вивьен застыла. Казалось, она не знала, как себя вести. Потом вдруг сломала невидимые барьеры и шагнула к постели Джоша. Объятие было коротким и неуклюжим. Вивьен почти обрадовалась, когда оно кончилось.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она у парня.

— Отлично. Вот только…

— Что? — насторожилась Вивьен. — Осложнения?

— Да нет, — отмахнулся Джош. — Папа принес все кассеты с записью матчей. А видеомагнитофон их не проигрывает. Я по-всякому пробовал. И никак. Может, вы знаете, как подключать?

— Нет. Если я возьмусь подключать, то еще, чего доброго, угроблю телевизор.

— Надо же! Доктор, а в таких вещах не понимаете, — по-детски обиженно протянул Джош.

— Извини, парень, но нам в колледже этого не преподавали. Тебя же не удивляет, что мастер по ремонту телевизоров не умеет делать операции на сердце… Кстати, а ты помнишь доктора Ди Маттео?

Джош растерянно покосился на Эбби.

— Вроде помню… но не уверен. — Он пожал плечами. — Я как-то забыл то, что было на прошлой неделе. У меня это стерлось, будто с пленки.

— Ничего удивительного, — успокоила парня Вивьен. — Понимаешь, Джош, когда твое сердце останавливалось, мозг плохо снабжался кровью. Отсюда и твоя забывчивость. Но все это — в прошлом.

Она дотронулась до плеча Джоша. Обычно Вивьен Чао не позволяла себе подобных жестов. Во всяком случае, Эбби такого никогда не видела.

— По крайней мере, ты не забыл меня, — сказала Вивьен и со смехом добавила: — Хотя, наверное, пытался.

Джош опустил голову.

— Вас, доктор Чао, я буду помнить всегда, — тихо сказал он.

Они оба замолчали, удивленные неожиданными жестами и признаниями. Рука Вивьен оставалась на плече Джоша. Он смотрел вниз. Козырек бейсбольной кепки закрывал его лицо.

Эбби невольно перевела взгляд на трофеи Джоша. Они занимали почетное место на ночном столике. Но теперь они не выглядели памятью об уходящей жизни. Вместе с Джошем все эти ленточки, вымпелы и значки праздновали его новое рождение.

В дверь палаты постучали.

— Джоши! — позвал женский голос.

— Мам, входи! — крикнул Джош.

Дверь широко распахнулась, и в палату ввалилась целая толпа посетителей. Родители, родные и двоюродные братья и сестры, дядья и тетки. Они притащили целый лес шаров, надутых гелием. В палате выразительно запахло жареной картошкой из ближайшего «Макдоналдса». Обступив постель Джоша, родня обнимала его, целовала и обменивалась восторженными возгласами.

— Ты посмотри на него... Как замечательно выглядит... Совсем здоровый парень...

Джош глуповато улыбался. Ему нравились эти знаки внимания. Он даже не заметил, что Виввен деликатно отошла в сторону, освобождая место для шумной армии О'Деев.

— Джош, смотри, кого мы с собой привезли! Дядю Гарри из Ньюбери. Уж он-то знает все про видеомагнитофоны. Гарри, ты сможешь разобраться?

— Конечно. Всем соседям подключал. И с этим разберусь.

— Гарри, а ты взял те шнуры? Ты посмотри в мешке. Вдруг дома оставил?

— Думаешь, я могу забыть шнуры для Джоша?

— Джош, здесь три суперпорции жареной картошки. Тебе уже можно есть жареную картошку? Доктор Тарасов ничего не говорил по поводу жареной картошки?

— Мам, мы фотоаппарат забыли! Я так хотела сфотографировать шрам на груди Джоша.

— Нечего фотографировать шрамы!

— А учитель сказал, это было бы круто.

— Ваш учитель — человек в возрасте и не говорит таких словечек, как «круто». Никаких фото шрамов. Это нарушает свободу личности.

— Джош, тебе помочь управиться с картошкой?

— Гарри, в чем загвоздка? Неужели ты не можешь подключить видео к этому телевизору?

— Ой, не знаю. Больно старая модель...

Вивьен не без труда удалось пробраться к Эбби. В дверь палаты снова постучали. Приехала еще одна группа многочисленной родни Джоша. Объятия, поцелуи и восторженные комплименты его внешнему виду. На мгновение в плотном кольце О'Деев возник просвет. Эбби увидела, что Джош смотрит на них с Вивьен. Он беспомощно улыбнулся и махнул рукой.

Эбби и Вивьен тихо вышли из палаты. Они стояли в коридоре, слушая гомон за дверью.

— Ну что, Эбби, как ты теперь ответишь на свой вопрос? Стоило ли?

Они зашли в сестринскую узнать, можно ли поговорить с доктором Тарасовым. Секретарша ответила, что, скорее всего, он в комнате отдыха хирургов. Так и оказалось. Иван Тарасов потягивал кофе, одновременно делая записи в карточках. В своем твидовом пиджаке и очках, сползающих на нос, он был больше похож на праздного английского джентльмена, чем на знаменитого кардиохирурга.

— Мы только что из палаты Джоша, — сказала Вивьен.

Тарасов поднял голову. Эбби заметила, что карточки с историями болезни забрызганы кофе.

— И что вы думаете по этому поводу, доктор Чао?

— Я думаю… вы делаете замечательную работу. Мальчишка просто фантастически выглядит.

— У него небольшая послеоперационная амнезия. А в остальном — быстро идет на поправку, как и все ребята в его возрасте. Через неделю будем выписывать, если медсестры не выпроводят его раньше.

Тарасов закрыл карточку и снова взглянул на Вивьен. Улыбки на его лице уже не было.

— А на вас, доктор, я имею зуб. Причем громадный зуб.

— На меня?

— Вы знаете, о чем я говорю. О пациентке в Бейсайде, которая тоже ждала пересадки сердца. Отправляя Джоша к нам, вы рассказали мне не всю историю. Потом обнаруживается, что сердце было предназначено той пациентке.

— Оно не было предназначено ей. Эбби привезла вам заявление на целенаправленную передачу сердца.

— Заявление, добытое путем ухищрений.

Тарасов поправил очки и хмуро посмотрел на Эбби:

— Мистер Парр, президент вашей клиники, рассказал мне подробности. И адвокат мистера Восса — тоже.

Вивьен и Эбби переглянулись.

— Его адвокат? — переспросила Вивьен.

— Да. — Взгляд Тарасова переместился на его бывшую студентку. — Вы хотели, чтобы меня осудили?

— Я пыталась спасти Джоша.

— Вы утаили существенные сведения.

— Зато теперь Джош жив и идет на поправку.

— То, что сейчас скажу, я больше повторять не буду. Впредь никогда так не делайте.

Вивьен было собралась ответить, но ограничилась вежливым кивком. Вся ее поза свидетельствовала о чисто азиатском почтении к учителю: опущенные глаза, сдержанный поклон.

Однако Тарасов не купился на ее смирение. Он смотрел на Вивьен с легким раздражением. Потом вдруг рассмеялся и снова взялся за карточки.

— Мне надо было бы еще тогда выгнать вас из Гарварда. Не воспользовался шансом.

— Приготовились! К повороту! — крикнул Марк, толкая румпель.

Нос «Моего пристанища» повернулся по ветру. Паруса трещали, канаты лупили по палубе. Радж Мохандас поспешил к лебедке правого борта, чтобы развернуть кливер. Парус с громким хлопком принял в себя ветер. Яхта накренилась на правый борт. Из каюты внизу донеслось клацанье жестянок с прохладительными напитками.

— Эбби, к перилам с подветренной стороны! — распорядился Марк. — Марш на подветренную сторону.

Эбби переместилась на левый борт, где схватилась за спасательный трос, в очередной раз мысленно поклявшись больше никогда не ступать на борт яхты.

«Что делает с мужчинами парусное судно? — думала она. — Что с ними делает море? Почему они безостановочно кричат?»

Кричали все четверо: Марк, Мохандас, его восемнадцатилетний сын Хенк и Пит Джигли, ординатор третьего года. Они буквально орали. О парусах, которые требовалось натянуть, о спинакер-гиках и упущенных порывах ветра. И конечно же, они орали из-за «Красноглазки» Билла Арчера, которая упрямо нагоняла яхту Марка. Вдобавок они орали на Эбби. Ее роль в гонках определялась вежливым словом «балласт». Проще говоря, мертвый груз. Эту роль обычно исполняли мешки с песком. Эбби была живым, движущимся мешком. Мужчины кричали, и Эбби послушно перемещалась к противоположному борту, где ее в очередной раз выворачивало. Мужчины не страдали от качки. Они сновали по палубе в своих дорогих яхтенных ботинках и кричали:

— Почти у цели! Еще один галс. К повороту!

Мохандас и Джигли возобновили свои неистовые палубные танцы.

— Поворачиваем!

«Мое пристанище» снова поймала ветер и накренилась на левый борт. Эбби перебралась к правому. И опять скрипели паруса и хлестали канаты. Мохандас вращал рукоятку лебедки, и с каждым оборотом вздувались мышцы на его смуглой руке.

— Догоняют! — крикнул Хенк.

«Красноглазка» приблизилась к ним еще на полкорпуса. Ветер доносил крики Арчера. Как и Марк, он кричал на свою команду, требуя нагнать соперника.

«Мое пристанище» обогнула буй и двинулась по ветру. Джигли сражался со спинакер-гиком. Хенк сворачивал кливер.

Эбби перегнулась через борт. Ее опять тошнило.

— Черт! Они у нас на хвосте! — крикнул Марк. — Ставьте снова этот долбаный спинакер! Слышали? Шевелитесь! Живее!

Джигли с Хенком торопливо поставили спинакер. Послышался громогласный хлопок. Парус принял в себя ветер, и «Мое пристанище» рванула вперед.

— Вот так, моя девочка! — радовался Марк. — Давай, оставь их позади!

— Эй, смотрите! — крикнул Джигли, указывая на яхту-соперницу. — Что это с ними?

Эбби кое-как подняла голову и оглянулась на яхту Арчера.

«Красноглазка» их больше не догоняла. Развернувшись вблизи буя, судно двинулось к берегу.

— Они включили двигатель, — сказал Марк.

— Думаете, смирились с поражением?

— Чтобы Арчер вышел из игры? Быть такого не может.

— Но тогда почему они возвращаются?

— Думаю, лучше их догнать и спросить. Опускайте спинакер, — распорядился Марк, он тоже включил двигатель. — Идем к берегу.

«Слава тебе господи!» — подумала Эбби.

К тому времени, когда яхта, тарахтя двигателем, входила в гавань, Эбби почти уже не тошнило. «Красноглазка» стояла, привязанная к тумбе пирса. Команда складывала паруса и сматывала канаты.

— Эй, на «Красноглазке»! — крикнул Марк, когда они проходили мимо. — В чем дело?

Арчер помахал сотовым телефоном:

— Мэрили вдруг позвонила! Сказала, чтобы мы возвращались. Что-то серьезное. По телефону говорить не стала. Она ждет нас в яхт-клубе.

— Хорошо. Встретимся в баре. — Марк оглядел свою команду. — Пока встаем на якорь. Зайдем в бар, пропустим по стаканчику, узнаем, в чем дело, и снова в море.

— Только поищите себе другой балласт. Я схожу, — заявила Эбби.

— Как? Уже? — искренне удивился Марк.

— А ты не видел, что со мной было? Тут уже не до наслаждений гонками.

— Бедняжечка моя. Я заглажу свою вину. Что желаешь? Шампанское. Цветы. Ресторан на твой выбор.

— Высади меня на берег.

Смеясь, Марк направил яхту к пирсу.

— Слушаюсь, мой первый помощник.

«Мое пристанище» остановилась у пирса. Мохандас с сыном быстро закрепили яхту носовым и кормовым канатами. Эбби пулей вылетела на причал. Ей показалось, что даже он раскачивается.

— Такелаж пока не снимать, — распорядился Марк. — Узнаем сначала, из-за чего всполошилась Мэрили.

— Наверняка затеяла вечеринку, — предположил Мохандас.

«Только этого мне еще не хватало», — подумала Эбби, идя с Марком к зданию яхт-клуба.

Марк властно обнимал ее за плечи. Опять слушать мужские разговоры о море и яхтах. Опять смотреть на загорелых мужчин в спортивных рубашках, которые будут глотать джин-тоник и оглушительно смеяться.

После залитого солнцем пирса интерьер яхт-клуба показался ей сумрачным. Еще удивительнее была тишина. Возле бара стояла Мэрили со стаканом в руке. Арчер сидел за столиком. Никакой выпивки. Только бумажный кораблик, наспех сделанный из салфетки. Вся команда «Красноглазки» собралась возле барной стойки. Неподвижные. Молчаливые. Единственным звуком было позвякивание кубиков льда в стакане Мэрили. Она сделала маленький глоток и отрешенно поставила стакан на стойку.

— Что-то случилось? — спросил Марк.

Мэрили подняла голову, моргнула, словно только сейчас заметила его появление. Затем снова уткнулась взглядом в стакан.

— Аарона нашли, — сказала она.

Пила Страйкера не только противно визжала. Распиливание костей всегда сопровождалось зловонием. В этот раз воняло достаточно сильно.

Бернард Кацка — детектив убойного отдела — поднял глаза от секционного стола и увидел, что трупная вонь доконала его молодого помощника Лундквиста. Тот отвернулся, зажимая рукой в перчатке нос и рот. Вместо улыбки киногероя его лицо искажала гримаса отвращения. Лундквист пока не привык к вскрытиям. Мало кто из полицейских к этому привыкает. Вскрытие трупов не относилось к числу любимых зрелищ и самого Кацки. Просто за годы работы в полиции он приучил себя относиться к этой процедуре как к интеллектуальному упражнению, отодвигая в сторону человеческие особенности жертвы и сосредоточиваясь на чисто органической природе смерти. Он видел тела, обугленные огнем пожаров. Видел месиво, остающееся после падения человека с двадцатого этажа. Видел трупы со следами огнестрельных и ножевых ранений (иногда тех и других сразу), трупы, изъеденные крысами. Болезненную реакцию у него вызывали только детские трупы. Но на столе лежал труп взрослого. Один из многих, виденных Кацкой. Труп полагалось вскрыть, осмотреть и потом занести данные осмотра в каталог. Если думать об оборвавшихся жизнях, вместо снов получишь кошмары.

К своим сорока четырем годам Бернард Кацка уже овдовел. Его жена умерла от рака три года назад. Все разворачивалось у него на глазах. Вот это был настоящий кошмар, от которого он так до конца и не оправился.

А сейчас Кацка бесстрастно смотрел на труп, вскрываемый патологоанатомом. Тело белого пятидесятичетырехлетнего мужчины, женатого, отца двоих детей (оба — студенты колледжа), кардиохирурга по профессии. Его личность удостоверило сличение отпечатков пальцев и опознание вдовы. Для нее это была неимоверно тяжелая процедура. Смотреть на труп любимого человека всегда тяжело. А если учесть, что любимый человек, покончив с собой, два дня провисел в комнатенке, где тепло и нет вентиляции, зрелище было особенно ужасающее.

Кацке сообщили, что вдова прямо в морге упала в глубокий обморок.

«Ничего удивительного», — думал Кацка, глядя на труп Аарона Леви.

Лицо самоубийцы было совершенно бледным, ни кровинки. Да и откуда взяться румянцу, если кожаный ремень пережал артерии и преградил доступ крови? Высунутый язык был шершавым и совершенно черным. Вся естественная слизь на языке давно высохла. Веки были полузакрыты. Склеральное кровоизлияние окрасило белки глаз в зловещий кроваво-красный цвет. Под шеей, где от ремня осталась странгуляционная борозда, рисунок кожи говорил о классическом застое крови. О том же говорили пятна в нижних частях рук и ног, похожие на кровоподтеки, а также точечные кровотечения и пятна Тардье в местах лопнувших сосудов. Так обычно и выглядели трупы

самоубийц-висельников. Помимо странгуляционных борозд вокруг шеи, единственным видимым повреждением была рана на левом плече величиной с монету.

Доктор Роуботам вместе с ассистентом (оба в надлежащем хирургическом облачении и защитных очках) закончили торакоабдоминальный разрез. Он напоминал букву Y. Два диагональных разреза, идущие от плеч, соединялись в нижней части грудины. Дальше разрез становился вертикальным и охватывал всю брюшную полость вплоть до лобковой кости. Роуботам тридцать два года работал судмедэкспертом, и его было трудно чем-либо удивить или взволновать. Вот и сейчас, проводя вскрытие, он слегка скучал. Каждое свое действие он пояснял на диктофон. Диктофон включался и выключался ножной педалью. Голос у доктора Роуботама был монотонным. К этому моменту он удалил щит из ребер и грудины и обнажил грудную полость.

— Взгляни-ка, Слизень, — сказал он, обращаясь к Кацке.

Прозвище не имело ничего общего с внешностью детектива и его обликом. То и другое было весьма усредненным. Слизнем Кацку прозвали за неторопливость и невозмутимость. У его коллег даже была любимая шутка: «Если в Бернарда Кацку выстрелить в понедельник, к пятнице он отреагирует, но и то если разозлится».

Кацка подошел ближе, вгляделся в грудную полость. Его лицо, как и лицо патологоанатома, ничего не выражало.

— Висельник как висельник, — сказал он.

— Вот именно. Легкая степень плевральной гиперемии. Тоже не особо удивляет. Скорее всего, капиллярная утечка, наступившая вслед за кислородным голоданием. Вполне соответствует симптомам удушья.

— Тогда нам можно идти? — обрадовался Лундквист.

Он держался подальше от секционного стола. Лундквисту хотелось поскорее выбраться из прозекторской. Как и другим молодым сотрудникам отдела, ему хотелось настоящих дел. Любых, только настоящих. Лундквист считал недопустимой глупостью тратить время на какого-то самоубийцу.

Кацка стоял не шевелясь.

— Скажите, Слизень, неужели обязательно все досмотреть до конца? — спросил Лундквист.

— Вскрытие только началось.

— Ну что там особенного? Обычное самоубийство.

— То-то и оно, что не совсем обычное.

— Доктор Роуботам не нашел ничего интересного. Сами слышали.

— А ты не торопись с выводами. Лучше порассуждай. Человек среди ночи встает, одевается, садится в машину. Ведь не просто так он вылез из теплой постели, приехал в больницу и повесился на верхнем этаже.

Лундквист мельком взглянул на труп и снова отвернулся.

Роуботам с ассистентом удалили трахею, крупные сосуды и теперь занимались сердцем и легкими. Оба легких патологоанатом бросил в чашу пружинных весов. Чаша несколько раз качнулась и слегка скрипнула под тяжестью мертвых органов.

— Это ваш единственный шанс увидеть его внутренности, — сказал Роуботам, подбираясь скальпелем к селезенке. — Как только мы закончим вскрытие, тело сразу же передадут для погребения. Требование семьи.

— Есть особые причины? — спросил Лундквист.

— Еврейская традиция. У них принято хоронить незамедлительно. И все органы нужно вернуть в тело.

Роуботам бросил на весы отрезанную селезенку, равнодушно ожидая, когда стрелка прекратит дрожать.

Лундквист снял хирургический халат, обнажив мускулистые плечи. Эти мускулы стоили ему многих часов, проведенных в спортивном зале, где он добросовестно потел, накачивая силу. Энергия била через край и жаждала лучшего применения, нежели высиживание в вонючей прозекторской. Натура Лундквиста требовала ярких и громких дел, где можно по-настоящему себя проявить. Кацка понимал: над этим парнем ему еще работать и работать. Сегодняшний урок должен был показать Лундквисту ошибочность первых впечатлений и поспешных выводов. Непростой материал для молодого, самонадеянного и не лишенного обаяния копа. Добавьте к этому густую шевелюру.

А Роуботам продолжал вынимать из тела Аарона Леви внутренние органы. Настал черед кишечника. Петли кишок казались бесконечными. Потом печень, желудок и поджелудочная железа. Их патологоанатом удалил единым куском. Наконец в чашу весов легли почки и мочевой пузырь. Фиксация веса. Запись на диктофон. Тело висельника превратилось в полую оболочку, зияющую раной.

Следующим этапом работы Роуботама была голова Аарона Леви. Патологоанатом сделал надрез за ухом и повел скальпель вдоль черепа. Одним быстрым движением он отогнул кожу, натянув ее на лицо. Еще один надрез обнажил основание черепа. Роуботам взял в руки вибропилу. Над столом взвилось облако костной пыли. Роуботам поморщился. Все молчали. Одно дело полосовать скальпелем грудную клетку и брюшину. Действие пусть и отталкивающее, но безличное, похожее на разделку говяжьей туши. Но кожа головы, отогнутая и натянутая на лицо, — это калечило все личностное и человеческое, что еще оставалось в мертвом теле.

Слегка позеленевший Лундквист вдруг сел на стул возле раковины и опустил голову. Многие копы садились именно на этот стул.

Роуботам отложил пилу. Он снял крышку черепной коробки, приготовившись извлечь мозг. Он перерезал глазные нервы, затем кровеносные сосуды и спинной мозг. Потом осторожно вынул саму массу мозга. В его руках мозг подрагивал, отчего казался живым.

— Ничего необычного, — заключил патологоанатом, опуская мозг в ведерко с формалином. — А теперь гвоздь нашей программы — шея.

Все, что происходило до этого момента, было лишь прелюдией. Удаление внутренностей и мозга обеспечивало отток жидкостей из мозговой и грудной полостей. Для разрезов на шее в теле должно было остаться как можно меньше крови и жидкостей.

Странгуляционную борозду из шеи удалили в самом начале вскрытия. Теперь Роуботам исследовал другие борозды на коже.

— Классическая форма в виде перевернутой буквы V, — произнес патологоанатом. — Слизень, взгляни. Вот параллельные странгуляционные борозды, совпадающие с краями ремня. А дальше… видишь это?

— Похоже на след от пряжки.

— Верно. Пока что никаких сюрпризов.

Роуботам сделал разрез на шее.

К этому времени Лундквист несколько очухался и вернулся к столу. Спеси у молодого копа чуть поубавилось.

«Рвота — весьма демократизирующий фактор», — подумал Кацка.

Она усмиряет даже мускулистых самоуверенных копов с густой шевелюрой.

Скальпель Роуботама двигался по коже передней части шеи. Лезвие углубилось, обнажив белоснежные верхние завитки щитовидного хряща.

— Никаких переломов. Было кровотечение в подъязычных мышцах. Но щитовидный хрящ и подъязычная кость целехонькие.

— Это о чем-то говорит?

— Ни о чем. Повешение вовсе не обязательно сопровождается сильными внутренними повреждениями шеи. Смерть наступает только из-за прекращения кровоснабжения мозга. А для этого нужно всего-навсего пережать сонные артерии. Сравнительно безболезненный способ покончить с собой.

— То есть ты не сомневаешься, что мы имеем дело с самоубийством. Все остальные предположения маловероятны. Например, аутоэротическая асфиксия. Но мы не видим подтверждения.

— Во всяком случае, когда его нашли, член у него не торчал из ширинки, — сказал Лундквист. — Похоже, дрочкой он не занимался.

— Итак, все говорит в пользу версии, что этот человек просто покончил с собой. Я почти не слышал, чтобы жертв убивали через повешение. Если бы его предварительно задушили, рисунок странгуляционных борозд был бы совсем иным. Он не напоминал бы перевернутое V. А если силой просовывать голову жертвы в петлю, это обязательно оставит характерные признаки. Добавьте к этому сопротивление жертвы.

— Остается объяснить рану на руке.

Роуботам пожал плечами:

— Он вполне мог пораниться, пока готовил самоубийство. Такое часто бывает.

— А если его чем-нибудь одурманили, привели в бессознательное состояние и потом повесили? — высказал предположение Кацка.

— Слизень, ради твоего душевного спокойствия мы сделаем токсикологический анализ.

— Нам очень важно, чтобы Слизень не лишался своего душевного спокойствия, — засмеялся Лундквист и отошел от стола. — Уже четыре часа. Слизень, вы идете?

— Я хочу досмотреть вскрытие шеи.

— Ваше право. Я считаю, нужно констатировать самоубийство и больше не заморачиваться.

— Я готов, — сказал Кацка. — Вот только свет мне покоя не дает.

— Какой свет? — спросил Роуботам, в глазах которого наконец появился интерес.

— Нашего Слизня зациклило на погашенном свете, — усмехнулся Лундквист.

— Тело доктора Леви нашли в помещении, куда почти никто не заглядывает. На него случайно наткнулся рабочий. Этот человек почти уверен, что свет был выключен.

— Так. Продолжай, — попросил Роуботам.

— Время смерти, которое ты назвал, совпадает с нашей версией. Мы считаем, что смерть доктора Леви наступила в субботу, рано утром. Задолго до восхода солнца. И получается одно из двух: либо он вешался впотьмах, либо кто-то выключил свет.

— Или рабочий сам не помнит, что видел, — сказал Лундквист. — Он признавался, что его тут же вывернуло. Думаете, в таком состоянии он помнил, горел там свет или нет?

— Почему-то эта мелочь никак не идет у меня из головы.

— А мою голову такие мелочи не волнуют, — засмеялся Лундквист.

Он с заметным удовольствием бросил в корзину снятый халат.

Было почти шесть часов вечера, когда Кацка подъехал к стоянке клиники Бейсайд. Войдя в здание, он поднялся на тринадцатый этаж. Чтобы лифт доехал до четырнадцатого, требовался специальный ключ. Туда он добирался по служебной лестнице.

Его сразу удивили тишина и пустынность этой части больницы. Здесь уже несколько месяцев шел масштабный ремонт. Сегодня строители не появлялись, но Кацка повсюду натыкался на их инструменты. Пахло опилками, свежей краской и… чем-то еще. Так пахло в прозекторской. Запах смерти. Запах разложения. Детектив прошел мимо стремянок, переступил через дисковую пилу фирмы «Макита» и завернул за угол.

Где-то посередине коридора он увидел дверь, перегороженную желтой полицейской лентой. Кацка нырнул под ленту и толкнул дверь.

Здесь ремонт уже закончился. Помещение встретило его новыми обоями, изысканной мебелью и огромным панорамным окном, из которого открывался вид на город. Палата люкс для особого пациента с бездонным кошельком. Кацка прошел в ванную, включил свет. Еще один уголок роскоши. Мраморная панель, в которую был вделан умывальник, медные краны «под старину», зеркало с подсветкой. Унитаз, похожий на королевский трон. Кацка погасил свет и покинул ванную.

Гардеробная. Место, где доктора Аарона Леви нашли повесившимся. Один конец ремня был прикреплен к штанге для вешалок, второй — обмотан вокруг шеи кардиохирурга. Ему требовалось всего лишь подтянуть ноги, и тогда ремень затянется вокруг горла, пережмет сонную артерию и закроет доступ крови к мозгу. Если бы он в последнюю секунду передумал, достаточно было бы встать на пол, выпрямиться и ослабить ремень. Однако доктор Леви этого не сделал. Он поджал ноги и повис. Через пять-десять секунд его сознание померкло.

Через тридцать шесть часов, во второй половине воскресенья, в палату люкс поднялся рабочий. Он собирался закончить установку постамента для ванны. В гардеробную он зашел, чтобы переодеться. Естественно, он никак не ожидал наткнуться на висельника.

Кацка прошел к громадному окну и встал, разглядывая панораму Бостона.

«Доктор Аарон Леви, что же такого могло случиться в вашей жизни, если вы решили свести с нею счеты?»

Кардиолог. Жена, двое сыновей-студентов. Уютный дом, «лексус». На мгновение Кацку захлестнула злость к покойному. Знал ли этот чертов кардиолог, что такое настоящее отчаяние? Настоящая безнадежность? Какие у него могли быть причины уйти из жизни? Трус. Обыкновенный трус. Кацка повернулся к окну спиной. Его трясло от презрения ко всем, кто выбирал такой конец. И почему именно такой конец? Зачем вешаться в безлюдной части больницы, где его обнаружили по чистой случайности? А ведь мог бы висеть еще не один день.

Существовали и другие способы уйти из жизни. Тем более что Леви — врач. У него был доступ к наркотическим веществам, к барбитуратам и иным лекарствам. Он знал, какие дозы фатальны. Даже Кацка, не будучи врачом, знал, сколько таблеток фенобарбитала нужно проглотить, чтобы заснуть и не проснуться. Он специально это выяснил, после чего рассчитал их количество на вес своего тела. Потом выложил таблетки на

обеденный стол. Он смотрел на них и думал о свободе, которую они обещали. Стоит их проглотить, и наступит конец его горю и отчаянию. Легкий, но необратимый путь. Кацка тогда решил, что приведет дела в порядок и двинется по этому пути. Однако он никак не мог выбрать время. Его окружало слишком много дел, от которых он не имел права устраниться. Организация похорон Энни. Оплата ее больничных счетов. Затем судебный процесс, потребовавший его участия. Через некоторое время — двойное убийство в Роксбери. Восемь выплат до окончательного расчета за машину. Потом — тройное убийство в Бруклине и еще один процесс, где он должен был давать показания.

Получалось, что у Кацки, по прозвищу Слизень, просто не оставалось времени на самоубийство.

Вот уже три года, как он похоронил Энни. Таблетки фенобарбитала он давно выбросил. О самоубийстве больше не думал. Вспоминая иногда то время, он удивлялся, как подобная мысль могла прийти ему в голову. Как он тогда едва не сдался. Кацка не питал сочувствия к Слизню трехлетней давности. И те, кто хватался за таблетки, страдая неизлечимой жалостью к себе, тоже не вызывали у него сочувствия.

«Что толкнуло вас на самоубийство, доктор Леви?»

Кацка смотрел на зарево бостонских огней и пытался представить себе последний час из жизни Аарона Леви. В три часа ночи кардиохирург встал и зачем-то поехал в больницу. Лифтом поднялся на тринадцатый этаж и своими ногами, по лестнице, на четырнадцатый. Затем пришел в эту палату люкс, в гардеробной привязал ремень к штанге, сделал на другом конце петлю и просунул голову.

Кацка нахмурился.

Он потянулся к выключателю, нажал клавишу. Вспыхнули яркие потолочные светильники. Освещение работало исправно. Значит, свет кто-то погасил. Кто? Сам Аарон Леви? Рабочий, обнаруживший тело? Или… кто-то еще?

«Мелочи», — думал Кацка.

Они сводили его с ума.

11

— Просто не верится, — повторяла Элейн. — До сих пор поверить не могу.

Она не плакала. За все время, пока длилась похоронная церемония, ее глаза не увлажнились. Это очень не понравилось ее свекрови Джудит.

Пока над могилой сына читали каддиш, Джудит громко рыдала, не думая стесняться своих слез. Ее горе отдавало спектаклем на публику, как и символический надрез на кофте — символ сердца, вырезанного невосполнимой утратой. Элейн не стала портить свою блузку. Она не лила слез. Она сидела в гостиной с тарелкой канапе на коленях.

— Не могу поверить, что его больше нет, — в который раз произнесла она.

— Ты не накрыла зеркала, — упрекнула невестку Джудит. — А их обязательно нужно накрыть. Все зеркала в доме.

— Делайте что хотите, — ответила Элейн.

Джудит отправилась искать подобающую ткань. Вскоре все, кто был в гостиной, услышали громкое хлопанье створок шкафов и стук комодных ящиков, доносившиеся со второго этажа.

— Должно быть, у евреев так принято, — сказала Мэрили Арчер, передавая Эбби поднос с сэндвичами.

Эбби взяла сэндвич с оливками и передала поднос дальше. Никто из собравшихся не был особо настроен плотно поесть. Символический сэндвич, глоток газировки — это все, что требовалось. Эбби не хотелось ни есть, ни разговаривать. Приглашенных было около тридцати человек. Люди сидели на диванах и стульях или стояли небольшими группами. И молчали.

Наверху в туалете зашумела вода. Джудит опять напоминала о себе. Элейн слегка поморщилась. На лицах людей появились осторожные улыбки. Позади диванчика, на котором сидела Эбби, кто-то заговорил о необычно теплой осени, выдавшейся в этом году. Уже октябрь, а листья только-только начали желтеть. Наконец стена молчания была пробита. Гостиная наполнилась обычными разговорами. Об осенних садах. Об удивительно теплом октябре. О поездке в Дартмут. Элейн сидела в центре, не вступая в разговор, но явно радуясь изменившейся обстановке.

Поднос с сэндвичами, пропутешествовав по гостиной, пустым вернулся к Эбби.

— Я принесу еще, — сказала она Мэрили и отправилась на кухню.

Все разделочные столы были уставлены тарелками с угощениями. Если бы гостям хотелось есть, никто бы не ушел голодным. Эбби взялась распаковывать поднос с копченой лососиной. Из кухонного окна ей была

видна терраса, мощенная плиткой. Там стояли Арчер, Радж Мохандас и Фрэнк Цвик. Они разговаривали, качая головами.

«Мужчины есть мужчины», — подумала Эбби.

У них не хватает терпения на скорбящих вдов. Им не выдержать долгого молчания. Этим пусть занимаются жены. А они отправились на террасу, прихватив с собой бутылку шотландского виска. Бутылка и стаканчики стояли на столике под широким зонтом. К ней потянулся Цвик, плеснул себе порцию и уже собирался закупорить бутылку, как вдруг поймал взгляд Эбби. Он что-то сказал Арчеру. Теперь все трое смотрели на нее. Затем, кивнув и помахав рукой, мужчины удалились вглубь сада.

— Столько всякой еды. Даже не знаю, что мне с ней делать, — послышался за спиной голос Элейн.

Эбби не заметила ее появления.

— Я заказывала угощение на сорок человек. Наверное, ресторатор не поняла для чего. Для свадьбы было бы в самый раз. На свадьбах много едят. Но кому захочется есть после похорон?

Элейн взяла тарелочку с красиво нарезанной редиской.

— Посмотрите, какие чудеса сотворили повара. И все ради того, чтобы мы отправили это в рот.

Она поставила тарелочку обратно и любовалась редиской, как произведением искусства.

— Элейн, я вам так сочувствую, — сказала Эбби. — Если бы хоть какие-то мои слова могли принести вам утешение…

— Мне нужно не утешение. Ясность. Он никогда не говорил ничего такого. Никогда не заикался, что он…

Элейн проглотила слюну и покачала головой. Потом открыла холодильник, убрала туда несколько подносов и захлопнула дверцу.

— Вы ведь говорили с ним по телефону. В ту ночь. Может, в его разговоре проскользнуло что-то такое…

— Мы говорили исключительно о нашей пациентке. У нее начались осложнения после операции. Аарон хотел убедиться, что я все делаю правильно.

— И это все, о чем вы с ним говорили?

— Да. Аарон всегда говорил со мной только на профессиональные темы. У той женщины поднялась температура, и его это очень беспокоило. Элейн, я и представить не могла, что он…

Эбби замолчала.

Элейн рассеянно смотрела на тарелку с другим кулинарным чудом — затейливо нарезанными и красиво разложенными колечками зеленого лука.

— Скажите, вы не слышали об Аароне ничего такого… о чем бы вам не хотелось мне рассказывать?

— Я не совсем вас понимаю.

— В клинике не было слухов о… других женщинах?

— Никогда, — покачала головой Эбби и добавила уже тверже: — Никогда.

Элейн кивнула, однако чувствовалось, что слова Эбби мало ее утешают. Она убрала в холодильник еще часть кушаний.

— Свекровь во всем упрекает меня. Она думает, что это я виновата. Наверное, не она одна так думает.

— Никто не может заставить человека покончить с собой.

— И ведь никаких намеков. Ничего, что могло бы натолкнуть меня на тревожные мысли. Совсем ничего. Аарон тяготился своей работой. Постоянно говорил, как ему хочется уехать из Бостона и вообще распрощаться с медициной.

— А что его тяготило?

— Он не говорил. Раньше, когда у него была частная практика в Нейтике, мы постоянно говорили о его работе. Потом его пригласили в Бейсайд. Предложение было слишком выгодным, чтобы отказаться. Но когда мы переехали сюда, Аарона словно подменили. Он возвращался с работы и, будто зомби, сразу садился перед своим чертовым компьютером. Весь вечер играл в видеоигры. Бывало, что и за полночь засиживался. Я иногда проснусь и не могу понять: откуда эти странные щелчки и попискивания? Потом вспоминаю: это Аарон в какую-нибудь игру режется.

Элейн покачала головой. Она смотрела на очередной кулинарный шедевр, который, скорее всего, тоже не будет съеден.

— Эбби, вы были одной из последних, кто с ним говорил. Может, вы вспомните, не насторожило ли вас что?

Эбби смотрела в окно кухни и вспоминала подробности своего телефонного разговора с Аароном. Обычный служебный звонок, ничего отличающегося от множества таких же ночных звонков. И голос Аарона ничем не отличался от монотонного хора голосов, требовавших от безмерно уставшего доктора Ди Маттео сделать это или то.

Мужчины возвращались с прогулки по саду. Они снова прошли через террасу и оказались на кухне. Бутылка виски в руках Цвика опустела наполовину.

— Очень приятный садик, — заметил Арчер. — Эбби, вам бы тоже не мешало прогуляться.

— Я с удовольствием. Элейн, может, вы мне составите компанию...

Элейн возле холодильника уже не было. Она ушла с кухни. На столах по-прежнему стояли тарелки с угощениями. Ветер играл полиэтиленовым пакетом, торчащим из открытой картонки.

Возле койки Мэри Аллен молилась женщина. Она сидела здесь уже полчаса, склонив голову и смиренно сведя руки. Женщина вполголоса обращалась к доброму Господу Иисусу, умоляя его излить дождь чудес на немощное тело Мэри Аллен.

— Господи, исцели ее, укрепи ее, очисти ее тело и нечестивую душу, дабы она наконец смогла принять слово Твое во всей его неувядающей славе...

— Простите, — тихо сказала Эбби. — Мне очень неловко, что помешала вашим молитвам, но я должна осмотреть миссис Аллен.

Женщина не отреагировала. Скорее всего, она не слышала. Эбби уже собралась повторить свою просьбу, но тут женщина произнесла «аминь» и подняла голову. У нее были тусклые каштановые волосы, начинающие седеть. Во взгляде сквозило раздражение.

— Я доктор Ди Маттео, — представилась Эбби. — Лечащий врач миссис Аллен.

— Я тоже стараюсь... излечить ее душу, — сказала женщина и встала.

Она стояла, обеими руками прижимая к груди Библию. Обмениваться рукопожатием с доктором Ди Маттео она не собиралась.

— Бренда Хейни. Я племянница Мэри.

— Не знала, что у Мэри есть племянница. Теперь вы сможете навещать тетю.

— Я всего два дня назад узнала о ее болезни. Никто даже не удосужился мне позвонить.

Эбби почувствовала, что упрек в первую очередь адресован ей.

— У нас сложилось впечатление, что у миссис Аллен нет близких родственников.

— Как видите, вы ошиблись. Главное, что я пришла. — Бренда взглянула на свою тетку. — И теперь с нею все будет в порядке.

«Исключая тот печальный факт, что дни Мэри сочтены», — подумала Эбби.

Она подошла к койке.

— Миссис Аллен.

Мэри открыла глаза:

— Я не сплю, доктор Ди Маттео. Просто отдыхаю.

— Как вы сегодня себя чувствуете?

— Подташнивает.

— Это может быть побочным эффектом морфина. Мы подберем вам лекарство, снимающее тошноту.

— Вы что, колете ей морфин? — насторожилась Бренда.

— Да. У вашей тети сильные боли.

— А разве нет других способов их снять?

— Миссис Хейни, вы бы не могли на время выйти из отсека? — попросила Эбби. — Мне нужно осмотреть вашу тетю.

— Мисс Хейни, — поправила ее Бренда. — И я уверена, что тете Мэри очень приятно мое присутствие.

— Не сомневаюсь. Но это больничная палата. А я врач, и мне нужно осмотреть пациентку.

Бренда покосилась на тетку, ожидая, что та начнет возражать. Мэри Аллен молча глядела перед собой.

— Тетя Мэри, я буду рядом, — пообещала Бренда, плотнее прижимая к себе Библию.

— Господь милосердный, — прошептала Мэри, когда за племянницей закрылась дверь. — Должно быть, это мне в наказание.

— Вы о своей племяннице?

Мэри устало поглядела на Эбби:

— Как вы думаете, доктор, мою душу нужно спасать?

— Это знаете только вы, и больше никто, — ответила Эбби, разматывая трубки стетоскопа. — Я могу прослушать ваши легкие?

Мэри послушно села и задрала больничный халат.

Ее дыхание было приглушенным. Выстукивая ей спину, Эбби слышала характерное бульканье. С момента последнего осмотра жидкости в легких Мэри прибавилось.

— Как вам дышится? — спросила Эбби.

— Нормально.

— Довольно скоро нам придется снова откачивать жидкость из грудной полости. Или ставить еще одну дренажную трубку.

— Зачем?

— Чтобы вам легче дышалось. Это скажется на самочувствии.

— Только для этого?

— Миссис Аллен, телесный комфорт очень важен.

Мэри снова опустилась на подушки.

— Когда мне его захочется, я дам вам знать, — прошептала старуха.

Как Эбби и предполагала, племянница не ушла. Бренда явно собиралась снова войти в отсек.

— Вашей тете необходимо поспать. Может, вы навестите ее в другое время?

— Доктор, мне нужно кое-что с вами обсудить.

— Слушаю вас.

— Я тут поговорила с медсестрой. Насчет морфина. Неужели он так необходим?

— Учитывая состояние, в каком находится ваша тетя, да.

— Но морфин вгоняет ее в сонливость. Она только и делает, что спит.

— Мы стараемся, насколько возможно, избавить ее от болей. К сожалению, весь организм вашей тети изъеден раком. Ее кости. Ее мозг. Это самая ужасная боль, какая только существует. Мы не в силах вылечить вашу тетю. Мы можем лишь облегчать ее состояние, чтобы она ушла, испытывая минимум страданий. Это высшее проявление доброты, доступное нам в данной ситуации.

— Что значит «ушла, испытывая минимум страданий»?

— Миссис Аллен умирает. И мы не в силах этому помешать.

— То есть вы помогаете ей умереть? Так я должна понимать ваши слова? Вы для этого колете ей морфин?

— Морфин мы колем для снятия болей. Было бы жестоко обрекать ее на излишние мучения.

— А вы знаете, доктор, что мне уже приходилось сталкиваться с подобными случаями? Это касалось других моих родственников. Закон запрещает врачам помогать больным в совершении самоубийства.

От злости Эбби даже покраснела. Только бы не сорваться.

— Вы меня неправильно поняли, мисс Хейни. — Она старалась говорить как можно спокойнее. — Мы всего лишь уберегаем вашу тетю от страшных болей.

— Для этого существуют другие средства.

— Например?

— Призыв к высшим силам.

— Вы имеете в виду молитву?

— А почему бы нет? Мне это всегда помогает в трудные моменты жизни.

— Вам никто не мешает молиться за вашу тетю. Но насколько помню, в Библии ничего не сказано о запрете морфина для облегчения страданий безнадежно больных.

Лицо Бренды сделалось каменным. Эбби не знала, какой ответ приготовила ей набожная племянница, поскольку в это время на ее пейджер пришел сигнал.

— Прошу прощения, меня вызывают, — холодно проговорила Эбби и ушла, оборвав диалог.

Она была даже рада, поскольку на языке уже вертелись язвительные фразы. Например: «Раз вы так истово молитесь своему Богу, почему бы вам не попросить Его исцелить вашу тетю от рака?» Нет, таких вещей говорить нельзя. Это бы взбесило Бренду. Достаточно того, что Джо Террио готовится подать против нее иск, а Виктор Восс не оставляет намерения выгнать ее из Бейсайда. Бренда оказалась бы для него ценной находкой.

Эбби остановилась у стола дежурной медсестры и позвонила по номеру, высветившемуся на ее пейджере.

— Справочное бюро клиники Бейсайд, — ответил женский голос.

— Я доктор Ди Маттео. Вы только что прислали мне сообщение на пейджер.

— Да, доктор. Рядом со мной находится человек по имени Бернард Кацка. Он очень просит вас спуститься в вестибюль.

— Впервые слышу это имя. Я сейчас очень занята с пациентами. Пожалуйста, спросите мистера Кацку, зачем я ему понадобилась.

Трубка улеглась на стол информатора. Эбби не прислушивалась к доносившимся обрывкам разговоров. Затем трубку взяли снова.

— Доктор Ди Маттео, вы слушаете? — заметно изменившимся голосом спросила женщина.

— Да.

— Мистер Кацка… из полиции.

Кажется, она уже где-то видела этого человека. Ему было за сорок. Среднего роста, среднего телосложения, с лицом, которое не назовешь

ни симпатичным, ни даже запоминающимся. Его темно-каштановые волосы начинали редеть на макушке, но, в отличие от многих мужчин, он не пытался это скрыть начесами боковых прядок. Эбби показалось, что и он тоже ее узнал. Полицейский сразу выделил ее среди вышедших из лифта.

— Здравствуйте, доктор Ди Маттео. Я Бернард Кацка, детектив из убойного отдела.

Специфика его деятельности удивила и несколько насторожила Эбби. Какое отношение это может иметь к ней? Они пожали друг другу руки. Только теперь, рассмотрев его лицо и глаза, Эбби вспомнила, где она видела этого человека. На кладбище. В день похорон Аарона Леви. Он стоял чуть поодаль от всех; молчаливая фигура в темном костюме. Во время погребальной службы их взгляды пересеклись. Эбби не понимала молитв, читаемых на иврите. Чтобы чем-то себя занять, она разглядывала собравшихся. Вот тогда она и обнаружила, что не одна она занимается этим. Их глаза встретились всего на секунду, и он сразу же отвернулся. Тогда Эбби почти не обратила на него внимания. Сейчас первое, что она заметила, были глаза. Серые, спокойные. Он умел смотреть, не отводя взгляда. Если бы не ум, светившийся в этих глазах, Бернард Кацка выглядел бы вполне заурядно.

— Вы друг семьи Леви? — спросила Эбби.

— Нет.

— Я видела вас на кладбище. Или я ошиблась?

— Я действительно там был.

Эбби помолчала, ожидая какого-то объяснения, но вместо этого Кацка спросил:

— Здесь найдется место, где мы могли бы поговорить?

— А можно спросить, чем вызвана наша встреча?

— Смертью доктора Леви.

Эбби посмотрела на стеклянные входные двери. За ними ярко светило солнце, а она весь день не вылезала из больницы.

— У нас есть дворик со скамейками. Если не возражаете, можем пойти туда.

Октябрьский день выдался теплым. В саду, занимавшем бóльшую часть дворика, стояла пора хризантем. Они росли на круглой цветочной клумбе: коричневатые, оранжевые и желтые. В центре уютно журчал фонтан. Эбби и детектив присели на деревянную скамейку. Две медсестры, сидевшие на соседней, тут же встали и ушли в здание. Потянулись минуты. Молчание становилось все тягостнее, но только для Эбби. Ее спутник совсем не тяготился. Похоже, он привык молчать.

— Ваше имя мне назвала Элейн Леви, — наконец сказал Кацка. — Она же посоветовала побеседовать с вами.

— Почему?

— Вы говорили с доктором Леви в ночь с пятницы на субботу?

— Да. По телефону.

— А вы помните, в котором часу происходил ваш разговор?

— Около двух часов ночи. Я дежурила в клинике.

— Он вам позвонил? Или вы ему?

— Ему было все равно, с кем говорить. Доктор Леви позвонил в хирургию и попросил позвать дежурного ординатора. Дежурным ординатором оказалась я. На тот момент я вообще была единственным ординатором на всю клинику.

— Что заставило его звонить так поздно?

— Его беспокоило состояние одной из пациенток. У нее началась послеоперационная лихорадка, и Аарон хотел обсудить принимаемые меры. Рентген. Анализы. Вы все-таки можете мне сказать, зачем вам это нужно?

— Конечно могу. Я пытаюсь восстановить хронологию событий. Итак, около двух часов ночи доктор Леви позвонил в хирургическое отделение, и вы подошли к телефону.

— Да.

— А вы говорили с ним после этого? После двух часов ночи?

— Нет.

— Вы пробовали ему позвонить?

— Да. Оказалось, что он уже выехал из дому в больницу. Я говорила с Элейн.

— В какое время вы с нею говорили?

— Точно не помню. Вероятно, часа в три. Может, минут пятнадцать четвертого. У меня тогда голова была занята пациенткой, и на часы я не смотрела.

— А утром вы не звонили ему домой?

— Нет. Я несколько раз посылала ему вызов на пейджер. Ждала, что он позвонит, но он не звонил. Я знала, что доктор Леви где-то в клинике. Его машина стояла на служебной парковке.

— В какое время вы видели его машину?

— Я не видела. Ее видел мой друг… доктор Ходелл. Он приехал в Бейсайд около четырех часов утра. Простите, а почему убойный отдел вдруг решил заниматься самоубийством?

Кацка не ответил на ее вопрос.

— Элейн Леви утверждает, что примерно в четверть третьего ее мужу позвонили. Он сам взял трубку, потом оделся и вышел из дому. Вам что-нибудь известно об этом звонке?

— Нет. Возможно, ему звонила кто-то из медсестер. Разве Элейн не знает, кто звонил?

— Не знает. Ее муж сам ответил на звонок, а потом унес аппарат в ванную. Разговора она не слышала.

— В четверть третьего я ему не звонила. А теперь я очень хочу знать, почему вы задаете мне подобные вопросы. Вряд ли это та рутинная процедура, когда полиция опрашивает всех подряд.

— Нет, это не рутинная процедура.

У Эбби заверещал пейджер. Ее просили позвонить в ординаторскую. Ничего срочного, но ей осточертел разговор с детективом. Она встала со скамейки:

— Простите, мистер Кацка, но мне пора возвращаться к работе. Меня ждут пациенты. У меня нет времени отвечать на туманные вопросы.

— Ошибаетесь, доктор. Мои вопросы весьма специфичны, но туманными их не назовешь. Я пытаюсь выяснить, кто звонил доктору Леви поздно ночью и о чем вел с ним разговоры.

— Зачем?

— Это могло спровоцировать смерть доктора Леви.

— Уж не хотите ли вы сказать, что кто-то убедил Аарона поехать в клинику и там повеситься?

— Пока что я пытаюсь выяснить, кто с ним говорил.

— Почему бы вам тогда не обратиться прямо в телефонную компанию, или как это теперь называется? У них должно быть специальное оборудование. Они вам подскажут, с какого номера звонили.

— Это я уже сделал. Так вот: в четверть третьего доктору Леви звонили из Бейсайда.

— Ничего удивительного. Ему могла позвонить дежурная медсестра.

— Или кто-то еще, кто тоже в это время был в здании клиники.

— У вас уже готова теория? Получается, кто-то позвонил из клиники Аарону и сказал ему нечто такое, после чего он отправился вешаться?

— Мы рассматриваем не только самоубийство, но и другие версии.

Эбби посмотрела на Кацку. Ей показалось, что она недопоняла. Эбби медленно села. Оба молчали.

Медсестра выкатила из здания коляску с женщиной. Некоторое время обе любовались хризантемами, затем коляска поехала дальше. Единственным звуком, нарушавшим гнетущую тишину, было мелодичное журчание фонтана.

— Получается, его могли убить? — спросила Эбби.

Кацка не торопился с ответом. Вглядываясь в его лицо, Эбби почти знала ответ: «Да, могли». Но пока детектив сидел неподвижно. Он был не из тех, кому вечно мешают руки.

— Аарон повесился... или нет? — напрямую спросила Эбби.

— Результаты вскрытия свидетельствуют об асфиксии.

— То есть они были вполне ожидаемы. Следовательно, это самоубийство.

— Весьма вероятно.

— Тогда почему же, имея результаты вскрытия, вы сомневаетесь?

Кацка молчал. Эбби впервые увидела в его глазах неуверенность. Он взвешивал слова. Чувствовалось, он везде и во всем привык просчитывать различные варианты. Для таких людей даже спонтанность была результатом тщательно спланированных действий.

— За два дня до смерти доктор Леви купил новенький компьютер.

— И что? Покупка компьютера — повод для ваших вопросов?

— С помощью этого компьютера доктор Леви совершил несколько действий. Сначала забронировал два авиабилета на карибский остров Сент-Люсия. Дата вылета — ближе к Рождеству. Затем послал электронное письмо в Дартмут, где учится его сын. Письмо касалось их планов на День благодарения. Подумайте об этом, доктор. За два дня до самоубийства человек строит планы на будущее. Мечтает об отпуске, о море и пляже. И вдруг кто-то звонит ему в четверть третьего ночи. Доктор Леви одевается, садится в машину, приезжает в больницу. Там он поднимается в лифте на тринадцатый этаж, после чего по лестнице идет на четырнадцатый. На этом этаже доктор Леви заходит в палату люкс и выбирает место, где свести счеты с жизнью. Этим местом оказывается гардеробная. Он вытаскивает брючный ремень, один конец закрепляет на штанге, второй — на собственной шее. Остается лишь поджать ноги и повиснуть. Сознание не угасает мгновенно. У доктора Леви было пять или даже десять секунд, чтобы передумать. У него жена, двое детей, желанный отпуск и путешествие на Сент-Люсию. Но он выбирает смерть. В одиночестве и в темноте.

Кацка спокойно выдержал ее взгляд.

— Подумайте об этом.

Эбби сглотнула:

— Сомневаюсь, что мне хочется об этом думать.

— А мне приходится.

Эбби смотрела в его спокойные серые глаза и думала: «О каких еще кошмарах вы раздумываете, детектив Кацка? И каким человеком надо быть, чтобы выбрать работу, требующую столь жутких мысленных реконструкций?»

— Мы знаем, что машина доктора Леви находилась на служебной стоянке больницы. В том месте, где он ее всегда оставлял. Но мы не знаем, зачем он поехал в больницу и почему вообще покинул дом. Не считая того, кто позвонил ему в четверть третьего, вы — единственная из известных нам людей, кто говорил с доктором Леви. Припомните, он вам говорил, что сам приедет в больницу?

— Я вам уже сказала: его тревожило состояние нашей пациентки. Возможно, он решил поехать в больницу и осмотреть эту женщину.

— Получается, он вам не доверял?

— Я всего лишь ординатор второго года, а не штатный врач. Аарон входил в команду трансплантологов. В качестве терапевта.

— Насколько я понял, его специализацией была кардиохирургия.

— И терапия тоже. Когда возникали проблемы вроде этой лихорадки, медсестры обращались к нему. А он, если требовалось, звал на консультацию других специалистов.

— Вы не ответили. Во время вашей беседы доктор Леви говорил, что через некоторое время сам приедет в Бейсайд?

— Нет. Мы просто самым обычным образом распланировали мои действия. Я рассказала, что собираюсь сделать. В таких случаях сначала проводится осмотр пациента. Потом рентген и анализы крови. Аарон одобрил мои планы.

— И это все?

— В этом заключался наш разговор.

— И тем не менее, может, в его словах или интонациях вы ощутили какую-то странность?

Эбби снова мысленно вернулась к тому ночному разговору. Ей вспомнилась пауза. Узнав, кто дежурит, Аарон почему-то замолчал. И тон у него был недовольный.

— Доктор Ди Маттео.

Она подняла глаза. Кацка произнес ее фамилию все тем же ровным, спокойным голосом. Эбби насторожило выражение его глаз.

— Вы что-то припоминаете?

— Да. Доктору Леви не очень понравилось, что в ту ночь дежурным ординатором была я.

— Почему не понравилось?

— Опять-таки из-за этой пациентки. У нас с ее мужем произошел конфликт. Довольно серьезный. — Эбби отвернулась. Ей сейчас очень не хотелось снова думать о Викторе Воссе. — Аарону хотелось, чтобы в ту ночь я вообще не приближалась к миссис Восс.

Молчание Кацки заставило ее снова поднять глаза.

— Речь о жене Виктора Восса? — спросил он.

— Да. Вам знакомо это имя?

Кацка откинулся на спинку скамейки, почти бесшумно выдохнул.

— Я знаю, что он создал корпорацию «Ви-эм-ай интернейшенл». А какую операцию его жене делали в вашей клинике?

— Пересадку сердца. Сейчас ее состояние значительно лучше. После нескольких дней лечения антибиотиками лихорадка отступила.

Кацка смотрел на фонтан. В свете солнца водяные струи были похожи на золотую цепь. Неожиданно детектив поднялся со скамейки.

— Доктор Ди Маттео, спасибо, что выкроили время для разговора со мной, — сказал он. — Возможно, я еще вам позвоню.

Эбби хотела ответить: «В любое время», но Кацка стремительно зашагал к выходу. Как это у него получалось: от полной неподвижности — к движению со скоростью звука?

Опять пейджер. Ее снова вызывала ординаторская. Эбби утихомирила назойливую коробочку и огляделась по сторонам. Кацки словно и не было. Коп, владеющий волшебным навыком мгновенного исчезновения. Продолжая раздумывать над его вопросами, Эбби вернулась в вестибюль и позвонила в ординаторскую.

— Извините, только сейчас освободилась, — сказала она секретарше.

— Для вас две новости. Звонила Хелен Льюис из Банка органов Новой Англии. Интересовалась, получили ли вы ответ на запрос о доноре сердца. Она ждала на линии, но вы не ответили, и она повесила трубку.

— Если она снова позвонит, скажите, что да, ответ я уже получила. А что за вторая новость?

— Вам принесли заказное письмо. Я расписалась в получении. Надеюсь, ничего страшного?

— Заказное? — переспросила Эбби.

— Да. Всего несколько минут назад принесли. Я подумала: надо вам сообщить.

— Кто отправитель?

Секретарша зашелестела бумагами.

— Тут штамп стоит. «Юридическая фирма „Хокс, Крейг и Сассман“».

Эбби показалось, что ее живот летит куда-то вниз.

— Я сейчас поднимусь, — сказала она, вешая трубку.

Опять иск Террио. Жернова судебной системы завертелись, угрожая стереть доктора Ди Маттео в порошок. Пока Эбби ехала в лифте, у нее вспотели руки.

«Доктор Ди Маттео, известная своим спокойствием во время операций, — просто-напросто невротичка».

Секретарша говорила по телефону. Увидев Эбби, она лишь кивнула головой в сторону стеллажей с письмами.

В ячейке Эбби лежал всего один конверт. В левом верхнем углу красовался строгий штамп юридической фирмы «Хокс, Крейг и Сассман».

До нее не сразу дошло содержание письма. Затем, когда Эбби обратила внимание на имя истца, ее живот перестал падать. Он рассыпался на кусочки. Письмо было никак не связано с Карен Террио. Речь шла о другом бывшем пациенте Эбби — некоем Майкле Фримене, который страдал алкоголизмом. Случилось так, что у него в пищеводе вспух и лопнул кровеносный сосуд. Фримен умер прямо в палате от обильного кровотечения. Эбби тогда была интерном. Она помнила, как ее потрясла эта трагическая и нелепая смерть. И вот теперь вдова Фримена подавала запоздалый иск против доктора Ди Маттео, поручая представлять свои интересы фирме «Хокс, Крейг и Сассман». Эбби значилась ответчицей. Единственной ответчицей.

— Доктор Ди Маттео, вам плохо?

Эбби вдруг обнаружила, что стоит, упираясь в стеллажи, а кабинет секретарши почему-то слегка раскачивается. Секретарша вопросительно смотрела на нее и хмурилась.

— Все… в порядке, — пробормотала Эбби. — Просто день сегодня… тяжелый.

Из кабинета она уходила, ощущая себя полководцем, разбитым на всех флангах. Ей захотелось забиться в какой-нибудь тихий угол. Ординаторская пустовала. Эбби закрылась изнутри и села на кушетку. Потом достала злополучное письмо и несколько раз перечитала.

За две недели — два иска. Вивьен была права: Эбби придется до конца своих дней выступать ответчицей в судах.

Нужно было бы позвонить адвокату, но на это у Эбби не осталось сил. Она сидела и тупо смотрела на заказное письмо. Она думала о годах учебы, о работе, об удачно складывавшейся карьере. А теперь ее карьера висит на волоске. Эбби вспоминала, как вечерами засыпала над учебниками. Соседки по общежитию ходили на свидания. У нее на это не было времени. По выходным она работала в две смены больничным флеботомистом. Ее мутило от прозрачных трубок, заполненных донорской кровью. Но ей нужны были деньги, чтобы платить за учебу. На ней и сейчас висели сто двадцать тысяч долларов долга по студенческим займам. Она вспоминала свои скудные обеды из сэндвичей с арахисовым маслом. А сколько фильмов, спектаклей и концертов она пропустила, сберегая время для учебы.

Потом ее мысли переключились на Пита. Это из-за него Эбби решила стать врачом. Младший брат, которого она так хотела спасти, но тогда еще не умела спасать. Больше всего она думала о Пите, вечно десятилетнем.

Виктор Восс ковал победу. Он пообещал ее уничтожить и теперь планомерно выполнял свое обещание.

Нанести ответный удар. Пришло время нанести ответный удар. Вот только как? Эбби не была искушена в юридических тонкостях. Сейчас она вообще казалась себе дурой. Письмо, словно кислота, жгло пальцы. Эбби напряженно искала способ остановить Восса и ничего не могла придумать. На чем ей строить встречный иск? Обвинить его в нападении и рукоприкладстве, добавив к этому оскорбление чести и достоинства? Да, у нее были свидетели. Но решатся ли медсестры дать показания? Того случая недостаточно, совсем недостаточно, чтобы остановить Восса.

«Хватит молча утираться! Ты должна что-то придумать».

Эбби не удалось отсидеться в ординаторской. Ей опять позвонили на пейджер. Теперь хирургия. Эбби не была настроена с кем-либо разговаривать, но правила требовали отвечать на сообщения пейджера. Схватив трубку, она сердито ткнула в кнопки телефона.

— Ди Маттео, — буркнула Эбби, когда ей ответили.

— Доктор, у нас проблема с племянницей Мэри Аллен.

— Конкретнее!

— Сейчас четыре часа. Время вводить миссис Аллен очередную дозу морфина. Но Бренда нам мешает. Не могли бы вы...

— Иду! — ответила Эбби и швырнула трубку.

«Черт бы побрал эту набожную дуру!»

Сунув письмо в карман, Эбби устремилась вниз. По лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Добравшись до отделения, Эбби тяжело дышала, но не от напряжения. От злости. Как ураган, она ворвалась в палату Мэри Аллен.

Двое медсестер урезонивали Бренду. Мэри Аллен не спала, но слабость и боли мешали ей говорить.

— Вы и так одурманили ее до неузнаваемости, — упиралась Бренда. — Полюбуйтесь, в кого превратилась моя тетка. Она даже говорить со мной не может.

— Или просто не хочет. Вы об этом не подумали? — спросила Эбби.

Медсестры облегченно вздохнули. Эбби сейчас олицетворяла власть.

— Мисс Хейни, я прошу вас покинуть палату и не мешать процедурам.

— Моей тете не нужен никакой морфин.

— Здесь решаю я. Пожалуйста, выйдите из палаты.

— У нее осталось мало времени. Ей нужно собраться с силами, — заявила Бренда.

— Для чего?

— Чтобы полностью принять Господа. Если она умрет раньше и не успеет Его принять…

— Отдайте мне морфин, — потребовала Эбби, протянув руку к оробевшей медсестре. — Я сама его введу.

Получив шприц с морфином, Эбби подошла к койке. В вену Мэри был вставлен постоянный катетер с иглой, через который ей внутривенно вводили морфин и другие лекарства. Мэри едва заметно кивнула в знак благодарности.

— Только посмейте впрыснуть ей этот дурман. Я немедленно вызову адвоката, — пригрозила Бренда.

— Вызывайте, — сказала Эбби.

Она сняла защитный колпачок с иглы шприца, вставила иглу в приемное отверстие катетера и надавила на поршень. В это время Бренда метнулась к тетке и вырвала иглу катетера из ее тщедушной руки. Из раны на пол закапала кровь. Ярко-красные капли, покрывавшие линолеум, уничтожили в Эбби последние сдерживающие центры.

Медсестра поспешно бинтовала рану.

— Вон из палаты, — в упор глядя на Бренду, потребовала Эбби.

— Доктор, вы не оставили мне другого выбора.

— Я сказала — вон!

Глаза Бренды округлились. Она попятилась к двери.

— Мне позвать охрану, чтобы вас вышвырнули отсюда? — кричала Эбби, надвигаясь на Бренду.

Та испуганно пятилась, отступая в коридор.

— И чтобы больше я вас не видела возле моей пациентки! Я не хочу, чтобы вы изводили ее вашими библейскими бреднями!

— Я ее родственница! — взвизгнула Бренда.

— А мне ровным счетом плевать, кто вы такая!

У Бренды отвисла челюсть. Она молча повернулась и ушла.

— Доктор Ди Маттео, я могу поговорить с вами?

За спиной Эбби стояла старшая медсестра Джорджина Спир.

— Доктор, с вашей стороны это было крайне неуместно. Мы не имеем права так разговаривать с посетителями.

— Эта... она выдернула катетер из руки моей пациентки!

— Вы могли уладить конфликт иным способом. Вызвать охрану. Обратиться за помощью. Но в нашей клинике не принято оскорблять посетителей и их религиозные чувства. Вам понятно?

Эбби глотнула воздуха.

— Понятно, — тихо сказала она и совсем шепотом добавила: — Я сожалею.

Закрепив на руке Мэри Аллен новый катетер для внутривенных инъекций, Эбби вернулась в ординаторскую и повалилась на кушетку.

«Что происходит со мной?» — думала она, глядя в потолок.

Она еще никогда не теряла самообладания, не кричала и не срывалась на пациентов и их родственников.

«Я схожу с ума. Это напряжение меня доконает. Наверное, я не гожусь во врачи».

В ее тягостные мысли вклинился новый сигнал пейджера.

«Они так и будут мучить меня?»

Эбби была готова отдать что угодно за целый день, за целую неделю жизни без пейджеров, телефонов, озлобленных мужей и фанатичных племянниц. На этот раз вызывала оператор больничного коммутатора. Сняв трубку, Эбби вдавила клавишу с нулем.

— Доктор, вам звонят из города, — сообщила оператор. — Сейчас я вас соединю.

В трубке несколько раз щелкнуло, затем раздался другой женский голос:

— Я говорю с доктором Ди Маттео?

— Да.

— Это Хелен Льюис из Банка органов Новой Англии. В минувшую субботу вы оставили запрос по донору сердца. Я сегодня уже звонила вам

и просила связаться со мной. Вероятно, вы были заняты, поэтому я решила позвонить еще раз.

— Простите меня, пожалуйста. Я собиралась вам звонить, но закрутилась. Одно, другое. Вопрос прояснился. Обыкновенное недопонимание с моей стороны.

— Что ж, это упрощает дело, поскольку мне так и не удалось найти никаких сведений. Если у вас есть другие вопросы, я готова...

— Простите, — перебила ее Эбби. — Что вы сказали?

— Мне не удалось найти никаких сведений.

— Почему?

— В нашей базе данных отсутствуют сведения, которые вы запрашивали.

Секунд десять Эбби приходила в себя. Потом спросила, медленно выговаривая каждое слово:

— Вы полностью уверены, что данных нет?

— Я прошерстила нашу компьютерную базу данных. В день, который вы назвали, ни в одной клинике Вермонта не производилось изъятие донорского сердца.

12

— Вот, смотрите.

Перед Колином Уэттигом лежал раскрытый справочник «Специалисты в области медицины».

— Тимоти Николс. Степень бакалавра получил в Вермонтском университете. Степень магистра — в университете Тафтса. Ординатуру проходил в Массачусетской клинической больнице. Специализация: торакальная хирургия. Место работы: больница имени Уилкокса, Берлингтон, штат Вермонт. — Уэттиг подвинул справочник, выставляя его на всеобщее обозрение. — Итак, в Берлингтоне действительно работает торакальный хирург по имени Тим Николс. Он отнюдь не плод воображения Арчера.

— В субботу Николс меня уверял, что участвовал в изъятии донорского сердца, — включился в разговор Арчер. — И это происходило в больнице имени Уилкокса. К сожалению, мне не удалось связаться с кем-либо из остальных участников операции. А теперь и сам Николс недоступен. Его

коллеги говорят, что он взял длительный отпуск. Я не знаю, как ко всему этому относиться, но вам, Джереми, заявляю со всей определенностью: лучше бы нам не вляпываться в эту историю. Уж слишком дурно она пахнет. И чем дальше, тем сильнее.

Джереми Парр ерзал на стуле, поглядывая на корпоративного юриста Сьюзен Касадо. На Эбби, сидевшую в дальнем конце стола рядом с Донной Тот, координатором трансплантационных операций, он смотреть избегал. Возможно, даже не хотел смотреть. Ведь не кто иной, как Эбби, заварил эту кашу. И эту встречу тоже устроили по ее инициативе.

— Так что же все-таки происходит? — задал риторический вопрос Парр.

— Мне думается, Виктор Восс постарался, чтобы данные по этому донору прошли мимо систем учета, — ответил Арчер. — Только так донорское сердце могло напрямую попасть к его жене.

— Ему это по силам?

— При его финансовых возможностях... думаю, да.

— А финансовые возможности у него просто огромные, — вставила Сьюзен. — Я тут в журнале «Киплинджерс» наткнулась на свежий список пятидесяти богатейших людей Америки. Так вот, Восс переместился вверх и теперь занимает четырнадцатую строчку.

— Вы бы мне лучше объяснили, как распределяют донорские органы, — попросил Парр. — Я до сих пор не понимаю особенностей процедуры.

— У нас этим занимается Донна, — сказал Арчер, поворачиваясь к координатору. — Донна, вы не откажетесь нас просветить?

Донна Тот кивнула:

— Вся система устроена достаточно просто. Есть два списка пациентов, нуждающихся в пересадке органов: региональный и национальный. На национальном уровне этим занимается Объединенная сеть по передаче органов. Сокращенно ОСПО. Региональный список завязан на Банк органов Новой Англии. Обе системы классифицируют пациентов по степени потребности в пересадке. Богатство, расовые признаки и социальный статус пациента никак не влияют на его очередность в списке. Единственный показатель — состояние здоровья пациентов. Точнее, уровень критичности состояния их здоровья. — Донна раскрыла папку. — Это самая свежая редакция регионального списка. — Она достала лист и передала Парру. — Мне его прислали по факсу из

штаб-квартиры БОНА в Бруклине. Как видите, здесь указан медицинский статус пациента, требуемый орган, адрес ближайшего трансплантационного центра и номер контактного телефона. Чаще всего указывается телефон координатора по трансплантационным операциям.

— Я вижу тут еще какие-то данные. Что они значат? — спросил Парр.

— Клиническая информация. Нижний и верхний допустимые пределы по росту и весу, каким должен соответствовать донор. Если пациенту уже пересаживали другой орган, эти данные тоже заносятся в список, поскольку наличие антител может затруднить приживаемость нового органа.

— Вы сказали, список составлен по степени потребности?

— Да. Первым всегда идет имя человека, находящегося в наиболее тяжелом состоянии.

— А какой номер был у миссис Восс?

— В тот день, когда она получила донорское сердце, она шла под третьим номером среди пациентов с четвертой группой крови.

— Что произошло с пациентами, стоявшими впереди нее?

— Я сверилась с данными БОНА. Через несколько дней им обоим был присвоен восьмой номер очередности. Состояние полной утраты активности. Тех, кому присваивается восьмой номер, вычеркивают из списка.

— Иными словами, эти люди умерли? — негромко спросила Сьюзен Касадо.

— Они так и не дождались своих доноров, — кивнула Донна.

— Боже мой, — простонал Парр. — Значит, миссис Восс получила сердце, которое предназначалось другому человеку.

— Получается, так. И мы не знаем, каким образом.

— А откуда вы узнали о доноре? — спросила Сьюзен.

— Из телефонного звонка, — сказала Донна. — Это обычная практика. Трансплантационный координатор клиники, где находится донор, проверяет самую последнюю редакцию списка БОНА и звонит по контактному телефону пациента, стоящего в списке первым.

— Значит, вам позвонил трансплантационный координатор больницы имени Уилкокса?

— Да. Мы и раньше говорили с ним о других донорах. У меня не было причин усомниться в его словах.

— Не представляю, как Восс сумел это устроить, — покачал головой Арчер. — Ни один шаг не вызывал у нас сомнений. Все честно, все законно. Наверняка кому-то в больнице Уилкокса хорошо заплатили. Держу пари, что этот кто-то — их трансплантационный координатор. Итак, жена Восса получает сердце, а на репутацию Бейсайда падает тень. Получается, мы за деньги добываем донорские органы в обход существующих правил. А у нас нет никаких сведений по донору, чтобы все это проверить и перепроверить.

— Сведения так и не нашлись? — спросил Парр.

— Я искала везде, — вздохнула Донна. — В моем кабинете сведений по этому донору нет.

«Это Виктор Восс, — подумала Эбби. — Он позаботился, чтобы все бумаги исчезли».

— Самое скверное во всем этом — почки, — проворчал Уэттиг.

Парр хмуро покосился на Генерала:

— Что?

— Жене Восса не требовались почки, — сказал Уэттиг. — И печень с поджелудочной железой ей были не нужны. Что стало с этими органами? Ведь данные о них тоже не заносились в систему регистрации.

— Должно быть, их просто выбросили.

— Вот именно. И вместе с ними выбросили шанс на спасение трех или четырех жизней.

Собравшиеся морщились от негодования и укоризненно качали головами.

— Что нам теперь делать? — спросила Эбби.

В конференц-зале наступила тишина.

— Я просто не знаю, что мы должны делать, — сказал Парр и посмотрел на юриста. — Мы вообще обязаны что-то предпринимать?

— С точки зрения этики — да, — ответила Сьюзен. — Но если мы заявим об этом, нас ждут последствия. Я не напрасно употребила множественное число. Во-первых, история попадет в прессу. Представляете, какой лакомый кусочек получат газетчики? Тут и покупка донорских органов вне очереди, и причастность Виктора Восса. Во-вторых, все это в какой-то степени нарушит конфиденциальность самого процесса передачи донорских органов. Такое явно не понравится определенной части наших пациентов.

— Прежде всего тем, у кого полным-полно деньжищ, — фыркнул Уэттиг.

— Тем, за чей счет существует наша клиника, — поправил Парр. — Услышав, что с подачи Бейсайда власти занялись человеком уровня Виктора Восса, они усомнятся в нашей надежности. В нашем умении хранить врачебную тайну. Мы можем потерять всех частных пациентов. И наконец, это может дать обратный эффект. Вдруг нас посчитают соучастниками заговора? Мы потеряем репутацию надежной трансплантационной клиники. Если окажется, что Восс действительно сумел протащить того донора в обход регистрации, тень ляжет и на нашу клинику.

Лицо Арчера помрачнело. Эбби понимала его состояние. Случись такое, на трансплантационной программе Бейсайда будет поставлен крест. И на прославленной команде трансплантологов — тоже.

— В какой мере вся эта история известна за пределами клиники? — спросил Парр; он наконец-то заметил присутствие Эбби. — Доктор Ди Маттео, о чем вы рассказывали служащей БОНА?

— Общаясь с Хелен Льюис, я вообще не понимала, что к чему. Никто из нас не понимал. Мы лишь пытались выяснить, почему сведения о доноре не попали в их базу данных. На этом наш разговор и закончился. То есть проблема осталась нерешенной. Сразу после звонка миссис Льюис я поставила в известность докторов Арчера и Уэттига.

— И Ходелла. Вы непременно рассказали и ему.

— Я еще не говорила с Марком. Он сегодня практически весь день не выходит из операционной.

— Приятно слышать, — облегченно вздохнул Парр. — Значит, пока история остается в стенах этой комнаты. А миссис Льюис известно лишь то, что вы недоумеваете, как информация о доноре проскочила мимо них.

— Совершенно верно.

В зале послышался второй шумный вздох облегчения: к Парру присоединилась Сьюзен Касадо.

— Тогда все еще можно исправить. Мне думается, что доктору Арчеру необходимо самому позвонить в БОНА. Пусть он заверит миссис Льюис, что это было всего-навсего недоразумение, в котором мы теперь разобрались. Скорее всего, она это проглотит. Вряд ли она страдает повышенным любопытством. Мы же продолжим наводить справки, но осторожно, ничем себя не выдавая. Мы снова попытаемся связаться с доктором Николсом. Возможно, короткий разговор все прояснит.

— Вот только никто не знает, когда Николс вернется из отпуска, — заметил Арчер.

— А как насчет другого хирурга? — поинтересовалась Сьюзен. — Он вроде из Техаса?

— Мейпс? Я еще даже не звонил ему.

— Стоило бы.

— Я возражаю, — заявил Парр. — Нам незачем расширять этот круг.

— Почему, Джереми? Назовите причину.

— Чем меньше мы знаем, тем призрачней наша причастность ко всей этой... темной истории. Нужно обходить ее за мили. Скажите Хелен Льюис, что сердце для миссис Восс передали целенаправленно. Оно предназначалось только ей, и потому сведения о доноре не попали в БОНА. И больше — никаких объяснений.

— Иными словами, спрячем головы в песок, и поглубже, — ехидно бросил Уэттиг.

— Ничего не вижу, ничего не слышу. — Парр оглядел собравшихся, принимая молчание за общее согласие. — Думаю, вам и так понятно, что наш разговор не должен выйти за пределы этой комнаты.

— Вот только зло никуда не денется, — не выдержала Эбби. — Мы можем его не замечать, не видеть и не слышать, но оно все равно нас не отпустит.

— Клиника ни в чем не виновата, — отрезал Парр. — Мы не должны страдать. Не должны пасть жертвами злорадного любопытства и стать мишенями для домыслов.

— А как же этические принципы? Такое вполне может повториться.

— Я очень сомневаюсь, что миссис Восс в ближайшем будущем понадобится новое сердце. Поймите, доктор Ди Маттео, это был единичный случай. Отчаявшийся муж нарушил правила, чтобы спасти умирающую жену. История закончилась. Сейчас нам надо думать, как сделать так, чтобы это не повторилось. Мы можем выработать некие меры? — спросил Парр, поворачиваясь к Арчеру.

— Иного нам просто не остается, — кивнул Арчер.

— А что будет с Виктором Воссом? — поинтересовалась Эбби.

Молчание собравшихся подсказало ей ответ. Ничего не будет. С людьми, подобными Воссу, никогда ничего не случается. Он может обойти систему регистрации, купить сердце, купить хирурга, купить целую больницу. А еще он может купить юристов. Армию юристов. Столько, сколько понадобится, чтобы превратить мечты скромного хирурга-ординатора в выжженную землю.

— Он задался целью меня уничтожить, — заговорила Эбби. — Я думала, после успешной операции он поутихнет. Ничего подобного. Кто-то, кого он нанял, изгадил салон моей машины свиными потрохами. Его юристы выдвинули против меня два иска, и это только начало. Он объявил мне войну, которую готов вести любыми средствами. Знаете, в таких условиях трудно ничего не видеть и не слышать.

— Вы можете доказать, что все это — дело рук Восса? — спросила Сьюзен.

— А кто еще способен на такое?

— Под ударом репутация нашей больницы, — сказал Парр. — Постарайтесь это понять, доктор Ди Маттео. Нам нужно действовать единой командой. Мы все должны сплотиться. В том числе и вы, поскольку Бейсайд — и ваша больница.

— Но вдруг правда вырвется наружу? Вдруг на первой полосе «Глоуб» появится громадный заголовок: «Клинику Бейсайд обвиняют в махинациях с донорскими органами»? И то, что вы пытаетесь скрыть, бросят вам в лицо.

— Потому я и сказал: все, о чем здесь говорилось, здесь должно и остаться.

— У тайного есть свойство становиться явным. — Эбби вздернула подбородок. — Скорее всего, так и случится.

Парр и Сьюзен беспокойно переглянулись.

— Нам придется пойти на риск, — сказала Сьюзен.

Эбби скинула хирургический халат, запихнула его в бак для грязного белья и вышла, резко толкнув двойные двери. Еще немного, и наступит полночь. Пациент — жертва ножевого ранения — прооперирован и помещен в реанимацию. Интерн трудится над его карточкой, записывая распоряжения. Можно трубить отбой. В окопах все спокойно.

Затишье не радовало Эбби. У нее появилось слишком много времени подумать над всем, о чем сегодня говорилось в конференц-зале.

«Мне представился единственный шанс для ответного удара, но нанести его я не могу, — размышляла Эбби. — Не имею права наносить, если хочу оставаться игроком команды. Если интересы Бейсайда по-прежнему для меня что-то значат».

Интересы клиники были и ее интересами. Ее по-прежнему считали частью команды. Эбби усматривала в этом хороший знак. У нее есть шансы остаться работать в Бейсайде. Шансы окончить ординатуру. Это походило на сделку с дьяволом. Держи язык за зубами и не отступай от своей мечты. Если Виктор Восс позволит мечте осуществиться.

Если совесть позволит.

Несколько раз за вечер Эбби порывалась позвонить Хелен Льюис. Всего один звонок, и в БОНА узнают правду о «бейсайдском недоразумении». Всего один звонок, и там станет известно, чем, помимо своего бизнеса, занимается Виктор Восс. И сейчас, идя в ординаторскую, Эбби мысленно говорила с Хелен.

Первым, что поразило ее в темной ординаторской, был странный, совсем не больничный запах. Пахло розами и лилиями. Включив свет, Эбби увидела на столе большую вазу с цветами.

Потом она услышала… шелест простыней на ординаторской койке.

— Марк? — удивилась она.

Он мигом проснулся и поначалу не мог сообразить, где находится. Потом, увидев ее, улыбнулся:

— С днем рождения.

— Черт! Я же совсем забыла.

— А я не забыл.

Эбби подошла к койке и села рядом. Марк уснул, не сняв зеленого хирургического костюма. Наклонившись, чтобы его поцеловать, Эбби уловила знакомый, типично больничный запах бетадина и… запах усталости.

— Какой ты колючий! Тебе нужно побриться.

— Мне нужен еще один поцелуй.

Эбби улыбнулась и поцеловала его.

— И давно ты меня дожидаешься?

— Времени сейчас сколько?

— Полночь.

— Значит, два часа.

— И ты с десяти меня здесь ждал?

— Я не собирался засыпать. Так получилось.

Марк подвинулся, освобождая ей половину узкой койки. Эбби сбросила туфли и легла рядом. Ее сразу же окутало двойным теплом: больничной постели и другим теплом, исходящим от любимого мужчины. Может, рассказать ему о сегодняшней встрече и о втором иске? Подумав, Эбби решила не рассказывать. Ей хотелось лежать в объятиях Марка.

— Прости, я забыл торт.

— Торт — пустяки. Как я могла забыть про собственный день рождения? А может, хотела забыть. Уже двадцать восемь.

— Такая дряхлая старушка, — засмеялся Марк, обнимая ее за плечи.

— Я чувствую себя старой. Особенно сегодня.

— В таком случае я вообще древний старец. — Марк нежно поцеловал ее ухо. — И моложе никак не становлюсь. Думаю, теперь самое время.

— Самое время для чего?

— Самое время сделать то, что надо было бы сделать еще несколько месяцев назад.

— И что же?

Марк коснулся ее лица:

— Попросить тебя стать моей женой.

Эбби молча смотрела на него. Слова не выговаривались, но ее переполняло счастье, и Марк легко мог прочесть ответ по ее глазам. Ей вдруг стало дорого все в этом человеке. Ладонь, что согревала щеку. Лицо, усталое, уже немолодое и потому еще более милое ей.

— Я это понял две ночи назад, — признался Марк. — Понял, чего же я хочу. Ты дежурила. Я приехал домой, съел обед быстрого приготовления. Потом пошел спать и на комоде увидел твои вещи. Щетку для волос. Шкатулку с украшениями. Лифчик, который ты почему-то никогда не убираешь. — Марк тихо засмеялся. Эбби тоже. — И тогда я понял: где бы я ни жил, я хочу, чтобы на комоде обязательно лежали твои вещи. Я без них уже не смогу. Даже дня не выдержу.

— Марк...

— Самая дурацкое в нашей профессии — мы не работаем от сих до сих. Тебя почти не бывает дома. А когда ты возвращаешься, наступает мое дежурство. Мы довольствуемся встречами в коридорах. Радуемся, если лифт пустой и можно взяться за руки. И потому мне так важно, вернувшись домой, увидеть на комоде твои вещи. Я смотрю на них и понимаю: ты тут была и снова появишься. И мне достаточно.

Слезы застилали Эбби глаза. Марк улыбался. Его сердце гулко стучало, словно от страха.

— Что скажете, доктор Ди Маттео? — шепотом спросил он. — Мы сумеем втиснуть свадьбу в наши плотные рабочие графики?

Эбби всхлипнула и тут же засмеялась.

— Да! Да, да, да!

Она взобралась на Марка, обвила его шею, прильнула к его губам. Они оба смеялись, перемежая смех поцелуями. Пружины отчаянно скрипели и стонали. Кушетка была слишком узкой. Вдвоем на такой не поспишь.

Зато узкая кушетка вполне годилась для занятий любовью.

А ведь когда-то она была красивой. Иногда, глядя на свои руки, морщинистые, в бурых старческих пятнах, она удивлялась и мысленно спрашивала: «Чьи это руки? Наверное, какой-то незнакомой старухи. Они не могут быть моими. Все знают, что у Мэри Хэтчер красивые руки». Потом замешательство проходило, она оглядывала больничную палату и понимала: это ей приснилось.

Это были не настоящие сновидения. Для настоящих сновидений нужен настоящий крепкий сон. Она называла сновидениями то, что самом деле больше напоминало туманную дымку. Эта дымка стояла перед глазами даже во время бодрствования. Так действовал морфин. Мэри была благодарна за морфин. Он уносил ее боли и открывал в мозгу потайные ворота. Оттуда в ее разум потоком неслись картины прошлых лет. Картины ее долгой жизни, почти подошедшей к концу. Она где-то слышала, что жизнь человека напоминает круг и в конце он возвращается в точку, откуда начал свое путешествие. Ее собственная жизнь даже отдаленно не напоминала круг. Жизнь Мэри скорее была похожа на гобелен, где каждая ниточка — со своим характером. Попадались нитки рваные, разлохматившиеся. И ни одной прямой и гладкой.

Зато какое обилие красок и оттенков!

Она закрыла глаза. Потайные ворота широко распахнулись. Это была дорога к морю. Возле берега рос шиповник с ярко-розовыми цветками и приятным сладким запахом. Ноги утопали в теплом песке. Волны морского залива неутомимо накатывались на берег и снова уходили. Но прекраснее всего были сильные руки, натиравшие ее тело лосьоном для загара.

Руки Джоффри.

Ворота раскрылись еще шире, и из ее памяти вышел он. Но не таким, каким был на пляже. Таким, каким она его увидела в день их первой встречи. Военная форма. Темные взъерошенные волосы. Он поворачивается к ней лицом, на губах играет усмешка. Они впервые встретились на бостонской улице. Она несла сумку с продуктами: олицетворение заботливой молодой домохозяйки, торопящейся домой готовить ужин для мужа. На ней было коричневое платье, причем самого убогого оттенка, какой попадается среди коричневых тонов. Шла война, и приходилось носить то, что можно было купить. Собираясь в лавку, она не причесалась, и теперь ветер растрепал ее волосы на манер ведьминой гривы. По ее собственным представлениям, она выглядела просто ужасно. Но парень почему-то улыбнулся и потом долго глядел ей вслед.

На следующий день, возвращаясь из магазина, она снова встретила этого парня. Они смотрели друг на друга; уже не чужие, а почти знакомые.

Джоффри. Еще одна потерянная ниточка. Не из тех, что вытираются и выцветают от времени, пока совсем не порвутся. Таким был ее муж. Джоффри был совсем другим. Его нить вырвали из полотна слишком рано и безжалостно. От нее остался след. Борозда, протянувшаяся по всему гобелену.

Мэри услышала, как открылась дверь. Настоящая дверь. Послышались шаги. Кто-то шел к ее кровати.

Морфиновая дымка и сейчас окутывала ее. Глаза постоянно закрывались, и Мэри стоило больших усилий их открыть. Справившись с тяжелыми веками, она увидела, что в палате темно, если не считать кружка света, повисшего в воздухе. Мэри попыталась сосредоточить взгляд на этом кружке. Он танцевал, будто светлячок, потом замер, бросая яркую точку на ее постель. Мэри еще сильнее напрягла зрение и увидела что-то похожее на фигуру, остановившуюся возле ее постели. Возможно, фигура тоже почудилась ей под действием морфина. Наверное, из ворот явилось не самое приятное ее воспоминание. Разве и так мало мучений? Зашуршал пододеяльник. Кто-то схватил Мэри за запястье. Холодной резиновой рукой.

От страха Мэри задышала чаще. Это уже был не сон. Ее окружала реальность. Рука тоже была реальной. Эта рука куда-то ее потянула.

Мэри в панике забилась, пытаясь высвободиться из резиновых пальцев.

— Все хорошо, Мэри, — негромко произнес голос. — Все хорошо. Настало время поспать.

Мэри затихла.

— Вы кто?

— Сегодня я ухаживаю за вами.

— Что, уже пора принимать лекарство?

— Да. Самое время.

Лучик заплясал по ее руке, приблизился к катетеру для внутривенных инъекций. Рука в перчатке достала шприц, сняла пластиковый колпачок. В свете тонкого луча что-то блеснуло. Игла.

Мэри обдало новой волной тревоги. Перчатки. Зачем этому человеку понадобились перчатки?

— Я хочу видеть свою медсестру, — сказала Мэри. — Прошу вас, позовите ее.

— В этом нет необходимости.

Игла вошла в приемное отверстие катетера. Поршень шприца медленно и неумолимо пополз вниз. В вену вливалась теплая струя и тут же растекалась по всей руке. Мэри заметила, что шприц наполнен до отказа, поршню понадобилось больше времени, чтобы протолкнуть содержимое пластикового цилиндра в ее вену. Это не было похоже на лекарство, которое ей обычно вводили, погружая в блаженное забытье. Что-то здесь не так. Что-то здесь совсем не так.

— Мне нужна медсестра. — Мэри кое-как подняла голову и слабым голосом крикнула: — Сестра! Идите сюда! Мне нужно...

Рука в перчатке закрыла ей рот. Она же толкнула женщину на подушку. Мэри показалось, что у нее переломилась шея. Старуха попыталась оттолкнуть руку, но не смогла. Рука плотно сжимала ей рот. Мэри сопротивлялась, и кое-что ей удалось. Она вырвала трубку катетера, из которой теперь капал физиологический раствор. Но рука в перчатке по-прежнему зажимала ей рот. Тепло от введенной жидкости распространилось по руке, разлилось в груди и быстро поднялось выше, к мозгу. Мэри попробовала дрыгнуть ногами и почувствовала, что не может.

Она вдруг поняла, что это ее больше не заботит.

Рука в перчатке исчезла.

Мэри бежала. Она снова была молодой девушкой с длинными каштановыми волосами. Локоны легко ударяли ее по плечам. Мягкий песок грел ноги. В воздухе пахло шиповником и морем.

Ворота широко раскрылись, приглашая ее войти.

Телефонный звонок выдернул Эбби оттуда, где им обоим было тепло и спокойно. Она проснулась. Марк обнимал ее за талию. Непостижимым образом им все же удалось заснуть вдвоем на тесной кушетке. Эбби осторожно сняла с себя руку Марка и потянулась к неугомонному телефону.

— Ди Маттео слушает.

— Доктор, это Шарлотта из четвертого отделения, западное крыло. Только что скончалась миссис Аллен. Все интерны заняты. Не могли бы вы подойти к нам и засвидетельствовать смерть пациентки?

— Хорошо. Я сейчас подойду.

Эбби повесила трубку и еще немного понежилась на тесном ложе. Она могла позволить себе роскошь медленного пробуждения. Миссис Аллен умерла. Умерла раньше, чем Эбби ожидала. Эбби испытывала два противоположных чувства. Облегчение, что все страдания этой старухи позади. И чувство вины. Ей было стыдно, что чужая смерть вызывает у нее облегчение. В три часа ночи смерть престарелой пациентки воспринимается не столько трагедией, сколько досадной помехой, нарушившей сон.

Эбби села на край кушетки, надела туфли. Марк тихо посапывал. Звонок его не разбудил. Она улыбнулась, поцеловала его и прошептала:

— Я согласна.

Потом вышла из ординаторской.

Шарлотта встретила ее в сестринской отделения. Вдвоем они направились в палату Мэри, находившуюся в самом конце коридора.

— Мы обнаружили ее мертвой в два часа, когда делали обход. Я заглядывала к ней в полночь. Она спала. Значит, смерть наступила в этом промежутке. По крайней мере, она умерла без мучений.

— Родственникам сообщили?

— Я позвонила ее племяннице. Других номеров в карточке не было. Я сказала, что ей незачем приезжать сейчас. Можно и утром. Но она ответила, что обязательно приедет. Думаю, племянница миссис Аллен уже в пути. К ее появлению нам надо прибраться в палате.

— Прибраться?

— Должно быть, у Мэри были предсмертные судороги. Она дергалась на постели. Даже трубку катетера вырвала. Пол забрызган кровью и физраствором.

В палате горел ночник. Казалось, Мэри Аллен мирно спит. Ее руки лежали вдоль тела. Одеяло закрывало ее почти до подбородка. Но, едва присмотревшись, каждый понимал: это совсем не сон — глаза

полуоткрыты, тряпичный валик поддерживает подбородок. Родственников, приходивших отдать последнюю дань, обычно шокировали широко открытые рты дорогих им людей.

От Эбби требовалось немногое. Она коснулась сонной артерии Мэри. Пульс не прощупывался. Распахнув на старухе халат, Эбби приложила к ее груди стетоскоп. Секунд десять она вслушивалась, но так и не услышала ни сердцебиения, ни дыхания. Затем она посветила ручкой-фонариком в глаза Мэри. Зрачки оставались неподвижными и не реагировали на свет. Сама Эбби и медсестры понимали: все эти действия — обычная формальность для последней записи в карточке Мэри. В медицинских школах эта тема вообще не затрагивалась, и потому новоиспеченные интерны, когда их просили зафиксировать смерть пациента, совершенно не представляли, как себя вести. Некоторые экспромтом произносили траурные речи. Или требовали принести Библию, добавляя в анналы медсестер еще одну историю о глупом докторе.

Смерть пациента на больничной койке не требовала речей. Рутинная процедура, состоящая из писанины и удостоверяемая подписью того, кто производил осмотр. Раскрыв карточку Мэри Аллен, Эбби сделала последнюю запись: «Дыхание и пульс отсутствуют. Аускультация не выявила звуков работающего сердца. Зрачки в среднем положении, реакция на свет отсутствует. Пациентка признана скончавшейся в 03 часа 05 минут».

Эбби расписалась, закрыла карточку и собралась уходить.

В дверном проеме стояла Бренда Хейни.

— Примите мои соболезнования, мисс Хейни, — сказала Эбби. — Ваша тетя скончалась во сне.

— Когда это произошло?

— Точного времени мы не знаем. Где-то после полуночи. Полагаю, она умерла без боли и мучений.

— В момент ее кончины кто-нибудь находился рядом?

— Дежурная медсестра отделения.

— А в палате? Кто-нибудь видел, как она умирает?

Эбби мешкала с ответом, но потом решила, что всегда лучше говорить правду.

— Нет. В момент смерти ваша тетя была одна. Уверена, что она скончалась во сне. Самая спокойная смерть. — Эбби отошла от койки. — Если хотите, можете побыть с нею. Я попрошу медсестер не тревожить вас.

Вопрос Бренды настиг ее уже возле двери.

— Почему врачи ничего не сделали, чтобы спасти Мэри?

— Потому что в ее случае это было невозможно.

— Разве нельзя было применить электрошок? Снова запустить сердце?

— В определенных случаях мы это делаем.

— А в случае моей тети?

— Нет.

— Почему нет? Или таких старых вам незачем спасать?

— Возраст здесь совершенно ни при чем. У вашей тети был рак в последней стадии.

— Ее положили в больницу всего две недели назад. Она мне так говорила.

— Она поступила к нам, уже будучи очень больной.

— Я думаю, ваши врачи прибавили ей болезней.

У Эбби урчало в животе. Она очень устала. Ей хотелось вернуться и лечь, а эта женщина не отпускала ее, нагромождая нелепые, беспочвенные обвинения. Казалось, жизнь испытывала Эбби на прочность. Но она не имела права вторично сорваться на Бренду. Она обязана сохранять спокойствие.

— Я вам еще раз говорю: мы были не в состоянии помочь вашей тете.

— А я вас еще раз спрашиваю: почему вы не сделали ей электрошок?

— Потому что ваша тетя отказалась от всех процедур реанимации. Это значит, в случае остановки ее сердца мы не могли применить электрошок. Не могли подключить ее к аппарату искусственной вентиляции легких. Такова была просьба вашей тети. Мы отнеслись к ее просьбе с уважением. И вам, мисс Хейни, тоже следует.

Эбби ушла, чтобы не выслушивать дальнейшие возражения Бренды. И чтобы самой не сказать такое, о чем потом пожалеет.

Марк по-прежнему спал в ординаторской. Эбби влезла на койку, прижалась спиной к его груди и обвила его рукой свою талию. Она попыталась вернуться в эту теплую и безопасную гавань, вернуться в сон, но перед глазами стояло лицо Мэри Аллен и тряпичный валик у обмякшего подбородка. Блестящие безжизненные зрачки. Мертвое тело на первых стадиях разложения. Эбби поймала себя на том, что практически ничего не знала о Мэри Аллен. А ведь эта женщина прожила долгую жизнь. Она кого-то любила. У нее были свои представления о мире. Эбби была всего лишь лечащим врачом смертельно больной старухи. И совсем недавно эта старуха умерла. Тихо, во сне.

Нет, не совсем тихо. Незадолго до смерти она почему-то захотела освободиться от катетера. Медсестры нашли на полу пятна крови и физраствора. В последние минуты жизни люди ведут себя странным образом. Может, организм Мэри противился, не желая умирать? Или ей отказал рассудок? Что заставило ее собрать последние силы и вырвать из руки катетер?

Еще один эпизод из жизни Мэри Аллен, подробности которого Эбби уже никогда не узнает.

Марк вздохнул и придвинулся ближе. Эбби взяла его руку, прижала к груди. К своему сердцу.

«Я согласна».

Смерть Мэри опечалила ее, но, невзирая на печаль, Эбби улыбнулась. У них с Марком начиналась новая жизнь. Жизнь Мэри Аллен завершилась, а их совместная жизнь только начинается. Даже когда пациент стар, его смерть вызывает грусть. Но в клинике продолжается жизнь спасенных пациентов.

Клиника была местом, где начинались новые жизни.

В десять утра Бренда вышла из такси возле своего дома в Челси. Она не завтракала. После звонка из больницы она не сомкнула глаз. Но она не чувствовала ни усталости, ни голода. Если уж на то пошло, она испытывала состояние глубокого покоя.

Бренда молилась у постели умершей тетки. В пять часов утра пришли медсестры, чтобы отвезти тело Мэри в морг. Бренда покинула больницу, намереваясь ехать прямо домой, но ее угнетало чувство незавершенности. Скорее всего, оно было связано с душой тети Мэри. Сейчас душа ее тетки находилась в космическом путешествии. Это был очень важный момент перехода. Без водительства душа могла застрять в промежуточных сферах, как лифт между этажами. И куда именно двигается душа Мэри Аллен? В высшие или низшие пределы? Бренда этого не знала и потому волновалась.

При жизни тетя Мэри не пыталась заботиться о душе. Она не молилась, не взывала к Господу о прощении. Она даже не заглянула в оставленную Брендой Библию. Тетя Мэри с полным равнодушием относилась к своей будущей жизни по ту сторону завесы. По мнению Бренды, с непростительным равнодушием.

Подобное отношение Бренда и прежде встречала среди своих умирающих друзей и родственников. Бездумная безмятежность. Равнодушие, если не сказать пренебрежение, к приближающемуся концу земной жизни. Бренда единственная заботилась о спасении душ. Единственная делала все, чтобы лифт, в котором двигалась душа, шел только вверх и не застревал. Бренду это беспокоило всерьез; до такой степени, что она взяла за правило интересоваться состоянием здоровья своих близких и дальних родственников. И случалось, кто-то из них тяжело заболевал. В каком бы уголке страны ни жил заболевший, Бренда ехала туда и оставалась с несчастным до самого конца. Это стало ее призванием. Родня ценила Бренду, считая ее семейной святой. Однако Бренда была слишком скромна, чтобы принять такой статус. Нет, она всего лишь выполняла Господню волю, как и надлежит каждому добросовестному служителю.

Но с тетей Мэри она потерпела неудачу. Смерть пришла слишком рано, и тетка не успела принять Господа в свое сердце. Потому-то Бренда, садясь в такси у дверей Бейсайда (было уже без четверти шесть), и тяготилась чувством незавершенности. Ее тетка умерла, не спасши свою душу. Бренде не хватило убедительности. Она не смогла достучаться до тети Мэри. Подари ей Господь еще один день жизни, все было бы по-другому.

Такси проезжало мимо епископальной церкви. Не той, куда постоянно ходила Бренда. Главное, это была церковь.

— Остановите, — потребовала у водителя Бренда. — Я выйду здесь.

Вот так, в шесть часов утра, Бренда оказалась на скамье в церкви Святого Андрея. Она провела там два с половиной часа, со склоненной головой. Ее губы беззвучно двигались. Бренда молилась за душу тети Мэри; за то,

чтобы Бог простил все грехи, которые та совершила при жизни, какими бы они ни были. Постепенно к Бренде пришло ощущение, что лифт с душой ее тетки уже не застрянет между этажами и будет двигаться вверх, а не вниз.

Когда Бренда наконец подняла голову, было половина девятого. В церкви по-прежнему было пусто. Утреннее солнце оживляло золотистые и голубые витражи церковных окон. Взглянув на алтарь, Бренда увидела лик Христа. Она знала: это всего лишь проекция витражного изображения, но в тот момент изображение головы Спасителя показалось ей знаком. Знаком того, что Господь услышал ее молитвы и ответил на них.

Тетя Мэри была спасена.

Бренда поднялась со скамьи. От голода кружилась голова, но она ликовала. Еще одна душа обратилась к свету, и все благодаря ее усилиям. Как замечательно, что Господь внял ее молитвам!

Из церкви Святого Андрея Бренда выходила, испытывая удивительную легкость. Казалось, у нее на ногах башмачки из облаков. Неподалеку от церкви стояло такси, словно специально дожидаясь ее выхода. Еще один знак.

Домой она ехала в радостном забытьи.

Сейчас она поднимется по ступенькам крыльца, войдет в дом, приготовит себе завтрак, а потом ляжет и крепко уснет. Она заслужила этот сон. Работникам на Божьей ниве тоже нужен отдых.

На полу валялась утренняя почта, просунутая в дверную щель. Счета, церковные газеты, просьбы о пожертвовании. Трудно поверить, какое великое множество людей по всему миру испытывают нужду! Бренда собрала корреспонденцию и понесла на кухню, просматривая на ходу. Среди счетов и газет она увидела конверт со своим именем. Только ее имя, никакого обратного адреса.

Она вскрыла конверт, достала сложенный лист. Письмо состояло из одной строчки, отпечатанной на машинке: «Ваша тетя умерла не своей смертью».

Письмо было подписано: «Друг».

Счета и газеты выпали из рук Бренды и разлетелись по кухонному полу. Бренда тяжело опустилась на стул. Ей уже не хотелось есть. Чувство глубокого покоя напрочь исчезло.

За окном послышалось карканье. Подняв голову, Бренда увидела ворону на ветке соседнего дерева. Желтый птичий глаз вперился в нее.

Это был еще один знак.

13

— Насколько понимаю, поздравления своевременны и уместны, — сказал Фрэнк Цвик, поднимая голову от операционного стола.

С локтей Эбби капала вода. Она только что покончила с десятиминутной процедурой мытья рук и вошла в операционную. Цвик и двое медсестер улыбались.

— Никогда бы не подумала, что этого мужчину можно захомутать. Мне казалось, такой и за миллион лет не женится, — сказала операционная сестра, подавая Эбби полотенце. — Оказывается, холостячество все же излечимо. И когда он осчастливил вас своим вопросом?

Эбби надела хирургический халат и потянулась за перчатками.

— Два дня назад.

— И вы целых два дня держали это в тайне?

— Хотела убедиться, что он вдруг не передумает, — засмеялась Эбби.

«Он не передумает. Мы сейчас гораздо больше уверены друг в друге, чем раньше».

Улыбаясь, она прошла к столу, где уже лежал пациент под анестезией. Кожа на его груди была желто-коричневой от бетадина. Операция не отличалась сложностью: вскрытие плевральной плоскости через грудную клетку, затем клиновидная резекция периферического пульмонарного узла. Таких операций на счету Эбби было более чем достаточно, и все подготовительные действия она совершала почти машинально. Наложить стерильные тампоны. Прикрепить зажимы. Голубыми накидками скрыть остальные части тела пациента. Поставить дополнительные зажимы, чтобы накидки не сбились.

— И когда же наступит этот великий день? — спросил Цвик.

— Мы пока не решили. Обсуждаем варианты.

Фактически подготовка к свадьбе пока оставалась на стадии разговоров. Делать ли свадьбу с размахом или скромную? Кого пригласить? Проводить торжество в саду или в гостиной? Ясность была достигнута

только в одном: медовый месяц они проведут на пляже. На любом пляже. Главное, чтобы там росли пальмы.

Теплый песок. Голубая вода. И Марк. При мысли о грядущем рае Эбби улыбнулась еще шире.

— Держу пари, что для праздника Марк выберет яхту, — сказал Цвик. — Где еще жениться, как не на палубе своей любимой игрушки?!

— Только не яхта.

— Назревает первый семейный скандал.

Эбби закончила подготовительную часть операции. В это время в операционную вошел Марк. Облачившись в халат и перчатки, он встал рядом с нею.

Они улыбнулись друг другу. Эбби взяла скальпель.

— Скажите, доктор Ди Маттео у вас? — послышалось из динамика интеркома.

— Да, — ответила одна из медсестер.

— Нельзя ли попросить ее снять халат и выйти?

— Они готовятся оперировать. Подождите, пока закончится операция.

Интерком замер, но всего на пару секунд.

— Мистер Парр настоятельно просит ее выйти из операционной.

— Объясните ему, что доктор Ди Маттео задействована в операции, — сказал Марк.

— Он это знает. Но причина очень серьезная. Мы ждем доктора Ди Маттео немедленно, — ответил голос из интеркома.

— Они не отвяжутся, — поморщился Марк. — Выйди к ним. Но нам нужен ассистент. Пусть пришлют кого-то из интернов.

Эбби отошла от стола, торопливо сняла халат и перчатки. Она нервничала. Должно быть, случилось что-то очень серьезное. Даже критическое. Иначе Парр не позволил бы себе сорвать ее с операции.

У нее забилось сердце. Выскочив из операционной, Эбби поспешила к столу дежурной медсестры. Еще издали она увидела Джереми Парра,

старшую медсестру и двоих охранников. А эти зачем? Все четверо стояли с каменными лицами.

— Доктор Ди Маттео, соблаговолите пройти с нами, — сказал Парр.

Старшая медсестра отошла в сторону. Охранники встали у Эбби по бокам.

— Что все это значит? — спросила Эбби. — Куда мы идем?

— К вашему шкафчику.

— Я не понимаю.

— Это обычная проверка, доктор.

«Не ври, — подумала Эбби. — Для обычной проверки охрану не вызывают».

Упираться и поднимать шум было глупо. Эбби не оставалось ничего иного, как отправиться в женскую раздевалку. Первой туда вошла старшая медсестра, чтобы выпроводить всех, кто мог там находиться. Она подала знак Парру.

— У вас шкафчик номер семьдесят два? — спросил Парр.

— Да.

— Будьте любезны, откройте его.

Эбби потянулась к цифровому замку. Повернула одно колесико, затем остановилась.

— Прежде всего я хочу знать, с чем связана такая срочность?

— Ни с чем. Это обычная проверка.

— Обычная для школ. Там такое в порядке вещей. Но я, кажется, переросла школьный возраст. Что вы у меня ищете?

— Я всего лишь прошу вас открыть шкафчик.

Эбби взглянула на охранников, потом на старшую медсестру. На их лицах ясно читалось подозрение. Дальнейшее препирательство могло только повредить.

«Если буду упрямиться, они решат, что я там что-то прячу. Проще не сопротивляться, а подчиниться их идиотизму», — решила она.

Набрав остальные цифры, Эбби открыла дверцу.

Парр приблизился к ящичку. Охранники тоже.

Внутри лежала ее уличная одежда, стетоскоп, сумочка, цветастый мешок с туалетными принадлежностями на случай суточных дежурств, а также длинный белый халат, который она надевала во время обходов.

Вам угодно посмотреть, что прячет доктор Ди Маттео? Смотрите!

Эбби раскрыла молнию на мешке с туалетными принадлежностями.

Глазейте на предметы личной гигиены, в том числе и интимной. Зубная щетка, прокладки и мидол — таблетки для снятия менструальных болей.

Один из охранников покраснел. Событие! Наверное, целый день будет вспоминать.

После мешка настал черед сумочки. И опять никаких сюрпризов: бумажник, чековая книжка, ключи от машины, еще одна упаковка прокладок. Ничего не поделаешь: в отличие от мужчин, в женском организме бывают регулярные протечки. Охранники смущенно переминались с ноги на ногу. Выражение их лиц сменилось на глуповато-недоумевающее.

Эбби начинал забавлять этот дурацкий спектакль.

Убрав сумочку, она сняла с крючка халат… И сразу почувствовала: что-то тут не так. Халат был тяжелее обычного. Эбби полезла в его карман. Рука наткнулась небольшой цилиндрический предмет. Стеклянный пузырек. Эбби вытащила пузырек.

Это был пузырек из-под сульфата морфина. Почти пустой.

— Доктор Ди Маттео, отдайте мне этот пузырек, — потребовал Парр.

— Я не знаю, как он попал в мой халат, — качая головой, пробормотала Эбби.

— Отдайте мне пузырек.

Находка так ошеломила Эбби, что она молча протянула пузырек.

— Я не знаю, как он здесь оказался. Я его впервые вижу.

Парр передал злополучный пузырек старшей медсестре.

— Препроводите доктора Ди Маттео в мой кабинет, — велел он охранникам.

— Чушь собачья! — воскликнул Марк. — Эбби подставили, и мы все это знаем.

— Мы пока ничего не знаем, — возразил Парр.

— Это еще один эпизод в ее травле. Судебные иски. Кровавое месиво в машине. Теперь вот этот чертов пузырек.

— Нет, доктор Ходелл. Здесь совсем другая история. История, связанная с недавно умершей пациенткой. — Парр повернулся к Эбби. — Доктор Ди Маттео, почему бы вам самой не рассказать всю правду и тем самым облегчить нашу задачу?

Признание — вот чего он захотел. Простого и ясного признания своей вины. Эбби поочередно посмотрела на Парра, Сьюзен Касадо и старшую медсестру. Единственным, с кем она боялась встретиться глазами, был Марк. Эбби очень боялась увидеть в его глазах хотя бы тень сомнения.

— Я уже вам сказала, что не знаю, как этот пузырек оказался в кармане моего халата. И как умирала Мэри Аллен, я тоже не знаю.

— Однако вы констатировали ее смерть, — напомнил Парр. — Два дня назад.

— Но я не присутствовала при ее кончине. Когда дежурная медсестра вошла в палату, миссис Аллен была мертва.

— В ту ночь, если не ошибаюсь, вы дежурили?

— Да.

— То есть ночью вы находились в клинике.

— Да. На то и существуют дежурства.

— И ваше дежурство пришлось как раз на ночь, когда миссис Аллен скончалась от передозировки морфина. А сегодня в вашем шкафчике был обнаружен пузырек.

Парр театральным жестом поставил пузырек на сверкающую поверхность стола, отделанного под красное дерево.

— Пузырек из-под препарата, подлежащего строгой отчетности. Одно то, что он оказался в вашем распоряжении, уже является серьезным нарушением.

— Вы сказали, что миссис Аллен умерла от передозировки морфина. Откуда вам это известно? — спросила Эбби.

— Из результатов вскрытия. Содержание морфина просто зашкаливало.

— Морфин вводился миссис Аллен исключительно в терапевтических целях. Для снятия мучивших ее болей. И что значит «зашкаливало»?

— Вот отчет. Я получил его сегодня утром. Четыре десятых миллиграмма на литр. Между тем две десятых миллиграмма уже считаются летальной дозой.

— Позвольте мне взглянуть, — попросил Марк.

— Пожалуйста.

Марк внимательно просмотрел полоску бумаги с результатами анализов.

— А зачем понадобилось определять посмертное содержание морфина? У этой пациентки был рак в последней стадии. Обширные метастазы по всему организму.

— Поступило распоряжение провести анализ. Это все, что вам нужно знать.

— Ошибаетесь! Я хочу знать гораздо больше.

Парр вопросительно посмотрел на Сьюзен Касадо.

— Есть основание подозревать, что смерть этой пациентки не была естественной.

— Какое основание?

— Это не является предметом...

— Я спрашиваю: какое основание? — не унимался Марк.

Сьюзен шумно выдохнула:

— К нам обратилась родственница миссис Аллен и попросила выяснить обстоятельства ее смерти. Эта женщина получила... нечто вроде письма. В нем высказывалось предположение о сомнительности обстоятельств кончины миссис Аллен. Естественно, мы уведомили доктора Уэттига, и он распорядился провести вскрытие.

Марк передал Эбби данные анализов. Она сразу узнала неразборчивую закорючку Генерала, поставленную в графе «Фамилия врача, сделавшего заказ». Значит, доктор Уэттиг. Заказ на количественный анализ содержания морфина. Время заказа — вчерашний день, одиннадцать часов утра. Через восемь часов после смерти Мэри Аллен.

— Я не имею к этому никакого отношения, — сказала Эбби. — Я не знаю, кто ввел покойной такую дозу. Возможно, это ошибка лаборанта. Или ошибка кого-то из медсестер.

— Я ручаюсь за своих подчиненных, — сказала старшая медсестра. — Мы строго контролируем расход наркотических препаратов. Вы все это знаете. Ошибка на уровне медсестер исключена.

— Из ваших слов я понял, что пациентке была намеренно введена убийственная доза сульфата морфина, — сказал Марк. — Вы это имели в виду?

— Да, — после долгого молчания ответил Парр.

— Но обвинять Эбби просто смехотворно! В ту ночь я вместе с Эбби был в ординаторской.

— Всю ночь? — спросила Сьюзен.

— Да. У нее был день рождения, и мы...

Марк кашлянул, потом взглянул на Эбби. «Мы спали вместе», — такая мысль крутилась в их головах.

— Мы праздновали.

— И все то время вы не разлучались? — уточнил Парр.

Марк молчал. Он ведь не знал, как разворачивались события, поскольку крепко спал. Он не проснулся ни от первого звонка, когда Эбби сообщили о смерти миссис Аллен, ни потом, в четыре часа, когда ее позвали к другому пациенту. Марк намеревался соврать, чтобы выгородить ее. Его вранье сразу распознают, поскольку оно будет импровизацией, тогда как Парр точно знал, чем она занималась в ту

ночь. Парр это знал из рассказов медсестер и из ее записей и распоряжений. Там везде было проставлено время.

— Марк был вместе со мной в ординаторской. Но у него выдался тяжелый день. Он очень устал, а потому быстро уснул и спал всю ночь.

«Надо придерживаться правды. Только правда может меня спасти».

— А вы, доктор Ди Маттео? — спросил Парр. — Вы тоже всю ночь находились в ординаторской?

— Меня несколько раз вызывали в разные палаты. Но об этом вы уже знаете. Так ведь?

Парр кивнул.

— Думаете, вы видите всю картину, — накинулся на него Марк. — Тогда изложите вашу версию. Что могло толкнуть Эбби на такой шаг? С какой стати ей понадобилось убивать свою пациентку?

— Не секрет, что доктор Ди Маттео симпатизирует движению в поддержку эвтаназии, — сказала Сьюзен Касадо.

— Что-о? — опешила Эбби.

— Мы расспросили медсестер. Они слышали, как доктор Ди Маттео говорила... Цитирую. — Сьюзен листала деловой блокнот с желтыми страницами. — «Если морфин облегчает ее состояние, мы не должны ей отказывать. Даже если это и приближает ее конец»... Узнаете ваши слова?

— Но они не имеют ничего общего с эвтаназией! Я имела в виду избавление миссис Аллен от мучительных болей. Надеюсь, медсестры помнят и ее постоянные просьбы снять боль.

— Значит, вы не отрицаете, что говорили эти слова?

— Возможно, и говорила. Я уже не помню.

— А затем вы повысили голос на Бренду Хейни, племянницу миссис Аллен. Это слышали несколько медсестер и миссис Спир. — Сьюзен взглянула на старшую медсестру и снова уткнулась в блокнот. — Они поспорили. Бренда Хейни считала, что ее тете вводят слишком большие дозы морфина. Доктор Ди Маттео стала возражать и не нашла лучших аргументов, чем прямые оскорбления в адрес мисс Хейни.

Здесь Эбби было нечем возразить. Она действительно сцепилась с Брендой. Она позволила себе оскорбительные высказывания. Теперь все это возвращалось к ней, накатывая гигантскими волнами. Под их напором ей было не вздохнуть и не шевельнуться.

В дверь постучали. Вошел доктор Уэттиг. Он плотно закрыл за собой дверь. Некоторое время Генерал просто стоял в конце стола и смотрел на Эбби. Она ждала новой сокрушительной волны.

— Доктор Ди Маттео говорит, что не знает, откуда этот пузырек очутился в кармане ее халата, — сказал Парр.

— А я не удивлен, — заявил Уэттиг. — Доктор Ди Маттео, вы ведь действительно не знаете?

Их глаза встретились. Эбби всегда было трудно смотреть в непроницаемые голубые глаза Генерала. В них она видела слишком много власти. Власти над ее будущим. Но сейчас она заставляла себя выдерживать его взгляд. Пусть убедится, что ей нечего скрывать.

— Клянусь, я не убивала свою пациентку, — сказала она.

— Я так и думал, что вы это скажете.

Уэттиг полез в карман халата, откуда достал цифровой замок. Замок с глухим стуком лег на стол.

— Это что? — удивился Парр.

— Замок от шкафчика доктора Ди Маттео. За последние полчаса я стал экспертом по цифровым замкам. Я обратился к нашему слесарю. По его словам, это простенький пружинный замок, открыть который — пара пустяков. Ударить посильнее — и дверца откроется. А на внутренней стороне указан шифр замка. Слесарь объяснил: ударом можно открыть дверцу, после чего закрыть ее по всем правилам.

Парр покосился на замок и неопределенно пожал плечами:

— Это еще ничего не доказывает. И смерть пациентки не объясняет. Я уже не говорю о пузырьке с морфином.

— Да что с вами? — взорвался Марк. — Неужели вы до сих пор не догадались, что все взаимосвязано? Анонимное письмо. Пузырек, подброшенный в шкафчик. Кто-то целенаправленно подставляет Эбби.

— Ради чего? — спросила Сьюзен.

— Чтобы ее дискредитировать, а затем выгнать из больницы.

Парр даже фыркнул:

— И вы считаете, этот кто-то пошел на убийство пациентки, только бы сломать карьеру доктору Ди Маттео?

Марк уже собрался ответить, но передумал. Все и так понимали абсурдность этой теории.

— Согласитесь, доктор Ходелл, что усматривать в этом заговор… Уж больно надуманным он выглядит, — сказала Сьюзен.

— И вовсе не надуманным, — возразила Эбби. — Достаточно вспомнить то, что уже случилось со мной по вине Виктора Восса. Он совершенно не контролирует свое поведение. Помимо словесных оскорблений, он позволил себе рукоприкладство, и тому есть свидетели. По его указке мне в машину подбросили свиные потроха. Придумать такое может только нездоровый ум. А теперь еще и судебные иски. Два уже есть. И это лишь начало.

Собравшиеся молчали.

— Она что, не знает? — спросила Сьюзен, взглянув на Парра.

— Судя по всему, нет.

— Чего я не знаю? — насторожилась Эбби.

— Днем позвонили из юридической фирмы «Хокс, Крейг и Сассман», — сказала Сьюзен. — Оба иска против вас отозваны.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Эбби. — Это новый маневр Виктора Восса? Я отказываюсь понимать его действия.

— Если Виктор Восс и пытался вас преследовать, он оставил свои попытки. Предмет нашего разбирательства никак не связан с Воссом.

— Тогда как еще это объяснить? — спросил Марк.

— У нас есть вещественное доказательство, — напомнила Сьюзен, указывая на пузырек.

— Но у вас нет свидетелей. Нет никакой конкретной связи между этим пузырьком и смертью пациентки.

— И тем не менее некоторые выводы мы все же можем сделать.

Тишина становилась удушающей. Все старались не смотреть на Эбби. Даже Марк.

— Скажите, Парр, что вы предлагаете? — наконец спросил Уэттиг. — Вызвать полицию? Превратить случившееся в цирк для газетчиков и телевизионщиков?

— Это было бы преждевременно, — начал юлить Парр.

— Вы либо держитесь своих обвинений, либо снимите их. Половинчатой позиции здесь быть не может.

— Генерал, давайте только не будем приплетать полицию, — сказал Марк.

— Если вам угодно называть это убийством, тогда обязательно нужно вызвать полицию, — сердито произнес Уэттиг. — И нескольких репортеров тоже. Пусть ваши представители по связям с общественностью отрабатывают свой хлеб. Какое-никакое, а развлечение для них. Предельная открытость — наилучшая политика в таких вещах. — Он в упор взглянул на Парра. — Если вы всерьез называете это убийством.

Генерал сделал дерзкий выпад. Почти что бросил вызов.

Парр дал задний ход. Откашлявшись, он сказал Сьюзен:

— Мы ведь не можем быть абсолютно уверены, что произошло убийство.

— А вы должны быть уверены, — наседал на него Уэттиг. — И твердо уверены… прежде чем звать полицию.

— Мы пока еще разбираемся внутри клиники, — сказала Сьюзен. — Нужно будет опросить других сестер этого отделения. Убедиться, не упустили ли мы чего.

— Вот и займитесь, — сказал Уэттиг.

Возникла новая пауза. На Эбби никто не смотрел. Она превратилась в невидимку, чье присутствие не хотели признавать. Поэтому, когда она заговорила, все едва не вздрогнули. Эбби не узнала собственного голоса, спокойного и ровного.

— Я бы хотела вернуться к своим пациентам… если мне позволено работать дальше.

— Конечно, идите, — сказал Уэттиг.

— Нет, — запротестовал Парр. — Доктор Ди Маттео не может идти работать.

Эбби поднялась со стула:

— Вы ничего не доказали. Генерал прав: либо предъявляйте мне обвинения, либо отказывайтесь от них.

— Одно обвинение мы вам можем предъявить, — сказала Сьюзен. — Незаконное хранение препарата строгого учета. Доктор Ди Маттео, мы не знаем, как вы заполучили морфин, но одно то, что пузырек был обнаружен в вашем шкафчике, достаточно серьезно.

Сьюзен и Парр переглянулись.

— У нас нет иного выбора. Ответственность очень велика. Если с кем-либо из ее пациентов что-то случится и обнаружится, что мы знали об истории с морфином, нам конец. И репутации вашей ординатуры тоже, — добавила Сьюзен, поворачиваясь к Уэттигу.

Предупреждение Сьюзен возымело желаемое действие. Ответственность и репутация — с такими вещами не шутят. Как и любой врач, Уэттиг очень боялся юристов и судебных исков. На этот раз он не спорил.

— Что это значит? — спросила Эбби. — Меня увольняют?

Парр встал. Это был сигнал: собрание окончено, решение принято и обсуждению не подлежит.

— Доктор Ди Маттео, до особого распоряжения вы отстраняетесь от работы. Вы не имеете права бывать в палатах и контактировать с кем-либо из пациентов. Вам это понятно?

Доктору Ди Маттео это было понятно. Понятнее некуда.

14

Мать не снилась Якову очень давно. Несколько лет. Он месяцами не вспоминал о ней. И надо же! На тринадцатый день плавания — приснилась. Сон был настолько ярким, что в воздухе каюты почти ощущался ее запах. Потом картина начала тускнеть. Последним, что запомнилось ему, была ее улыбка. Завиток светлых волос на щеке. И зеленые глаза. Якову показалось, что они смотрели сквозь него, словно не мать, а он был бестелесным и неосязаемым. Он мгновенно узнал ее и больше не сомневался: это и есть его мать. Прежде он напрягал память, стараясь вспомнить ее лицо, и все впустую. У него не было материнских снимков, не было ни одной вещи, напоминавшей о ней. И все-таки его

разум сохранил образ матери. Долгие годы этот образ, как зернышко, спал. И вдруг расцвел во всем великолепии.

Он помнил свою мать и знал, что она у него красивая.

Во второй половине дня океан затих и стал похож на огромный кусок стекла. Небо потемнело и сделалось серым, как вода. Стоя на палубе и глядя за борт, Яков не понимал, где кончается вода и начинается небо. Корабль скользил по громадному серому аквариуму. Кок предрекал полосу скверной погоды. Завтра она совсем испортится, и, кроме супа с хлебом, никакая еда в глотку не полезет. Но это завтра. А пока океан был спокойным. Тяжелый воздух пах металлом и дождем. Сегодня Яков наконец-то уговорил Алешку встать с койки и полазать по кораблю.

Первым делом они спустились в ад. Так Яков называл машинное отделение. Алексею этот грохочущий сумрак не понравился. Особенно запах дизельного топлива. Мальчишка стал ныть, что его вот-вот стошнит. Десять лет уже парню, а желудок — как у младенца. Чуть что — сразу выворачивает. Яков решил похвастаться своим близким знакомством с капитаном и штурманом и повел Алешку в рубку. Но капитану было не до разговоров. Штурману тоже.

Следующим пунктом их прогулки стал камбуз. Увы, ребят и здесь поджидала неудача. Любый был не в духе. Даже куска хлеба не предложил. Кок готовил обед для пассажиров из той самой каюты на корме — людей, которых никто не видел. По его словам, те двое привередничали, требуя изысканных блюд. На обед для всей команды уходило меньше времени, чем на этих двоих.

Бормоча ругательства, Любый поставил на поднос бутылку вина, два бокала, сунул все это в камбузный лифт и нажал кнопку. Вино поехало в кормовую каюту. Кок вернулся к плите, где шипела сковородка и от кастрюль поднимался пар. Из одной кастрюли вкусно пахло луком и маслом. Помешав содержимое деревянной ложкой, кок закрыл крышку.

— Лук спешки не любит, — сказал Любый. — Томишь его на медленном огне, он сладким становится, як молоко. И вообще, хочешь вкусно готовить — не торопись. Но нынче все спешат. Давай им быструю еду. Пихнули в микроволновку и радуются! Пузо набить и кожей со старого сапога можно.

Кок приоткрыл крышку сковороды. Внутри румянились шесть птичек, каждая не больше мальчишечьего кулака.

— Пища богов.

— Я таких маленьких кур еще не видел, — признался Алешка.

— Они ж не куры, дурень, — засмеялся Любый. — То перепелки.

— А почему нам перепелок не дают?

— Потому что не в той каюте плывешь.

Любый выложил дымящихся перепелок на блюдо, присыпал мелко нарезанной петрушкой и отошел, глядя на творение рук своих. Его раскрасневшееся лицо было густо усеяно капельками пота.

— Это они слопают и пальчики оближут, — улыбнулся он, ставя тарелку в камбузный лифт.

— Я тоже есть хочу, — сказал Яков.

— Так ты вечно голодный. Отрежь себе хлеба. Правда, он черствый совсем. Можешь поджарить в тостере.

Мальчишки принялись шарить по ящикам, разыскивая хлебный нож. Хлеб и впрямь оказался сухим и черствым. Удерживая буханку культей левой руки, Яков отрезал два ломтя и понес к тостеру.

— Вы что наделали у меня на полу? — взъелся кок. — Ну накрошили! Живо соберите.

— Алешка, собери, — попросил Яков.

— С какого перепугу? Это ж не я накрошил.

— Я хлеб поджарю, а ты крошки соберешь.

— Ага, разбежался. Сам накрошил, сам и собирай.

— Можешь не собирать. Тогда я твой кусок выкину.

— Кончайте базар! — прикрикнул на них Любый. — Чтоб крошек на полу не было!

Алешка послушно заползал на коленках.

Яков тем временем погрузил первый ломоть хлеба в щель тостера. Из другой щели на пол вдруг выскочил серый комочек.

— Мышь! — завопил Алешка. — Это же мышь!

Комочек метался между Алешкиных ног. С одной стороны его гнал Яков, с другой — кок, запустивший в мышонка крышкой от кастрюли. Тот с отчаянным писком взобрался по Алешкиной ноге почти до колена, потом спрыгнул и, продолжая испуганно пищать, юркнул под шкаф.

На камбузе запахло подгорелым. Кок с руганью погасил конфорку. Ругань стала еще забористее, когда Любый извлек почерневшие кружочки лука. Все нежное томление в масле пошло насмарку.

— Мышей мне тут только не хватало! Тварь поганая! Все сгубила! Теперь по новой начинать. Поймаю — башку оторву.

— Она в тостере сидела, — сказал Яков.

Ему вдруг стало нехорошо. Он представил мышь разгуливающей внутри тостера.

— Поди еще и насрала там, — сердито отозвался кок. — Убил бы на месте.

Яков осторожно заглянул в щели тостера. Мышей там больше не было, зато дно покрывали коричневые пятнышки. Разберись тут, где крошки, а где — продукт мышиного пищеварения.

Недолго думая, Яков подвинул тостер к раковине, намереваясь перевернуть и вытряхнуть все, что там собралось. Его настиг окрик Любого:

— Ты что, сдурел? Зачем тостер к раковине попер?

— Вытряхнуть его надо. Сами ж говорили.

— А у тебя глаза есть? Ты вилку не выдернул. А в раковине вода. Тостер в воду плюхнулся, ты за корпус взялся — и покойник. Тебя не учили таким простым вещам?

— У дяди Миши тостера вообще не было.

— Дело не в тостере. Вода ток проводит. Тут опасна каждая штука с электрическим проводом, когда ее не выключили. Гляжу, ты ничуть не умнее других пацанов.

Кок взмахнул руками, выпроваживая мальчишек с камбуза:

— А теперь — геть отсюдова. Только мешаетесь.

— Но я есть хочу, — сказал Яков.

— Ужина дождешься. Не помрешь.

Любый бросил в кастрюлю кусок масла.

— Кому сказал? — рявкнул он на мальчишек. — Пошли с камбуза!

Им пришлось уйти.

На палубе играть было холодно. Мальчишки сделали второй заход в капитанскую рубку, но штурман, едва их увидев, захлопнул дверь. Стало до жути скучно. Скука и привела их в укромный уголок. Яков там уже бывал и знал: в этом месте они никому не помешают и им тоже никто не помешает. Он не слишком хотел вести туда Алешку. Только если не струсит и не расхнычется, как маленький. Место, которое он окрестил Страной Чудес, было его личной тайной. Как и многие тайны, эту Яков обнаружил случайно. На третий день плавания в коридоре машинного отделения он увидел дверь. Дверь оказалась незапертой. Открыв ее, Яков попал в лестничный колодец.

Страна Чудес.

Колодец тянулся на три этажа. По нему шла винтовая лестница. На промежуточном этаже был небольшой проход, где пол, если попрыгать, качался и гудел. Коридорчик оканчивался синей дверью. Скорее всего, она вела на корму. Но дверь постоянно была закрыта. Яков уже и проверять перестал.

Но интереснее всего было на верхнем этаже. Пол и там ходил ходуном. Если к этому добавить круглую дыру колодца, уходившего вниз, получается настоящая Страна Чудес. Прыгая здесь, можно было легко напугать трусоватого Алешку.

— Хватит! — закричал Алексей. — Подо мной пол едет!

— Так и должно быть. Мы же в Стране Чудес. Неужели тебе не нравится?

— Я не хочу кататься на полу!

— Ты вообще ничего не хочешь.

Яков был не прочь и дальше попрыгать на гулком полу, но боялся, что Алешка заревет от испуга. Одной рукой мальчишка вцепился в перила. Другой сжал верную Шу-Шу.

— Я вниз хочу, — хныкал Алешка.

— Ладно, пошли.

Они спускались вниз, с наслаждением стуча подошвами по ступенькам. Потом немного поиграли под лестницей. Алешка разыскал старый канат, который привязал к перилам в нижнем коридоре. По-обезьяньи схватившись за канат, он качался взад-вперед. Пусть до пола был всего фут, ему это очень нравилось.

Потом Яков показал Алешке пустой ящик, который в свое время тоже нашел под лестницей. Мальчишки заползли внутрь. Они лежали среди опилок и слушали адский стук дизелей машинного отделения. Здесь океанская вода ощущалась совсем близко. И в этой громадной сумрачной колыбели раскачивался их корабль.

— Это мое тайное место, — сказал Яков. — Никому про него не разболтай. Поклянись, что не скажешь.

— Еще чего придумал — клятвы давать! Здесь противно. Холод. Сырость. Наверняка еще и мыши водятся. Лежим сейчас прямо на их говне.

— Нет тут мышиного говна.

— Почем ты знаешь? Тут темно.

— Не нравится — можешь валить отсюда. Не держу.

Яков выпихнул его из ящика. Дурак этот Алешка. Да и сам хорош. Нужно было подумать, прежде чем водить в такие места разную мелюзгу. Разве может любить приключения тот, кто повсюду таскает с собой грязную плюшевую собачонку?

— Чего остановился? Иди. Тебе ж здесь неинтересно.

— Я обратной дороги не знаю.

— А я кто тебе? Нянька?

— Ты меня сюда привел, тебе и назад вести.

— И не подумаю.

— Если не поведешь, я всем расскажу про твое дурацкое тайное место. Все узнают, как тут противно, и мышиной срани полно.

Алешка успел вылезти из ящика и теперь отряхивался. Стружки летели Якову в лицо.

— Отведи меня в каюту, или…

— Заткнись!

Яков схватил Алешку за воротник рубашки и толкнул обратно в ящик. Они оба погрузились в стружки.

— Совсем сдурел, — засопел Алешка.

— Слушай! Сюда идут.

— Кто?

Наверху открылась и с лязгом закрылась дверь. Металлические листы гремели, рождая в лестничном колодце тысячекратное эхо.

Яков осторожно высунулся из ящика и задрал голову вверх. На промежуточном этаже кто-то стучался в синюю дверь. Вскоре дверь открылась. Яков успел заметить локоны светлых волос. Женщина вошла, и дверь сразу же закрылась.

Яков вернулся в ящик.

— Это всего лишь Надия.

— Она еще там?

— Нет. Она вошла в синюю дверь.

— А что за той дверью?

— Не знаю.

— Я думал, ты настоящий исследователь.

— А ты — настоящий придурок. — Яков пихнул Алешку, подняв новое облачко стружки. — Я пробовал. Дверь всегда закрыта. Но там кто-то живет.

— Откуда ты знаешь?

— Надия постучалась, и ей открыли.

Алешка заполз в ящик поглубже. Он передумал возвращаться.

— Там живут люди, которые едят перепелок.

Якову вспомнилась бутылка вина с двумя рюмками, колечки лука, томящегося в масле, и шесть перепелок, присыпанных зеленью. От воспоминаний его желудок громко заурчал.

— Слышишь, как гремит? — спросил Яков, выпячивая живот. — Я когда голодный, у меня в брюхе целый оркестр играет.

Возможно, более музыкальной натуре и понравилась бы симфония для голодного желудка. Алешка ограничился двумя словами:

— Противная музыка.

— У тебя все противное. Алешка, да что с тобой?

— Я не люблю противные вещи. Когда грубят. Когда плохо пахнет.

— Раньше ты не жаловался.

— А теперь мне это противно.

— Ясно. Это из-за Надии. Вы все из-за нее превратились в сопливых слабаков. Влюбился ты в нее, вот что.

— Неправда.

— Нет, правда.

— Нет!

Алешка бросил в Якова комком стружки. Между ребятами вспыхнула потасовка, сопровождаемая сопением и руганью. Теснота ящика уберегала их от ушибов и царапин. Потом Алешка умудрился потерять Шу-Шу среди опилок. Забыв про Якова, он шарил впотьмах в поисках своего сокровища. Якову тоже надоело возиться.

И оба затихли.

Мальчишки лежали молча. Алексей сжимал найденную Шу-Шу. Яков пытался заставить живот урчать еще громче и отвратительнее. Вскоре даже это ему надоело. Скука обездвижила их. Гул двигателей и качка вгоняли в сон.

— И совсем я в нее не влюбился, — сказал Алешка.

— Мне-то что? Влюбился, не влюбился, мне без разницы.

— А вот другим мальчишкам она нравится. Заметил, как они о ней говорят? — Алешка помолчал, будто что-то вспоминая. — Мне нравится, как она пахнет. Женщины по-разному пахнут. Мягкостью.

— Мягкость не пахнет.

— Пахнет. Понюхаешь такую женщину и знаешь: если ее потрогать, она мягкая будет. Просто знаешь, что будет.

Алешка гладил Шу-Шу. Яков слышал, как Алешкина рука ласкает замызганную шерстку.

— У меня мама так пахла, — сказал Алешка.

Яков вспомнил свой сон. Женщину, ее улыбку. Завиток светлых волос на щеке. Получается, Алешка прав. Во сне его мать пахла мягкостью.

— Можешь дураком меня назвать, но я это помню, — продолжал Алешка. — Я не все о ней помню, а это запомнил.

Яков потянулся. Его ноги уперлись в противоположную стенку ящика.

«Вырасту я хоть когда-нибудь? — думал он. — Вырасти бы так, чтобы ноги из ящика торчали».

— А ты о свой маме вспоминаешь? — спросил Алешка.

— Нет.

— Ты же ее и не помнишь.

— Я помню, что она была красивая. И у нее были зеленые глаза.

— Откуда ты знаешь? Дядя Миша говорил, когда она исчезла, ты был совсем маленьким.

— Мне четыре года было. Не такой уж маленький.

— А мне было шесть, когда моя меня бросила, но я почти ничего не помню.

— Говорю тебе, у нее были зеленые глаза.

— Ну были. Ну зеленые. Дальше что?

Лязгнула дверь, они замолчали. Яков выполз из ящика и посмотрел вверх. Опять Надия. Она вышла из синей двери и теперь гремела по проходу. Вниз она спускаться не стала, а ушла через передний люк.

— Не нравится она мне, — сказал Яков.

— А мне нравится. Мне бы такую маму, как она.

— Она и детей-то не любит.

— Дяде Мише она говорила, что всю свою жизнь отдает таким, как мы.

— И ты веришь?

— Зачем ей дядю Мишу обманывать?

Яков хотел придумать ответ, но мыслей в голове не было. Да и что его ответ этому глупому Алешке? Все они тут одурачены Надией. Все одиннадцать, и каждый в нее влюблен. В драку лезут, только бы на ужине сидеть с нею рядом. Наблюдают за ней, разглядывают ее и даже обнюхивают, как щенята. А когда ложатся спать, только и шепчутся: Надия то, Надия это. Вспоминают, что она ела за ужином и какая еда ей нравится. Пытаются угадать, сколько ей лет и какое нижнее белье она носит под своими серыми юбками. Грегора они все дружно ненавидели и не раз спорили, любовники они с Надией или нет. Всякий раз единодушно решали, что нет. Мальчишки постарше делились с мелюзгой своими познаниями по части устройства женского тела. Они подробно и красочно рассказывали о назначении гигиенических прокладок и о том, как и куда прокладки вставляются. Эти рассказы навсегда изменили представление мелюзги о женщинах как о существах с темными загадочными дырочками. Но интерес к Надии только повысился.

Якова такие вещи тоже интересовали, однако Надией он не восхищался. Он боялся этой женщины. Страх начался с анализа крови.

На четвертый день плавания, когда мальчишки пластом лежали на койках, стонали и дружно блевали в раковину, к ним в каюту пришли Грегор и Надия. В руках Надии был поднос с иголками и пустыми пузырьками. Взрослые объявили, что возьмут кровь на анализ. Это совсем не больно: легкий укол, и только. Анализы нужны для подтверждения здоровья всех, кто плывет в Америку. А там строгие правила: если нет данных о здоровье, тебя никто не усыновит.

В тот день была приличная качка. Чувствовалось, Надию она тоже донимала. Якову казалось, что женщину вот-вот вытошнит прямо на пол. Взрослые подходили к каждому мальчишке и брали кровь. Этим занимался Грегор. У каждого спрашивали имя, после чего на руку надевали пластиковый браслет с номером. Потом Грегор длинным резиновым жгутом перетягивал очередному мальчишке руку, несколько раз шлепал по коже, чтобы вена вздулась и проступила. Некоторые мальчишки плакали. Тогда Надия брала их за другую руку и успокаивала, пока Грегор выкачивал из них кровь.

Яков оказался единственным, кого ей не удалось успокоить. Сколько она ни старалась, он вертелся вьюном. Он вообще не хотел сдавать кровь и

даже лягнул Грегора. Вот тогда Надия и показала, какая она на самом деле. Она пригвоздила единственную руку Якова к кровати. Ее пальцы, словно клещами, сжимали ему запястье, поворачивая руку так, чтобы Грегору было удобно. Пока Грегор перекачивал кровь в стеклянный пузырек, Надия пристально смотрела на Якова. Она говорила тихо, даже ласково. Под этот ласковый голос острая игла проткнула ему кожу. Под этот голос пузырек заполнялся его кровью. Все, кто был в каюте, вслушивались в слова Надии и не слышали ничего, кроме ободряющих фраз. Они не видели ее глаз. Зато Яков видел, и светло-серые глаза Надии говорили ему совсем другое.

Потом он зубами прокусил пластик и снял свой браслет.

Алешка послушно таскал свой с номером 307. Свидетельство его хорошего здоровья.

— Как ты думаешь, у нее свои дети есть? — спросил Алешка.

Яков даже вздрогнул.

— Надеюсь, нет, — пробормотал он и выполз из ящика.

Наверху было пусто. Пустой проход, пустая лестница, похожая на скелет змеи. Синяя дверь, как всегда, закрыта.

Яков выбрался из укрытия, стряхнул с себя бахрому стружек.

— Есть хочу, — признался он.

Прогноз кока оказался верным. После серого давящего дня началась буря. Не то чтобы жестокий шторм, но вполне достаточный, чтобы дети и взрослые не выползали из кают. Алешка весь день провалялся на койке, и выманить его оттуда было невозможно ни за какие сокровища. За дверью каюты стояли холод и сырость. Пол под ногами ходил ходуном. Нравится Яшке лазать по своим темным углам, пусть идет один. Алексей любил свою койку. Тепло, уютно. Можно с головой накрыться одеялом. Он любил ощущать струйки теплого воздуха, ударявшие в лицо, когда он поворачивался или дрыгал ногами. Ему нравился запах Шу-Шу, спавшей рядом на подушке.

Все утро Яков уговаривал Алешку снова сходить в Страну Чудес, но тот лишь отбрыкивался. Плюнув, Яков пошел один. Алешка хоть и глупый парень, а с ним было бы веселее. Яков дважды возвращался в каюту, надеясь, что Алешке надоело валяться и он согласится пойти. Но Алешка проспал весь день и даже вечер.

Яков проснулся среди ночи и сразу почувствовал: что-то изменилось. Что именно — он понял не сразу. Может, шторм стихает? Корабль перестало качать. И вдруг он понял: исчез привычный гул дизелей. Теперь они едва слышно тарахтели.

Яков спрыгнул на пол и растолкал Алешку.

— Просыпайся, — шепнул он.

— Да иди ты.

— Слышишь? Дизеля не гремят. Мы остановились.

— А мне плевать.

— Я схожу посмотреть. Идем со мной.

— Я спать хочу.

— Ты и так спишь почти сутки. Неужели землю увидеть не хочешь? Мы уже где-то возле берега. Капитан не дурак, чтобы корабль посреди океана останавливать. — Яков нагнулся над Алешкиным ухом. — Может, мы даже американские огни увидим. Неужто и их проспишь?

Алешка вздохнул, шевельнул ногами. Он сам не знал, хочет ли вылезать на палубу.

Тогда Яков заикнулся о главной приманке:

— Я на ужине картофелину припрятал. Отдам тебе, но только если пойдешь со мной.

Есть Алешке очень хотелось. Он ведь проспал и обед, и ужин. Картофелина была для него безумным лакомством.

— Ладно, пойду.

Он спустил ноги, зашнуровал ботинки.

— Картошка где?

— Сначала идем на палубу.

— Ну ты и засранец, Яшка.

Они тихо пробрались между двухъярусных коек со спящими мальчишками, вышли в коридор и поднялись на палубу.

Дул слабый ветер. Яков и Алешка напряженно вглядывались в темноту. Где же берег? Где городские огни? Только звезды, точки которых были рассыпаны по небу. Там, где звезды кончались, была линия горизонта.

— Ничего я не вижу, — сказал Алексей. — Гони картошку.

Яков вынул из кармана обещанное сокровище. Алешка присел на корточки и набросился на холодную, непосоленную картофелину, точно дикий зверь на мясо.

Яков повернулся к капитанской рубке. Сквозь ее стекло светился зеленый экран радара. Рядом стоял штурман. В темноте Якову был виден лишь его силуэт. Штурман наверняка знает, зачем они остановились. Интересно было бы сейчас залезть в рубку.

Алешка доел картофелину, зябко потянулся и объявил:

— Я спать пошел.

— Сходим на камбуз. Если открыто, там еще еды найдем.

— Хватит с меня мышей. — Алешка переминался с ноги на ногу, готовый двинуть вниз. — И зябко здесь. Я замерз.

— Мне не зябко, — буркнул Яков.

— Вот и оставайся.

Они почти добрались до лестницы, когда услышали несколько резких щелчков. И вдруг палубу залил яркий свет. Мальчишки застыли, щурясь от слепящих лучей палубных прожекторов.

Схватив Алешку за руку, Яков потащил его под лестницу капитанской рубки. Там они и затаились, выглядывая из-за ступенек. Послышались голоса. В круг света вошли двое мужчин в белых комбинезонах. Они нагнулись и взялись за какой-то выступ. Раздался скрежет металла. То, с чего они сняли тяжелую крышку, оказалось еще одним прожектором, но этот был синим. Его луч бил в самую середину круга света, отчего казалось, что на палубе появился огромный глаз с синим зрачком.

— Чертовы механики, — сказал один из мужчин. — До сих пор починить не могут.

Потом они оба выпрямились и задрали головы к небу. Туда, откуда доносились слабые раскаты грома.

Яков тоже повернул голову. Звук приближался; уже не гром, а ритмичный стук вертолетных лопастей. Люди в белых комбинезонах убрались подальше от прожекторов. Лопасти стучали прямо над головой. Казалось, на корабль обрушился торнадо.

Алешка плотно зажал уши и отступил в темноту ступенек. Яков продолжал смотреть. Вертолет завис над палубой совсем низко и наконец коснулся ее шасси.

Человек в белом комбинезоне, пригибаясь, подбежал к вертолетной дверце. Что там внутри, Яков не видел. Лестничный столб загораживал обзор. Тогда он сделал пару шагов в сторону. Якову удалось мельком увидеть двоих: пилота и пассажира.

— Эй! — раздалось сверху. — Мальчик, тебе говорю!

Яков поднял голову и увидел штурмана, глядящего на него из приоткрытой двери капитанской рубки.

— Что ты тут делаешь? Поднимайся наверх, пока цел! Быстро!

Алешку штурман не видел. Но человек в комбинезоне видел обоих мальчишек и хмурился. Их присутствие на палубе ему явно не нравилось.

Яков поспешил в рубку. Следом бежал насмерть перепуганный Алешка.

— У вас что, мозгов нет? Только идиоты торчат на верхней палубе, когда вертушка садится.

Штурман ощутимо шлепнул Алешку по заднице и втащил в рубку.

— Садитесь оба, — рявкнул он, кивая на стулья.

— Мы просто смотрели, — сказал Яков.

— А я спал, — захныкал Алешка. — Он меня разбудил, позвал на палубу.

— Ты знаешь, почему американцы прозвали эту штуку кромсателем? Потому что она может вмиг откромсать глупую мальчишечью голову. Вот так. — Штурман провел ребром ладони по костлявой Алешкиной шее. — Чик — и голова в сторону. Кровь хлещет фонтаном. Впечатляющее зрелище. Думаешь, я шучу? Когда вертушки прилетают, я

ни за что не спускаюсь на палубу. Сижу и жду. Но если вам собственные головы надоели, не смею задерживать. Вперед, под лопасти.

— Я не хотел из койки вылезать, — всхлипывал Алешка.

Рев двигателя заставил всех троих выглянуть в окно. Вертолет поднимался в небо. Ветер трепал комбинезоны мужчин, стоявших на палубе. Машина медленно повернула на девяносто градусов и растворилась в ночном небе. Остался только звук, но и он с каждой секундой слабел.

— Куда он полетел? — спросил Яков.

— Думаешь, мне докладывают? — проворчал штурман. — Они называют мне время прибытия. Я ложусь в дрейф и жду. Вот и все.

Он щелкнул тумблером на пульте. Прожектора погасли. Верхняя палуба снова погрузилась в темноту.

Яков прижался к стеклу рубки. Вертолета как не бывало. Куда ни глянь — ночной океан.

Алешка все еще плакал.

— Хватит нюни распускать, — одернул его штурман, слегка хлопнув по плечу. — Будущий мужчина, а ведешь себя как истеричная баба.

— Вертолет этот… он зачем прилетал? — спросил Яков.

— Я же тебе сказал: мне сообщают лишь время прибытия. Но не цель.

— А цель какая? — не отставал мальчишка.

— Я не спрашиваю. Я делаю то, что мне велят.

— Кто?

— Пассажиры из отдельной каюты на корме.

Штурман оторвал Якова от окна и подтолкнул к двери:

— Вам спать пора, а мне еще работать надо.

Яков пошел вслед за Алешкой, но его взгляд упал на экран радара. Сколько раз он глазел на этот экран, завороженный кружением зеленой линии. Линия и сейчас его завораживала, но, помимо нее, Яков заметил в верхнем углу экрана белое пятнышко.

— Это что, другой корабль? — спросил Яков, указывая на радар.

Когда линия прошла через пятнышко, оно стало еще белее.

— А что же еще? — нехотя ответил штурман. — Выметайтесь!

Мальчишки шумно спустились на верхнюю палубу. Яков снова задрал голову. В капитанской рубке все так же кружилась зеленая линия радара. И все так же у окна стоял штурман и смотрел на океан. Он всегда смотрел на океан.

— Теперь я знаю, куда полетел вертолет, — сказал Яков.

На завтраке не было Петра и Валентина. К этому времени новость об их ночном отъезде уже разошлась по каюте Якова. Его совсем не удивляло, почему ребята сидят за столом насупленные и молчат. И они, и он сам недоумевали, почему этих двоих выбрали первыми? Петра, не сговариваясь, причисляли к отбросам и считали, что он застрянет в каком-нибудь американском детдоме. Или случится чудо (Яков слышал о таких чудесах), и найдется американская семья, готовая взять умственно отсталого парня. Валентин, с которым они познакомились в Риге, был вполне смышленым мальчишкой. Симпатичным, вежливым. Только ребята помладше знали, что он тайный извращенец. Когда в каюте гасили свет, Валентин часто забирался к какому-нибудь мелкому в койку, причем без трусов. Залезет и шепчет: «Чувствуешь? Тебе нравится, что он у меня такой большой?» А потом заставлял их разные гадости делать.

Но теперь и Валентин, и Петр отправились к новым родителям, которые их выбрали. Так мальчишкам сказала Надия.

Получалось, все остальные — просто отбросы.

Днем Яков с Алешкой вылезли на палубу и легли там, где ночью садился вертолет. Оба всматривались в яркое синее небо. Ни облаков, ни вертолетов. Ребята пригрелись на солнышке. Их даже потянуло в сон.

Яков лежал, закрыв глаза, чтобы в них не било солнце.

— Я тут вот о чем подумал, — сказал он. — Если мать у меня жива, я не хочу, чтобы меня американцы усыновляли.

— Померла твоя мать.

— Может, и не померла.

— Тогда что ж она за тобой не приезжала?

— Мало ли почему? А вдруг она меня сейчас ищет? И не знает, что я далеко, болтаюсь по океану и меня только с радаром можно найти. Я скажу Надии, чтобы отвезла меня назад. Не хочу я новую мать.

— А я хочу, — признался Алешка. Он помолчал и вдруг спросил: — Может, со мной не все в порядке?

— Не считая того, что ты у нас тормоз? — рассмеялся Яков.

Алешка не отвечал. Яков приподнялся на локте. Алешка сидел, закрыв лицо руками. У него тряслись плечи.

— Ты никак ревешь?

— Не реву.

— Ревешь. Я же вижу.

— Нет.

— Ну что ты как маленький? Я же пошутил. Никакой ты не тормоз.

Алешка свернулся плотным калачиком. Он плакал, хотя и беззвучно. Яков это видел по Алешкиной груди, судорожно хватавшей воздух. Яков не знал, как поправить дело. Сказать еще что-нибудь обидное? Иногда помогает. Например, назвать его тупой девчонкой. Или плаксой. Но, подумав, Яков решил не шутить. Алешкино поведение уже не казалось ему смешным. Наоборот, где-то он даже испугался, потому что таким Алешку видел впервые. Ну, пошутил. Глупо пошутил. Неужели Алешка не догадался, что это шутка?

— Пошли вниз. Покачаемся на твоей веревке, — предложил Яков и локтем двинул Алешке по ребрам.

Алешка тоже двинул его локтем, причем сердито. Потом вскочил на ноги. Его красное лицо было залито слезами.

— Да что вообще с тобой такое? — не выдержал Яков.

— Ну почему они выбрали этого дебила Петьку, а не меня?

— Меня они тоже не выбрали, — напомнил Яков.

— Но у меня-то все в порядке! — закричал Алешка и бросился вон с палубы.

Яков замер. Он смотрел на культю левой руки, затем сказал вслух:

— У меня тоже все в порядке.

— Мой конь угрожает твоему слону на третьей клетке, — сказал судовой механик Кубичев.

— Вы всегда так ходите. Могли бы и тактику сменить.

— Я доверяю испытанной тактике. До сих пор мы с ней тебя обыгрывали. Давай, парень, ходи. Нельзя весь день думать над одним ходом.

Яков повернул шахматную доску и поглядел на нее сначала под одним углом, затем под другим. Представил, что черные пешки — это его армия. Хорошо экипированная, построенная в ожидании приказов.

— За каким чертом ты доску двигаешь? — удивился Кубичев.

— Да вот смотрю… У королевы борода. Вы замечали?

— Тоже мне, нашел бороду, — проворчал механик. — Это называется жабо. Воротник такой. Ты ходить собираешься?

Яков поставил ферзя на место и потянулся к коню. Поставил, снова поднял. Переместил и опять взял фигуру в руку. Вокруг грохотали адские дизеля.

Кубичев больше не следил за ним. Механик листал журнал, разглядывая вереницу улыбающихся женских лиц. Сто самых красивых женщин Америки. Он то и дело хмыкал и бормотал:

— И это у вас называется красота?

Или:

— Да я б своему псу не дал такую трахнуть.

Яков снова взялся за ферзя и сшиб им слона Кубичева, стоявшего на четвертой клетке.

— Я походил.

Кубичев взглянул на доску и язвительно усмехнулся.

— Ну сколько можно наступать на одни и те же грабли? Зачем ты так рано ходишь ферзем?

Отбросив журнал, механик потянулся к своей пешке. Тогда-то Яков и заметил женское лицо на журнальной странице. Светлые волосы. Один локон повторяет изгиб щеки. Грустноватая улыбка. И глаза, смотрящие не на тебя, а сквозь тебя.

— Это моя мама, — сказал Яков.

— Что?

— Это она. Моя мама!

Яков рванулся к журналу, повалив ящик, служивший им столом. Доска опрокинулась. Кони, слоны и пешки разлетелись в разные стороны.

— Да что с тобой сегодня, парень? — спросил Кубичев, выхватывая журнал.

— Отдайте! — кричал Яков.

Он отчаянно вцепился в руку механика, требуя отдать ему материнское фото.

— Отдайте!

— Парень, ты совсем спятил! Это же не твоя мать!

— Моя! Я помню ее лицо! Она совсем как на этой картинке!

— Хватит мне руку царапать! Слышишь?

— Отдайте журнал!

— Хорошо. Теперь послушай, что я скажу и покажу. И мозги включить не забудь. Сейчас ты убедишься, что это вовсе не твоя мать.

Кубичев поправил ящик. Потом разложил журнал.

— Теперь видишь?

Яков смотрел на лицо с глянцевой страницы. Точно такое же он видел во сне. И наклон головы. И ямочки в уголках рта. Даже ее волосы были освещены с той же стороны, как в его сне.

— Это она. Я видел ее лицо.

— Так ее лицо все видели. — Кубичев ткнул пальцем в иностранную надпись под снимком. — Здесь написано: Мишель Пфайффер. Она актриса. Американская. У нее даже имя нерусское.

— Но я ее знаю! Я видел ее во сне!

Кубичев засмеялся:

— И ты, и любой озабоченный подросток. — Он сощурился, оглядывая разбросанные по полу фигуры. — Смотри, какой ты мне бардак устроил. Хорошо, если все пешки отыщутся. Ты фигуры разбросал, тебе их и собирать.

Яков не шевельнулся. Он смотрел на светловолосую женщину и вспоминал, как она ему улыбалась во сне.

Поняв, что мальчишка за фигурами не полезет, Кубичев выругался вполголоса и полез сам. Он ползал на четвереньках, вытаскивая шахматы из-под агрегатов своего дизельного хозяйства.

— Думаю, ты просто где-то видел ее лицо. Может, по телевизору. Или в журнале. А потом забыл. Вот она тебе и приснилась.

Кубичев вернул на доску ферзя и двух слонов, затем плюхнулся на стул. Его лицо раскраснелось, а бочкообразная грудь тяжело вздымалась.

— Знаешь, парень, мозг — загадочная штучка. — Механик постучал себе по макушке. — Особенно по части снов. Так перемешает реальность с выдумкой, что уже сам не знаешь где что. Мне тоже разные сны снятся. Например, сижу я за столом, а там — любая жратва, какую только душа пожелает. А потом просыпаюсь — и я по-прежнему на этом дерьмовом корабле.

Кубичев потянулся к журналу, вырвал страницу с Мишель Пфайффер и протянул Якову:

— Держи. Забирай.

Яков взял страницу, не сказав ни слова. Он лишь сжимал глянцевый лист и смотрел на красивое женское лицо.

— Нравится считать ее своей мамкой — валяй, никто не запрещает. Пацаны устраивают штучки и похуже. А теперь собери остальные фигуры… Эй! Яшка! Ты куда намылился?

Сжимая глянцевый журнальный лист, Яков опрометью бросился вон из дизельного ада.

На палубе он встал у перил, подставив лицо ветру. Ветер трепал лист, норовя смять. На женских губах, раскрытых в полуулыбке, появился излом.

Яков впился зубами в уголок листа и порвал журнальную страницу надвое. Этого было недостаточно. Совсем недостаточно. Мальчишка тяжело дышал. Где-то близко были слезы, но он не плакал. Яков молча снова и снова рвал журнальную страницу на все более мелкие куски. Он был похож на зверя, зубами разрывающего добычу. Ветер подхватывал бумажки и уносил в океан.

От большой страницы остался последний кусочек. Глаз. Ветер и пальцы Якова создали под глазом вмятину в форме звездочки. Она блестела на солнце, похожая на слезинку.

Яков выбросил и этот кусочек. Ветер тут же подхватил бумажку, и вскоре она исчезла в океанских волнах.

15

Он прикинул ее возраст. Где-то под пятьдесят. У нее было худощавое, высохшее лицо женщины, чей гормональный фон давным-давно успокоился, блеск молодости погас. По мнению Бернарда Кацки, это обстоятельство еще не лишало женщину привлекательности. Сексуальность — это не только сияние кожи и волос, но и острота языка, глубина глаз. Кацка встречал немало семидесятилетних женщин, которых никак не назовешь скучными, бесцветными старухами. К их числу относилась и его тетка Маргарет, остававшаяся старой девой. После смерти Энни они очень сблизились. Он с нетерпением ждал еженедельной встречи с Маргарет и их разговоров за чашкой кофе. Вероятно, это очень удивило бы его молодого коллегу Лундквиста. Тот придерживался традиционно мужских взглядов и считал: менопауза — финишная черта женщин, и те из них, кто ее пересек, не заслуживают его внимания. Мужчинам незачем тратить энергию и сперму на женщину, вышедшую из репродуктивного возраста. Неудивительно, что Лундквист обрадовался намерению Кацки побеседовать с Брендой Хейни. Он считал умение разговаривать с климактерическими и постклимактерическими дамами особым даром своего старшего коллеги. Во всем убойном отделе только Кацка обладал терпением и способностью их выслушивать.

Именно этим Кацка и занимался, вот уже пятнадцать минут смиренно внимая нелепым и чудовищным обвинениям, которые выдвигала Бренда Хейни. Следовать за ходом ее рассуждений было занятием нелегким. Женщина смешивала мистику с реальностью, ухитряясь в одной фразе собрать небесные послания и шприцы с морфином. Будь

сама Бренда симпатичнее и добрее, Кацка даже подивился бы полету ее фантазии и парадоксальным суждениям. Увы, от голубых глаз Хейни не веяло теплом. Женщина была рассержена, а рассерженные люди не бывают привлекательными.

— Я об этом уже говорила в клинике. Обратилась прямо к мистеру Парру, их президенту. Он мне пообещал провести расследование, но прошло уже пять дней, и никаких результатов. Я звоню туда каждый день, и каждый день его секретарша мне говорит: «Расследование продолжается». Но сегодня я решила, что с меня хватит, и обратилась в полицию. Даже у вас от меня пытались отмахнуться. Направили к долговязому молодому парню. Какой мне смысл говорить с ним? Я верю в непосредственное обращение к высшим силам. Я постоянно обращаюсь к ним. Каждое утро, когда молюсь. А в данном случае высшая сила — это вы.

Кацка подавил улыбку.

— Мне ваша фамилия встречалась в газете, — продолжала Бренда. — В связи с тем мертвым доктором из Бейсайда.

— Вы имеете в виду доктора Леви?

— Да. Вот я и подумала: раз вы уже знаете, как обстоят дела в их больнице, с вами я и должна говорить.

Кацка едва не вздохнул, однако сумел удержаться. Люди типа Бренды сочтут это признаком усталости. Или, хуже того, скуки.

— Вы позволите взглянуть на письмо?

Бренда достала из сумочки сложенный лист. На нем была всего одна машинописная строчка: «Ваша тетя умерла не своей смертью. Друг».

— Оно было в конверте?

Бренда достала конверт, где стояли ее имя и фамилия, тоже отпечатанные на машинке. Заклеенный клапан конверта был надорван.

— Кто бы мог прислать вам это письмо? — спросил Кацка.

— Понятия не имею. Вероятно, одна из медсестер. Словом, человек, которому что-то известно.

— Вы говорили, что у вашей тети был рак в последней стадии. Она ведь могла умереть и естественным образом.

— Тогда зачем присылать мне письмо? Кто-то знает правду, но боится заявить о ней сам. Но этот человек хочет торжества правды. Я хочу того же.

— Где сейчас находится тело вашей тети?

— В морге «Сад успокоения». По-моему, клиника подозрительно быстро отправила туда ее тело.

— А кто принимал решение? Должно быть, кто-то из ваших общих родственников?

— Тетя перед смертью оставила распоряжение. Так мне сообщили в их больнице.

— Вы говорили с лечащими врачами вашей тети? Может, они смогли бы прояснить ситуацию?

— Я предпочитаю с ними не говорить.

— Почему?

— В этой ситуации они не вызывают у меня доверия.

— Понимаю.

Кацка все-таки вздохнул. Он вынул ручку, открыл записную книжку, нашел чистую страницу.

— Пожалуйста, назовите мне имена всех врачей, имевших отношение к вашей тете.

— Главным у них там доктор Колин Уэттиг. Но все решения принимал не он, а его ординатор. Вот за нее вам и стоит взяться.

— Ее имя?

— Доктор Ди Маттео.

— Эбигайл Ди Маттео? — удивленно переспросил Кацка, поднимая глаза на Бренду.

На лице Бренды заметно прибавилось недовольства.

— Вы ее знаете? — осторожно спросила Бренда.

— Приходилось говорить. Но совсем по другому вопросу.

— Надеюсь, ваше впечатление о ней не повлияет на расследование этого дела?

— Никоим образом.

— Вы уверены?

Бренда смерила его долгим взглядом. У кого-то такой взгляд наверняка вызвал бы раздражение. Кацка умел владеть собой и сейчас удивлялся, почему эта особа ему так неприятна.

Мимо стола прошел Лундквист, наградив шефа сочувственной улыбкой. Если бы не Кацка, ему пришлось бы самому говорить с Брендой. Парню было бы полезно поупражняться в вежливости и сдержанности. С этим у Лундквиста пока обстояло неважно.

— Мисс Хейни, я всегда стараюсь быть объективным, — заверил Кацка.

— Тогда повнимательнее присмотритесь к этой Ди Маттео.

— Но почему именно к ней?

— Потому что это она хотела смерти моей тети.

Обвинения Бренды отдавали надуманностью и пристрастностью. Кацка не верил в их серьезность. Но письмо — это уже не из области мистики и домыслов. Письмо существовало на самом деле, равно как и тот, кто это письмо прислал. Возможно, все было делом рук самой Бренды. Люди, жаждущие внимания, выдумывают штучки и похлеще. Кацке было легче поверить в авторство Бренды, чем в ее утверждение, будто Мэри Аллен умертвили врачи.

Его жена умирала медленно. За долгие недели, когда он почти ежедневно приезжал к ней в больницу, Кацка хорошо познакомился со спецификой палат для раковых больных. Он собственными глазами видел сострадание медсестер и решимость врачей-онкологов. Они знали, когда продолжать битву за жизнь пациента. Они знали, когда эта битва уже проиграна и страдающему, измученному пациенту не нужны дополнительные дни или недели жизни. Незадолго до смерти Энни Кацка сам хотел, чтобы она поскорее оставила этот мир. Ее страдания делались все невыносимее, и, если бы тогда врачи предложили ему такую возможность, он бы согласился. Но никто из врачей даже не намекал на подобное. Рак и так убивал людей достаточно быстро. Какой врач захотел бы рисковать своей карьерой, чтобы ускорить кончину

обреченного пациента? И даже если врачи Бейсайда решились на такой шаг, можно ли квалифицировать его как убийство?

После визита Бренды Хейни Кацка с большой неохотой поехал в клинику Бейсайд. Он был обязан задать несколько вопросов. Информационная служба больницы подтвердила дату смерти Мэри Аллен, которую ему назвала Бренда. Причиной смерти значилась карцинома, давшая метастазы по всему организму. Больше ничего работник службы сообщить Кацке не могла. Доктор Уэттиг, с которым он намеревался поговорить, работал в операционной и едва ли освободился бы в течение ближайших нескольких часов. Тогда Кацка отправил сообщение на пейджер доктора Эбби Ди Маттео.

Она позвонила почти сразу.

— Здравствуйте, доктор. Это детектив Кацка. На прошлой неделе мы с вами уже беседовали.

— Да, я помню.

— У меня к вам ряд вопросов по другому делу. Где я могу с вами встретиться?

— Я в медицинской библиотеке. Наш разговор надолго?

— Постараюсь не злоупотреблять вашим временем.

В трубке послышался ее вздох, затем вымученное:

— Ладно. Библиотека на втором этаже, в административном крыле.

У Кацки был достаточный опыт разговоров с людьми. Обычно люди (подозреваемые не в счет) очень охотно говорили с полицейскими из убойного отдела. Им было любопытно узнать об убийствах и о специфике работы полицейских. Изумляли вопросы, которые ему задавали. Даже благообразные старушки и те жаждали подробностей, и чем более кровавых, тем лучше. Но доктор Ди Маттео еще тогда удивила его искренним нежеланием говорить. Интересно почему?

Медицинская библиотека находилась между отделом обработки данных и финансовым отделом. Несколько рядов книжных стеллажей, стол библиотекаря, полдюжины читательских кабинок, сгруппированных у одной стены. Доктор Ди Маттео стояла возле ксерокса, собираясь скопировать очередную страницу журнала по хирургии. На соседнем столе высились стопки уже сделанных копий. Кацку удивило, что врач занимается типично канцелярской работой. Удивила его и одежда Эбби: блузка с юбкой. Он считал, что в клинике все хирурги носят зеленые

костюмы — своеобразную хирургическую униформу. При первой встрече Эбби Ди Маттео показалась ему привлекательной женщиной. Сейчас, видя ее в этой юбке, подчеркивающей фигуру, с волосами, раскиданными по плечам, Кацка изменил свое мнение. Доктор Ди Маттео была по-настоящему красивой женщиной.

Эбби подняла голову, слегка кивнув в знак приветствия. Только тогда Кацка заметил еще кое-какие отличия от той встречи. Сегодня доктор Ди Маттео держалась нервозно, если не сказать настороженно.

— Я почти закончила, — сказала она. — Еще одну статью скопирую, и все.

— Вы сегодня не дежурите?

— Почему вы так решили?

— Я думал, хирурги постоянно ходят в своих зеленых костюмах.

Эбби перевернула страницу, прижала ее крышкой и нажала кнопку копирования.

— У меня сегодня нет операций. Вот и полезла в дебри медицинской литературы. Доктору Уэттигу предстоит конференция. Он попросил меня подобрать материал.

Она снова опустила голову, словно ксерокс был сложным устройством, требовавшим ее предельного внимания. Когда аппарат выдал последние страницы, Эбби отнесла их на стол, попутно взяв степлер. Кацка выдвинул стул и сел.

— Появились новые сведения? — по-прежнему не глядя на него, спросила Эбби.

— По делу доктора Леви? Увы, нет.

— Я пыталась вспомнить еще какие-то подробности, но так и не вспомнила.

Собрав несколько листов, Эбби просунула их в пасть степлера и резко нажала рычаг.

— Я пришел сюда не по делу доктора Леви, — сказал Кацка. — Совсем по другому делу, связанному с одним из ваших пациентов.

— Да? — Эбби сунула в прорезь новую стопку листов. — И о каком пациенте мы говорим?

— О какой-то миссис Мэри Аллен.

Рука Эбби на мгновение застыла в воздухе, затем со всей силой надавила рычаг степлера.

— Вы ее помните? — спросил Кацка.

— Да.

— Насколько я знаю, она умерла на прошлой неделе. Здесь, в Бейсайде.

— Совершенно верно.

— Вы подтверждаете ее диагноз — метастатическую недифференцированную карциному?

— Подтверждаю.

— То, что у пациентки был рак в последней стадии, оканчивающейся смертью, — это вы тоже подтверждаете?

— Да.

— В таком случае смерть миссис Аллен была ожидаемым событием?

Эбби медлила с ответом. Не такой вопрос, чтобы его долго обдумывать. Ее молчание насторожило Кацку.

— Я бы сказала так: да, ее смерть была ожидаемым событием, — тщательно подбирая слова, произнесла Эбби.

Ему показалось, она догадывается, что он за ней пристально наблюдает. Кацка молчал. Он по опыту знал, как неуютно становится людям от такого молчания.

— Но можно ли считать смерть миссис Аллен в каком-то смысле необычной? — тихо спросил Кацка.

Только сейчас Эбби подняла на него глаза. Она сидела неподвижно. Она почти застыла.

— Необычной… в каком смысле?

— Обстоятельства смерти. То, как она умирала.

— Позвольте узнать, почему вы меня об этом спрашиваете?

— К нам обратилась родственница миссис Аллен, у которой есть опасения на этот счет.

— Вы говорите о Бренде Хейни? О ее племяннице?

— Да. Она думает, что ее тетка умерла по причинам, не связанным с болезнью.

— Вы что, пытаетесь превратить смерть миссис Аллен в убийство?

— Я пытаюсь установить, есть ли в обстоятельствах смерти миссис Аллен моменты, требующие полицейского расследования. Как вы считаете, есть?

Эбби молчала.

— Бренда Хейни получила анонимное письмо. В письме утверждалось, что смерть миссис Аллен не была вызвана естественными причинами. У вас есть основания… любые основания… предполагать, что это действительно так?

Кацка предвидел несколько вариантов ответа. Эбби могла рассмеяться и назвать его вопрос нелепым. Она могла сказать, что у Бренды Хейни не все в порядке с головой. Наконец, Эбби могла удивиться и даже рассердиться, что ее вынуждают отвечать на подобные вопросы. Все это было бы вполне нормальной, предсказуемой реакцией. Однако Кацка никак не ожидал услышать то, что он услышал.

Эбби вдруг побледнела.

— Детектив Кацка, я отказываюсь отвечать на ваши дальнейшие вопросы, — тихо произнесла она.

Едва полицейский ушел из библиотеки, Эбби в панике бросилась к ближайшему телефону и послала Марку сообщение на пейджер. К счастью, он сразу же ей позвонил.

— Этот детектив опять приходил, — прошептала она в трубку. — Марк, они знают про Мэри Аллен. Бренда успела сунуться в полицию. Коп расспрашивал меня об обстоятельствах смерти Мэри.

— Надеюсь, ты ему ничего не стала рассказывать?

— Нет, я… — Эбби шумно вздохнула, почти всхлипнула. — Марк, я вообще не знала, что ему говорить. Думаю, он и так что-то заподозрил. Я напугана. Он это понял.

— Эбби, слушай меня внимательно. Важно, чтобы ты правильно себя вела. Ты ведь не проболталась ему про морфин в твоем шкафчике?

— Марк, я едва ему это не сказала. Я была готова рассказать обо всех своих опасениях и подозрениях. Может, и надо было? Просто взять и рассказать, как есть?

— Ни в коем случае.

— Но почему? Не лучше ли самой рассказать? Он же все равно узнает. Рано или поздно он докопается. Я даже уверена.

Эбби снова вздохнула. Глаза защипало от подступивших слез. Еще минута, и она разревется. Здесь, в библиотеке, вызывая недоуменные взгляды.

— Я не вижу другого выхода. Я должна обратиться в полицию.

— А вдруг они тебе не поверят? Им достаточно узнать о морфине в твоем шкафчике — и все. Традиционный сценарий и очевидные выводы.

— Тогда что мне делать? Ждать, пока меня арестуют? Я этого не вынесу. Не смогу. — Ее голос дрогнул, и уже слабым шепотом Эбби повторила: — Не смогу.

— Пока у полиции нет против тебя никаких улик. Я ничего не стану им рассказывать. Уэттиг и Парр — тоже. Им огласка нужна ничуть не больше, чем тебе. Держись, Эбби. Уэттиг делает все, что в его силах, чтобы вернуть тебя в ординатуру.

Эбби немного успокоилась. Когда она заговорила снова, ее голос был тихим, но более уверенным.

— Марк, а если Мэри Аллен действительно убили? Тогда просто необходимо провести расследование. И лучше, если мы сами придем в полицию.

— Ты всерьез решила это сделать?

— Сама не знаю. Я постоянно об этом думаю. Нам следует пойти в полицию. Мы даже обязаны. Морально и этически.

— Тебе решать. Но я хочу, чтобы ты серьезно и обстоятельно подумала о последствиях.

Эбби и об этом уже думала. Думала об огласке. О возможности ареста. Эти мысли не давали ей покоя. С одной стороны, она понимала, что должна сделать решительный шаг, а с другой — боялась.

«Я трусиха. У меня пациентка умерла. Возможно, ее убили, а я лишь трясусь за собственную шкуру».

В зал вернулась библиотекарша, толкая скрипучую тележку с книгами. Усевшись за стол, она принялась ставить печати на внутренние страницы обложек. Шлеп. Шлеп.

— Эбби, прежде чем что-то сделать, основательно подумай, — сказал Марк.

— Потом поговорим. Мне надо идти.

Эбби повесила трубку. Она никуда не пошла, а вернулась за стол и вперилась в ксерокопии журнальных статей. Это был результат ее сегодняшней работы. Все утро она выбирала и копировала статьи. Врач, которому запрещено приближаться к пациентам. Хирург, изгнанный из операционной. Медсестры и санитарки не понимали, что случилось с доктором Ди Маттео. Наверняка уже поползли слухи, один другого нелепее. Утром, когда Эбби ходила по палатам, разыскивая доктора Уэттига, все медсестры (украдкой и открыто) смотрели на нее.

«А что они говорят за моей спиной?»

Она боялась узнать об этом.

«Шлеп-шлеп» прекратилось. Библиотекарша, забыв о книгах, тоже во все глаза смотрела на Эбби.

«Вот и она, как все в клинике, строит домыслы».

Покраснев, Эбби собрала листы в общую кипу и отнесла к столу библиотекарши.

— Сколько тут листов?

— Они все для доктора Уэттига. Оплата за счет ординатуры.

— Мне необходимо знать точное количество листов. Я веду журнал копирования. У нас такие правила.

Эбби не оставалось ничего иного, как взяться считать листы. Уж ей ли не знать характера этой женщины! Библиотекарша работала в Бейсайде со дня открытия клиники. Каждый новый выводок интернов узнавал, что правила в библиотеке устанавливает она. Эбби злилась на придирчивую библиотекаршу, на Бейсайд и на хаос, в какой превратилась ее жизнь. Но воевать с библиотечными правилами было глупо, и она пересчитала страницы.

— Двести четырнадцать, — объявила Эбби, снова плюхнув кипу на стол библиотекарши.

На верхнем листе ей в глаза бросилось имя Аарона Леви. Статья называлась «Сравнение коэффициента выживаемости после пересадки сердца у стационарных и амбулаторных реципиентов». Авторами были Аарон Леви, Раджив Мохандас и Лоренс Кунстлер. Еще одно неожиданное напоминание о смерти Аарона.

Библиотекарша тоже заметила имя Аарона и покачала головой:

— Трудно поверить, что доктора Леви нет с нами.

— Я вас понимаю, — пробормотала Эбби.

— И так странно видеть в одной статье оба имени, — качала головой библиотекарша.

— Вы о чем?

— Я сказала, странно видеть оба имени: доктора Кунстлера и доктора Леви.

— Простите, но доктор Кунстлер мне незнаком.

— Ничего удивительного. Он работал здесь задолго до вашего появления. — Библиотекарша убрала журнал копирования на полку. — Должно быть, уже лет шесть прошло с тех пор.

— С каких пор?

— Все это было очень похоже на дело Чарльза Стюарта. Знаете, наверное? Человек, который спрыгнул с моста Тобин. Вот и доктор Кунстлер прыгнул с того же моста.

Эбби смотрела на имена двух авторов.

— Он покончил с собой?

— Как и доктор Леви, — кивнула библиотекарша.

В столовой резались в маджонг. Игроки с таким азартом ударяли костями по обеденному столу, что шум проникал даже на кухню, мешая разговаривать. Вивьен плотно закрыла дверь и вернулась к мойке, куда поставила дуршлаг с проростками фасоли. Она обрывала засохшие хвостики, а верхушки проростков бросала в миску. Эбби и представить себе не могла, что кто-то может заниматься столь монотонным делом, как обрывание сухих хвостиков у проростков фасоли. Только скрупулезные китайцы. Так ей сказала Вивьен. Китайцы могли часами трудиться над каким-нибудь кушаньем, которое затем съедалось в считаные минуты. Да и кто бы заметил эти чертовы хвостики? Бабушка Вивьен обязательно заметила бы. И ее подруги — тоже. Попробуйте поставить им на стол блюдо с проростками фасоли, где обнаружится хотя бы пара хвостиков! Эти старухи мигом наморщат носы. А потому послушная внучка — она же талантливый хирург, готовящаяся открыть собственную практику, — усердно обрывала хвостики. Вивьен делала это быстро, ловко, как и все, к чему прикасались ее маленькие умелые пальцы. Параллельно она слушала рассказ Эбби, но руки китаянки не останавливались ни на секунду.

— Боже мой, — постоянно бормотала Вивьен. — Он же постоянно давит на тебя.

Грохот в гостиной ненадолго смолк. Вскоре начался новый тур игры. Бабушка Вивьен и ее гостьи оживленно болтали, то и дело азартно бросая кости в центр стола.

— Как ты думаешь, что мне делать? — спросила Эбби.

— Пойми, Ди Маттео, он обложил тебя со всех сторон.

— Потому я и приехала поговорить с тобой. Ты ведь тоже пострадала от Виктора Восса. Ты знаешь, на что он способен.

— Да, — вздохнула Вивьен. — Слишком хорошо знаю.

— Как по-твоему, мне стоит обратиться в полицию? Или держаться от них подальше и надеяться, что они не станут копать слишком глубоко?

— А что думает Марк?

— Он советует держать язык за зубами.

— Я с ним согласна. Можешь называть это моим врожденным недоверием к властям. Но если рассчитываешь на помощь полиции, значит ты им больше доверяешь.

Вивьен сдернула с крючка кухонное полотенце и вытерла руки.

— Ты действительно думаешь, что твою пациентку убили?

— А как еще объяснить запредельный уровень морфина?

— Ты же сказала, ей постоянно кололи морфин. Организм приспособился к высоким дозам, только бы избавиться от болей. Я не исключаю суммарное накопление морфина в организме.

— Нет. Такое могло случиться, только если ей ввели дополнительную дозу. По недосмотру или умышленно,

— Чтобы тебя подставить?

— Обычно никому и в голову не придет замерять уровень морфина в организме обреченных раковых пациентов! Кому-то понадобилось, чтобы это убийство не прошло незамеченным. И кто-то знал: это действительно убийство. Отсюда и письмо, отправленное Бренде Хейни.

— Но какие у нас основания подозревать Виктора Восса?

— Он хочет выгнать меня из Бейсайда.

— Только ли он?

«Неужели я мешаю кому-то еще?» — думала Эбби, глядя на Вивьен.

Грохот игральных костей в гостиной свидетельствовал о завершении очередного тура маджонга. Этот звук действовал Эбби на нервы. Она принялась ходить по кухне. На разделочном столе попыхивала рисоварка. На плите из-под крышек кастрюль поднимался пряный, пахнущий неведомой кулинарной экзотикой пар.

— Безумие какое-то. Я поверить не могу, что Мэри Аллен убили с единственной целью выгнать меня из Бейсайда.

— Джереми Парр озабочен спасением собственной шкуры. Восс и так уже дышит ему в затылок. Сама посуди. В попечительском совете клиники сплошь богатые дружки Восса. Они вполне могут сместить Парра, если он не подсуетится раньше и не уволит тебя. Пойми, Ди Маттео: это никакая не паранойя. Ты мешаешь не только Воссу.

Эбби плюхнулась на стул возле кухонного стола. От стука игральных костей у нее болела голова. Ничуть не лучше было верещание азартных старух на кантонском диалекте китайского языка. Вероятно, все они были глуховаты, и потому дружеская болтовня превращалась в крик. И как только Вивьен уживается со своей бабушкой? Эбби в первый же день сошла бы тут с ума.

— Но все ниточки так и так тянутся к Виктору Воссу, — сказала Эбби. — Он задался целью мстить мне.

— Тогда почему он отозвал иски? Этого человека не упрекнешь в непоследовательности. Он был готов размазать тебя по стенке. И вдруг... отзыв исков.

— Вместо обвинений во врачебных ошибках меня обвинили в убийстве. Какая чудесная альтернатива.

— Неужели ты не видишь явной бессмыслицы? Восс заплатил кругленькую сумму, чтобы состряпать эти иски и дать им ход. Я не верю, что его вдруг загрызла совесть. Его могли остановить только возможные последствия. Например, встречный иск. Ты собиралась подавать на Восса?

— Я говорила со своим адвокатом. Он мне отсоветовал.

— Тогда почему Восс отозвал иски?

Эбби, как и Вивьен, не понимала причин.

Этот вопрос не давал ей покоя, когда она двинулась в обратный путь из Мелроуза, где жила Вивьен. Время близилось к вечеру. Шоссе номер один, как всегда, было плотно забито машинами. Моросил дождь, однако Эбби не стала закрывать окна. Свиное зловоние так до конца и не выветрилось из салона ее машины. Возможно, этот смрад поселился здесь навсегда. Вечное напоминание о гневе Восса.

Она приближалась к мосту Тобин — месту, где Лоренс Кунстлер решил свести счеты с жизнью. Эбби сбросила скорость. Болезненное любопытство заставило ее при въезде на мост оглянуться по сторонам. Пасмурное небо делало реку почти черной. Ветер морщил воду. Утонуть в реке — она бы не согласилась на такую смерть. Она представила трясущиеся от ужаса руки и ноги. Горло, которое захлестывает холодная вода. Интересно, оставался ли Кунстлер в сознании, когда его тело погрузилось в воду? Может, он боролся с речным течением, пытаясь выплыть? Потом ее мысли переметнулись на Аарона. Два врача, два

самоубийства. Она забыла спросить Вивьен о Кунстлере. Если тот погиб всего шесть лет назад, Вивьен, скорее всего, слышала о нем.

Эбби так глубоко задумалась о воде, что не заметила, как автомобиль впереди нее снизил скорость. Проезд по мосту был платным, и это тормозило вереницу машин. Вскоре передняя машина остановилась.

Эбби нажала на тормоза. Еще через секунду она ощутила удар в бампер. В зеркало заднего обзора она увидела лицо женщины. Та виновато кивала, извиняясь за оплошность. Движение на мосту полностью замерло. Эбби вылезла наружу и бросилась осматривать повреждение.

Женщина из задней машины тоже вылезла. Она нервозно поглядывала на Эбби, пока та проверяла состояние заднего бампера.

— По-моему, никаких следов, — сказала Эбби.

— Простите мою невнимательность, — затараторила женщина.

Передний бампер ее машины также не пострадал.

— Стыдно признаваться, но я больше следила не за дорогой, а за наглецом позади меня. — Она кивнула на бордовый фургон, остановившийся неподалеку. — Он так и норовил меня боднуть. А потом я ударилась в вашу машину.

Кто-то нажал на клаксон. Движение возобновилось. Эбби вернулась в машину. Проезжая мимо будки контролера, она не смогла удержаться и еще раз оглянулась на мост Тобин, откуда Лоренс Кунстлер совершил свой смертельный прыжок.

«Аарон и Кунстлер были хорошо знакомы. Они вместе работали. Вместе написали ту статью».

Эти мысли не оставляли ее на всем пути в Кембридж. Два врача из одной команды трансплантологов. И оба покончили жизнь самоубийством.

Интересно, был ли Кунстлер женат? Если был, испытывала ли его вдова то же недоумение, что и Элейн?

Она обогнула Гарвард-Коммон. Сворачивая на Брэттл-стрит, Эбби мельком взглянула в зеркало заднего обзора.

Бордовый фургон ехал следом за ней. И тоже свернул на Брэттл-стрит.

Проехав целый квартал и миновав Уиллард-стрит, Эбби снова посмотрела в зеркало. Фургон по-прежнему двигался за ней. Но тот ли

это наглый водитель, о котором говорила женщина на мосту? Тогда Эбби не удостоила машину внимательным взглядом, заметив лишь цвет. Ей почему-то стало не по себе. Возможно, ее состояние никак не было связано с бордовым фургоном. Проехала по мосту Тобин, вспомнила смерть Кунстлера. Потом смерть Аарона.

Повинуясь импульсу, Эбби свернула на Мерсер-стрит.

Фургон свернул туда же.

Эбби вывернула влево, на Кэмден, затем вправо, на Оберн-стрит. Она впилась глазами в зеркало заднего обзора, почти ожидая, что фургон появится. Только снова вывернув на Брэттл-стрит и не увидев фургона, она облегченно вздохнула. Ну и трусиха!

Она свернула к дому, потом в знакомый проезд. Марк еще не возвращался. Это ее не удивило. Невзирая на дрянную погоду, они с Арчером решили устроить новый тур водных гонок вокруг буя. Марк сказал, что плохая погода настоящему яхтсмену не помеха и отменить гонки их может заставить только ураган.

Эбби вошла в дом. Внутри было сумрачно. Из окон лился неяркий светло-серый свет пасмурного дня. Эбби уже собиралась включить настольную лампу, как вдруг услышала негромкое тарахтение автомобильного мотора, доносившееся с Брустер-стрит. Она выглянула в окно.

К дому приближался бордовый фургон. Поравнявшись с проездом, машина поползла еле-еле. Похоже, водитель фургона внимательно разглядывал машину Эбби.

«Запереть двери. Немедленно запереть двери!»

Эбби подбежала к передней двери, лязгнула тяжелой задвижкой и дополнительно закрылась на цепочку.

А задняя дверь? Она заперта?

Эбби бросилась в кухню. На задней двери не было задвижки. Только врезной замок с кнопкой фиксации. Эбби нажала кнопку и пододвинула к двери тяжелый стул, подперев им дверную ручку.

Вернувшись в гостиную, она встала за шторой и осторожно выглянула в окно.

Фургон уехал.

Эбби вертела головой, оглядывая улицу. Никого. Только мокрые тротуары.

Она не стала задергивать шторы и включать свет. Сидя в темной гостиной, она ждала, когда фургон появится снова. Может, заявить в полицию? Но что она скажет? Ей никто не угрожал. Эбби просидела так почти час. Ни фургона, ни Марка.

«Ну возвращайся, — мысленно просила она. — Слезь со свой дурацкой яхты и вернись домой».

Эбби представила, каково сейчас Марку на палубе «Моего пристанища». Ветер хлопает парусами. И вода. Вода сверху, вода вокруг. Бурлящая вода под серыми небесами. Похожая на речную. Совсем как под мостом Тобин, где утонул Кунстлер.

Она позвонила Вивьен. Там еще сидели бабушкины гости. В трубке слышались раскаты смеха и громкая китайская речь.

— Эбби, я тебя очень плохо слышу. Повтори свой вопрос, — попросила Вивьен.

— В команде трансплантологов работал еще один врач. Он умер шесть лет назад. Ты его знала?

— Да, — выкрикнула Вивьен. — Но, по-моему, это было не так давно. Года четыре.

— Ты что-нибудь знаешь о причинах самоубийства?

— Это было не самоубийство.

— Как?

— Подожди немного. Я перейду к другому аппарату.

Эбби не знала, сколько ей пришлось ждать. Все это время из трубки доносились всплески смеха и речь, в которой Эбби не понимала ни слова. Наконец Вивьен подняла трубку другого телефона.

— Да, бабуля, я взяла. Можешь вешать.

Смех и китайская речь смолкли.

— Ты сказала, это было не самоубийство. Тогда что?

— Отравление угарным газом. В системе отопления возникла неисправность, отчего в доме начал скапливаться угарный газ. Этот доктор не один погиб. Отравились его жена и маленькая дочка.

— Постой. Ты ничего не путаешь? Я говорю о человеке по имени Лоренс Кунстлер.

— Не знаю я никакого Кунстлера. Должно быть, это случилось до моего прихода в Бейсайд.

— А тогда кто отравился угарным газом?

— Анестезиолог. Работал на месте Цвика. Имени не помню, а фамилия вертится на языке... Вспомнила. Хеннесси.

— Он работал в команде трансплантологов?

— Да. Совсем молодой. Его только-только приняли в штат клиники. Но проработал он недолго. Помню, как-то перед смертью говорил, что подумывает вернуться обратно на Запад.

— Ты уверена, что это был несчастный случай?

— А как еще называть отравление угарным газом?

Эбби смотрела на пустую улицу и молчала.

— Эбби, у тебя еще что-то случилось?

— Меня сегодня преследовала какая-то машина. Фургон.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Марк до сих пор не вернулся. Уже почти стемнело. Он должен был бы вернуться. У меня из головы не выходит смерть Аарона. И того человека, о ком я тебя спрашивала, — Лоренса Кунстлера. Он спрыгнул с моста Тобин. И теперь ты рассказываешь мне про анестезиолога Хеннесси. Получается, три смерти.

— Точнее, два самоубийства и один несчастный случай.

— Многовато для врачебного персонала одной больницы.

— Выходит за рамки статистики? А может, работа в Бейсайде отрицательно сказывается на врачах. Вгоняет их в депрессию.

Шутка получилась плоской, и Вивьен это поняла. Помолчав, она спросила:

— Ты всерьез считаешь, что тебя кто-то преследовал?

— А что ты говорила мне сегодня? «Пойми, Ди Маттео: это никакая не паранойя. Ты мешаешь не только Воссу».

— Но я все-таки имела в виду Восса. В меньшей степени Парра. У них есть причины давить на тебя. Только зачем им пугать тебя каким-то фургоном? И какое отношение это имеет к Аарону и тем двоим?

— Сама не знаю, — призналась Эбби.

Она забралась на стул с ногами. Для тепла. Для самозащиты.

— Но мне почему-то становится все страшнее. Я часто думаю об Аароне. Я передала тебе слова детектива. Может, смерть Аарона и не самоубийство.

— У него есть доказательства?

— Если и есть, мне он их не сообщил.

— Но он мог рассказать Элейн.

Это мысль. Конечно. Вдове, которая хочет знать обстоятельства смерти мужа и требует подробностей.

Повесив трубку, Эбби нашла номер Элейн Леви. Она собиралась с духом, чтобы позвонить. За окнами совсем стемнело, а Марк все не возвращался. Морось сменилась типичным осенним дождем, изматывающим своей монотонностью. Эбби задернула шторы и включила свет. Весь свет. Ей хотелось света и тепла.

Наконец Эбби набрала домашний номер Элейн Леви.

В трубке прозвучало три длинных гудка. Эбби откашлялась, собравшись оставить сообщение на автоответчике. Но вместо традиционного обращения в трубке трижды пронзительно пискнуло, после чего включилась запись: «Набранного вами номера не существует. Пожалуйста, будьте внимательнее и повторите попытку…»

Эбби повторила попытку, сосредоточенно нажимая каждую кнопку. И опять — четыре гудка, три писка и стандартное уведомление: «Набранного вами номера не существует…»

Ей показалось, что телефон ее предал. Почему Элейн сменила номер? Кто мешал ей своими звонками?

К дому подъехала машина. Эбби подбежала к окну и заглянула в щель между шторами. По проезду медленно двигался «БМВ».

Она молча вознесла благодарственную молитву.

Марк вернулся домой.

16

— Да, я знал их обоих, — сказал Марк, наливая себе еще один бокал. — Ларри Кунстлера знал лучше, чем Хеннесси. Тот проработал у нас недолго. А вот Ларри — он был одним из тех, кто меня сюда пригласил. Я знал его еще по университету. Отличный был парень. — Марк поставил бутылку на стол. — На редкость отличный парень.

Мимо прошел метрдотель, провожавший к соседнему столику броско одетую женщину. Едва та подошла, ее встретил хор восторженных голосов:

— Ну вот и наша красавица... Какое чудесное платье!

Их наигранное веселье показалось Эбби вульгарным. Даже неприличным. Она бы предпочла провести этот вечер дома, вдвоем с Марком. Но ему захотелось праздника. Им ведь так редко выпадали совместные свободные вечера. И потом, они до сих пор не отпраздновали помолвку. Марк заказал вино, произнес тост, после чего пил бокал за бокалом уже без всяких тостов. Бутылка почти опустела. В последнее время он все чаще прикладывался к выпивке.

Эбби смотрела, как Марк допивает последнюю порцию, и думала: «Это все стресс и мои проблемы. Они же и по Марку бьют».

— Почему ты никогда не рассказывал о них? — спросила Эбби.

— Да как-то повода не находилось.

— Я удивляюсь, что никто не вспомнил их имен. Особенно после смерти Аарона. Команда за шесть лет потеряла троих коллег, и никто не сказал о них ни слова. Поневоле начинаешь думать, что вы боитесь вспоминать о них.

— Не боимся. Просто нам очень тяжело вспоминать об этом, вот мы и стараемся не бередить раны. Особенно в присутствии Мэрили. Она была

знакома с женой Хеннесси. Даже устроила для той праздник «Детский душ»[9].

— Для ребенка, который тоже погиб?

Марк кивнул:

— Мы были в шоке, когда узнали. Представляешь? Была семья — и нет. Мэрили до сих пор не может спокойно слышать о Хеннесси. У нее начинается истерика.

— А это действительно был несчастный случай?

— За несколько месяцев до гибели они купили дом. Там барахлила система отопления. Они все собирались ее заменить, да так и не собрались… Да, это был несчастный случай.

— Но смерть Кунстлера — не несчастный случай?

— Нет, — вздохнул Марк. — Ларри покончил с собой.

— Как ты думаешь, почему он это сделал?

— А почему Аарон это сделал? Почему вообще люди сводят счеты с жизнью? Мы можем назвать с десяток причин. Но по правде, Эбби, мы не знаем. Никогда не знаем. И никогда не понимаем. Мы смотрим на общую картину жизни и говорим: «Жизнь меняется к лучшему. Она всегда меняется к лучшему». Я не знаю, какая последняя капля толкнула Ларри на самоубийство. Но в целом причина мне понятна. Он перестал видеть картину целиком. Он утратил жизненную перспективу. Его горизонты сузились. Когда такое происходит, люди распадаются. Если человек перестает видеть будущее, он теряет все.

Марк глотнул вина. Потом еще. Эбби показалось, вино уже не доставляет ему прежнего удовольствия. И еда тоже.

Десерт они заказывать не стали. Из ресторана оба выходили молчаливыми и подавленными.

Марк вел машину, не обращая внимания на сгущающийся туман и зарядивший дождь. Поскрипывание стеклоочистителей заменяло им разговор.

«Когда такое происходит, люди распадаются. Если человек перестает видеть будущее, он теряет все».

Эбби вглядывалась в туман.

«Похоже, я приближаюсь к этой точке. Я перестаю видеть будущее. Я не знаю, что меня ждет в ближайшее время. И не только меня. Нас».

— Эбби, я хочу тебе кое-что показать, — вдруг сказал Марк. — Мне важно знать твое мнение. Возможно, ты назовешь меня сумасшедшим. Или моя идея тебя всерьез разозлит.

— Какая идея?

— Моя давнишняя мечта.

Они поехали на север от Бостона, через Ревер, Линн и Свомпскотт. Возле гавани Марблхед Марк остановил машину и сказал:

— Она здесь. В конце пирса.

«Она» была яхтой.

Эбби стояла на дощатом причале, дрожа от холода и совершенно не разделяя восторгов Марка. А он мерил пирс шагами, ходя взад-вперед вдоль яхты. В его голосе звучало радостное возбуждение. Он оживленно размахивал руками. И куда только делась усталость?

— Это яхта крейсерского класса. Длина палубы — сорок восемь футов. Полная экипировка. Все, что нам нужно. Новенькие паруса, самое современное навигационное оборудование. На ней почти не плавали. Эта малышка готова перенести нас, куда пожелаем. В Карибский бассейн. В Тихий океан. Эбби, ты только посмотри, какую свободу она нам обещает! — Марк стоял с поднятой рукой, словно салютовал яхте. — Абсолютная свобода! Понимаешь?

Она покачала головой:

— Не понимаю.

— На этой яхте мы умчимся от обыденности. На черта нам сдался Бостон? Что мы забыли в этой клинике? Мы купим яхту — и поминай как звали. Полный вперед!

— Куда?

— Куда угодно.

— Я не хочу плыть куда угодно.

— Нет причин оставаться здесь. Особенно сейчас.

— Есть. Во всяком случае, для меня, — сказала Эбби. — Я не могу сорваться с места и уплыть в неизвестность! Марк, мне осталось три года ординатуры. Я должна закончить ординатуру, иначе я никогда не стану хирургом.

— Посмотри на меня, Эбби. Я уже хирург. Я стал тем, кем ты хочешь стать. Или думаешь, что хочешь. И со своего уровня я тебе говорю: все это не стоит наших усилий.

— Я столько лет училась. Столько лет шла к своей цели. И я не хочу от нее отказываться.

— А как насчет меня?

Эбби смотрела на Марка и понимала: вся эта давнишняя мечта полностью ориентирована на него. Яхта. Бегство на свободу. Мужчина, решивший жениться, вдруг испытал неистовое желание вырваться из дома. Убежать от семейного очага, который собрался строить. Вряд ли он сознавал, что Эбби была просто одним из атрибутов его мечты.

— Я хочу купить эту яхту, — сказал Марк, его глаза лихорадочно блестели. — Я подал заявление на покупку, потому и приехал домой так поздно. Я встречался с брокером.

— Ты подал заявление, ничего мне не сказав? Даже не позвонил?

— Я понимаю, это звучит по-идиотски...

— Разве эта яхта нам по карману? Я по уши в долгах! Мне еще столько лет выплачивать студенческие займы. И ты, зная об этом, покупаешь яхту?

— Можем взять ипотеку. Это все равно что купить второй дом.

— Яхта не дом.

— Все равно это выгодное вложение денег.

— Я бы не согласилась вкладывать свои деньги в яхту.

— А я и не трогаю твои деньги.

Эбби попятилась.

— Ты прав, — тихо сказала она. — Это же вообще не мои деньги.

— Эбби, — застонал Марк. — Эбби, ну что ты...

Снова пошел дождь. Струи ударяли ей по лицу, холодя кожу. Эбби вернулась в машину. Через некоторое время вернулся и Марк. Оба молчали. Единственным звуком был стук дождя по крыше.

— Я аннулирую заявление, — тихо сказал Марк.

— Я хочу совсем не этого.

— А чего ты хочешь?

— Я думала, между нами больше общего. Я имею в виду не деньги. Меня они не заботят. Но мне больно слышать, что ты считаешь их своими деньгами. Неужели у нас так и будет: твои деньги и мои деньги. Может, пригласим адвокатов и составим брачный контракт? Разделим мебель, а потом и детей.

— Ты не понимаешь...

В его голосе прозвучала странная, неожиданная интонация. Нота отчаяния. Марк завел двигатель. Половину обратной дороги они ехали молча. Потом Эбби сказала:

— Пожалуй, нам стоит еще раз серьезно обдумать нашу помолвку. Может, тебе вовсе и не хочется жениться.

— А тебе выходить замуж?

— Не знаю, — вздохнула Эбби. — Уже не знаю.

И это была правда. Она не знала.

ЖЕРТВЫ ТРАГЕДИИ — СЕМЬЯ ИЗ ТРЕХ ЧЕЛОВЕК

Пока семья доктора Алана Хеннесси мирно спала, коварный убийца неторопливо выходил из подвала, направляясь в их спальню. Это был не человек. Он не проник в дом снаружи. Из-за неисправности в системе отопления дом наполнился угарным газом, унесшим жизни тридцатичетырехлетнего Алана, его тридцатитрехлетней жены Гейл и их шестимесячной дочери Линды. Трагедия случилась в новогоднюю ночь. Тела обнаружили на следующий день друзья погибших, приглашенные на праздничный обед.

Эбби перемотала микрофишу, и на экране появились фотографии Хеннесси и его жены. У Алана было мясистое серьезное лицо. Жена улыбалась. Фотографии дочки газета не поместила. Вероятно, в редакции «Глоуб» решили, что все шестимесячные младенцы выглядят одинаково.

Потом она взяла другую микрофишу и прочла о трагедии, случившейся тремя с половиной годами ранее. Нужная Эбби заметка оказалась на первой странице раздела городских новостей.

ТЕЛО ПРОПАВШЕГО ВРАЧА ОБНАРУЖЕНО ВО ВНУТРЕННЕЙ ГАВАНИ

Сегодня было опознано тело, обнаруженное во вторник во внутренней гавани Бостона. Утопленником оказался доктор Лоренс Кунстлер, торакальный хирург одной из городских клиник. Пустую машину доктора Кунстлера нашли на прошлой неделе возле южного въезда на мост Тобин. По мнению полиции, он покончил жизнь самоубийством. Пока никто из возможных свидетелей не откликнулся на просьбу дать показания, расследование обстоятельств дела продолжается...

Эбби подвинула микрофишу и стала рассматривать фотографию Кунстлера. Хирург был запечатлен в сугубо официальной позе, которую дополняли белый халат и стетоскоп в руке. Доктор Кунстлер смотрел прямо в объектив аппарата.

А сейчас — прямо на нее, Эбби Ди Маттео.

«Зачем вы это сделали, доктор Кунстлер? Почему вы прыгнули?» — недоумевала Эбби.

К этим мыслям потом примешалась еще одна, которую она не смогла подавить: «И по своей ли воле вы прыгнули с моста?»

Отстранение от дежурств и обходов имело свои преимущества. Эбби могла хоть целый день не появляться в Бейсайде, никто и не заметит. Никто ее не хватится. Выходя из Бостонской публичной библиотеки в сутолоку площади Копли-сквер, Эбби одновременно ощущала пустоту и облегчение, что ей не надо со всех ног нестись в клинику. Свое время она может тратить как угодно. Этот день — в ее распоряжении.

Эбби решила навестить Элейн.

Несколько дней подряд она пыталась узнать ее новый номер. Мэрили Арчер и жены других врачей-трансплантологов даже не знали, что у Элейн изменился номер.

Лица Кунстлера и Хеннесси слишком глубоко врезались ей в память. Болезненно глубоко. В таком состоянии она ехала по шоссе номер девять на запад, в сторону Ньютона. Эбби не слишком хотелось ехать к вдове Аарона, но все эти дни, думая о Кунстлере и Хеннесси, она невольно

думала и об Аароне. Эбби вспоминала день его похорон. Ее удивляло, что никто тогда и словом не обмолвился о двух предыдущих смертях. В любой другой компании, при схожих обстоятельствах, кто-нибудь да вспомнил бы об этих людях. Кто-нибудь обязательно сказал бы: «Вот и еще один. Уже третий». Или: «Почему в Бейсайде трагически погибают врачи?» Или: «Как вы думаете, это печальная особенность клиники?» Но все молчали. Даже Элейн, которая наверняка знала Кунстлера и Хеннесси.

Даже Марк.

«Если он умолчал об этих смертях, о чем еще он умалчивает?»

Подъехав к дому Элейн, Эбби не торопилась выходить. Она сидела, обхватив голову и пытаясь волевым усилием стряхнуть с себя подавленность. Но тягостное состояние не проходило.

«Все разваливается на куски, — думала Эбби. — Моя работа. А теперь я теряю Марка. Самое скверное во всем этом, что я даже не знаю, почему так происходит».

С того самого вечера, когда Эбби упомянула про Кунстлера и Хеннесси, их отношения с Марком разительно изменились. Они по-прежнему жили вместе и спали в одной постели, но общались совершенно механически. В том числе и в сексе. В темноте, с закрытыми глазами. Таким сексом она могла бы заниматься с кем угодно.

Может, Элейн ей что-нибудь расскажет?

Эбби вышла из машины, поднялась на крыльцо. Там лежали две свернутые газеты, принесенные почтальоном. Газеты были недельной давности и успели пожелтеть. Почему Элейн их не взяла?

Эбби нажала кнопку звонка. Когда никто не ответил, она постучала, потом снова стала звонить. Она слышала мелодичное треньканье, а следом наступала тишина. Ни шагов, ни голосов. Пожелтевшие газеты подсказывали ей: здесь что-то случилось.

Передняя дверь была заперта. Эбби спустилась с крыльца, обогнула дом и прошла в сад. Дорожка, выложенная каменными плитами, вилась между изгибами клумб с ухоженными азалиями и гортензиями. Лужайка выглядела свежевыкошенной, живые изгороди — подстриженными, но от патио веяло странной пустотой. Эбби вспомнила: в прошлый раз здесь была садовая мебель. Стол под широким зонтом и стулья. Они исчезли.

Кухонная дверь тоже была заперта, но рядом с патио Эбби обнаружила стеклянную раздвижную дверь. Та оказалась открытой. Эбби отодвинула дверь, вошла и позвала:

— Элейн!

Комната опустела. Мебель, ковры — все исчезло. Даже картины. Эбби ошеломленно смотрела на голые стены, на пол, где на месте ковра темнел прямоугольник (остальная поверхность пола успела выгореть на солнце). Эбби прошла в гостиную. Ее шаги гулко отдавались в пустых комнатах. Дом был чисто убран и совершенно пуст, если не считать нескольких рекламных открыток, валявшихся в почтовом ящике. Открытки не были именными.

Эбби прошла на кухню. Даже холодильник был пуст и вымыт внутри. Его стенки пахли дезинфицирующим средством. Эбби сняла трубку настенного телефона. Гудка не было.

Она вернулась к машине и остановилась, совершенно сбитая с толку. Какие-нибудь две недели назад она была в этом доме. Сидела в гостиной на диване, ела сэндвичи и рассматривала фотографии семьи Леви, украшавшие стену над камином. Сейчас все это казалось ей галлюцинацией.

Оцепенение не проходило. Эбби выехала на дорогу, включила автопилот и почти не обращала внимания на то, где и как едет. Она думала о внезапном отъезде Элейн. Куда сгинула эта женщина? Вряд ли Элейн захотелось коренным образом поменять свою жизнь. Ее отъезд скорее напоминал паническое бегство.

С тяжким чувством Эбби взглянула в зеркало заднего обзора. С прошлой субботы, когда она впервые увидела бордовый фургон, это вошло у нее в привычку.

За нею ехал темно-зеленый «вольво». Эбби стала припоминать, видела ли она эту машину возле дома Элейн. Может, и видела. Она не особенно смотрела по сторонам.

«Вольво» мигал ей фарами.

Эбби прибавила скорость.

Водитель «вольво» сделал то же самое.

Эбби свернула вправо, на главную магистраль. Этот участок дороги изобиловал заправочными станциями и магазинами.

«Свидетели, — думала она. — Целая толпа свидетелей».

Однако настырный «вольво» продолжал ехать за ней, неутомимо мигая фарами.

Хватит! Почему она должна уворачиваться от погони? Сколько можно бояться? Ей надоело трусить. Если кто-то из людей Восса собирается ее атаковать, она сама пойдет в атаку.

Эбби свернула на стоянку крупного торгового центра. Свидетелей и здесь было предостаточно. Покупатели выкатывали тележки. Те, кто еще собирался что-то купить, искали свободные места на стоянке. Здесь они и встретятся лицом к лицу.

Эбби затормозила.

«Вольво» с визгом остановился в нескольких дюймах от ее заднего бампера.

Эбби выскочила наружу, подбежала к «вольво» и сердито забарабанила в окошко водителя.

— Открывайте, черт вас побери! Открывайте!

Водитель опустил стекло. Посмотрел на Эбби, затем снял темные очки.

— Доктор Ди Маттео? — сказал Бернард Кацка. — Я так и думал, что это вы.

— Зачем вы меня преследовали?

— Я видел, как вы отъехали от одного дома.

— Не сейчас. Раньше. Зачем вы ездили за мной по пятам?

— Когда?

— В субботу. На фургоне.

— Я не знаю, о каком фургоне вы говорите, — покачал головой Кацка.

Эбби дала задний ход.

— Ладно, забудем фургон. Не надо больше за мной ездить, договорились?

— Я подавал вам сигналы, прося остановиться. Вы видели, как я мигал фарами?

— Я не знала, что это вы.

— Вы не откажетесь рассказать, что вы делали в доме доктора Леви?

— Хотела навестить Элейн. Я не знала, что она съехала.

— Здесь стоять нельзя. Почему бы вам не проехать на стоянку? Я хочу с вами поговорить. Или вы и сейчас откажетесь отвечать на вопросы?

— Смотря на какие.

— О докторе Леви.

— Вы только о нем будете спрашивать? Только об Аароне?

Кацка кивнул.

Эбби задумалась и решила: вопросы могут быть обоюдными. Даже молчаливый детектив Кацка способен ненароком выдать какую-нибудь нужную ей информацию.

Эбби обвела глазами торговый комплекс.

— Видите закусочную? Можем поговорить там, за чашкой кофе.

Копы и пончики. Два эти слова воскрешали в памяти городские шутки о бостонских полицейских. Каждый коп с внушительным животиком и каждая патрульная машина возле дверей закусочных «Данкин донатс» только подкрепляли их. Однако Бернард Кацка не любил пончики. Он взял лишь чашку черного кофе, да и тот пил без особого удовольствия. Эбби он казался человеком, за которым не только не водится грешков, но и который совершенно равнодушен к радостям жизни. Ничего лишнего и бесполезного.

И первый вопрос, заданный им, был строго по существу:

— Почему вы оказались в этом доме?

— Я же вам сказала: поехала навестить Элейн. Мне хотелось поговорить с ней.

— О чем?

— О личных делах.

— У меня сложилось впечатление, что вы были едва знакомы.

— Это она вам так сказала? — спросила Эбби.

— Вы согласны с такой характеристикой ваших отношений? — спросил Кацка, не отвечая на ее вопрос.

Эбби шумно выдохнула:

— Думаю, что да. Мы были знакомы через Аарона. Вот так.

— Тогда почему вы решили ее навестить?

Теперь Эбби медленно втягивала воздух, мысленно оценивая себя со стороны. Она нервничает. Это заметно. А у такого человека, как Кацка, ее нервозность вызывает подозрение.

— В последнее время со мной происходили странные события. О них я и хотела поговорить с Элейн.

— Какие события?

— В минувшую субботу кто-то меня преследовал. За мной ехал бордовый фургон. Я его заметила на мосту Тобин. И потом снова, когда ехала домой.

— Что-нибудь еще?

— А вы считаете, этого мало, чтобы выбить человека из колеи? — спросила Эбби, в упор глядя на детектива. — Мне стало страшно.

Кацка молча разглядывал ее, словно пытался понять, настоящий ли страх написан на ее лице.

— Какое отношение тот фургон имеет к миссис Леви?

— Это ведь вы заставили меня задуматься о смерти Аарона. Вы усомнились, была ли его смерть самоубийством. Потом я узнала о смерти еще двух бейсайдских врачей.

Кацка нахмурился. Вероятно, он слышал об этом впервые.

— Шесть с половиной лет назад погиб некий доктор Лоренс Кунстлер. Он был торакальным хирургом. Спрыгнул с моста Тобин.

Кацка молчал, но Эбби заметила, как он чуть-чуть подался вперед.

— А три года назад погиб анестезиолог Алан Хеннесси. Отравление угарным газом. В газете его смерть назвали несчастным случаем. Дефект отопительной системы.

— К сожалению, такие смерти бывают каждую зиму.

— И вот совсем недавно… Аарон. Трое врачей. Все они работали в команде трансплантологов. Вам не кажется, что это уж слишком странное совпадение?

— К чему вы клоните? Вы считаете, что у команды трансплантологов есть тайный враг или враги? И эти враги периодически убивают врачей?

— Я просто обращаю внимание на странное стечение обстоятельств. Вы — полицейский. У вас принято проверять все версии. Думаю, стоит проверить и эту.

Кацка откинулся на спинку стула:

— Но как вы оказались в этой гуще?

— Друг, с которым я живу, тоже из команды трансплантологов. Марк хоть и не признаётся, но я чувствую его настороженность. Думаю, что вся команда обеспокоена. Каждый задает себе вопрос: кто следующий? Но они никогда не говорят об этом. Пассажиры, ожидающие посадки на самолет, тоже ведь не говорят об авиакатастрофах.

— То есть вы тревожитесь за вашего друга?

— Да, — ответила Эбби.

Это была лишь часть правды. На самом деле Эбби стремилась вернуть Марка. Вернуть прежнего Марка. Она не понимала, что произошло между ними, но чувствовала: их отношения разваливаются. И все началось с того вечера, когда она заговорила о Кунстлере и Хеннесси. Естественно, эти мысли Эбби оставила при себе. В них не было логики. Только чувства. Интуиция. А Кацка предпочитал более осязаемые вещи.

Сейчас он явно ждал от нее еще каких-то слов. Эбби молчала. Тогда он спросил:

— Может, вы хотите еще что-то мне рассказать? Подумайте.

«Он намекает на Мэри Аллен», — пронеслось в мозгу Эбби.

Ее охватил ужас. Глядя на этого человека, она испытывала почти неодолимое желание открыть ему все. Здесь и сейчас. Но ужас прошел. Эбби медленно отвела глаза и ответила вопросом:

— А зачем вы следили за домом Элейн? Вы ведь слежкой занимались?

— Я разговаривал с женщиной из соседнего дома, а когда вышел, увидел вашу машину. Вы как раз отъезжали.

— Вы опрашиваете соседей Элейн?

— Обычная практика.

— Сомневаюсь.

Вопреки своему желанию, Эбби посмотрела на Кацку. Его серые глаза оставались непроницаемыми. Ни подтверждения, ни намека.

— Почему вы до сих пор расследуете самоубийство?

— Вдова самоубийцы спешно собирает вещи и уезжает в неизвестном направлении. Никто из соседей не знает, куда она уехала. Согласитесь, это по крайней мере необычно.

— Вы же не хотите сказать, что Элейн двигало чувство вины или что-то в этом роде?

— Нет. Думаю, она испугалась.

— Чего?

— Может, вы мне подскажете, доктор Ди Маттео?

Эбби хотела снова отвести глаза, но не смогла. Взгляд Кацки не был ни требовательным, ни угрожающим. Детектив смотрел спокойно и внимательно. И уж чего она никак не ожидала, так это вспыхнувшего и тут же погасшего влечения к нему. Эбби не представляла, почему из всех мужчин, окружавших ее, она отреагировала только на этого копа.

— Нет, — сказала она. — Я сама не понимаю, почему Элейн… убежала.

— Тогда, быть может, я с вашей помощью сумею прояснить другой вопрос?

— Какой?

— Как Аарон нажил свое богатство?

— Насколько мне известно, он вовсе не был богат, — покачала головой Эбби. — Кардиолог зарабатывает самое большее тысяч двести в год. Немалая часть его заработков шла на образование сыновей. Они оба учатся в колледже.

— Может, деньги перешли к нему от семьи?

— Вы имеете в виду наследство? — Эбби пожала плечами. — Я слышала, что отец Аарона был мастером по ремонту бытовой техники.

Кацка задумался. Теперь он смотрел не на Эбби, а в свою кофейную чашку. Он умел сосредотачиваться, забывая об окружающем мире. Мог оборвать разговор на полуслове и погрузиться в свои глубины. Эбби испытала еще одно странное чувство. Ей не понравилось, что ее оставили без внимания.

— Скажите, детектив, о какой сумме идет речь?

— О трех миллионах долларов.

Эбби ошеломленно заморгала.

— После исчезновения миссис Леви я счел необходимым более детально познакомиться с финансовым положением этой семьи. Я обратился к их бухгалтеру, и тот мне рассказал интересную вещь. Вскоре после смерти мужа Элейн обнаружила, что у него был счет в банке, зарегистрированном на Каймановых островах. Миссис Леви ничего не знала об этом счете. Она спросила бухгалтера, каким образом получить доступ к счету. И вдруг исчезла из города.

— Я понятия не имею, откуда у Аарона такая громадная сумма, — сказала Эбби.

— Вот и его бухгалтер не знает.

Они замолчали. Эбби потянулась к своей чашке. Кофе остыл. Ей вдруг стало холодно.

— Вы знаете, где сейчас может находиться Элейн? — тихо спросила Эбби.

— Предполагаем.

— А мне можете сказать?

Кацка покачал головой:

— В настоящий момент, доктор Ди Маттео, она вряд ли хочет, чтобы ее нашли.

Три миллиона долларов. Как Аарон Леви мог скопить три миллиона долларов?

Этот вопрос занимал Эбби весь обратный путь. Она не представляла, на чем может заработать такие деньги обычный кардиолог, пусть даже уровня доктора Леви. Ему ведь приходилось оплачивать частные университеты, где учились сыновья. Плюс траты жены, обожавшей дорогие антикварные вещицы. И почему он скрывал свое богатство? Эбби мало что знала о банках Каймановых островов. Слышала лишь, что там хранят деньги те, кто не хочет светиться перед службой внутренних доходов. Но почему о миллионах Аарона жена узнала только после его смерти? Эбби представляла, какой шок испытала Элейн, разбирая бумаги покойного мужа. Три миллиона долларов. Целое состояние. Почему Аарон скрывал эти деньги от семьи?

Три миллиона долларов.

Эбби подъехала к дому. Оглянулась по сторонам, нет ли поблизости бордового фургона. Это действительно вошло у нее в привычку.

Открыв дверь, она на автомате переступила через груду дневной почты. В основном профессиональные журналы. Вполне нормально, когда в доме два врача. Эбби собрала их все и понесла в кухню, где взялась раскладывать на две стопки. Их профессиональные интересы все же различались. Вначале Эбби рассортировала медицинскую рекламу. Затем настал черед собственно журналов. Все как обычно. Раскрывать что-либо и читать ей не хотелось.

Четыре часа. Эбби решила приготовить романтический ужин с вином и свечами. Почему бы нет? Она вела праздный образ жизни. Пока Бейсайд неторопливо решает ее профессиональное будущее, она попытается наладить отношения с Марком. Романтические ужины и женское внимание безотказно действуют на любого мужчину. Возможно, она потеряет работу, зато сохранит его.

«Что с тобой, Ди Маттео? Ты никак потихоньку ставишь крест на своей карьере?»

Подхватив свою стопку рекламных брошюр, Эбби поднесла их к мусорному ведру и нажала педаль. Крышка откинулась. Пока листовки и буклеты летели вниз, она заметила на самом дне бака большой

коричневый конверт. Ее внимание привлекло слово «яхты», напечатанное крупными буквами в верхнем левом углу, где обычно стоял обратный адрес. Эбби достала конверт из бака, стряхнув кофейную гущу и яичную скорлупу.

Она прочла адрес целиком:

«Восточный ветер»

Яхты

Продажа и обслуживание

Гавань Марблхед

Письмо было адресовано Марку, но не на их домашний адрес, а на какой-то абонементный ящик.

Эбби еще раз перечитала обратный адрес: «Восточный ветер»... Яхты... Продажа и обслуживание.

Она прошла в гостиную, где стоял письменный стол Марка. Верхний ящик, где хранились его бумаги, был заперт, но Эбби знала, что ключ Марк держит в стаканчике с карандашами. Достав ключ, она отперла ящик.

Там в общей папке-регистраторе лежали различные документы, связанные с домом: договоры страхования, банковские бумаги, бумаги на машину. Эбби нашла ярлычок с надписью «Яхта». Раскрыв его, увидела папку с документацией на «Мое пристанище», модель J-35. Под этой папкой оказалась вторая, совсем новенькая. На ней значилось Н-48.

Эбби раскрыла новенькую папку. Внутри лежал договор с фирмой «Восточный ветер», у которой Марк приобретал яхту модели Н-48. Яхту знаменитой компании «Хинкли». Цифры означали длину палубы. Сорок восемь футов.

Эбби тяжело опустилась на стул. Ей стало нехорошо.

«Ты скрыл это от меня, — думала она. — Мне ты сказал, что отказываешься от покупки, а сам купил себе новую игрушку. В конце концов, это твои деньги, и покупка новой яхты лишь подтверждает твою позицию».

Ее взгляд скользнул в нижнюю часть листа, где оговаривались условия продажи.

Еще через несколько минут Эбби покинула дом.

— Торговля органами. Такое возможно?

Доктор Иван Тарасов перестал мешать сливки в чашке и поднял глаза на Вивьен.

— У вас есть хоть какие-то доказательства?

— Пока нет. Мы просто спрашиваем у вас, возможно ли такое. Если да, то как осуществляется эта... сделка?

Доктор Тарасов отхлебнул кофе и задумался. Часы показывали без четверти пять. В комнате отдыха хирургов Массачусетской клинической больницы было тихо, если не считать ординаторов, иногда проходящих в соседнюю раздевалку. Сам Тарасов всего двадцать минут назад вышел из операционной. На его пальцах еще оставались следы талька от хирургических перчаток, а на шее болталась маска. Рядом с этим человеком, чем-то напоминавшим деда, Эбби было очень уютно. Добрые синие глаза. Седые волосы. Тихий голос.

«Голос высшей власти принадлежит тому, кому незачем его повышать», — подумала Эбби.

— Естественно, ходят разные слухи, — сказал Тарасов. — Когда какой-нибудь знаменитости делают пересадку органа, сразу начинаются домыслы, не за денежки ли этот орган куплен. Но о доказанных случаях продажи я не слышал. Только подозрения.

— А какие слухи вам известны?

— Якобы кто-то купил более приоритетное место в списке очередников. Я лично с подобными случаями не сталкивался.

— Я сталкивалась, — выпалила Эбби.

— Когда? — удивился Тарасов.

— Две недели назад. Я говорю о Нине Восс, жене Виктора Восса. Она была третьей в списке очередников, но донорское сердце досталось ей. Те двое, что стояли впереди, вскоре умерли.

— ОСПО этого не допустила бы. И БОНА тоже. У них строгие правила.

— БОНА не знал об этом. В их базе данных даже нет сведений о доноре.

— Мне с трудом верится, — покачал головой Тарасов. — Если донорское сердце не прошло через ОСПО или БОНА, откуда оно поступило?

— Мы думаем, Восс заплатил, чтобы данные об этом сердце не заносили в базу данных. Так оно беспрепятственно досталось его жене, — сказала Вивьен.

— Пока нам известно немногое, — подхватила Эбби. — За несколько часов до операции миссис Восс бейсайдскому координатору по трансплантациям позвонили из больницы имени Уилкокса в Берлингтоне и сообщили, что у них есть донор. Сердце изъяли и самолетом доставили в Бостон. К нам в операционную его привезли около часа ночи. Курьером был некий доктор Мейпс. Он же привез документы на донора, но потом они странным образом пропали. С тех пор их никто не видел. Я заглядывала в справочник «Специалисты в области медицины». Там нет хирургов с такой фамилией.

— Тогда кто был... жнецом?

— Мы полагаем, что сердце изымал хирург Тим Николс. Такой человек в справочнике есть. В его послужном списке указано, что он несколько лет стажировался в МКБ. Вы его помните?

— Николс, — повторил Тарасов и покачал головой. — Когда он здесь стажировался?

— Девятнадцать лет назад.

— Надо бы заглянуть в архивы ординатуры.

— Мы считаем, тогда донорское сердце купили, — сказала Вивьен. — Миссис Восс нуждалась в пересадке, у ее мужа были деньги, чтобы купить ей сердце. Каким-то образом об этом стало известно за пределами Бейсайда. Слово за слово и все такое. В тот момент у Тима Николса появился донор, и Николс направил донорское сердце прямиком в Бейсайд, минуя базу данных БОНА. За это заплатили разным людям, включая и кого-то из персонала Бейсайда.

Чувствовалось, Тарасов шокирован услышанным.

— Такое вполне возможно, — сказал он. — Вы правы. Это вполне могло произойти.

Дверь комнаты открылась. Вошли двое ординаторов. Смеясь, они направились к кофейному агрегату. Эти парни долго наливали кофе, еще дольше обсуждали, сколько ложек сахара и сливок должно быть в чашке. Наконец они забрали чашки и ушли.

Тарасов все еще был ошеломлен.

— Я ведь сам направляю пациентов в Бейсайд. Мы сейчас говорим об одном из лучших в стране центров трансплантации. Почему персонал решился идти в обход регистрации донорских органов? Неужели им нужны проблемы с БОНА и ОСПО?

— Ответ очевиден. Кому-то нужны деньги, — отрезала Вивьен.

И снова пришлось сделать паузу. В комнату вошел хирург. Его зеленый костюм пропотел насквозь. Чувствовалось, этот человек очень устал. Он плюхнулся на первый попавшийся стул и закрыл глаза.

— Мы просим вас проверить данные по ординатуре Тима Николса, — сказала Тарасову Эбби. — Пожалуйста, найдите сведения о нем. Мы хотим знать, действительно ли он стажировался здесь. Или его послужной список — чистой воды фальшивка.

— Я ему сам позвоню. Спрошу напрямую.

— Не делайте этого. Мы не знаем, как далеко простирается сеть торговцев органами.

— Доктор Ди Маттео, я не люблю осторожничать. Если у нас под носом действует сеть подпольной торговли донорскими органами, я хочу о ней знать.

— Мы тоже хотим. Но мы должны быть очень осторожны.

Эбби покосилась на задремавшего хирурга и понизила голос до шепота:

— Доктор Тарасов, за последние шесть лет умерло трое врачей Бейсайда. Два самоубийства и один несчастный случай. Все они работали в команде трансплантологов.

По выражению ужаса на лице хирурга Эбби поняла: ее предупреждение произвело желаемое действие.

— Вы никак пытаетесь меня напугать? — спросил Тарасов.

Эбби кивнула:

— Такие вещи одинаково страшны и для вас, и для всех нас.

Эбби и Вивьен стояли под серым бостонским небом, откуда на них лил холодный дождь. Они приехали в МКБ каждая на своей машине. Еще немного, и они разъедутся в разные стороны. Дни стали совсем короткими. Пять часов, а уже темнеет. Дрожа от холода, Эбби плотнее закуталась в плащ. На всякий случай оглядела стоянку. Бордового фургона не было.

— У нас пока мало данных, — сказала Вивьен. — Мы не можем инициировать расследование. Если сделаем это, Виктор Восс легко заметет следы.

— Нина Восс была не первой, кому пересадили купленный орган. Думаю, в Бейсайде это началось не вчера. Аарон умер, оставив на счету три миллиона долларов. Полагаю, эту сумму составили взятки, которые он получал в течение определенного времени.

— А потом ему стало страшно? Или совесть загрызла?

— Я только знаю, что он хотел уйти из Бейсайда. Мечтал убраться из Бостона. Наверное, ему этого не позволили.

— Тогда можно предположить, что смерти Кунстлера и Хеннесси имели ту же подоплеку.

Эбби выдохнула удерживаемый воздух. Снова оглянулась, ища глазами фургон.

— Я почти уверена, что так оно и было.

— Нам нужны новые имена. Данные по другим пересадкам. И побольше информации о донорах.

— Вся информация о донорах хранится в кабинете трансплантационного координатора. Мне бы пришлось туда пробраться и выкрасть бумаги... если они там. Помнишь, как исчезли данные о доноре Нины Восс?

— Хорошо, можно попробовать зайти с другой стороны. Со стороны реципиентов.

— Архив клиники?

Вивьен кивнула:

— Поищем имена тех, кто стоял в очереди на пересадку. Важно, какое место в очереди они занимали на момент операции.

— Нам понадобится помощь БОНА.

— Конечно. Но вначале нужно узнать имена и даты.

— Это я сделаю, — сказала Эбби.

— Я бы тебе помогла, но меня в клинике и на порог не пускают. Я для них самый страшный кошмар.

— Мы обе.

Вивьен улыбнулась, словно этим можно было гордиться. В своем громадном плаще она сейчас казалась совсем маленькой. Почти ребенком. Такая хрупкая союзница. Но стоило увидеть ее глаза, и хрупкость облика отходила на задний план. Взгляд китаянки был решительным и бескомпромиссным. Вивьен за свою жизнь успела много чего повидать.

— Хотела тебя спросить насчет Марка. Я не поняла, почему мы должны держать от него в секрете наши поиски?

Эбби тяжело вздохнула. Один этот вздох уже был достаточно красноречив.

— Я думаю, что он часть этой сети.

Каждое слово давалось ей с болью и мукой.

— Марк? — удивилась Вивьен.

Эбби кивнула. Она смотрела на серое небо, подставив лицо дождю.

— Он хочет уйти из Бейсайда. Говорил о желании уплыть на яхте далеко-далеко. Убежать. Совсем как Аарон перед смертью.

— Думаешь, Марк тоже получал взятки?

— Несколько дней назад он купил парусную лодку. Не просто лодку. Яхту.

— Так он всегда сходил с ума по парусным судам.

— Только эта яхта стоит полмиллиона долларов.

Вивьен молчала.

— И что самое жуткое — он заплатил наличными, — прошептала Эбби.

Архив клиники помещался в подвальном этаже и соседствовал с прозекторской и моргом. Это место было хорошо знакомо каждому врачу Бейсайда. Здесь они расписывались в карточках пациентов, окончивших лечение, здесь же готовили документы на выписку. Сюда стекались результаты анализов. Здесь на диктофон записывались устные распоряжения. В помещении стояли удобные столы и стулья, а поскольку рабочее время врачей могло длиться сутками, архив был открыт с раннего утра до девяти вечера.

Эбби появилась там в шесть вечера. Ее не удивили пустые столы: обеденное время. Только в углу сидел измотанный интерн. Его стол был завален листами с графиками и таблицами.

Чувствуя, как гулко бьется сердце, Эбби подошла к столу дежурного архивариуса.

— Добрый вечер, — улыбнулась она. — По поручению доктора Уэттига я собираю статистику по пациентам, которым пересаживали сердце. Вы бы могли сделать на компьютере выборку из базы данных? Имена и регистрационные номера всех пациентов за последние два года.

— Такие выборки мы делаем по письменному запросу отделения.

— Сейчас уже все ушли домой. Можно, я принесу вам запрос… задним числом? Мне бы хотелось к утру все сделать, а то… вы же знаете Генерала.

Архивариус рассмеялась. Да, она очень хорошо знала требовательного Генерала. Открыв окно поиска, она выстучала: «пересадка сердца». Затем задала годы поиска и нажала клавишу ввода.

Один за одним на экране стали появляться имена и регистрационные номера пациентов. Эбби завороженно смотрела на экран компьютера. Архивариус нажала кнопку «Печать». Через несколько секунд из щели принтера выполз лист со списком. Женщина подала список Эбби.

Двадцать девять имен. Последней в списке была Нина Восс.

— Вы можете принести мне материалы по первым десяти пациентам? — спросила Эбби. — Я бы тогда сразу взялась за работу.

Архивариус ушла в хранилище и вернулась с двумя увесистыми папками.

— Вот вам первые. Сейчас принесу остальные.

Папки с грохотом легли на стол. История болезни каждого пациента, которому пересаживали сердце, обрастала кучей документации, и эти

двое не были исключением. Эбби открыла первую папку. Как всегда, титульный лист содержал сведения о пациенте.

Пациента звали Джералд Люрей. Возраст — пятьдесят четыре года. Источник оплаты — частное медицинское страхование. Жил пациент в Вустере, штат Массачусетс. Эбби не знала, насколько достоверны эти сведения, но перенесла все в блокнот с желтыми листами. Она записала дату и время операции, а также имена и фамилии врачей, участвовавших в пересадке: Аарон Леви, Билл Арчер, Фрэнк Цвик, Раджив Мохандас. И Марк. Информации о доноре не было, что не удивило Эбби. Донорская информация всегда хранилась отдельно. Но среди заметок, оставленных медсестрами, нашлась и такая: «0830 — Сообщили, что жатва завершена. Донорское сердце отправлено из Норуолка, Коннектикут. Пациент доставлен в операционную для...»

Эбби записала и эти сведения.

Вскоре архивариус подвезла на тележке еще пять историй болезни и отправилась за остальными.

Эбби работала, забыв о времени. Она ничего не ела и не делала перерывов. Только позвонила Марку предупредить, что домой вернется поздно.

К моменту закрытия архива ее шатало от голода.

По пути домой Эбби заехала в «Макдоналдс», где взяла бигмак, громадную порцию жареной картошки и ванильный коктейль. Ее мозгам был очень нужен холестерол. Она нашла закуток в углу, села и стала есть, одновременно разглядывая посетителей. В такое время сюда заходили перекусить после кино. Парочками сидели подростки. Были здесь и понурого вида холостяки. На Эбби никто не обращал внимания. Она доела картошку и ушла.

Прежде чем завести мотор, Эбби оглядела стоянку. Фургона не было.

Домой она вернулась в четверть одиннадцатого. Марк уже лег, погасив в доме весь свет. Эбби даже обрадовалась: не придется отвечать на вопросы. Быстро раздевшись, она тоже легла, но не прижалась к спящему Марку. Она почти боялась до него дотрагиваться.

Когда Марк вдруг проснулся и потянулся к ней, Эбби одеревенела.

— Я весь вечер по тебе скучал, — прошептал он.

Развернув Эбби к себе, Марк наградил ее долгим многообещающим поцелуем. Он гладил ей талию, потом бедра. Эбби лежала как манекен,

не способный ни ответить, ни воспротивиться. Она не открывала глаз. В висках стучало. Марк обнял ее, потом вошел в нее.

«С кем я занимаюсь любовью?» — думала Эбби, сотрясаясь от его толчков.

Его бедра неистово ударяли по ее бедрам.

Потом все кончилось.

— Я люблю тебя, — прошептал Марк.

И только когда он уже видел седьмой сон, Эбби прошептала ответ:

— Я тоже тебя люблю.

Утром, без двадцати восемь, Эбби снова вошла в архив. Несколько врачей шуршали бумагами, готовясь к первому обходу. Эбби запросила еще пять историй болезни. Быстро переписав нужные сведения, она вернула папки архивариусу и ушла.

Полдня она провела в медицинской библиотеке, подбирая статьи для доктора Уэттига. В архив она вернулась лишь после обеда.

Она заказала еще десять историй.

Вивьен расправилась с последним ломтем пиццы. Четвертым по счету. Для Эбби оставалось полной загадкой, куда все это вмещается. Не иначе как в хрупком, почти детском теле китаянки пряталась мощная печь, сжигающая калории. Они уже достаточно долго сидели в закусочной Джанелли, но Эбби смогла проглотить лишь несколько кусочков, и те через силу.

— Значит, Марк до сих пор не знает? — спросила Вивьен, вытирая губы бумажной салфеткой.

— Я пока молчу. Просто боюсь ему рассказывать.

— Как ты выдерживаешь? Живете в одном доме и не разговариваете.

— Мы разговариваем на другие темы. А эту я не трогаю.

Эбби постучала по блокноту с записями. Блокнот она повсюду носила с собой, а дома старалась класть туда, где Марк не нашел бы. Вчера, вернувшись из «Макдоналдса», она спрятала его под диван. Она сама удивлялась, как незаметно привыкла что-то недоговаривать и прятать от Марка. Надолго ли ее хватит?

— Эбби, тебе все равно придется поговорить с ним.

— Только не сейчас. Пока мы не узнаем что-то конкретное, я буду молчать.

— Ты никак боишься Марка?

— Я боюсь, что он станет все отрицать. А я не смогу понять, говорит он правду или врет. — Она устало провела по волосам. — Боже, как все изменилось. Я всегда считала, что твердо стою на ногах. Если мне чего-то хотелось, я работала как проклятая. И вдруг — полная растерянность. Что делать? В каком направлении двигаться? Я не знаю. Все, на что я раньше могла рассчитывать, оказалось ненадежным.

— В том числе и Марк?

— Особенно Марк, — призналась Эбби, растирая себе щеку.

— Эбби, ты жутко выглядишь.

— Ничего удивительного. Я скверно сплю. Мысли, мысли. Не только о Марке. Вся эта история с Мэри Аллен. Я так и жду, что ко мне явится детектив Кацка, позвякивая наручниками.

— Думаешь, он тебя подозревает?

— Думаю, ему хватает ума не считать меня убийцей Мэри.

— Он ведь тебя больше не тревожит своими визитами. Возможно, просто спустит это дело на тормозах. Мне кажется, ты внушаешь ему доверие.

Эбби вспомнились спокойные серые глаза Бернарда Кацки.

— Он не тот человек, у которого все на лице написано. Кацка не только умен. Он настойчив. Я его побаиваюсь, и в то же время он как-то странно меня притягивает.

— Интересно, — улыбнулась Вивьен. — Добыча, заинтригованная охотником.

— Иногда мне хочется позвонить Кацке и выплеснуть все. Все, что знаю, о чем догадываюсь, что предполагаю. — Эбби уронила голову. — Я очень устала. Мне бы вырваться отсюда. Я бы целую неделю отсыпалась.

— Может, стоит съехать от Марка? У меня есть гостевая комната. Бабушка на днях уезжает.

— Я думала, она приехала к тебе насовсем.

— Нет. Она попеременно гостит у всех своих внуков. В Конкорде живет моя двоюродная сестра. Сейчас она морально подготавливается к бабушкиному визиту.

Эбби покачала головой:

— Я не знаю, что мне делать. Понимаешь, я люблю Марка. Я ему не доверяю, но по-прежнему люблю. И в то же время понимаю: то, что мы затеяли, может его разрушить.

— Зато спасти его жизнь.

Эбби печально посмотрела на Вивьен:

— Я спасаю его жизнь и одновременно ломаю его карьеру. Вряд ли он горячо меня поблагодарит.

— Аарон бы тебя поблагодарил. И Кунстлер тоже. И жена Хеннесси вместе с ребенком.

Эбби молчала.

— Насколько ты уверена, что Марк причастен к торговле органами?

— Я совсем не уверена, и от этого мне еще труднее. Я хочу ему верить, но у меня нет никаких доказательств его причастности или непричастности. — Она перелистала желтые страницы блокнота. — Я просмотрела двадцать пять историй. Все они связаны с пересадкой сердца. Некоторые операции проводились два года назад. Имя Марка упоминается везде.

— Но там же стоят имена Аарона и Арчера. Сами по себе имена ни о чем не говорят. Что еще ты сумела узнать?

— Все истории болезни достаточно схожи. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

— А как насчет доноров?

— Вот тут уже становится чуточку интереснее. — Эбби оглянулась по сторонам, потом наклонилась к Вивьен. — Не во всех историях упомянут город, откуда привозили донорское сердце. Но кое-где есть. Оказалось, что четыре сердца привезли из Берлингтона.

— Из больницы имени Уилкокса?

— Этого я не знаю. Медсестры не пишут, в какой клинике изымали сердце. И вот что интересно: Берлингтон — город небольшой, но почему-то богатый на пострадавших, у которых была зафиксирована смерть мозга.

Обе ошеломленно переглянулись.

— Тут что-то уж очень странное, — пробормотала Вивьен. — Мы ведь с тобой строили версии о подпольной сети торговцев органами. Органы были, но сведения о донорах нигде не регистрировались. Но все это никак не объясняет сразу нескольких доноров из одного города. Если только...

— Если только речь не идет о производстве доноров.

«Берлингтон — университетский город, — подумала Эбби. — Там полным-полно молодых здоровых студентов с молодыми здоровыми сердцами».

— Можешь назвать мне даты по четырем берлингтонским жатвам? — попросила Вивьен.

— Могу. А тебе зачем?

— Проверю их по некрологам в берлингтонских газетах. Узнаю, чьи смерти пришлись на эти даты. Возможно, таким образом мы сумеем установить имена четверых доноров и узнать, в результате чего у них зафиксировали смерть мозга.

— Не во всех некрологах указывается причина смерти.

— Тогда придется взглянуть на их свидетельства о смерти. Кому-то из нас предстоит увлекательная поездка в Берлингтон. Полагаю, что мне. Место, где я давно мечтала побывать... в кошмарных снах.

Голос Вивьен звучал почти весело. Знакомая бравада женщины-воина. Мысленно она уже съездила туда. Однако сейчас Эбби улавливала в ее голосе тщательно скрываемое волнение.

— Ты действительно хочешь это раскапывать? — спросила Эбби.

— Если мы бросим то, что начали, Виктор Восс победит. А проигравшими окажутся такие, как Джош О’Дей.

Вивьен помолчала, потом тихо спросила:

— Эбби, неужели ты готова отступиться?

Эбби снова спрятала лицо в ладонях:

— Уже не могу, даже если бы и хотела.

Машина Марка стояла в проезде.

Эбби припарковала свою рядом и выключила двигатель. Она долго сидела в салоне, набираясь сил, чтобы войти в дом. Чтобы увидеть Марка.

Наконец Эбби все-таки вышла из машины и поднялась по ступенькам крыльца.

Марк в гостиной смотрел вечерний выпуск новостей. Услышав ее шаги, он выключил телевизор.

— Как дела у Вивьен?

— Хорошо. Встает на ноги. Покупает частную практику в Уэйкфилде.

Эбби повесила плащ.

— А как прошел твой день? — спросила она.

— Возились с расслоением аорты. Давно не видел столько крови. Я думал, пациент затопит нам всю операционную. Только в восьмом часу закончили.

— Надеюсь, успешно?

— Нет. Умер на столе.

— Какой ужас. Я тебе очень сочувствую. — Эбби закрыла дверцу шкафа. — Что-то я сегодня устала. Пойду приму ванну.

— Эбби!

Их разделяло пространство гостиной. Но незримая пропасть между ними растянулась на целые мили.

— Что с тобой? — спросил Марк. — Что-то случилось?

— Ты и сам знаешь что. Это называется неопределенностью с работой.

— Я говорю не о работе. О нас с тобой. В наших отношениях какой-то сбой.

Эбби молчала.

— Я тебя почти не вижу. Ты целыми днями пропадаешь у Вивьен. А когда возвращаешься, тебя как будто нет.

— Ты понимаешь, что меня тревожит мое профессиональное будущее?

Марк привалился к спинке дивана. Он изменился в лице. Перед нею сидел сильно уставший человек.

— Эбби, я должен знать правду. Ты встречаешься с кем-то другим?

Меньше всего она ожидала услышать от Марка упрек в измене. Эбби чуть не засмеялась столь заурядным подозрениям.

«Если бы все было так просто! Если бы наши проблемы походили на проблемы других пар».

— Ни с кем я не встречаюсь, — сказала она. — Можешь мне верить.

— Тогда почему ты перестала со мной разговаривать?

— А разве сейчас мы с тобой не разговариваем?

— Это не разговор! Это мои попытки вернуть прежнюю Эбби. Я не заметил, где и как ее потерял. Я тебя потерял. — Марк тряхнул головой и отвернулся. — Я хочу увидеть прежнюю Эбби.

Эбби села на диван. Не рядом с ним. Поодаль. Она не могла себя заставить придвинуться к нему и положить голову на плечо.

— Эбби, поговори со мной. Пожалуйста.

И вдруг она увидела прежнего Марка. То полузабытое его лицо, улыбавшееся ей в операционной. Лицо, которое она любила.

— Пожалуйста, — тихо повторил он.

Марк взял ее за руку. Эбби не вырвалась. Она позволила себя обнять. Когда-то ей было очень спокойно и надежно в объятиях Марка. Сейчас

напряжение не отпускало ее. Эбби лежала, прижавшись к его груди и ощущая себя куском дерева. Ей было ни расслабиться, ни успокоиться.

— Ну расскажи мне, — просил Марк. — Что между нами не так?

Эбби закрыла глаза. Больше всего она сейчас боялась заплакать.

— Все нормально между нами, — сказала она.

Его руки замерли. Эбби не поднимала глаз, не смотрела ему в лицо. Она снова ему врала, и он это знал.

На следующее утро в половине восьмого Эбби вырулила на стоянку клиники Бейсайд.

Она не торопилась выходить и разглядывала мокрые тротуары. Как и все последние дни, моросил нескончаемый дождь. Как резко изменилась погода. Только середина октября, а во всей этой мерзостной слякоти почему-то ощущается скорое наступление зимы. Минувшей ночью Эбби опять плохо спала. Она уже не помнила, что такое крепкий и спокойный сон. Сколько человек может прожить без сна? Когда постоянная усталость перейдет в психоз? Глядя в зеркало заднего обзора, Эбби едва узнавала в осунувшейся женщине себя. За две недели она постарела лет на десять. Если и дальше так пойдет, к ноябрю у нее наступит менопауза.

В зеркале мелькнуло что-то бордовое. Эбби резко повернулась и увидела фургон, скрывшийся за соседним рядом машин. Она ждала, когда он появится снова, но он так и не появился.

Эбби быстро вылезла и пошла к дверям клиники. Портфель в руке казался ей якорем, тянувшим вниз. Где-то справа зафыркал автомобильный мотор. Эбби дернулась, ожидая увидеть фургон. Но это была совсем другая машина, водитель которой выезжал со стоянки.

Сердце бешено колотилось и успокоилось только в вестибюле клиники. Она спустилась по лестнице в подвальный этаж и направилась в архив. Это ее последний визит сюда. Осталось просмотреть еще четыре истории болезни.

Эбби быстро заполнила бланк запроса и подошла к столу архивариуса.

— Я могу получить эти истории болезни? — спросила она, подавая бланк.

Архивариус подняла голову. Возможно, Эбби только показалось, но женщина буквально застыла. Они встречались не первый раз, и

архивариус всегда держалась приветливо. Сегодня она даже не улыбнулась.

— Мне нужны эти четыре истории болезни, — повторила Эбби.

Архивариус едва взглянула на бланк.

— Прощу прощения, доктор Ди Маттео, но я не могу их принести.

— Почему?

— Они недоступны.

— Но вы даже не проверили их наличие.

— Мне сказали, чтобы больше я не давала вам никаких материалов. Это распоряжение доктора Уэттига. И еще он просил вас немедленно зайти к нему.

Эбби побледнела и ничего не сказала.

— Он вообще не поручал вам сбор статистических данных, — с явным упреком добавила архивариус.

«Вы нам солгали, доктор Ди Маттео», — говорили ее глаза.

Эбби ничего не сказала. Ей показалось, что в комнате стало пронзительно тихо. Трое врачей, что тоже сидели в архиве, во все глаза смотрели на нее.

Она вышла из помещения.

Ее первым импульсом было покинуть здание клиники. Уберечь себя от неприятного разговора с Уэттигом и уехать. Не домой. Уехать из Бостона и не останавливаться, пока не отмахает тысячу миль. Интересно, сколько времени ей понадобилось бы, чтобы добраться до Флориды, где пляж и пальмы? Эбби никогда не была во Флориде. Она не была во множестве других мест. И теперь она могла наверстать упущенное. Достаточно лишь выйти из этой проклятой больницы, сесть в машину и сказать: «Да пошли вы все! Ваша взяла. Радуйтесь!»

Но она не покинула здание. Она вызвала лифт и поднялась на второй этаж.

Подъем длился совсем недолго, но за эти короткие мгновения Эбби успела кое-что четко осознать. Во-первых, она слишком упряма или

слишком глупа, чтобы бежать. А во-вторых, она вовсе не хотела сейчас валяться на песке под пальмами. Она хотела вернуть свою мечту.

И снова административный коридор, устланный ковром. Кабинет Уэттига находился сразу за кабинетом Парра. Дверь в приемную президента была открыта. Естественно, секретарша Парра увидела Эбби. Она резко выпрямилась и схватилась за телефон.

Завернув за угол, Эбби вошла в другую приемную. У Генерала тоже была секретарша, возле ее стола стояли двое мужчин. Эбби видела их впервые. Секретарша Уэттига отреагировала на нее так же, как и секретарша Парра: вначале оторопела, затем выпалила:

— А! Вот и доктор Ди Маттео...

Незнакомцы повернулись к ней. В следующее мгновение Эбби уже жмурилась от фотовспышки. Ее снимали. Кадр за кадром.

— Что вы делаете? — закричала она.

— Доктор, ваши комментарии по поводу смерти Мэри Аллен, — сказал незнакомец.

— Что? — опешила Эбби.

— Это правда, что она была вашей пациенткой?

— Кто вы такие?

— Гэри Старк, «Бостон геральд». Правда ли, что вы являетесь сторонницей эвтаназии? Нам известны ваши высказывания по этому поводу.

— Я не говорила ничего подобного о...

— Почему вас отстранили от служебных обязанностей?

Эбби попятилась:

— Отстаньте от меня. Я не намерена говорить с вами.

— Доктор Ди Маттео...

Эбби повернулась, чтобы убежать из приемной, и едва не столкнулась с Джереми Парром.

— Газетчики, вон из моей клиники! — рявкнул он. — Немедленно!

Он повернулся к Эбби:

— А вы, доктор, идите со мной.

Эбби послушно пошла за Парром. Он привел ее к себе в кабинет и плотно закрыл дверь.

— Полчаса назад мне позвонили из «Геральд». Потом из «Глоуб» и еще из десятка редакций. С тех пор звонки не прекращаются.

— Это дело рук Бренды Хейни?

— Сомневаюсь. Они каким-то образом пронюхали про морфин. И про пузырек в вашем шкафчике. Она об этом не знала.

— Тогда откуда?

— Утечка информации. Кто-то постарался. — Парр тяжело плюхнулся на стул возле своего стола. — Это нас погубит. Уголовное расследование. По всей клинике шныряют полицейские.

«Полиция. Ничего удивительного. Теперь и они узнали».

Эбби молча смотрела на Парра. Из ее пересохшего горла не выходило ни звука. Не сам ли Парр устроил утечку информации? Эбби сразу же отмела эту мысль. Разгорающийся скандал ударит и по нему.

Послышался резкий стук в дверь. Вошел доктор Уэттиг:

— Что мне делать с этими чертовыми репортерами?

— Вам, Генерал, придется выступить перед ними с заявлением. Сьюзен Касадо уже едет в клинику. Она поможет вам с формулировками. А до этого чтобы никто не вступал с ними ни в какие разговоры.

Уэттиг слегка кивнул. Казалось, только сейчас он заметил присутствие Эбби.

— Доктор Ди Маттео, вы позволите взглянуть на содержимое вашего портфеля?

— Зачем?

— Вы знаете зачем. Никто не давал вам права копаться в историях болезни. Это частные, конфиденциальные сведения. Приказываю вам выложить все записи, которые вы успели сделать.

Эбби не шевельнулась и не произнесла ни слова.

— Вряд ли дополнительное обвинение в краже данных улучшит ваше положение.

— В краже?

— Любая информация, которую вы добыли обманным путем, роясь в историях, считается воровством. Отдайте мне портфель. Вы слышите? Отдайте мне портфель.

Эбби молча протянула ему портфель. Она наблюдала, как Генерал щелкнул замком. Потом бегло просмотрел содержимое и вынул блокнот с желтыми страницами. Ей оставалось лишь тупо следить за его действиями. И опустить голову в знак поражения. Они снова ее переиграли. Они нанесли упреждающий удар, к которому она не была готова. А надо было бы подготовиться. Прежде чем идти сюда, нужно было спрятать записи. Но в тот момент ее занимал предстоящий разговор с Уэттигом. Она обдумывала, как объяснит ему свой обман.

Генерал закрыл портфель и вернул ей.

— Это все? — спросил он.

Эбби лишь кивнула.

Уэттиг смотрел на нее, затем покачал головой:

— Из вас, Ди Маттео, мог бы получиться замечательный хирург. Но настало время признать очевидный факт. Вы нуждаетесь в помощи. Я бы посоветовал вам пройти психиатрическое освидетельствование. С сегодняшнего дня я исключаю вас из ординатуры... Мне жаль, — тихо добавил он.

Последние два слова не были формальной вежливостью. Судя по интонации, Уэттиг действительно сожалел, что все так получилось.

18

Полицейский Лундквист был симпатичным блондином. Наверное, так выглядели настоящие тевтонцы. Он допрашивал Эбби вот уже два часа подряд, задавая вопросы и беспрерывно расхаживая по тесному кабинету. Если таким образом он рассчитывал ее напугать, что ж, его тактика дала результаты. В городке, где Эбби родилась и выросла, полицейские приветливо махали жителям из своих патрульных машин, бодро и весело ходили по улицам, позвякивая ключами на поясе. На

выпускных церемониях в школе полицейские вручали выпускникам награды и премии. Там никому бы и в голову не пришло их бояться.

Лундквиста Эбби боялась. Она боялась его с самой первой минуты, как только он вошел в комнату и поставил на стол магнитофон. Еще больше она испугалась, когда Лундквист вынул из кармана пиджака карточку и зачитал ей права. С нею обращались как с обвиняемой; как с человеком, которого задержали и доставили в полицейское управление. Но Эбби пришла сюда добровольно. Она хотела поговорить с детективом Кацкой. Однако к ней пришел Лундквист и начал допрос. Эбби каждую минуту ждала, что он не выдержит и скажет: «Вы арестованы».

На третьем часу допроса пришел Кацка. Эбби почти обрадовалась, почти вздохнула с облегчением, однако бесстрастное лицо Кацки отнюдь ее не взбодрило. Он остановился по другую сторону стола, устало глядя на Эбби.

— Адвоката, надо понимать, вы еще не вызывали, — сказал он. — Хотите это сделать сейчас?

— Я под арестом? — спросила Эбби.

— В данный момент нет.

— Значит, я вправе повернуться и уйти.

Кацка взглянул на Лундквиста. Тот пожал плечами.

— Это всего лишь предварительный допрос.

— А как по-вашему, мне нужен адвокат?

И вновь Кацка ответил не сразу.

— Это, доктор Ди Маттео, только ваше дело.

— Послушайте, я же пришла сюда сама. Я хотела поговорить с вами. Рассказать о случившемся. Я добровольно ответила на все вопросы вашего… коллеги. Если вы собираетесь меня арестовывать, тогда я вызову своего адвоката. Но я хочу, чтобы вы с самого начала знали: я пришла к вам не потому, что чувствую за собой вину. — Теперь она смотрела Кацке прямо в глаза. — И потому же я не стану вызывать адвоката.

Лундквист и Кацка переглянулись. Наверное, их взгляды что-то означали. Эбби не понимала.

— Слизень, она в вашем распоряжении, — сказал затем Лундквист и ушел в угол.

Кацка уселся на его место.

— Вы будете задавать мне те же вопросы, что и ваш коллега?

— Я пропустил начало. Но большинство ответов я уже слышал.

Он кивнул в сторону зеркала на дальней стене. Конечно, старый полицейский трюк. Смотровое окно. Кацка видел и слышал ее допрос. Только ли он один? Эбби стало не по себе, словно за нею подглядывали, если не сказать издевались. Она демонстративно отвернулась от зеркала и теперь смотрела прямо на Кацку.

— Тогда о чем вы будете меня расспрашивать?

— Вы говорили, что, как вам кажется, вас кто-то подставляет. Вы можете сказать кто?

— Раньше я подозревала Виктора Восса. Сейчас я уже не так уверена.

— У вас есть другие враги?

— Наверняка.

— Вы хотите сказать, кто-то настолько вас ненавидит, что пошел на убийство вашей пациентки? И всего лишь чтобы вас подставить?

— Возможно, это было не убийство. Высокий уровень морфина так и не подтвердился.

— Подтвердился. Несколько дней назад мы по настоянию Бренды Хейни провели эксгумацию тела миссис Аллен. Сегодня утром наш медэксперт сделал количественный анализ.

Эбби никак не комментировала услышанное. Магнитофон по-прежнему был включен. Мало ли что потом? Теперь все сомнения отпадали. Миссис Аллен умерла от передозировки.

— Доктор Ди Маттео, несколько дней назад вы говорили, что вас преследовал фиолетовый фургон.

— Бордовый, — поправила она. — Фургон был бордового цвета. И сегодня я его видела снова.

— А его номер случайно не запомнили?

— Эту машину я всегда видела только издали.

— Давайте уточним, правильно ли я понимаю ваши слова. Некто вводит вашей пациентке миссис Аллен повышенную дозу морфина. Затем этот некто подбрасывает пузырек из-под морфина в ваш шкафчик. Вы замечаете, что на городских улицах вас преследует какой-то фургон. И вы считаете, что все это подстроено и управляется Виктором Воссом?

— Раньше я так думала. Но это может быть и кто-то другой.

Кацка откинулся на спинку. Эбби видела: он действительно очень устал. Усталость проявлялась и в его ссутуленных плечах.

— Расскажите нам еще раз о донорских органах.

— Я уже все рассказала.

— Мне не совсем понятно, как это может быть связано с событиями вокруг вас.

Эбби глубоко вдохнула. Она ведь все подробно изложила Лундквисту. Всю историю Джоша О'Дея и подозрительные обстоятельства, при которых было получено донорское сердце для Нины Восс. Судя по равнодушным комментариям Лундквиста, она напрасно тратила время. Теперь рассказ придется повторить и снова впустую потратить время. Неужели она и здесь проиграла?

— Очень хочется пить, — сказала она.

Лундквист ушел. Пока его не было, они с Кацкой молчали. Эбби сидела, закрыв глаза, и мечтала, чтобы все это поскорее закончилось. Но похоже было, это никогда не кончится. Она навсегда останется здесь и будет снова и снова отвечать на одни и те же вопросы. Может, ей действительно стоило вызвать адвоката? Или просто уйти? Кацка сказал, что ее никто не держит. Пока не держит.

Лундквист принес воду в бумажном стаканчике. Эбби выпила ее почти залпом и поставила пустой стаканчик на стол.

— Доктор, я спрашивал вас о донорских сердцах, — напомнил Кацка.

Эбби вздохнула:

— Мне думается, на этом Аарон и заработал свои три миллиона долларов. Он находил донорские сердца для богатых пациентов, не желавших дожидаться своей очереди в списке.

— В списке?

— Только в нашей стране свыше пяти тысяч человек стоят в очереди на пересадку сердца. А донорских сердец не хватает, и потому большинство нуждающихся умирают, так и не дождавшись своей очереди. Есть определенные требования к донорскому сердцу. Доноры должны быть молодыми и здоровыми. Следовательно, большинство доноров — это жертвы дорожных аварий и других травм, приводящих к смерти мозга. Подобных случаев не так уж много.

— А кто решает, кому из пациентов передать появившееся донорское сердце?

— Есть компьютерная система регистрации. Наш регион обслуживает Банк органов Новой Англии. Очередь строится на абсолютно демократических принципах. Место в ней зависит только от состояния здоровья пациента, а не от финансового состояния. Если пациент находится в нижней части списка, ждать придется долго. Теперь представьте: вы богаты и боитесь, что умрете раньше, чем подойдет ваша очередь. Естественно, у вас появится искушение пойти в обход очереди и достать себе сердце.

— И это возможно?

— Для этого нужна подпольная сеть, которая бы делала необходимые анализы на совместимость донора и реципиента. Нужны люди, следящие за тем, чтобы сведения по тому или иному донору не попали в банк данных, а сердце отправилось прямиком к богатому заказчику. Есть и другие варианты. Пострашнее.

— А именно?

— Производство новых доноров.

— Вы хотите сказать — убийство здоровых людей? — спросил Лундквист. — Тогда где их трупы? Где сообщение о пропавших?

— Я же вам не сказала, что это практикуется. Просто назвала один из способов получения донорских органов.

Эбби помолчала.

— Думаю, Аарон Леви был частью такой подпольной сети. Тогда понятно, откуда у него эти три миллиона долларов.

В лице Кацки почти ничего не изменилось. Эбби начинала раздражать его бесстрастность. Зато у нее эмоций прибавилось.

— Неужели вы не видите? Я теперь понимаю, почему вдруг были отозваны судебные иски против меня. Эти люди, возможно, надеялись, что я перестану задавать вопросы. Но я не перестала. Вопросов становилось все больше. И тогда они решили меня дискредитировать. Они боялись, что я докопаюсь до их махинаций и поломаю всю их структуру.

— Тогда почему бы им попросту не убить вас? — спросил Лундквист.

Он был настроен скептически и не скрывал этого.

— Понятия не имею, — пожала плечами Эбби. — Возможно, я не настолько много знаю. Или они боятся подозрений. Еще месяца не прошло, как умер Аарон.

— Вы мыслите очень креативно, — сказал Лундквист и засмеялся.

Кацка махнул ему рукой, требуя закрыть рот.

— Доктор Ди Маттео, буду с вами откровенен. Ваша версия не кажется мне правдоподобной.

— Другой у меня нет.

— Можно, я предложу свою? — спросил Лундквист. — Вполне правдоподобную?

Он подошел к столу и, пристально глядя на Эбби, заговорил:

— Ваша пациентка Мэри Аллен страдала от болей. Возможно, она просила вас помочь ей избавиться от мучений. Возможно, вы сочли это гуманным шагом. Это действительно был гуманный шаг. Такие мысли возникли бы у каждого заботливого врача, окажись он на вашем месте. И вы ввели безнадежно больной старухе повышенную дозу морфина. Все бы ничего, но одна из медсестер это видела. Она послала анонимное письмо племяннице Мэри Аллен. И вы из-за своего гуманизма попали в большую беду. Вас могут обвинить в убийстве и отправить в тюрьму. Вам становится страшно, даже очень страшно. И тогда вы наспех выдумываете и приплетаете к своей истории другую — о каких-то тайных сетях, поставляющих донорские органы. Вашу историю нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть... Ну что, доктор, в моей версии больше смысла? Во всяком случае, такой ход событий кажется мне правдоподобнее.

— Все было совсем не так.

— А как?

— Я вам рассказала. Я рассказала вам все.

— Вы убили Мэри Аллен?

— Нет.

Эбби подалась вперед. Ее руки, сжатые в кулаки, лежали на столе.

— Я не убивала свою пациентку.

Лундквист взглянул на Кацку.

— По-моему, врунья из нее никудышная, — сказал он и ушел.

Некоторое время Кацка и Эбби молчали.

— Меня теперь арестуют? — тихо спросила Эбби.

— Нет. Вы можете идти, — ответил детектив и встал.

Эбби тоже встала. Они стояли, глядя друг на друга, словно решая, стоит ли закончить этот длинный разговор.

— Почему меня отпускают? — спросила Эбби.

— У нас пока нет оснований предъявить вам обвинение.

— Вы считаете, я виновна?

Кацка молчал. Эбби понимала: он не обязан отвечать на такие вопросы. Но ей казалось, что он мысленно составляет более или менее честный ответ. В конце концов Кацка решил полностью игнорировать ее вопрос.

— Ваш ждет доктор Ходелл, — сказал он. — Возле окошка дежурного.

Он повернулся, открыл дверь.

— А мне с вами, доктор Ди Маттео, еще придется встретиться.

Не попрощавшись, Кацка вышел.

Эбби побрела по коридору к выходу. Возле окошка дежурного ее действительно ждал Марк.

— Эбби, — тихо произнес он.

Она позволила себя обнять, но прикосновение его рук не отозвалось огнем во всем теле. Наоборот, Эбби почувствовала непривычное

онемение. Отстраненность. Ей показалось, будто она плывет под потолком и издали наблюдает за объятиями и поцелуями двух незнакомых людей.

И точно так же, откуда-то издалека, прозвучали его слова:

— Поехали домой.

Бернард Кацка стоял рядом с дежурным и смотрел за парой, направлявшейся к дверям. От его внимания не ускользнуло, с какой нежностью и заботой доктор Ходелл обнимал эту женщину. Такое в полицейском участке увидишь не каждый день. Заботу. Любовь. Куда чаще пары ссорились, кричали друг на друга. Синяки на лицах, разбитые губы, пальцы, готовые вцепиться в волосы. Или нескрываемое вожделение. Вожделение он видел постоянно. Некоторые женщины забывали, что находятся в стенах полицейского участка, и вели себя с откровенным бесстыдством шлюх, фланирующих по улицам «Поля боя»[10]. Кацка не был совсем невосприимчив к подобным вещам. Его организм иногда тоже требовал интимной близости с женщиной.

Но любовь… Он слишком давно не испытывал любви. И сейчас он завидовал Марку Ходеллу.

— Эй, Слизень! — крикнули ему. — Вас вызывают по третьей линии.

Он потянулся к телефону.

— Детектив Кацка слушает.

— Отдел медицинской экспертизы. С вами хочет поговорить доктор Роуботам. Не вешайте трубку. Сейчас он подойдет.

Кацка ждал, оглядывая пространство возле дверей. Эбби Ди Маттео и Марк Ходелл ушли.

«У этой пары есть все, — думал он. — Внешность. Деньги. Завидная карьера. Какая женщина согласится рискнуть достигнутым, чтобы избавить от боли умирающую старуху?»

— Слизень, ты еще не уполз? — послышался в трубке голос Роуботама.

— Нет. А в чем дело?

— Сюрприз у меня.

— Хороший или плохой?

— Назовем его неожиданным. Я получил результаты ГХМС по телу доктора Леви.

За аббревиатурой скрывалась газовая хромато-масс-спектрометрия. Ее методами криминалистическая лаборатория определяла содержание наркотиков и токсинов.

— Ты же вроде искал и ничего не нашел, — заметил Кацка.

— Верно. Мы не обнаружили обычных препаратов. Наркотиков, барбитуратов. Но они определяются методом иммунологического анализа и тонкослойной хроматографии. А доктор Леви был врачом, и я подумал, что в его случае нам нельзя ограничиваться обычными анализами. Я проверил его тело на фентанил, фенциклидин и ряд летучих соединений. И вдруг проба из мышечной ткани дала положительную реакцию на сукцинилхолин.

— Это что такое?

— Нервно-мышечный блокирующий агент. По воздействию соперничает с ацетилхолином — нейтротрансмиттером, который вырабатывает организм. Эффект похож на d-тубокурарин.

— Курарин… схоже с ядом кураре?

— Да, но сукцинилхолин имеет другой химический механизм. Его широко применяют при операциях. Он позволяет обездвижить мышцы на время операции. Облегчает газообмен в легких.

— Ты хочешь сказать, что доктор Леви был парализован?

— Да. Он был совершенно беспомощен. Самое скверное, что сознание не отключалось. Все понимал, но оказать сопротивление не мог… Страшнее смерти не придумаешь.

— Как это вещество вводится в организм?

— Обычная инъекция.

— Мы не обнаружили на его теле следов иглы.

— Ему могли сделать укол в голову. Волосы скроют след так, что и не заметишь. Быстрый булавочный укол. Мы вполне могли пропустить след, учитывая посмертные изменения тела.

Кацка задумался. Он вспомнил разговор с доктором Ди Маттео. Тогда он не придал особого значения ее словам.

— Скажи, ты бы мог посмотреть результаты двух давнишних вскрытий? Шесть лет назад с моста Тобин прыгнул человек по имени Лоренс Кунстлер.

— Повтори еще раз его имя… Так. Записал. А кто второй?

— Доктор Хеннесси. Имени его не помню. Несчастный случай. Отравился угарным газом. Вся семья погибла.

— Кажется, что-то помню. У них был совсем маленький ребенок.

— Да, эта история. Я постараюсь провернуть запросы на эксгумацию.

— Слизень, ты что собрался искать?

— Пока не знаю. То, что просмотрели тогда, но найдем сейчас.

— И ты хочешь что-то найти в останках шестилетней давности? — засмеялся неисправимый скептик Роуботам. — Да ты никак решил заделаться оптимистом.

— Миссис Восс, вам опять прислали цветы. Принести сюда? Или вы хотите, чтобы я оставила их в гостиной?

— Нет, принесите сюда, — попросила Нина.

Сидя в кресле возле своего любимого окна, она смотрела, как горничная внесла вазу в спальню и поставила на ночной столик. Теперь женщина стремилась придать букету более привлекательный вид, разделяя стебли. Нину омыло волной аромата шалфея и флоксов.

— Поставьте вазу сюда, рядом со мной.

— Хорошо, мэм.

Горничная перенесла вазу на чайный столик возле кресла Нины. Но вначале ей пришлось убрать оттуда вазу с восточными лилиями.

— Это ведь не ваши привычные цветы?

Чувствовалось, горничная не одобряет букет, присланный хозяйке.

— Да, — улыбнулась Нина, глядя на необычную подборку.

Она любила цветы и хорошо разбиралась в них. Бегло взглянув на сполохи красок, она сразу определила, из чего составлен букет. Русский шалфей и розовые флоксы. Фиолетовые рудбекии и желтые гелиопсисы. И ромашки. Множество ромашек. Такие обычные, неприметные цветы. И как только кому-то удалось найти ромашки в середине октября?

Она провела рукой по головкам цветов, вдыхая ароматы позднего лета. Нина помнила запахи своего сада. Как она любила возиться с цветами. Болезнь лишила ее и этой радости. Лето прошло. Их дом в Ньюпорте закрыт на зиму. Наступил самый ненавистный для нее сезон. Увядание сада. Возвращение в Бостон, в этот дом с позолоченными потолками, резными дверными проемами и ванными из каррарского мрамора. Здесь было много темного дерева, а оно всегда действовало на нее угнетающе. Их летний дом был пронизан светом, теплым ветром и запахом моря. А бостонский дом всегда навевал мысли о зиме.

Нина вытащила ромашку и вдохнула ее резкий запах.

— Может, вернуть обратно лилии? — предложила горничная. — Они так прелестно пахнут.

— У меня от них болит голова. А кто прислал этот букет?

Горничная отцепила прикрепленный к вазе конвертик, открыла клапан, достала карточку.

— Здесь написано: «Миссис Восс. Скорейшего выздоровления. Джой». Больше ничего.

Нина наморщила лоб:

— У меня нет знакомых женщин по имени Джой.

— Возможно, потом вспомните. Не хотите ли прилечь? Мистер Восс говорит, что вам нужен отдых.

— Я уже належалась в постели.

— Но мистер Восс говорит…

— Я лягу. Попозже. А сейчас я хочу еще посидеть у окна. Одна.

Горничная застыла в нерешительности. Потом, кивнув, с явной неохотой покинула спальню.

«Наконец-то, — подумала Нина. — Наконец-то я одна».

Всю прошлую неделю, едва она вернулась из клиники, ее постоянно окружали люди. Частные сиделки, врачи, горничные. И Виктор. Прежде всего Виктор, буквально нависший над ее кроватью. Он читал ей вслух все открытки с пожеланием выздоровления, следил за всеми ее телефонными разговорами. Защищал ее, изолировал от окружающего мира. Делал узницей этого дома.

И все потому, что он ее любил. Слишком сильно ее любил.

Нина устало привалилась к спинке кресла. На противоположной стене висел ее портрет, написанный вскоре после женитьбы. Виктор сам нашел художника и даже выбрал платье, которое она должна была надеть для позирования. Длинное платье из розовато-лилового шелка, по которому шли неброские розы. На портрете Нина стояла под деревом. Ствол дерева обвивал плющ. В одной руке она сжимала белую розу, вторая была неуклюже опущена. На губах застыла робкая, неуверенная улыбка, словно в тот момент она думала: «Я тут стою вместо другой женщины».

От девушки на портрете ее отделяло двадцать пять лет. Вглядываясь в знакомый холст, Нина убеждалась, что за эти годы она почти не изменилась. Конечно, внешне она уже не та юная невеста в саду. Нет былого крепкого здоровья, нет тех кипучих жизненных сил. Но ее характер во многом остался прежним. Все такая же робкая и неуклюжая. По-прежнему собственность Виктора Восса.

Она услышала его шаги и подняла голову.

— Луиза сказала, что ты все еще сидишь в кресле. — Виктор влетел в комнату. — Тебе необходимо вздремнуть.

— Виктор, я прекрасно себя чувствую.

— По тебе не скажешь, что ты достаточно окрепла.

— Но прошло уже три с половиной недели. Доктор Арчер говорил, что другие его пациенты в это время вовсю гуляют по ленте тренажера.

— Меня другие его пациенты не касаются. Я не сравниваю тебя с ними. Тебе необходимо лечь и поспать.

Нина выдержала его взгляд и твердым голосом сказала:

— Я не лягу. Мне хочется посмотреть в окно.

— Нина, я всего лишь забочусь о твоем здоровье.

Но она уже отвернулась от него и смотрела в парк. На деревья, листва которых из желтой превращалась в бурую. Цвет предзимья.

— Я бы хотела прокатиться на машине…

— Пока еще слишком рано.

— …к парку. К реке. Куда угодно, подальше от этого дома.

— Нина, ты меня не слушаешь.

Она печально вздохнула:

— Нет, Виктор. Это ты меня не слушаешь.

Супруги замолчали.

— А это откуда? — спросил он, указывая на вазу возле кресла.

— Недавно прислали.

— Кто прислал?

Нина пожала плечами:

— Какая-то женщина по имени Джой.

— Такие цветы можно охапками собирать по обочинам.

— Потому их и называют полевыми. Или луговыми.

Подхватив вазу, Виктор поставил ее на стол в дальнем углу спальни. На чайном столике вновь оказалась ваза с восточными лилиями.

— Все лучше, чем какая-то трава, — буркнул он и вышел из комнаты.

Нина смотрела на лилии. Они были прекрасны. Экзотические, совершенные цветы. Вот только их обволакивающий аромат вызывал у нее головную боль.

Смахнув невесть откуда появившиеся слезы, Нина заметила конвертик, присланный вместе с полевыми цветами.

Джой. Кто же такая эта Джой?

Нина открыла конверт, достала карточку. Только сейчас она заметила надпись на обороте: «Некоторые врачи всегда говорят правду».

Ниже стоял телефонный номер.

Нина Восс позвонила в пять вечера. Эбби была дома одна.

— Это доктор Ди Маттео? — негромко спросил женский голос. — Одна из врачей, которые всегда говорят правду?

— Здравствуйте, миссис Восс. Значит, мои цветы до вас все-таки дошли.

— Да, благодарю вас. И цветы, и ваше довольно странное послание.

— Я перепробовала все способы связи с вами. Письма. Звонки.

— Почти десять дней назад меня выписали из клиники.

— Но вы были вне досягаемости.

— Понимаю, — после недолгого молчания сказала Нина.

«Она даже не представляет, в какой изоляции живет, — подумала Эбби. — Не догадывается, что муж обрубил все ее связи с внешним миром».

— Скажите, сейчас кто-нибудь слышит наш разговор?

— Нет. Я одна. А в чем дело?

— Миссис Восс, мне необходимо увидеться с вами, но так, чтобы ваш муж не знал. Вы можете это устроить?

— Вначале скажите зачем.

— По телефону мне сложно вам объяснить.

— Я не стану встречаться с вами, пока не узнаю причины.

— Это… касается вашего сердца. Того, что вам пересадили в Бейсайде.

— И что?

— Никто не знает, кому оно принадлежало раньше. И откуда его доставили. — Эбби помолчала, затем тихо спросила: — Миссис Восс, а вы знаете?

Из трубки доносилось лишь быстрое, неровное дыхание Нины.

— Миссис Восс!

— Мне нужно идти.

— Подождите. Когда я смогу вас увидеть?

— Завтра.

— Каким образом? Где?

Снова возникла пауза, и только в самом конце, прежде чем повесить трубку, Нина сказала:

— Я найду способ.

Дождь безостановочно барабанил по полосатому навесу над головой Эбби. Она целых сорок минут стояла и мерзла напротив оптового склада сети магазинов Челуччи. К воротам склада без конца подъезжали грузовики, где их уже ждали рабочие с погрузчиками и тележками. В недрах здания исчезали безалкогольные напитки «Снэпл», чипсы «Фрито-лей», сигареты «Уинстон». С картонок промерзшей Эбби улыбался нестареющий малыш Дебби, любитель разных вкусных штучек.

Двадцать минут пятого. Дождь припустил еще сильнее. К нему добавился ветер. Эбби ругала себя, что выбрала обувь не по погоде. Ноги промокли и промерзли. Она торчала здесь целый час, с каждой минутой все больше убеждаясь, что Нина Восс не приедет.

Неподалеку от Эбби стоял грузовик компании «Прогрессо фудс». Его двигатель вдруг ожил. Грузовик рванулся с места, обдав ее облаком выхлопных газов. Эбби отвернулась. Наверное, за это время к тротуару и подъехал черный лимузин. Окошко водительского сиденья опустилось на несколько дюймов.

— Вы доктор Ди Маттео? — крикнул ей водитель. — Садитесь в машину.

Эбби не торопилась открывать дверцу. Стекла лимузина были сильно тонированы, но она все же различила чей-то силуэт на заднем сиденье.

— Садитесь. У нас мало времени, — поторопил ее водитель.

Сгибаясь под струями дождя, Эбби подошла к машине и открыла заднюю дверцу. Смахнув воду с лица, вгляделась в сумрак салона, где сидела единственная пассажирка. Увиденное неприятно поразило Эбби.

Нина Восс выглядела бледной, иссохшей. Ее кожа была совсем белой.

— Доктор, прошу садиться, — сказала она.

Эбби села рядом и захлопнула дверцу. Лимузин плавно взял с места и бесшумно заскользил в потоке машин.

Нина была в теплом черном пальто. Ее шею закутывал шарф. Лицо казалось лишь маской, за которой скрывалась пустота. Пациенты, успешно выдержавшие пересадку сердца, выглядели совсем не так. Эбби вспомнила румяное лицо Джоша О'Дея, его непоседливость и веселый смех.

Нина Восс была похожа на говорящий труп.

— Прошу меня извинить за опоздание, — сказала она. — Возникли некоторые сложности с отъездом из дома.

— Муж знает о нашей встрече?

— Нет.

Нина привалилась к мягкому сиденью. Ее лицо почти тонуло в черных складках шерстяного шарфа.

— Я за годы научилась не все рассказывать Виктору. Поверьте мне, доктор Ди Маттео, молчание — секрет счастливого брака.

— Мне думается, счастливый брак строится на других принципах.

— И на молчании тоже. Представьте себе.

Нина улыбнулась, повернувшись к окну. Размытый дневной свет скользил по ее лицу, образуя странные ломаные тени.

— Мужчин нужно защищать от очень многого. Главным образом — от них самих. Для этого и нужны мы, женщины. Думаю, вы это знаете. Но самое забавное — мужчины никогда не сознаются в своей зависимости от нас. Наоборот, они считают, что сами заботятся о нас. А мы знаем правду и просто молчим. — Она повернулась к Эбби, и ее улыбка померкла. — А теперь скажите… что Виктор натворил?

— Я надеялась, он вам рассказал.

— Вы говорили, это как-то связано с моим сердцем.

Нина приложила руку к груди. В сумраке салона ее жест выглядел почти религиозным. Отец, Сын, Святой Дух.

— Что вы знаете о моем сердце?

— Я знаю, что ваше сердце поступило в клинику не по обычным каналам. Почти все донорские органы проверяются на совместимость с организмом реципиентов через центральную службу регистрации. Ваше не прошло такой проверки. Согласно банку органов, вы вообще не получали донорского сердца.

Ладонь Нины, прижатая к сердцу, съежилась в плотный белый кулачок.

— Тогда откуда клиника получила сердце для меня?

— Я не знаю. А вы?

Лицо живого трупа молча смотрело на Эбби.

— Я думала, ваш муж знает, — сказала Эбби.

— Откуда ему знать?

— Он купил вам это сердце.

— Люди не могут покупать сердца.

— Имея большие деньги, люди могут купить что угодно.

Нина молчала, но ее молчание подтверждало фундаментальную истину: «Все продается».

Лимузин вывернул на Эмбанкмент-роуд. Теперь они ехали вдоль реки Чарльз в западном направлении. Поверхность реки была серой и бугорчатой от дождя.

— Как вы об этом узнали? — спросила Нина.

— С недавних пор у меня появилась уйма свободного времени. Просто удивительно, сколько всего успеваешь сделать, оставшись без работы. За последние несколько дней я узнала много чего. Не только о вашем сердце, но и о других. И должна вам сказать, миссис Восс, чем больше я узнаю, тем страшнее мне становится.

— Но почему вы решили говорить об этом со мной? Почему не обратились в полицию?

— Вы еще не слышали? У меня появилось прозвище — Доктор Болиголов. Говорят, я убиваю пациентов своей добротой. Все это, конечно, полная чушь, но люди всегда готовы верить худшему. — Эбби устало взглянула на реку. — У меня нет работы. Мне не верят. И у меня нет доказательств.

— А что у вас есть?

— Я знаю правду, — ответила Эбби, снова поворачиваясь к Нине.

Лимузин въехал в лужу. Под днищем зашумела вода, в стороны полетели брызги. Река осталась позади. Теперь они ехали в направлении парка Бэк-Бей-Фенс.

— Накануне вашей операции в десять вечера нам позвонили из Вермонта и сообщили, что в Берлингтоне найден донор. Через три часа донорское сердце доставили в операционную. Мы узнали, что изъятие сердца произведено в больнице имени Уилкокса хирургом Тимоти Николсом. Вам пересадили сердце. Эта операция ничем не отличалась от множества аналогичных. В Бейсайде их делают постоянно.

Эбби помолчала.

— Обычная операция, если бы не одно большое «но». Никто не знает, откуда мы получили донорское сердце для вас.

— Вы же только что сказали: из Берлингтона.

— Так нам сообщили. Однако доктор Николс исчез. Возможно, он скрывается. А может, его уже нет в живых. В больнице имени Уилкокса утверждают, что в ту ночь у них вообще не проводилось изъятий донорских органов.

Нина молчала. Казалось, ей хочется втянуть голову и скрыться внутри своего пальто.

— Вы были не первой, — сказала Эбби.

Белое лицо-маска повернулось к ней.

— Были и другие?

— По крайней мере четверо. Я проверила данные за последние два года. И везде — одинаковый сценарий. В Бейсайд звонили из Берлингтона и сообщали об имеющемся доноре. Сердце привозили к нам, и всегда ночью. Дальше очередному пациенту пересаживали сердце, начинался процесс выздоровления и так далее. Но во всей картине была одна

серьезная нестыковка. Если есть четыре донорских сердца, значит должны быть и четыре покойника. Мы с подругой проверили некрологи в берлингтонских газетах по этим датам. И не нашли ни одного.

— Тогда откуда приходят донорские сердца?

Нина смотрела на нее с недоверием.

— Этого я не знаю, — сказала Эбби.

Лимузин вывернул на север и теперь возвращался в район Бикон-Хилла, откуда началось их путешествие. Туда водитель ехал другой дорогой, не по набережной.

— У меня нет доказательств. Я не могу обратиться ни в Банк органов Новой Англии, ни куда-либо еще. Все знают, что я под следствием. Многие считают меня просто сумасшедшей. Потому я и обратилась к вам. Когда я впервые увидела вас в палате, я подумала: «Вот женщина, с которой я хотела бы дружить»... Миссис Восс, мне нужна ваша помощь.

Нина молчала. Она смотрела прямо перед собой. Ее лицо напоминало костяную фигурку. Эбби казалось, что миссис Восс мучительно принимает решение. Наконец оно было принято. Нина глубоко выдохнула:

— Я высажу вас здесь. Тот угол вас устроит?

— Миссис Восс, муж купил вам сердце. Если это сделал он, найдутся и другие покупатели органов. Мы ничего не знаем о донорах. Мы не знаем, как и...

Нина нажала кнопку переговорного устройства.

— Остановите здесь, — велела она водителю.

Лимузин подкатил к тротуару.

— Прошу вас выйти, — сказала Нина.

Эбби сидела не шевелясь. Она молчала. Дождь все так же барабанил по крыше лимузина.

— Пожалуйста... — прошептала Нина.

— Я думала, вам можно доверять. Я думала...

Эбби медленно покачала головой:

— Прощайте, миссис Восс.

На ее ладонь легла холодная рука. Эбби подняла голову. На нее смотрели испуганные глаза Нины Восс.

— Я люблю своего мужа, — сказала Нина. — А он любит меня.

— И это все оправдывает?

Нина не ответила.

Эбби вылезла, хлопнула дверцей. Лимузин тронулся с места. Эбби смотрела, как большая черная машина растворяется в сумерках.

«Больше мы с нею никогда не увидимся».

Понурив плечи, Эбби пошла навстречу дождю.

— Миссис Восс, теперь домой?

Голос водителя, искаженный переговорным устройством, вывел Нину из транса.

— Да. Отвезите меня домой.

Она еще плотнее завернулась в кокон пальто. За окном мелькали залитые дождем улицы. Нина думала, что скажет Виктору и о чем умолчит, не в силах сказать.

«Вот во что превратилась наша любовь, — думала она. — Секреты на секретах. И самый ужасный из них тот, что хранит Виктор».

Она заплакала, опустив голову. Это были слезы по Виктору, по их совместной жизни. Это были слезы по себе, поскольку Нина знала, что ей придется сделать, и боялась.

Струи дождя катились по стеклу, словно потоки слез. Лимузин вез ее домой, к Виктору.

19

Шу-Шу давно нуждалась в стирке. Большие мальчишки говорили об этом Алешке чуть ли не с первого дня плавания. Они даже грозились выбросить плюшевую собачонку за борт, если Алешка как следует не выстирает свое сокровище.

— Она у тебя воняет, — морщили они носы. — Ничего удивительного: все твои сопли собрала.

Алешка не считал, что его верная подруга воняет. Ему нравился ее запах. Он вообще ни разу не стирал Шу-Шу, и на ее плюшевой шерсти собралась целая коллекция запахов. С каждым было связано свое воспоминание. Например, запах подливки был совсем недавним. Сегодня за ужином Алешка пролил подливку ей на хвост. А ужин? Просто сказка. Надия не скупилась и дала ему двойную порцию каждого блюда. Еще и улыбнулась! Сигаретный дух напоминал о дяде Мише. О его запахе, грубоватом, но теплом. А вот еще запах — кислый запах борща. Это воспоминание о последней Пасхе, когда мальчишки ели крутые яйца, смеялись, пихались, отчего он пролил борщ прямо на голову Шу-Шу.

Если закрыть глаза и вдохнуть глубоко-глубоко, можно, хотя и не всегда, уловить совсем другой запах. Слабый, но не исчезнувший за годы. Этот запах не назовешь ни сладким, ни кислым. Алешка узнавал его не столько обонянием, сколько чувством, пробуждавшимся внутри, в глубине сердца. Это был запах раннего детства, когда его носили на руках, пели песенки. Когда его любили.

Алешка обнял Шу-Шу и плотнее накрылся одеялом.

«Никогда я тебя не стирал и не буду», — подумал он.

Впрочем, мальчишек, грозивших выбросить Шу-Шу в океан, осталось не так уж много. Пять дней назад прямо из тумана появился другой корабль. Оба корабля остановились, покачиваясь на волнах. Мальчишки высыпали на палубу. Надия и Грегор ходили по палубе, выкликая имя за именем. «Николай Алексеенко!»... «Павел Преображенский!» После каждого нового имени слышались восторженные крики. В воздух вздымались кулаки счастливцев: «Да! Меня выбрали!»

А потом те, кого не выбрали, стояли у перил палубы и молча смотрели, как катер увозит счастливцев на другой корабль.

— Куда они поедут? — спросил Алешка.

— В западные семьи, — ответила Надия. — А теперь всем вернуться в каюту. Холодно. Простудитесь еще.

Мальчишки не двигались. Странно, но Надия словно забыла об их существовании и ушла вниз.

— Глупые они, эти западные семьи, — сказал Яков.

Алешка повернулся к нему. Яков сердито смотрел на океанские волны. Подбородок у него был выпячен, будто ему хотелось с кем-нибудь подраться.

— Тебя послушать, так все глупые, — сказал ему Алешка.

— Представь себе. Умных на этом корабле нет.

— Значит, и ты тоже дурак.

Яков не ответил. Вцепившись единственной рукой в перила, он следил за уходящим кораблем, пока тот не исчез в тумане. Потом ушел с палубы.

Все эти дни Алешка его почти не видел.

Вот и сегодня Яков исчез сразу после ужина. Наверное, отправился в свою дурацкую Страну Чудес. И нравится же ему сидеть в ящике со стружками и мышиным дерьмом.

Алешка натянул одеяло на голову. Он всегда так спал: свернувшись калачиком и прижимая к лицу замызганную Шу-Шу.

Его осторожно тронули за плечо. В темноте послышался негромкий голос:

— Алексей. Алексей, вставай.

— Мамочка, — сонно пробормотал он.

— Алексей, просыпайся. У меня для тебя сюрприз.

Алешка медленно продирался сквозь многослойный сон в темноту реальности. Рука продолжала его трясти. Он узнал запах Надии.

— Пора идти, — прошептала она.

— Куда идти?

— Нужно подготовиться к встрече с твоей новой мамой.

— Она здесь?

— Да. Сейчас я тебя к ней отведу. Тебе очень повезло, Алексей. Из всех мальчиков она выбрала тебя. А теперь идем. И не шуми.

Алешка сел на койке. Он еще не до конца проснулся. Может, это все-таки ему снится?

Надия вытащила его из-под одеяла.

— Шу-Шу, — спохватился Алешка.

Надия даже не спорила. Она сама подала ему его неразлучную спутницу:

— Бери свою Шу-Шу.

Потом Надия взяла Алешку за руку. Первый раз за все плавание. На Алешку накатила волна счастья, и он окончательно проснулся. Надия поведет его за руку, и они пойдут к его новой маме.

В каюте было темно. Обычно Алешка боялся темноты, но сейчас он с Надией, и ему нечего бояться. Он вспомнил давнишнее, очень давнишнее ощущение. Когда-то он вот так же шел, держась за материнскую руку.

Из каюты они вышли в тускло освещенный коридор. У Алешки от радости кружилась голова. Он то и дело спотыкался, но упасть не боялся. Надия рядом. Она защитит его от всех бед.

Они свернули в незнакомый коридор. Прошли через дверь и попали…

В Страну Чудес.

Они шли по гулким металлическим плитам. Прямо к синей двери.

Алешка остановился.

— В чем дело? — спросила Надия.

— Я туда не хочу.

— Ты должен туда пойти.

— Там живут плохие люди.

— Алексей, прекрати капризничать. — Надия еще крепче сжала его руку. — Идем туда, куда я говорю.

— Зачем?

Она вдруг поняла, что нужно менять тактику. Надия присела на корточки, чтобы их глаза были вровень. Она крепко обхватила Алешкины плечи.

— Ты хочешь все испортить? Хочешь меня рассердить? Этой женщине нужен послушный мальчик, а не дикарь, который на каждом шагу возражает.

У Алешки тряслись губы. Он изо всех сил пытался не зареветь. Он знал: взрослые терпеть не могут детских слез. Но слезы полились сами собой. Наверное, он все испортил. Случилось то, о чем ему говорила Надия. Он всегда все портил.

— Эта женщина еще не приняла окончательного решения, — сказала Надия. — Она может выбрать и другого мальчика. Ты этого хочешь?

— Нет, — шумно всхлипывая, ответил Алешка.

— Тогда почему ты упрямишься?

— Я боюсь людей, которые едят перепелок.

— Что? Какая глупость. Не удивлюсь, если с таким поведением тебя вообще никто не захочет взять. — Надия выпрямилась и снова взяла его за руку. — Идем.

Алешка посмотрел на синюю дверь, потом шепотом попросил:

— Возьмите меня на руки.

— Ты слишком большой. У меня спина заболит.

— Ну пожалуйста, возьмите меня на руки.

— Алексей, до сих пор ты прекрасно ходил на своих ногах. Давай поторопимся, иначе мы опоздаем. — Она обняла Алешку за плечи.

И Алешка пошел, пошел только потому, что рядом была Надия и она обнимала его за плечи. Вот так же он обнимал Шу-Шу. Пока все трое крепко держатся друг за друга, с ними не случится ничего плохого.

Надия постучалась в синюю дверь.

Дверь быстро распахнулась.

Яков слышал их шаги по проходу. Слышал Алешкин скулеж и торопливые слова Надии, пытавшейся его успокоить. Яков осторожно вылез из ящика и наблюдал за ними. Оба вошли в синюю дверь, которая сразу же закрылась.

«Почему туда повели Алешку, а не меня?»

Яков бесшумно выскользнул из ящика, поднялся на площадку, подошел к синей двери. Он попытался ее открыть, но синяя дверь, как всегда, была заперта изнутри.

Он угрюмо вернулся в свой ящик. Что ни говори, а укрытие он себе оборудовал неплохо. За последнюю неделю он притащил сюда украденное одеяло, фонарик и несколько журналов с голыми женщинами. У Кубичева он разжился начатой пачкой сигарет и зажигалкой. Иногда Яков выкуривал одну, но сигарет было мало, и он решил их беречь. Как-то он случайно поджег опилки. Хорошо, сумел быстро потушить. Ему просто нравилось вертеть пачку в руках, нюхать табак, разглядывать при свете фонарика надписи на ней.

Этим он как раз и занимался, когда услышал над головой шаги Надии и Алешки.

Теперь Яков ждал, когда они выйдут обратно. Ожидание затягивалось. Что они там делают?

Яков досадливо бросил сигаретную пачку. Нечестно так. Совсем нечестно.

Включив фонарик, он полистал журналы. Потом пощелкал зажигалкой. Его потянуло в сон. Он свернулся калачиком, накрылся одеялом и заснул.

Его разбудил сильный грохот. Яков было решил, что у корабля испортились дизеля. Звук нарастал и доносился не из машинного отделения, а сверху, со стороны палубы.

Это был вертолет.

Грегор узлом завязал пластиковый мешок и положил в контейнер.

— Возьми, — сказал он, протягивая его Надии.

Казалось, Надия его не слышит. Потом она подняла голову. Лицо у нее было совсем бледное.

«Слабонервная сука», — раздраженно подумал он.

— Нужен лед. Иди набери льда.

Он пихнул контейнер к Надии. Та в ужасе отпрянула. Потом, дыша ртом, взяла контейнер, отнесла в другой конец каюты и поставила на стол. Открыв холодильник, Надия наполняла контейнер льдом. Грегор видел, что у нее дрожат ноги. Первый раз всегда так бывает. Хорошо, что еще не вырвало. Даже Грегору по первости бывало тошновато. Ничего, привыкнет.

Он повернулся к операционному столу. Анестезиолог уже застегнул молнию на прочном пластиковом мешке и теперь собирал окровавленные салфетки. Хирург даже не пытался помогать. Он стоял, прислонившись к столу, и шумно дышал, как после быстрого бега. Грегор смотрел на него и презрительно морщился. Врач, а позволил себе так безобразно разжиреть. Он сегодня весь вечер был не в форме. Сопел, будто у него нос заложило, да и руки тряслись сильнее обычного.

— Голова болит, — стонал хирург.

— Пить надо меньше. Смотрю, у вас сегодня весь день похмелье не проходит.

Грегор подошел к столу и взялся за край пластикового мешка. Вместе с анестезиологом они уложили мешок на каталку. Потом Грегор собрал кучку грязной одежды и бросил поверх мешка. Только сейчас он заметил валявшуюся на полу плюшевую собачку. Вытершийся плюш густо пропитался кровью. Грегор швырнул игрушку на каталку. Потом они с анестезиологом подвезли каталку к мусорной шахте. Лязгнула задвижка, и мешок, одежонка и собачка понеслись вниз. В океанские воды.

— У меня никогда так дико не болела голова... — стонал хирург.

Грегор игнорировал эти стоны. Сбросив перчатки, он подошел к раковине и принялся мыть руки. От этого грязного тряпья можно подцепить что угодно. Например, вшей. Грегор мыл руки с тщательностью хирурга, готовящегося к операции.

За спиной что-то громко шмякнулось на пол. Следом застучали металлические инструменты. Грегор обернулся.

Хирург лежал на полу. Его лицо густо покраснело. Руки и ноги дергались, как у взбесившейся марионетки.

Надия с анестезиологом застыли в ужасе.

— Что с ним? — сердито спросил Грегор.

— Не знаю! — выкрикнул анестезиолог.

— Так помогите ему чем-нибудь!

Анестезиолог опустился на корточки возле бьющегося в судорогах хирурга, безуспешно пытаясь помочь. Он расстегнул халат и приложил к пунцовому лицу кислородную маску. Судороги усилились. Руки хирурга, как гусиные крылья, молотили воздух.

— Подержите маску вместо меня! — сказал Грегору анестезиолог. — Я ему сейчас сделаю укол!

Грегор опустился на корточки и прижал маску. Ему было противно находиться вблизи этого рыхлого маслянистого лица. Из полураскрытых губ хирурга сочилась слюна, маска скользила. Кожа толстяка начинала синеть. Синюшный оттенок был наглядным доказательством бесполезности всех их усилий.

Спустя несколько секунд хирург умер.

Все трое долго стояли и смотрели на труп. Им казалось, что мертвое тело распирает изнутри и оно становится еще толще. Живот покойного действительно раздулся, а лицо со складками жира стало похоже на медузу.

— Подарочек! — сплюнул анестезиолог. — Что нам теперь делать?

— Искать другого хирурга, — ответил Грегор.

— Мы же не можем выкинуть его на корм рыбам. Придется идти в порт раньше, чем планировалось.

— Или переместить живой груз…

Грегор вдруг задрал голову. Следом за ним головы подняли Надия и анестезиолог. К кораблю приближался вертолет.

— Готово? — спросил Грегор, кивая в сторону контейнера.

— Я наполнила его льдом.

— Тогда бери и неси им. — Грегор взглянул на труп хирурга и брезгливо пнул его ногой. — А мы разберемся с этой тушей.

На палубе сиял голубой глаз прожектора.

Яков снова спрятался под лестницей, ведущей в капитанскую рубку. В этот раз голубой луч вспыхнул первым, и только потом вокруг зажглись белые прожектора. Теперь все они светили с такой ослепительной яркостью, что Яков жмурился и отводил глаза. Он посмотрел вверх, на снижающийся вертолет. Тот возник прямо из темноты. Яков все-таки закрыл глаза. Винты вертолета гнали по палубе волны холодного воздуха. Открыв глаза снова, Яков увидел, что вертолет сел.

Дверца кабины распахнулась, но оттуда никто не вышел. Похоже, там ждали пассажиров с корабля.

Яков подполз ближе. Он смотрел в щель между ступеньками, прямо на вертолет.

«Повезло Алешке, — думал он. — Сейчас улетит».

Хлопнула дверь. На краю освещенного круга появилась фигура. Надия. Пригибаясь, она двинулась к вертолету, смешно выставляя задницу. Понятное дело: боялась, как бы винтами не срезало ее глупую голову. Заглянув в кабину, Надия переговорила с пилотом (ее зад по-прежнему торчал кверху) и снова отошла к краю.

Еще через мгновение вертолет стал подниматься.

Прожектора погасли. На палубе вновь стало темно.

Яков оставался возле лестницы, наблюдая за вертолетом. Хвост машины раскачивался, как громадный маятник. Потом вертолет стал отходить в сторону. Он летел низко и вскоре растаял в ночи.

Якова схватили за руку, дернули и резко повернули. Он успел лишь вскрикнуть.

— Какого дьявола ты ошиваешься на палубе? — спросил Грегор. — Что ты тут делал?

— Ничего!

— Что ты видел?

— Вертолет.

— Я спрашиваю: что ты видел?

Испуганный Яков смотрел на Грегора и молчал.

На звук голосов подошла Надия:

— В чем дело?

— Опять этот щенок разгуливает по палубе. Я думал, ты заперла каюту.

— Я заперла. Должно быть, он улизнул раньше. — Она хмуро посмотрела на Якова. — Опять он. Я не могу каждую секунду за ним следить.

— Он меня достал! — Грегор больно дернул Якова за руку и потащил к лестничному люку. — В каюту он не вернется.

Грегор повернулся, чтобы открыть люк.

Яков ударил его по коленному сухожилию.

Грегор вскрикнул и разжал пальцы.

Яков бросился бежать. Он слышал крики Надии и топот ног, гнавшихся за ним. Потом другой топот, по ступенькам капитанской рубки. Яков метнулся вперед. Он слишком поздно сообразил, что бежит прямо в середину посадочной площадки.

Послышался громкий щелчок. На палубе вспыхнули прожектора.

Яков оказался в ловушке их нестерпимого сияния. Прикрывая глаза, он едва не ощупью старался уйти от погони. Но теперь на него надвигались со всех сторон. Его схватили за рубашку. Яков отбивался единственной рукой.

Кто-то наотмашь ударил его по лицу. Яков распластался на палубе. Он попытался отползти, но чей-то ботинок лягнул его по ногам.

— Хватит! — крикнула Надия. — Ты же его убить можешь!

— Мразь малолетняя, — сквозь зубы выругался Грегор.

Дернув Якова за волосы, он поставил мальчишку на ноги. Толкнул к лестничному люку. Яков спотыкался, но Грегор всякий раз поднимал его за волосы и тащил дальше. Яков не видел, куда они идут. Не переставая ругаться, Грегор волок его по коридору. Взрослый немного прихрамывал. Пустяк, но Якову стало легче.

Потом открылась дверь. Грегор толкнул его через порог.

— Гноись тут, — бросил он Якову и захлопнул дверь.

Лязгнула задвижка. Шаги стихли. Яков остался один в полной темноте.

Он лег, подтянул колени к груди и обхватил себя единственной рукой. Его била странная дрожь. Яков пытался ее унять, но дрожь не проходила. У него и зубы стучали. Не от холода. Что-то дрожало и тряслось у него внутри, в глубине души. Яков закрыл глаза, и на него сразу же нахлынули картины увиденного. Согнутая фигура Надии, идущей к вертолету. Открытая дверь кабины. Открытая в ожидании неизвестно чего… И вдруг память показала ему то, на что он тогда не обратил внимания. Надия не просто разговаривала с пилотом. Она что-то протянула пилоту.

Какую-то коробку.

Яков еще теснее прижал ноги к груди, однако дрожь не проходила.

И тогда он, хныча, как маленький, засунул в рот большой палец и принялся сосать.

20

Самым отвратительным временем для Эбби было утро. Она просыпалась. Мозг, еще сонный, привычно реагировал на начало нового дня. Потом она вдруг вспоминала: «Мне некуда идти». Осознание этого причиняло ей физическую боль, словно от удара. Эбби оставалась в постели, слушая, как одевается Марк. Он двигался по темной спальне, стараясь не разбудить ее. Подавленность мешала Эбби произнести хотя бы слово. Они по-прежнему жили под одной крышей и спали в одной постели, но почти не разговаривали. Отчужденность. День за днем. Уже много дней подряд.

«Вот так умирает любовь, — думала она, когда за Марком в очередной раз закрывалась дверь. — Не под гром сердитых слов. В молчании».

Когда Эбби было двенадцать лет, ее отца уволили с кожевенного завода. Но еще много недель он каждое утро выезжал из дому, якобы отправляясь на работу. Только перед смертью он рассказал Эбби, куда ездил и чем занимался. Отцу было страшно оставаться дома, лицом к лицу со своими неудачами. И потому он «играл в работу», уезжая по утрам.

Этим же теперь занималась Эбби.

Сегодня она не стала садиться в машину, а пошла пешком. Она шла куда глаза глядят, минуя квартал за кварталом. Ночью заметно похолодало, и к тому моменту, когда она забрела в подвернувшуюся кондитерскую,

лицо у нее окоченело. Эбби взяла кофе, рогалик с кунжутом и уселась в свободный закуток. Она сумела проглотить пару кусочков, когда ее взгляд случайно остановился на мужчине за соседним столиком. Мужчина читал «Бостон геральд».

На первой странице Эбби увидела... себя.

Ей захотелось отползти к выходу. Эбби осторожно оглядела посетителей кондитерской, почти ожидая, что все они смотрят только на нее. В действительности ее присутствия никто не замечал.

Эбби вынесло из закутка. Рогалик она выбросила в урну и вышла. Аппетит как отшибло. Найдя газетный киоск, она купила «Бостон геральд», встала в арке ближайшего магазина и, ежась от холода, стала внимательно читать.

ВОЗМОЖНАЯ ПРИЧИНА ТРАГЕДИИ — СЛИШКОМ СИЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ СТАТЬ ХИРУРГОМ

Доктор Эбигайл Ди Маттео была прекрасным ординатором. Так считают многие ее коллеги, а доктор Колин Уэттиг — руководитель ординатуры клиники Бейсайд — назвал ее одной из лучших. Однако в последние месяцы, вскоре после того, как доктор Ди Маттео вступила во второй год ординатуры, ее безупречная работа стала давать сбой за сбоем...

Эбби пришлось прервать чтение и успокоить участившееся дыхание. Через пару минут она снова взялась за статью. Под конец ей было просто тошно.

Журналист собрал в своем тексте все. Судебные иски. Смерть Мэри Аллен. Стычку с Брендой. Реальные, имевшие место события. Однако все это было скомпоновано и подано таким образом, что Эбби выглядела неуравновешенной и даже опасной личностью. Статья как нельзя лучше подогревала тайные страхи публики перед врачами с психическими отклонениями.

«Неужели все это написано обо мне?»

Даже если ее не лишат диплома, даже если случится чудо и она закончит ординатуру, ее репутация будет безвозвратно испорчена. У людей возникнут сомнения. Какой пациент в здравом уме согласится лечь под нож хирурга-психопата?

Забыв о времени, Эбби брела по улицам, сжимая в руке злополучную газету. Очнувшись, она увидела, что попала на территорию кампуса Гарвардского университета. Руки и ноги ломило от холода. Время

перевалило за полдень. Целое утро она провела в бесцельных странствиях по городу. На что потратить вторую половину дня, Эбби не знала. У всех, кто шел ей навстречу, было место назначения. У студентов с рюкзачками. У косматых преподавателей в твидовых костюмах. У Эбби места назначения не было.

Она вновь развернула газету. Снимок был взят из справочника ординатуры. Ее фотографировали, когда она была еще интерном. Она улыбалась, глядя прямо в объектив. Лицо свежее, бодрое. Взгляд молодой женщины, целеустремленной, готовой работать ради осуществления своей мечты.

Газету она зашвырнула в ближайшую урну и пошла домой.

«Держи удар! Ты должна защищаться», — думала она.

Вот только зацепок у них с Вивьен — никаких. Накануне Вивьен улетела в Берлингтон. Вечером она позвонила Эбби. Новости были неутешительными. Тим Николс закрыл практику. Где он — никто не знал. Тупик. Второй тупик поджидал Вивьен в больнице имени Уилкокса. Оказалось, что в названные ею даты хирурги больницы вообще не производили изъятия донорских органов. И наконец, Вивьен обратилась в местную полицию. В базе данных отсутствовали записи об исчезновении людей или обнаружении безвестных трупов с вырезанными сердцами. Третий и последний тупик.

«Они замели следы. Нам их никогда не победить».

Первым, что увидела Эбби, вернувшись домой, был мигающий сигнал автоответчика. Вивьен оставила берлингтонский номер и попросила ей перезвонить. Эбби перезвонила. Телефон не отвечал.

Эбби позвонила в БОНА. Как обычно, никто не торопился соединять ее с Хелен Льюис. Никто не желал слушать очередную теорию психически неуравновешенного доктора Ди Маттео. Она мысленно перебрала всех, кого знала в Бейсайде. Доктор Уэттиг. Марк. Мохандас и Цвик. Сьюзен Касадо. Джереми Парр. Она не доверяла никому из них. Никому.

Она решила еще раз позвонить Вивьен и, прежде чем снять трубку, выглянула в окно. В дальнем конце улицы у тротуара стоял бордовый фургон.

«Попался, мерзавец! На этот раз я узнаю, кто ты!»

Эбби бросилась в коридор, раскрыла шкаф и сняла с полки бинокль. Фургон стоял так, что ей не составило труда рассмотреть и записать номер.

«Теперь ты у меня в руках, — мысленно торжествовала она. — Я тебя поймала».

Схватив трубку, она набрала номер Кацки и стала ждать ответа. Параллельно она подумала: а почему детектив должен оказаться на месте? Возможно, ее реакция была чисто автоматической. Когда нужна помощь, звонишь в полицию. А он был единственным полицейским, которого она знала.

— Детектив Кацка, — услышала она.

Его тон, как всегда, был спокойным и деловым.

— Снова этот фургон! — выпалила Эбби.

— Что вы сказали?

— Это Эбби Ди Маттео. Фургон, который меня преследовал… он стоит вблизи моего дома. Его номер — пять-три-девять, TDV. Массачусетский номер.

Кацка записывал.

— Вы ведь живете на Брустер-стрит?

— Пожалуйста, пришлите кого-нибудь. Я не знаю, что он намерен делать.

— Сидите тихо и заприте все двери. Поняли?

— Хорошо. — Она нервно выдохнула. — Я буду ждать.

Эбби знала, что двери заперты, но все равно их проверила. Убедившись в крепости замков, Эбби вернулась в гостиную и села возле занавески. Она то и дело выглядывала — не уехал ли фургон. Только бы не уехал. Ей хотелось взглянуть на реакцию водителя, когда копы окружат машину.

Через пятнадцать минут к тротуару подкатил знакомый темно-зеленый «вольво». Кацка остановился прямо напротив фургона. От одного его присутствия Эбби испытала неимоверное облегчение. Он знает, как действовать в этой ситуации. Кацка — умный и опытный коп, способный разобраться с чем угодно.

Он не спеша пересек улицу и встал возле фургона.

Эбби прижалась к стеклу. Ее сердце громко колотилось. Интересно, какой пульс у Кацки? Детектив почти равнодушно взглянул на водительскую дверцу. Только сейчас, когда он повернулся чуть в сторону, Эбби увидела у него в руке пистолет. И когда он успел достать оружие?

Ей стало страшно даже смотреть. Она боялась за него.

Кацка наклонился и заглянул в салон. Наверняка увидел что-то подозрительное. Он обогнул фургон, заглянул в заднее окошко, после чего убрал пистолет. Кацка стоял и ждал водителя.

Тот не замедлил появиться. Дверь одного из домов распахнулась. Оттуда выскочил мужчина в сером комбинезоне и сбежал по ступенькам к машине. Он размахивал руками и что-то кричал. Кацка реагировал, как всегда, невозмутимо. Он достал свой жетон и предъявил водителю. Тот сразу замолчал, после чего полез в бумажник за документами.

Некоторое время они говорили, показывая то на фургон, то на дом. Наконец человек в сером комбинезоне вернулся в дом.

Кацка пошел к дому Эбби.

— Что случилось? — торопливо спросила она, открыв ему дверь.

— Ничего.

— Кто этот водитель? Почему он меня преследовал?

— Он сказал, что знать ничего не знает.

Эбби пригласила Кацку в гостиную.

— Я же не слепая! Я уже видела этот фургон. На нашей улице.

Кацка вытащил записную книжку.

— Джон Догерти, тридцать шесть лет, житель Массачусетса. Дипломированный сантехник. Говорит, сегодня получил первый вызов на Брустер-стрит. Фургон принадлежит водопроводной компании района Бэк-Бей. Внутри полным-полно рабочих инструментов.

Кацка убрал книжку и невозмутимо посмотрел на Эбби. На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Я была так уверена, — бормотала она. — Так уверена, что это тот самый фургон.

— Вы по-прежнему утверждаете, что фургон был?

— Да, черт побери! — крикнула она. — Был фургон!

Этот всплеск не смутил Кацку. Он лишь слегка поднял брови. Эбби усилием воли заставила себя успокоиться. Кацку эмоциями не проймешь. Он целиком состоял из разума и логики. Доктор Спок с полицейским жетоном.

— Мне ничего не кажется, — несколько успокоившись, сказала Эбби. — И я ничего не выдумываю.

— В следующий раз, когда у вас сложится впечатление, что вы видите тот фургон, постарайтесь записать его номер.

— Когда у меня... сложится впечатление?

— Я обязательно позвоню в эту водопроводную компанию и проверю слова Догерти. Но я почти уверен: он всего-навсего сантехник.

Кацка обвел глазами гостиную. В это время зазвонил телефон. Эбби будто не слышала.

— Вы не хотите поднимать трубку? — спросил Кацка.

— Пожалуйста, не уходите. Задержитесь еще ненадолго. Мне надо кое-что вам рассказать.

Рука Кацки уже лежала на дверной ручке. Он подождал, пока Эбби снимет трубку.

— Я слушаю.

— Доктор Ди Маттео? — послышался тихий знакомый голос.

Эбби выразительно посмотрела на Кацку. Тот понял: звонок заслуживает внимания.

— Да, миссис Восс.

— Я кое-что выяснила, — сказала Нина. — Не знаю, насколько это важно. Может, я все преувеличиваю.

Кацка оказался рядом с Эбби. Он подошел так быстро, что она едва заметила его перемещение. Он наклонился к трубке.

— И что вы узнали? — осторожно спросила Эбби.

— Я сделала несколько звонков. В банк, затем нашему бухгалтеру. Так вот, двадцать третьего сентября Виктор перевел деньги в одну бостонскую компанию. Она называется «Эмити корпорейшн».

— Вы уверены насчет даты?

— Да.

Двадцать третьего сентября. За день до пересадки сердца Нине Восс.

— Вам что-нибудь известно об «Эмити»? — спросила Эбби.

— Ничего. Виктор вообще не упоминал ее. Обычно, когда он переводит такие крупные суммы, он оговаривает их со мной…

Нина замолчала. В трубке слышались приглушенные голоса. Потом быстрое шарканье ног. Нина заговорила снова, уже тише и напряженнее.

— Я вынуждена прервать разговор.

— Вы сказали, ваш муж перевел крупную сумму. Насколько крупную?

Ответа не было. Эбби подумала, что Нина уже повесила трубку. Затем послышался шепот Нины:

— Пять миллионов. Он перечислил пять миллионов долларов.

Нина повесила трубку. Она слышала шаги Виктора, но, когда он вошел в спальню, не подняла головы.

— С кем ты говорила? — спросил он.

— С Синтией. Позвонила ей, чтобы поблагодарить за цветы.

— Что она тебе прислала на этот раз?

— Орхидеи.

Виктор мельком оглядел вазу на комоде.

— Да. Очень приятные цветы.

— Синтия говорит, они весной поедут в Грецию. Наверное, надоело путешествовать по Карибскому морю.

С какой легкостью она лгала мужу. Когда это началось? Когда они перестали говорить друг другу правду?

Он присел на кровать. Нина чувствовала его изучающий взгляд.

— Когда ты совсем поправишься, может, и мы съездим в Грецию, — сказал Виктор. — Возможно, даже с Синтией и Робертом. Ты бы не прочь поехать с ними?

Нина кивнула. Она смотрела на одеяло и свои тонкие, совсем костлявые пальцы.

«Я никогда не поправлюсь. Ни совсем, ни вообще. Мы оба это знаем».

Она спустила ноги на пол.

— Мне нужно в ванную.

— Тебе помочь?

— Нет, я сама справлюсь.

Встав, Нина почувствовала недомогание. У нее опять начала кружиться голова. Стоило встать на ноги или хотя бы слегка напрячься. Виктору она ничего не сказала, дожидаясь, когда приступ пройдет. Она медленно побрела в ванную.

Нина слышала, как Виктор поднял телефонную трубку.

Только сейчас, закрыв дверь, она вдруг поняла, что допустила ошибку. В памяти телефона хранился последний набранный номер. Виктору достаточно нажать кнопку повторного набора, и ее ложь откроется. Виктор часто проверял ее звонки. Он поймет, что она звонила вовсе не Синтии, а потом докопается, чей это номер. Снова Эбби Ди Маттео.

Нина стояла, прижавшись спиной к двери ванной, и вслушивалась. Виктор повесил трубку. Затем позвал ее:

— Нина!

Ее обдало новой волной слабости. Нина опустила голову, борясь с подступающей темнотой. Ноги ее не держали. Она чувствовала, как медленно сползает на пол.

Виктор постучал в дверь.

— Нина, мне нужно с тобой поговорить.

— Виктор, — прошептала она, зная, что он все равно ее не услышит.

Ее никто не услышит.

Нина лежала на полу ванной. У нее не было сил пошевелиться или позвать его.

Биение ее сердца походило на шелест крыльев бабочки.

— Наверное, мы ошиблись адресом, — сказала Эбби.

Они с Кацкой остановились на захудалой улице в районе Роксбери. Здесь располагались склады с зарешеченными окнами и мелкие фирмы, находящиеся на грани разорения. Единственным зданием, где вовсю кипела жизнь, был зал бодибилдинга в десятке ярдов от них. Из открытых окон доносился лязг и грохот атлетических снарядов, перемежаемый всплесками мужского смеха. К залу примыкало пустовавшее строение с вывеской «АРЕНДА». А к пустовавшему строению примыкало четырехэтажное здание из бурого песчаника. На его вывеске значилось:

ЭМИТИ КОРПОРЕЙШН

МЕДИЦИНСКИЕ ТОВАРЫ

ПРОДАЖА И ОБСЛУЖИВАНИЕ

На его витринах тоже были решетки. Сами витрины демонстрировали унылый набор товаров, которыми торговала «Эмити». Костыли и трости. Кислородные подушки. Пенополиуретановые прокладки от пролежней. Постельные принадлежности для лежачих больных. Здесь же стоял женский манекен, облаченный в униформу медсестры. Настоящий реликт шестидесятых.

Эбби покосилась на блеклые витрины.

— Может, есть другая корпорация с таким же названием?

— В телефонном справочнике указан только этот адрес, — сказал Кацка.

— Зачем переводить пять миллионов долларов какому-то убогому магазину?

— Возможно, это один из филиалов крупной корпорации. Виктор Восс увидел перспективу для инвестиций.

— Уж слишком неподходящее время он выбрал, — покачала головой Эбби. — Поставьте себя на место Виктора Восса. Его жена умирает. Он отчаянно пытается найти ей донорское сердце. Станет он думать об инвестициях?

— Все зависит от степени его заботы о жене.

— Эта степень зашкаливает.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — ответила Эбби, глядя на Кацку.

Он молчал, не задавая новых вопросов. Эбби поймала себя на том, что непроницаемый взгляд Кацки ее больше не пугает.

Детектив открыл дверцу машины.

— Пойду взгляну на их фирму изнутри.

— Что вы собираетесь там делать?

— Осмотреться. Задать несколько вопросов.

— Я пойду с вами.

— Нет. Вы останетесь в машине.

Кацка открыл дверцу. Эбби схватила его за руку:

— Послушайте, мне нечего терять. Я осталась без работы. Меня могут лишить диплома. Теперь меня называют убийцей, сумасшедшей или сумасшедшей убийцей. Эти люди изгадили мне жизнь. Возможно, это мой единственный шанс нанести им ответный удар.

— И одним своим появлением все испортить. Думаю, это вам ни к чему. Вас там могут узнать. Вы их спугнете. Вы этого хотите?

Эбби откинулась на спинку. Кацка был прав. Черт побери, этот детектив был прав. Он вообще не хотел брать ее с собой, но она настояла. Сказала, что все равно поедет. Одна. И вот, когда они у цели, ей даже нельзя войти в здание. Ей запрещено сражаться. Эту возможность у нее тоже отобрали. Эбби сердито мотала головой, злясь на Кацку и на собственное бессилие. Какая трогательная забота о ее безопасности.

— Заприте дверцы, — распорядился Кацка и вышел из машины.

Он перешел улицу, толкнул обшарпанную дверь и исчез внутри. Эбби представляла, какую картину он там увидит. Унылые ряды инвалидных колясок и тазиков для рвоты. Стойки с униформой для медсестер. Каждый комплект засунут в пластиковый чехол, пожелтевший от времени. Коробки с ортопедической обувью. Эбби не требовалось ничего придумывать. Она бывала в подобных магазинах, когда покупала себе первые комплекты формы.

Прошло пять минут. Потом десять.

Кацка, Кацка. Что держит вас в этом скучном месте?

Он собирался что-нибудь выведать, не вызвав подозрений. Наверное, это он тоже умеет. Эбби доверяла его суждению. Вероятно, среднестатистической коп из убойного отдела умнее среднестатистического хирурга. А вот умнее ли он среднестатистического терапевта — это еще вопрос. В клинике постоянно высмеивали глупость хирургов. Если терапевты уповали на головы, то хирурги — на свои драгоценные руки. Терапевт, чтобы задержать лифт, сунет между дверей руку. Хирург — голову. Ха-ха.

Прошло уже двадцать минут. Шестой час вечера. Чахлое солнце зашло, уступив место сумеркам. Эбби оставила небольшую щель, сквозь которую слышался несмолкаемый гул машин. Рядом тянулся бульвар Мартина Лютера Кинга — оживленная городская магистраль. Близился час пик. Из дверей спортзала, поигрывая мускулами, вышли двое качков и вразвалочку направились к своим машинам.

Эбби наблюдала за входом, с минуты на минуту ожидая возвращения Кацки.

Двадцать минут шестого. Движение даже на этой улице стало интенсивным. Сквозь поток машин Эбби лишь мельком видела входную дверь. Но даже в плотном потоке иногда появлялся неожиданный просвет… Эбби не поверила своим глазам. Из боковой двери «Эмити» вышел человек. Остановился на тротуаре, взглянул на часы. Когда он поднял голову, сердце Эбби пустилось галопом. Она узнала и выпуклый «неандертальский» лоб, и ястребиный нос.

Это был доктор Мейпс. Курьер, доставивший в операционную донорское сердце для Нины Восс.

Мейпс зашагал по тротуару и вскоре остановился возле голубой спортивной машины «транс-ам», достав из кармана брелок.

Эбби смотрела на здание «Эмити» и молилась, чтобы Кацка наконец вышел.

«Ну выходи же! Из-за тебя я прохлопаю Мейпса!»

А Мейпс неторопливо забрался в салон, пристегнулся, включил двигатель. Чуть отъехав от тротуара, он дожидался просвета в потоке машин.

Эбби в отчаянии посмотрела на приборную панель «вольво». Кацка ушел, оставив ключ зажигания.

Вон он, ее шанс. Ее единственный шанс.

Голубой «транс-ам» уже ехал по улице. Времени раздумывать не было.

Эбби перебралась на водительское сиденье, завела мотор и тронулась с места. Ее не волновал ни скрип тормозов позади, ни отчаянные сигналы.

Мейпс успел проскочить перекресток. Сразу за его машиной загорелся красный.

Эбби притормозила. От перекрестка ее отделяли четыре автомобиля. И никакой возможности для маневра. Пока этот чертов светофор снова загорится зеленым, Мейпс далеко уедет. Эбби считала секунды, проклиная бостонские светофоры, бостонских водителей и собственную нерешительность. Если бы она отъехала на десять секунд раньше! «Транс-ам» маячил голубым пятнышком в потоке темных машин. Никак этот дебильный светофор заснул?

Появился зеленый сигнал, однако машины стояли. Теперь что, первый водитель уснул? Эбби вдавила кнопку сигнала, оглушая улицу. Машины впереди наконец-то тронулись. Она нажала на акселератор, но тут же отпустила педаль. Кто-то барабанил по корпусу машины.

Повернувшись вправо, она увидела Кацку, бегущего рядом с пассажирской дверцей. Эбби притормозила и сняла блокировку дверей.

Кацка рванул дверцу.

— Это как называется?

— Влезайте!

— Нет, вначале подрулите к тротуару.

— Влезайте, черт вас дери!

Кацка удивленно заморгал, но влез.

Наконец-то Эбби рванула через перекресток. Впереди, на расстоянии двух кварталов, мелькнула голубая полоска. «Транс-ам» сворачивал вправо, на Коттедж-стрит. Если она не сядет Мейпсу на хвост, он легко оторвется и затеряется в потоке. Эбби вывернула влево, объехала три машины подряд и сумела снова втиснуться в свою полосу. Щелкнул замок ремня. Кацка пристегнулся. Очень хорошо, потому что погоня им предстояла нешуточная. Эбби свернула на Коттедж-стрит.

— Вы мне хоть что-то объясните? — спросил Кацка.

— Я случайно его увидела. Он вышел из боковой двери «Эмити». Человек в голубом «транс-аме».

— Кто он такой?

— Курьер. Перевозчик донорских органов. Нам он представился Мейпсом.

Эбби снова объехала несколько машин по встречной полосе и благополучно вернулась в свою.

— Будет лучше, если за руль сяду я, — сказал Кацка.

— Каждая секунда дорога. Он приближается к кольцевой развязке. Куда двинет теперь?

«Транс-ам» проехал только часть развязки и резко свернул на восток.

— Он едет к скоростной магистрали, — пояснил Кацка.

— Тогда и нам туда же.

Эбби повторила маневр «транс-ама». Предположение Кацки оказалось верным. Мейпс двигался к пандусу, выводящему на скоростную магистраль. До того чтобы сесть ему на хвост, было еще далеко. Сердце Эбби выбивало барабанную дробь. Вспотевшие ладони прилипали к рулевому колесу. Скоростное шоссе — идеальное место, чтобы оторваться от погони. Машины идут бампер в бампер со скоростью шестьдесят миль в час. Каждый водитель — настоящий маньяк, думающий только о том, как бы поскорее добраться домой. Эбби влетела на магистраль. Мейпс ехал не так уж далеко впереди. Он перестраивался в левый ряд.

Эбби попробовала повторить маневр, но тяжелый грузовик не желал уступать дорогу. Эбби сигналила, пытаясь оттеснить грузовик. Тот лишь притормаживал, сокращая расстояние между собой и «вольво».

Начиналась опасная игра «в труса». Эбби искала щель между грузовозом и соседней полосой. Водитель двигался почти по прямой, не желая уступать. Уровень адреналина в крови Эбби зашкаливал, и страха она не чувствовала. Главным сейчас было догнать Мейпса. За рулем сидела не прежняя робкая и подавленная Эбби. Она едва узнавала сама себя в этой неистовой, бормочущей ругательства женщине. Она наносила ответный удар, наслаждаясь погоней. Погоня действовала на нее как секс, насыщая организм тестостероном. Будете знать Эбби Ди Маттео.

Она до предела вдавила педаль акселератора и все-таки обошла грузовик. Проскочила у него под носом.

— Черт вас побери, Эбби! — крикнул Кацка. — Вы пытаетесь нас угробить?

— Я об этом не думаю. Мне нужно сцапать Мейпса.

— Вы и в операционной себя так ведете?

— Да. Все в ужасе разбегаются. Разве вы не слышали?

— Запомню и постараюсь не угодить к вам на стол.

— Что он выделывает?

«Транс-ам» снова поменял полосу. Он скользнул вправо, к туннелю Каллахан.

— Паршивец, — сквозь зубы процедила Эбби и тоже свернула вправо.

Она срезала две полосы. «Вольво» влетел в сумрак туннеля. Бетонные стены были густо разрисованы граффити. Замкнутое пространство усиливало все звуки. Туннель кончился так же внезапно, как и начался.

«Транс-ам» покинул скоростную магистраль. Эбби не отставала.

Они находились в восточной части Бостона. Отсюда до аэропорта Логан — несколько минут. Теперь понятно, куда так спешил Мейпс. В аэропорт.

Но Мейпс их снова удивил. Он миновал железнодорожный переезд и свернул на запад, в сторону от аэропорта. В лабиринт улиц.

Эбби сбросила скорость, позволяя Мейпсу немного уйти вперед. Всплеск адреналина от сумасшедшей погони на скоростном шоссе постепенно гас. В этом месте «транс-аму» далеко не уйти. Сейчас главное, чтобы Мейпс их не заметил.

Они ехали вдоль портовых сооружений внутренней части Бостонского порта. За забором из проволочной сетки тянулись ряды пустых контейнеров, похожие на гигантские кубики «Лего». В каждом ряду было по три яруса. К контейнерному терминалу примыкала погрузочно-разгрузочная зона. На фоне заходящего солнца темнели силуэты кранов и корпуса грузовых судов. «Транс-ам» свернул влево и въехал в открытые ворота контейнерного терминала.

Эбби притормозила за оградой. По другую сторону стоял автопогрузчик. Кабина была пуста. Между ним и ближайшим контейнером осталась щель, позволявшая наблюдать за «транс-амом». Голубая машина подъехала к пирсу и остановилась. Мейпс направился к кораблю, стоявшему у причала. Обычный сухогруз, не более двухсот футов длиной.

Мейпс что-то крикнул. Вскоре на палубе появился человек и жестом позвал его подняться. Мейпс взбежал по трапу и исчез на судне.

— Зачем он сюда приехал? — недоумевала Эбби. — И при чем тут корабль?

— А вы уверены, что это тот самый человек?

— Если не он, тогда у Мейпса есть двойник, работающий в «Эмити».

Эбби вдруг вспомнила, где Кацка провел целых полчаса.

— Что вы узнали насчет того места?

— Вы хотите сказать, что мне удалось узнать, пока я не обнаружил, что мою машину пытаются угнать? — Кацка пожал плечами. — Ничего подозрительного. Обычный магазин медицинских товаров. Я сказал, что ищу регулируемую кровать для больной жены. Они мне показали несколько новейших моделей.

— У них много персонала?

— Я видел троих. Один в торговом зале. Еще двое на втором этаже. Принимают заказы по телефону. Судя по их кислым лицам, никто не в восторге от работы.

— А что на двух верхних этажах?

— Скорее всего, складские помещения. Заурядная фирма. Вряд ли стоит тратить на них время.

Эбби смотрела сквозь ячейки сетки на голубой «транс-ам».

— Вы могли бы затребовать на проверку их финансовую документацию? Узнать, куда и на что пошли пять миллионов Восса?

— У нас нет оснований для проверки каких-либо документов.

— Какие еще доказательства вам нужны? Я знаю: Мейпс — курьер. Я знаю, чем занимаются эти люди.

— Ваши показания не убедят ни одного судью. И уж конечно, при нынешних обстоятельствах.

Его ответ был честным. Честным до жестокости.

— Простите, Эбби, но вы не хуже меня знаете, как сильно подорвано доверие к вам.

Эбби чувствовала, что захлебывается, теряется во вспыхнувшей ярости.

— Вы совершенно правы, — язвительно бросила она Кацке. — Кто же мне поверит? Доктор Ди Маттео с недавних пор свихнулась и несет всякую чушь. Теперь ее воспаленный мозг разразился очередным откровением.

Эти слова, проникнутые жалостью к себе, Кацка выслушал молча и ничего не ответил. Вскоре Эбби пожалела о них. У нее в ушах звучал собственный голос: язвительный и полный боли. Барьер, отгородивший ее от Кацки.

Над ними пронесся реактивный самолет. Тень его крыльев напоминала крылья хищной птицы. Самолет набирал высоту, сверкая в последних лучах заходящего солнца. Только когда грохот стих, Кацка нарушил молчание.

— У меня нет оснований вам не верить.

— Неужели? — удивилась Эбби. — Мне сейчас никто не верит. Чем тогда вызвано ваше доверие?

— Смертью доктора Леви. И обстоятельствами его смерти.

Кацка смотрел вперед, на дорогу, темнеющую под натиском сумерек.

— Так люди с собой не кончают. Они не забираются в укромные углы, где никому не придет в голову их искать. Нам не нравится представлять, как будут разлагаться наши тела. Мы хотим, чтобы нас нашли прежде, чем черви примутся за внутренности. Пока наши лица еще узнаваемы. Это один момент. Человек строил планы. Мечтал отправиться к Карибскому

морю. Обсуждал с сыном, как они отпразднуют День благодарения. Он смотрел вперед, думал о будущем.

Кацка огляделся по сторонам. Неподалеку зажегся уличный фонарь.

— И наконец, поведение его жены Элейн. Мне часто приходилось говорить с мужьями и женами погибших и покончивших с собой. Кто-то был в шоке. Кто-то искренне горевал. Находились и такие, кому это приносило облегчение. Я сам вдовец. Я помню, каких усилий мне стоило после смерти жены просто вставать по утрам. Но что делает Элейн Леви? Она звонит в компанию, занимающуюся перевозками, собирает вещи и покидает город. Странный шаг для убитой горем вдовы. Обычно так поступают люди, в чем-то виноватые. Или чем-то испуганные.

Эбби кивнула. Ее мысли совпадали с мыслями Кацки. Она тоже считала, что Элейн двигал страх.

— Потом вы рассказали мне про Кунстлера и Хеннесси. Оказалось, я имею дело не с единичной смертью, а с цепью смертей. И смерть Аарона Леви все меньше и меньше становится похожей на самоубийство.

В их разговор вклинился рев двигателей другого самолета. Он уходил куда-то влево и вскоре исчез в вечернем тумане. Но в ушах Эбби еще долго отдавался реактивный гул.

— Доктор Леви не вешался, — сказал Кацка.

— То есть как не вешался? — удивилась Эбби. — Я думала, результаты вскрытия это подтвердили.

— Мы провели токсикологическую экспертизу. На прошлой неделе криминалистическая лаборатория прислала результаты анализов.

— И обнаружилось что-то новое?

— Да. В мышечной ткани. Там нашли следы сукцинилхолина.

Эбби повернулась к детективу. Сукцинилхолин. Анестезиологи применяют его практически при каждой операции. Напряжение в мышцах пациента мешает оперировать, а этот препарат вызывает расслабление мышц. В операционной сукцинилхолин помогал спасать жизни. А вот за ее стенами был способен вызывать ужасную смерть. Полный паралич жертвы, сохраняющей ясное сознание. Полная утрата способности двигаться и дышать. Это все равно что утонуть в воздушном океане.

У Эбби пересохло в горле. Она сделала глотательное движение, но глотать было нечего.

— Значит, он не покончил с собой.

— Нет, не покончил.

Эбби медленно вдохнула, потом так же медленно выдохнула. Ужас мешал ей говорить. Она боялась даже представить последние секунды жизни Аарона. Над пирсом плыли клочья вечернего тумана. Мейпс не появлялся. Впереди, в нескольких десятках ярдов, чернел силуэт сухогруза. Он казался пустым, как и контейнеры. Но это была иллюзия.

— Я хочу знать, что внутри этого корабля, — сказала Эбби. — Я хочу знать, почему Мейпс поднялся на борт.

Она потянулась к ручке дверцы.

— Не сейчас, — остановил ее Кацка.

— А когда?

— Подъедем поближе, свернем в сторону и остановимся. Там будет удобнее ждать.

Кацка взглянул на небо, затем на густеющую стену тумана, что поднималась над водой.

— Скоро совсем стемнеет.

21

— Сколько времени прошло?

— Около часа, — ответил Кацка.

Эбби обхватила плечи. Ей было зябко. Наступивший вечер принес холод. От их дыхания стекла в салоне запотели. В тумане желтоватым глазом светился уличный фонарь.

— Интересные у вас представления о времени. «Около часа». Мне кажется, мы тут всю ночь торчим.

— Все зависит от ваших представлений о времени. Я достаточно долго занимался наблюдением. С этого началась моя работа в полиции.

Эбби не хватало воображения представить Кацку молодым краснощеким парнем, новоиспеченным полицейским.

— А почему вы стали полицейским? — спросила она.

Он пожал плечами. На стенке салона мелькнула его тень.

— Мне это нравилось.

— Такими словами можно объяснить что угодно.

— А почему вы стали врачом?

Эбби протерла запотевшее лобовое стекло. В темноте ряды пустых контейнеров были похожи на странные каньоны с прямоугольными отвесными стенками.

— Даже не знаю, как вам ответить.

— Это такой трудный вопрос?

— Скорее, ответ трудный.

— Значит, вами двигало не просто желание делать добро человечеству.

Теперь Эбби пожала плечами:

— Человечество едва ли заметит мое исчезновение из мира медицины.

— Но вы ведь долго учились на врача. Потом долго стажировались. Наверняка у вас была причина выбрать эту профессию. Очень веская причина.

Лобовое стекло успело запотеть снова. Эбби его протерла. Влага на стекле оказалась на удивление теплой.

— Причина… причина — мой младший брат. Когда ему было десять, он попал в больницу. Я проводила много времени у его койки, наблюдала за врачами и их работой.

Кацка ждал продолжения рассказа. Эбби молчала. Тогда он осторожно спросил:

— Я так понимаю, ваш брат умер?

Эбби кивнула:

— Это было так давно.

Она смотрела на свои пальцы. Влажные и теплые, как слезы. Ей даже показалось, что она вполне могла бы заплакать. Спасибо Кацке за молчание. Эбби не хотелось отвечать на другие вопросы и оживлять в памяти операционную, Пита, лежащего на каталке в своих новеньких теннисных туфлях, забрызганных кровью. Какими маленькими были эти туфли. Слишком маленькими даже для десятилетнего мальчишки. А потом потянулись месяцы комы. Его тело усыхало, а руки застыли в постоянной позе, словно Пит обнимал самого себя. В ту ночь, незадолго до его смерти, Эбби подняла брата на руки и качала. Он был хрупким и невесомым. Как младенец.

Она больше ничего не рассказала Кацке, но почувствовала, что он и так многое понял. Это было общение через сопереживание. Она никак не думала, что Кацка обладает столь редкой способностью. Но этот детектив не переставал ее удивлять.

Кацка посмотрел в темноту, пронизанную редкими желтыми фонарями.

— Думаю, уже достаточно темно.

Они вышли из машины и направились к контейнерному терминалу. Ворота по-прежнему оставались открытыми. Сквозь туман просматривался силуэт корабля. Единственным светящимся окном на корабле был нижний иллюминатор. Оттуда исходило странное зеленоватое свечение. Если бы не оно, судно можно было бы посчитать пустым. Кацка и Эбби вошли на причал, миновали груду пустых ящиков, составленных на погрузочный поддон.

Возле трапа они замерли, вслушиваясь в плеск воды и металлическое поскрипывание снастей. Взлет очередного самолета напугал их обоих. Эбби подняла глаза к небу. Она смотрела на перемигивающиеся сигнальные огни, представляя, что не самолет, а она сама движется сквозь пространство и время. Она чуть не схватилась за руку Кацки.

«Как я дошла до жизни такой? Стою на каком-то пирсе рядом с копом», — подумала Эбби.

Потом пришла другая мысль: «Что за странная цепь событий привела меня сюда? Меньше всего я ожидала таких зигзагов в своей жизни».

Кацка взял ее за руку. Его рука была теплой и твердой.

— Я поднимусь на борт.

Он едва успел сделать несколько шагов, как вдруг застыл и обернулся, вглядываясь в пирс.

По воротам чиркнул свет автомобильных фар. Затем на терминал въехал фургон.

Эбби не успела спрятаться за ящиками. Лучи фар высветили ее и, казалось, пригвоздили к месту.

Фургон остановился. Эбби прикрывала глаза ладонью, но все равно ничего не видела. Хлопнули дверцы, потом с шумом закрылись. Под ногами приехавших заскрипел гравий. Они приближались, отрезая пути к бегству.

Рядом возник Кацка. Эбби не понимала, когда он успел вернуться с трапа. Он встал между нею и фургоном.

— Парни, пропустите нас, — сказал он. — Мы вам не помешаем.

Их было двое. В свете фар Эбби видела лишь силуэты. Слова Кацки не возымели действия. Незнакомцы двинулись прямо на них.

— Пропустите нас! — крикнул Кацка.

Его спина частично загораживала Эбби обзор. За пару секунд явно что-то произошло. Кацка припал к земле. Одновременно ударили выстрелы. У Эбби за спиной послышался негромкий металлический лязг. Это была пуля, рикошетом отскочившая от пирса.

Они с Кацкой одновременно бросились к ящикам. Он пригнул голову Эбби. По ним снова стреляли. Пули застревали в досках.

Кацка тоже выстрелил. Трижды, один выстрел за другим.

Напавшие отступали. Эбби слышала шаги и обрывки фраз.

Затарахтел мотор. Заскрипел гравий под колесами. Эбби подняла голову и обмерла.

К ее ужасу, фургон ехал на них с Кацкой. Он крушил ящики, двигаясь как таран.

Кацка прицелился и выстрелил. Четыре выстрела пробили лобовое стекло.

Фургон завихлял в разные стороны. Таран потерял управление.

Кацка выстрелил еще два раза. В звуках выстрелов Эбби почудилось отчаяние.

Фургон продолжал двигаться. Фары слепили Эбби глаза. Фургон был уже совсем близко. И тогда Эбби прыгнула с пирса в воду.

Ледяная вода встряхнула все тело. Эбби вынырнула, закашлявшись от привкуса соли и дизельного топлива. Ее руки и ноги молотили по черной воде. Люди на пирсе что-то кричали. Затем раздался тяжелый всплеск. Вода забурлила. Эбби накрыло с головой. Она снова вынырнула, кашляя и отфыркиваясь. Там, где пирс кончался, из воды пробивался тусклый свет. Фургон! Он упал в воду и теперь погружался на дно. Фары все еще светили. Потом они погасли, и вода опять почернела.

Кацка. Куда он пропал?

Эбби барахталась в воде, озираясь в поисках исчезнувшего полицейского. От упавшего фургона до сих пор расходились волны. Соленая вода разъедала глаза, туманя зрение.

Из воды высунулась голова. Кацка был неподалеку, в нескольких футах. Он сосредоточенно плыл, приближаясь к ней и проверяя, как она держится на воде. С пирса снова послышались голоса. Это были люди с корабля. Двое или трое. Они бегали по пирсу и не то кричали, не то переругивались друг с другом. Слов было не разобрать.

Эбби поняла, что они говорят не по-английски, но язык разобрать не смогла.

На судне вспыхнул прожектор. Луч пробил туман и заскользил по воде.

Кацка нырнул. Эбби тоже нырнула. Она плыла под водой. Цель была одна: вырваться в открытое пространство, подальше от пирса и корабля. Несколько раз она ныряла и выныривала. На пятый раз она обнаружила, что ее окружает темнота.

Но теперь на судне горели два прожектора. Лучи пробивали туман, похожие на два неутомимых беспощадных глаза. Где-то поблизости плеснула вода. Кацка негромко отфыркивался.

— Пистолет выронил, — сообщил он, хватая ртом воздух.

— Что нам теперь делать? — спросила Эбби.

— Плыть дальше. К соседнему пирсу.

На палубе вдруг зажглись все огни. Пирс залило нестерпимо ярким светом, очертив каждую мелочь. Людей с корабля было трое. Один стоял на трапе. Другой, скрючившись на краю пирса, шарил по воде ручным

прожектором. Третий оставался на палубе. Его автоматическая винтовка была направлена в воду.

— Ныряем, — коротко бросил Кацка.

Эбби нырнула, продолжая путь сквозь черную воду. Она никогда не была сильна в плавании. Она боялась глубины. Сейчас ей казалось, что под нею бездна. Она вынырнула и почувствовала, что горло сдавил спазм. Воздух не поступал в легкие.

— Эбби, плывите, не останавливайтесь! — настаивал Кацка. — Нужно добраться до соседнего пирса!

Эбби оглянулась на корабль. Судовые прожектора расширяли радиус поисков. Пятно света двигалось к ним. Эбби снова нырнула.

Когда они с Кацкой достигли соседнего пирса, Эбби едва шевелила руками и ногами. Она ползла по камням, скользким от водорослей и нефтяной пленки. Какая-то морская тварь успела впиться ей в коленку. Эбби было все равно. Она едва присела на корточки, как ее начало выворачивать.

Кацка взял ее за руку, пытаясь успокоить. Эбби трясло от изможденія. Если бы не его рука, она бы просто рухнула и замерла среди этих липких камней.

Наконец ее желудок вытряхнул из себя все содержимое. Эбби с трудом подняла голову.

— Вам получше? — шепотом спросил Кацка.

— Замерзаю.

— Тогда идемте поищем местечко потеплее.

Кацка задрал голову, оглядывая нависший над ними пирс.

— Думаю, мы сумеем забраться по камням. Идемте.

Они карабкались вверх, скользя и спотыкаясь на замшелых, покрытых водорослями камнях. Кацка выбрался первым, затем протянул Эбби руку. Стоять во весь рост было опасно. Они пригнулись к бетонной плите.

Луч прожектора прорезал туман и полоснул прямо по ним. За спиной Эбби звякнула пуля. Опять рикошет.

— Бежим! — крикнул Кацка.

Они бросились к концу пирса. Прожектор охотился за ними, вычерчивая зигзаги. Пирс кончился. Ноги сами несли их к контейнерному терминалу. Пули так и сыпались, чиркая по гравию. Впереди был спасительный лабиринт контейнеров. Вот и первый ряд. Теперь пули ударялись в металл. Потом стрельба прекратилась.

Эбби больше не могла бежать. Ей не хватало воздуха. Она безмерно устала от плавания в ледяной воде. Она ослабла после рвоты. Неудивительно, что ее трясло, она спотыкалась на каждом шагу.

Голоса приближались. Кажется, преследователи двигались с двух сторон.

Кацка схватил ее за руку и потащил вглубь контейнерного лабиринта. Достигнув конца ряда, они повернули налево и побежали дальше. Потом застыли на месте.

В дальнем конце ряда мелькнул свет.

«Они подстерегают нас впереди!»

Кацка дал крюк вправо, свернув в другой ряд. Контейнеры высились с обеих сторон, будто стены пропасти. Голоса преследователей снова заставили их скорректировать курс. Эбби потеряла счет поворотам. Возможно, Кацка водил ее кругами, но контейнеры были похожи, и это мешало ей ориентироваться.

А впереди снова заметался луч фонаря.

Эбби с Кацкой остановились, повернулись и стали отходить назад. Но там их тоже поджидал свет.

«Нас окружили».

В панике она попятилась, ухватилась за контейнерную стенку и вдруг обнаружила щель между контейнерами. Узкую, куда едва можно было протиснуться.

Луч фонаря приближался.

Схватив Кацку за руку, Эбби потащила его в расщелину. Дальше, еще дальше. Они извивались, как червяки, сплевывая паутину. Потом Эбби ткнулась в стенку. Дальше был тупик. Они застряли в пространстве, которое было у́же гроба.

Люди с корабля их настигали. Шаги по гравию становились все громче.

Кацка сжал ее трясущиеся руки, но унять ее страх не мог. Сердце Эбби грозило выпрыгнуть наружу. Шаги все приближались.

И голоса. Первый голос окликал напарника. Тот ему отвечал. На каком же языке они говорят? А может, она не понимает слов из-за крови, стучащей в висках?

Свет фонариков метался в опасной близости от расщелины. Преследователи стояли рядом и переговаривались. А ведь им было достаточно посветить лучом в подозрительную щель — и вот она, добыча. Кто-то из двоих поддел ногой камешек. Тот пролетел, ударившись в стенку контейнера.

Эбби закрыла глаза. Ей было страшно смотреть. Не хотелось видеть момент собственного обнаружения. Еще несколько секунд, и игра кончится. Кацка крепко держал ее руку. От напряжения у Эбби затекло все тело. Дыхание сделалось частным и поверхностным. В их укрытие полетел второй камешек.

Потом шаги стали удаляться.

Эбби не осмеливалась шевельнуться. Возможно, она утратила способность двигаться. В мозгу появилась абсурдная мысль: «Через несколько лет кто-нибудь найдет мой скелет, скованный ужасом».

Первым шевельнулся Кацка. Он приблизился к выходу из щели и уже собрался высунуть голову, когда неподалеку чиркнули спичкой. Огонек вспыхнул и погас. Кацка снова замер. Из темноты потянуло сигаретным дымом.

Потом послышался голос. Негромкий, поскольку кричали издалека. Курильщик что-то буркнул в ответ и стал удаляться.

Кацка застыл, как изваяние.

Они с Эбби оба превратились в статуи, держащиеся за руки. Никто не решался говорить даже самым тихим шепотом. Еще дважды их преследователи проходили мимо и шли дальше.

Потом вдали что-то загрохотало, словно на Бостон надвигалась гроза. Через некоторое время грохот стих.

Еще долго Эбби и Кацка вслушивались в пространство, но больше ничего не слышали.

Никто из них не знал, сколько времени они провели в своем тесном укрытии. Явно не один час. Потом они осторожно выползли, обогнули ряды контейнеров, приблизились к пирсу. Тишина вокруг действовала на нервы. Туман рассеялся. В небе, белесом от городских огней, перемигивались звезды.

Соседний пирс был пуст. Ни людей, ни огней, ни даже странного свечения в иллюминаторе. Только силуэт пирса. Бетонная полоса, окаймленная черной водой, на которой плясали лунные блики.

Сухогруз ушел.

22

Линия на экране кардиомонитора напоминала пляску смерти. Аккомпанементом служили пронзительные взвизгивания сигнала.

— Мистер Восс, пожалуйста, — попросила медсестра, схватив Виктора за руку и пытаясь оттащить его от постели Нины. — Врачам нужно работать.

— Я отсюда не уйду.

— Мистер Восс, пока вы здесь, они не могут начать.

Виктор резко отбросил ее руку. Женщина поморщилась, как от удара. Он стоял, до белизны костяшек вцепившись в спинку больничной койки.

— Отойти! — послышался властный голос. — Всем отойти!

— Мистер Восс! — Доктору Арчеру пришлось кричать, перекрывая общий гам. — Нам необходимо провести вашей жене электрошоковую стимуляцию сердца. Отойдите от постели и не задерживайте нас.

Виктор разжал пальцы. Отошел.

Тело Нины вздрогнуло и дернулось от мощного электрического разряда. Такая маленькая и хрупкая. Как они смеют издеваться над нею? Зрелище разъярило Восса. Он шагнул вперед, готовый отшвырнуть пластины электродов. Но не схватил, а замер, глядя на экран кардиомонитора.

Зубчатая линия сменилась прямой с ритмичными пиками. Кто-то облегченно вздохнул. Виктор шумно выдохнул весь воздух, что удерживал в легких.

— Систолическое давление — шестьдесят… Уже шестьдесят пять.

— Ритм стабилизировался.

— Систолическое давление повысилось до семидесяти пяти.

— Хорошо, отключайте внутривенную подачу.

— Пациентка двигает рукой. Может, временно зафиксировать ей руку?

Растолкав медсестер, Виктор подошел к постели жены. Никто не пытался его удержать. Он поднес руку Нины к губам. Ее кожа была соленой от его слез.

«Останься со мной. Прошу и умоляю: останься со мной».

Его окликнули. Как ему показалось, откуда-то издалека. Обернувшись, Виктор увидел доктора Арчера.

— Мы можем ненадолго выйти? — спросил он.

Виктор покачал головой.

— Сейчас состояние вашей жены не внушает опасений, — сказал Арчер. — Она под постоянным наблюдением. Давайте выйдем из отсека. Мне нужно с вами поговорить. Безотлагательно.

Наконец Виктор согласился. Он осторожно уложил руку Нины на одеяло и вслед за Арчером покинул отсек.

Они нашли тихий уголок. Как всегда по вечерам, свет в отделении был притушен. Над столом дежурной медсестры горели зеленые экраны мониторов. Сама она сидела тихо и неподвижно.

— Пересадку придется отложить, — сказал Арчер. — Возникла проблема с донорским сердцем.

— Как это понимать?

— Сегодня не было возможности провести изъятие сердца. Мы перенесем операцию на завтра.

Виктор оглянулся на смотровое окно отсека. Нина просыпается. Он должен быть рядом с нею.

— Завтра не должно быть никаких сбоев, — сказал Виктор.

— Их и не будет.

— Это я от вас уже слышал. После первой пересадки.

— К сожалению, мы не всегда можем справиться с отторжением пересаженного органа. Вопреки всем нашим усилиям, такое иногда случается.

— Где гарантия, что это не случится снова? Со вторым сердцем?

— Давать гарантии не возьмусь. Но при нынешнем состоянии миссис Восс у нас нет альтернативы. Лечение циклоспорином не дало результатов. Организм вашей жены воспротивился такому мощному препарату, как ортоклон ОКТ-3. Анафилактическая реакция. Нам не остается ничего иного, кроме новой пересадки сердца.

— Вы сделаете ее завтра?

Арчер кивнул:

— Мы позаботимся, чтобы ее сделали завтра.

Виктор вернулся к постели жены. Нина еще не полностью пришла в сознание. Он часто смотрел на нее спящую. В первые годы их совместной жизни просто любовался. Потом стал подмечать изменения в ее лице. Морщинки в уголках рта. Начинающий провисать подбородок. Новые седые нити в волосах. Каждая перемена вызывала в нем скорбные чувства, напоминая о краткости их совместного путешествия по холодной, одинокой вечности.

Но поскольку изменяющееся лицо все равно оставалось ее лицом, он любил в ней каждую перемену.

Прошел не один час, прежде чем Нина открыла глаза. Виктор не сразу понял, что его жена не спит. Он сидел на стуле, ссутулившись от усталости. И вдруг что-то заставило Виктора поднять голову.

Нина смотрела на него. Она раскрыла ладонь, молчаливо ожидая его прикосновения. Виктор схватил ее пальцы и принялся целовать.

— Все будет хорошо, — прошептала она.

— Да, — улыбнулся Виктор. — Конечно будет.

— Виктор, я была счастлива. Очень счастлива…

— Мы оба были счастливы.

— Но теперь тебе придется меня отпустить. Научись этому.

Улыбка Виктора погасла. Он покачал головой:

— Не говори так.

— У тебя впереди еще так много всего, — сказала Нина.

— А у нас?

Он сжимал ее руку в своих, точно человек, пытающийся удержать в ладонях воду.

— Нина, мы с тобой не похожи на других! Мы всегда говорили это друг другу. Помнишь? Мы отличались от окружающих. Мы были особой парой. С нами не могла случиться никакая беда.

— И все-таки случилась, — прошептала Нина. — Не с тобой, Виктор. Со мной.

— Я об этом позабочусь.

Нина не стала ему возражать. Она лишь печально покачала головой.

Ее глаза закрылись. Виктору показалось, что за секунду до того, как ее веки сомкнулись, он увидел на ее лице выражение тихого сопротивления. Он перевел взгляд на ее руку. Руку, которую привык считать своей. Не частью своего тела, а своей собственностью. Пальцы ее руки были сжаты в кулак.

Около полуночи детектив Лундквист привез мокрую и безумно уставшую Эбби к дверям ее дома. Машины Марка в проезде не было. Войдя внутрь, Эбби остро почувствовала пустоту. Схожее ощущение человек испытывает, стоя на краю пропасти. Должно быть, задержался в клинике. Или поехал на срочный вызов. Марку часто приходилось среди ночи ехать в Бейсайд, чтобы оперировать очередную жертву огнестрельного или ножевого ранения. Эбби попыталась представить его за операционным столом, в хирургическом облачении и маске. Она пыталась мысленно воспроизвести его лицо, склоненное над пациентом… и не могла. Вся прежняя реальность, все прежние воспоминания были как будто стерты.

Она прослушала сообщения автоответчика, надеясь, что Марк звонил домой. Два сообщения от Вивьен и больше ничего. Номер, оставленный китаянкой, имел префикс другого штата. Значит, Вивьен по-прежнему в Берлингтоне. Звонить туда было поздно. Эбби решила, что позвонит утром.

Она поднялась на второй этаж, запихнула в стиральную машину свою мокрую грязную одежду и полезла в душ. Настенная плитка была сухая. Значит, вечером Марк душ не принимал. Может, он вообще не возвращался домой?

Горячие струи хлестали по плечам. Эбби стояла с закрытыми глазами и думала. Ее страшила встреча с Марком. Страшили слова, которые придется ему сказать. Только поэтому она сегодня приехала сюда. Настало время откровенного разговора. Время ответов, которые она потребует от Марка. Неопределенность становилась все более тяжкой.

Выйдя из ванной, Эбби села на постели и послала сообщение на пейджер Марка. Телефон зазвонил почти сразу же, чему она очень удивилась.

— Эбби? — Это был не Марк, а Кацка. — Решил убедиться, что с вами все в порядке. Я вам звонил минут десять назад, но никто не подошел.

— Я была в душе. Кацка, со мной все в полном порядке. Жду Марка.

— Значит, вы сейчас одна? — помолчав, спросил он.

В его голосе звучала тревога. Эбби слегка улыбнулась. Вот так: поскреби броню на этом копе, и обнаружишь обычного человека, способного проявлять эмоции.

— Я заперла все окна и двери, — сообщила она. — Выполнила все ваши рекомендации.

В трубке слышались другие голоса, треск полицейской рации. Она поехала в тепло, а Кацка по-прежнему стоял на пирсе. Эбби представила огни мигалок патрульных машин. Наверное, и «скорая» уже подоспела.

— Что у вас там? — спросила она.

— Ждем водолазов. Необходимое снаряжение уже доставили.

— Вы всерьез считаете, что водитель все еще в салоне?

— Боюсь, что да.

Он вздохнул, и Эбби почувствовала такую безмерную усталость, что ей стало жаль детектива.

— Кацка, вам тоже стоило бы поехать домой. Принять горячий душ, съесть куриного бульона. Считайте, что я вам это прописала.

Он засмеялся. Эбби впервые слышала его смех.

— Осталось лишь найти аптеку, где мне все выдадут по вашему рецепту.

Его отвлекли. Наверное, кто-то из полицейских. Эбби слышала обрывки фраз. Говорили о траектории пуль.

— Эбби, мне надо идти. Уверены, что вы в безопасности? Может, было бы лучше переночевать в гостиничном номере?

— Я спокойно переночую здесь.

— Хорошо. — Кацка снова вздохнул. — Но утром обязательно вызовите слесаря. Пусть поставит дополнительные врезные замки на все двери. Особенно если вам часто приходится ночевать одной.

— Обязательно вызову.

Возникла короткая пауза. У Кацки было полным-полно неотложных дел, но чувствовалось: ему не хочется прекращать разговор.

— Утром я вам обязательно позвоню, — наконец сказал он.

— Спасибо, Кацка, — ответила Эбби и сама повесила трубку.

Она послала новое сообщение на пейджер Марка. Потом легла и стала ждать его звонка. Он не звонил.

Потянулось время. Эбби не спалось. Ее страх за Марка нарастал. Она пыталась рассуждать логично и вела разговор с собой, перечисляя все причины, мешавшие Марку позвонить. Возможно, у него была тяжелая операция и сейчас он спит в ординаторской. Он мог случайно уронить и сломать пейджер. Наконец, в эту минуту он стоит у операционного стола. Или…

«Или его уже нет в живых. Как Аарона Леви. Как Кунстлера и Хеннесси».

Она послала ему еще одно сообщение. Потом еще.

В три часа ночи зазвонил телефон. Задремавшая Эбби мгновенно проснулась и схватила трубку.

— Эбби, это я.

В трубке потрескивало, как будто Марк звонил откуда-то издалека.

— Я тебе без конца посылала сообщения на пейджер, — сказала Эбби. — Где ты?

— В машине. Еду в клинику… Эбби, нам нужно поговорить. Обстоятельства… изменились.

— Между нами? — сразу спросила она. — Ты это хотел сказать?

— Нет. Нет, Эбби. С тобой это никак не связано. И никогда не было связано. Это касается меня. Тебя в это просто затянуло. Я пытался удерживать их на расстоянии, но теперь они зашли слишком далеко.

— Кто они?

— Команда.

Эбби боялась задать следующий вопрос, но выбора у нее не было.

— Ты говоришь обо всех вас? Вы все к этому причастны?

— Уже нет.

Голос Марка пропал. Эбби показалось, что она слышит звук проносящихся машин. Потом Марк заговорил снова.

— Этим вечером мы с Мохандасом приняли решение. Я был у него дома. Мы говорили, сравнивали записи. Эбби, мы кладем наши головы на плаху, но мы так решили. Время настало. Мы больше не можем этим заниматься. Мы с Мохандасом собираемся предать все это широкой огласке. И нам плевать на остальных. В заднице я видел этот Бейсайд. — У него задрожал голос. — Я был трусом и теперь очень сожалею о своей трусости.

Эбби закрыла глаза:

— Ты знал. Все это время ты знал.

— Я знал только часть. Я и понятия не имел, как далеко зашел Арчер. Я не хотел знать. Убеждал себя, что меня это не касается. А потом ты начала задавать вопросы. Начала докапываться. И я больше не смог прятаться от правды… — Марк глубоко вздохнул и прошептал: — Эбби, это меня уничтожит.

Она по-прежнему лежала с закрытыми глазами. Она мысленно видела Марка в темноте его машины. Одна его рука лежала на рулевом колесе, другая сжимала сотовый телефон. Эбби видела его лицо, полное страданий. Но на его лице были не только страдания. Мужество. Главное, он оказался мужественным человеком.

— Я люблю тебя, — прошептал Марк.

— Марк, поезжай домой. Пожалуйста.

— Пока не могу. Мы с Мохандасом договорились встретиться в клинике. Постараемся добыть сведения по донорам.

— Вы знаете, где они хранятся?

— Догадываемся. Но вдвоем мы с ним провозимся очень долго. Вот если бы ты нам помогла, к утру мы просмотрели бы все.

Эбби села на постели.

— Все равно я уже не засну. Где ты встречаешься с Мохандасом?

— В архиве. У него есть ключ… Эбби, ты действительно хочешь нырнуть в это дерьмо?

— Я хочу быть там, где ты. Мы займемся этим вместе. Договорились?

— Договорились, — тихо ответил он. — До скорой встречи.

Через пять минут Эбби уже сидела в своей машине.

Улицы Западного Кембриджа были пусты. Она свернула на Мемориэл-драйв и некоторое время ехала вдоль реки Чарльз. Затем поворот на юго-восток, в направлении моста в створе Ривер-стрит. Часы показывали пятнадцать минут четвертого. Ее недавняя усталость куда-то испарилась. Давно уже Эбби не чувствовала себя такой бодрой и полной сил.

«Наконец мы ударим по ним! — думала Эбби. — И сделаем это вместе. Так, как должны были бы с самого начала».

Она пересекла мост и свернула к пандусу, ведущему на платную магистраль. Ночью машин здесь было совсем мало, и она легко влилась в скудный поток.

Через три с половиной мили платный участок кончился. Эбби поменяла полосу, готовясь перебраться на Юго-Восточное скоростное шоссе. Сворачивая на подъем, она вдруг заметила фары машины, стремительно приближавшейся сзади.

Эбби прибавила скорость и вывернула на шоссе.

Машина не отставала. Мощные фары били прямо в зеркало заднего обзора. Это погоня или ей только кажется? Если погоня, где она

превратилась в дичь? Ответов Эбби не знала. А лучи приближались. Два адских луча.

Она еще прибавила скорость.

Автомобиль сзади сделал то же самое. Потом, неожиданно рванув влево, выехал на соседнюю полосу. Расстояние между нею и машиной Эбби быстро сокращалось. Теперь они шли почти ноздря в ноздрю.

Эбби повернула голову вбок. Увидела, как в той машине опустилось стекло со стороны пассажирского сиденья. Успела заметить силуэт мужчины.

В панике она нажала на акселератор.

Разглядывая машину-преследователя, Эбби слишком поздно заметила другую; ту, что еле-еле тащилась впереди. Завизжали тормоза. Машина Эбби закружилась, ударилась о бетонное ограждение и отскочила. Окружающий мир дал резкий крен, потом закувыркался. Эбби видела то темноту, то свет. Опять темноту и опять свет.

Дальше была только темнота.

— ...повторяю: говорит машина «скорой помощи» номер сорок один. Расчетное время прибытия — три минуты. Как поняли?

— Сорок первая, вас понял. Жизненные показатели?

— Систолическое давление держится на девяносто пяти. Пульс — сто десять. В один из периферических сосудов ввели изотонический раствор... Кажется, она начинает двигаться.

— Двигаться ей сейчас ни в коем случае нельзя.

— Мы уложили ее на спинальный щит с фиксатором головы.

— Хорошо. У нас все готово. Ждем вас.

— Будем через минуту. Пока, Бейсайд.

...Свет.

И боль. Короткие, резкие вспышки боли в голове.

Она пробовала крикнуть, но из горла не вырвался ни один звук. Пыталась отвернуться от слепящего света, но ее шею сжимал тугой ошейник. Ей казалось: если нырнуть из света в темноту и зарыться там поглубже, боль исчезнет. Собрав все силы, она попыталась вырваться из ремней, которыми были стянуты ее руки и ноги.

— Эбби! Эбби, не вертитесь! — потребовал чей-то голос. — Я должен посмотреть ваши глаза.

Она повернулась в другую сторону. Ремни больно впились в запястья и лодыжки. Только сейчас она поняла: ее тело вовсе не парализовано. Просто она лежит на каталке, связанная по рукам и ногам.

— Эбби, это я, доктор Уэттиг. Посмотрите на меня. Посмотрите на свет. Это важно. Не закрывайте глаза. Не закрывайте.

Она открыла глаза, хотя свет его ручки-фонарика напоминал лезвие, проникающее до черепа.

— Водите глазами за лучом. Еще. Прекрасно, Эбби. Оба зрачка нормально реагируют на свет. Глазодвигательные мышцы в порядке.

Уэттиг щелкнул кнопкой. Луч погас.

— Но компьютерную томографию все равно надо сделать.

Теперь глаза Эбби различали очертания. Голова доктора Уэттига частично заслоняла рассеянный свет операционного светильника. Она видела и голову, и тень от головы. В поле ее зрения попадали и другие головы, а также белая занавеска, похожая на облако.

Левую руку пронзила боль.

— Не дергайтесь, Эбби, — произнес мягкий женский голос. — Мне нужно взять у вас кровь на анализы. Пожалуйста, полежите спокойно. Я должна заполнить несколько пробирок.

— Доктор Уэттиг, рентгеновская установка готова, — произнес третий голос.

— Подождите немного, — ответил Уэттиг. — Иглу для капельницы нужно взять покрупнее. Шестнадцатый номер. Начинайте.

Теперь боль пронзила правую руку. Как ни странно, эта боль вывела ее разум из замешательства и заставила работать с предельной ясностью. Эбби точно знала, куда она попала. Она не помнила, как здесь очутилась, но место, где она находилась, называлось отделением неотложной

помощи клиники Бейсайд. Если она здесь, да еще в таком состоянии, значит случилось что-то чудовищное.

— Марк, — пробормотала она и попыталась сесть. — Где Марк?

— Не двигайтесь! Вы трубку капельницы собьете!

Чья-то рука надавила ей на локоть, припечатав руку к каталке. Прикосновение отнюдь не было мягким. Они все вместе издевались над ней, кололи иголками и обращались как с пойманной зверюшкой.

— Марк! — крикнула она.

— Эбби, послушайте меня.

Это снова был Уэттиг. Она узнала его тихий, нетерпеливый голос.

— Мы пытаемся с ним связаться. Наверняка он скоро приедет. А сейчас вы должны нам помогать, иначе мы не сможем помочь вам. Это понятно? Эбби, вы меня понимаете?

Его лицо подействовало на нее сильнее слов. Эбби затихла. Как часто, еще будучи ординатором, она холодела от взгляда его голубых, ничего не выражающих глаз. Сейчас, пригвожденная к каталке, она чувствовала не робость и не волнение. Страх. Ей было страшно. Очень страшно. Она оглядела палату, ища хотя бы одно дружественное лицо. Но все, кто находился рядом с нею, были слишком заняты пробирками с кровью, трубками капельниц и показаниями приборов.

Потом занавеску отодвинули. Каталка тронулась. Ее куда-то везли. Мелькали люминесцентные трубки под потолком. Ее увозили в недра клиники. В логово врага. Она даже не пыталась сопротивляться. При связанных руках и ногах не больно-то повоюешь.

«Думай, — мысленно приказала она себе. — Ты должна думать».

Каталка завернула за угол. Эбби узнала отделение рентгенологии. Возле каталки появилось новое лицо. Мужское. Оператор компьютерного томографа. Друг или враг? Как распознать? Тем временем ее перенесли на стол. Появились новые ремни: на груди и бедрах.

— Лежите совсем тихо, — сказал ей оператор. — Иначе все придется повторить сначала.

Над ее головой нависла арка сканера. Это не было замкнутое пространство, но Эбби нашла у себя все симптомы клаустрофобии. Она вспомнила впечатления своих пациентов, проходивших компьютерную

томографию: «Все равно что засунуть голову в точилку для карандашей». Эбби закрыла глаза. Вокруг щелкал и негромко гудел томограф. Она заставляла себя думать. Вспоминать, как и почему здесь оказалась.

Эбби вспомнила, что села в машину и поехала. Добралась до платной магистрали. Дальше пленка ее воспоминаний обрывалась. Это называлось ретроградной амнезией. О самой аварии она вообще ничего не помнила. Однако события, приведшие ее к той точке, постепенно всплыли в памяти.

Пока длилось сканирование, она вспоминала и к моменту его окончания соединила разрозненные куски. Картина не была цельной, но достаточной, чтобы Эбби поняла, как ей действовать дальше, если она хочет остаться в живых.

Она была умницей. Настоящей пай-девочкой, отчего оператор томографа потерял бдительность и, перемещая ее обратно на каталку, не закрепил ей руки. Только ремень на груди. Затем он вывез каталку в комнату ожидания.

— За вами придет сестра из реанимации, — сказал он Эбби. — Если что-то понадобится, позовите. Я буду в соседнем помещении.

Сквозь полуоткрытую дверь Эбби слышала его разговор по телефону.

— Да, это лаборатория компьютерной томографии. Мы свою работу сделали. Доктор Блейз сейчас просматривает результаты. Вы хотите ее забрать?

Эбби потянулась и осторожно расстегнула пряжку грудного ремня. Потом села на каталке. Комната почему-то закружилась. Тогда она прижала пальцы к вискам, и кружение пропало.

Капельница!

Эбби отклеила лейкопластырь и, морщась, вырвала катетер. Из трубки на пол потек физиологический раствор. Эбби не обратила на это внимания. Сейчас главное — остановить кровотечение из вены. Игла шестнадцатого размера проделала в руке довольно большую дырку. Эбби замотала отметину лейкопластырем, однако кровь продолжала сочиться. Ей сейчас не до этого. Нужно убраться отсюда до прихода медсестры.

Она слезла с каталки, угодив босыми ногами прямо в лужу физраствора. В соседнем помещении оператор дезинфицировал томографический

стол. Шуршали бумажные салфетки, хлопала крышка педального мусорного ведра.

На крючке висел лабораторный халат. Его Эбби надела поверх больничной пижамы. Столь нехитрое действие отняло у нее немало сил. Она по-прежнему старалась связно думать, не позволяя белой пелене боли овладеть ею. В таком состоянии Эбби подошла к двери. Ноги двигались еле-еле, словно она брела по зыбучим пескам. Толкнув дверь, она вышла в коридор.

Путешествие по зыбучим пескам продолжалось. Эбби постоянно останавливалась, прислоняясь к стене. Передохнув, шла дальше. Она завернула за угол. В дальнем конце коридора был запасной выход. Эбби заковыляла туда. Она поддерживала себя мыслью: «Если доберусь до той двери, я в безопасности».

Далеко за ее спиной послышались голоса. Потом раздались торопливые шаги.

Эбби отодвинула задвижку, открыла дверь и вышла в ночь. Позади завыла сигнализация. Страх придал ей сил. Она побежала в темноту, кое-как перебравшись через бортик стоянки. Гравий и осколки стекла царапали ступни. У Эбби не было плана бегства. Она не знала, в каком направлении двигаться. В мозгу стучала только одна мысль: она должна выбраться из Бейсайда.

Голоса приближались. Ее окликнули.

Оглянувшись, Эбби увидела троих охранников, выбегающих из дверей отделения интенсивной терапии.

Она спряталась за машиной. Увы, слишком поздно. Охранники ее заметили. Тогда Эбби выпрямилась и снова побежала. Ноги плохо ее слушались. Огибая машины, она постоянно спотыкалась.

Шаги преследователей становились все громче. Они надвигались с двух сторон. Эбби свернула влево, пытаясь протиснуться между двух машин.

Охранники окружили ее. Один схватил за левую руку, другой — за правую. Эбби лягалась, пихалась и даже пыталась кусаться. Вскоре подбежал третий. Втроем они потащили Эбби обратно в отделение неотложной помощи. В лапы доктора Уэттига.

— Они меня убьют! — кричала Эбби. — Отпустите меня! Слышите? Они меня убьют!

— Не выдумывайте, мисс. Вас пальцем никто не тронет.

— Вы не понимаете. Вы ничего не понимаете!

Двери отделения распахнулись. Эбби втащили внутрь, затем положили на каталку. Привязали всеми ремнями, хотя она отчаянно брыкалась и лягалась.

Над нею снова склонилось лицо доктора Уэттига. Побелевшее. Напряженное.

— Пять миллиграммов галоперидола. Внутримышечно, — отрывисто приказал он.

— Нет! — завопила Эбби. — Нет!

— Немедленно вколите ей галоперидол.

Рядом возникла медсестра со шприцем в руке. Она быстро сняла колпачок с иглы.

Эбби извивалась всем телом.

— Держите ее, — сказал Уэттиг. — Неужели ее невозможно утихомирить?

Кто-то взял ее за запястья. Ее слегка повернули на бок, заголив правую ягодицу.

— Ну пожалуйста, — умоляла Эбби, глядя на медсестру. — Не давайте ему меня калечить. Не надо уколов.

Ей протерли спиртом место укола. Спирт противно холодил кожу. Потом в правую ягодицу вонзилась игла.

— Пожалуйста, — шептала Эбби, понимая, что уже бесполезно о чем-либо просить.

— Все будет хорошо, — сказала медсестра и улыбнулась ей. — С вами все будет хорошо.

23

— Следов шин на пирсе нет, — сказал детектив Карриер. — Лобовое стекло пробито. У водителя дырка над правым глазом. Мне она напоминает пулевое отверстие. Слизень, ты знаешь правила. Извини, но нам понадобится осмотреть твой пистолет.

Кацка кивнул, затем устало посмотрел на темную воду.

— Скажите водолазу, пусть поищет мой пистолет на дне. Примерно вон в том месте. Если течением не отнесло.

— Ты считаешь, что сделал восемь выстрелов?

— Может, и больше. Когда все началось, у меня была полная обойма.

Карриер кивнул и дружески потрепал Кацку по плечу:

— Ехал бы ты домой, Слизень. Не хочу повторяться, но вид у тебя просто дерьмовый.

— Даже так?

Но домой Кацка не поехал. Он пошел туда, где собрались работники криминалистической лаборатории. Фургон подняли из воды еще несколько часов назад. Теперь машина стояла на границе контейнерного терминала. В колесных осях запутались водоросли. Падая, из-за воздуха в шинах фургон перевернулся и крышей сел на дно. Крышу и сейчас покрывал густой слой ила. Им же было заляпано лобовое стекло. Фургон принадлежал транспортно-хозяйственному отделу клиники Бейсайд и использовался для перевозки оборудования и лекарств, а также для доставки персонала в другие клиники. Час назад позвонили руководителю отдела, который ничего не знал об исчезновении фургона.

Дверца со стороны водительского сиденья была открыта. Полицейский фотограф снимал салон и приборную доску. Тело водителя извлекли полчаса назад. По данным удостоверения, это был некто Олег Боровой, тридцати девяти лет, житель Ньюарка, штат Нью-Джерси. Других сведений бостонские полицейские пока не имели и ждали их поступления.

Подумав, Кацка решил не приближаться к фургону. Его действия и так вызывали вопросы. Лучше держаться подальше от главной улики. Он пересек контейнерный терминал и вышел за ворота. Его машина стояла там, где он ее бросил. Кацка залез в салон и сел, уронив голову на руки. В два ночи он приехал домой, принял душ и немного поспал, а к восходу солнца уже вернулся на пирс.

«Я слишком стар для подобных кувырканий, — подумал он. — Старше, чем нужно, по меньшей мере лет на десять».

Все эти погони в темноте со стрельбой наугад привлекательны для молодых львов, а не для копа среднего возраста. Сейчас Кацка особенно сильно чувствовал этот свой средний возраст.

В окошко машины постучали. Кацка вскинул голову и увидел Лундквиста. Он опустил стекло.

— Как самочувствие, Слизень?

— Да вот, собираюсь ехать домой. Хоть высплюсь.

— Думаю, вас заинтересуют кое-какие подробности о водителе фургона.

— Уже есть данные по нашему запросу?

— Ребята пробили Олега Борового по компьютерной базе данных. Нам повезло. Он у них числится. Русский иммигрант. В Штаты приехал в восемьдесят девятом. Последнее место жительства — Ньюарк, штат Нью-Джерси. Трижды арестовывался, но до тюрьмы дело не доходило.

— В чем его обвиняли?

— В похищении людей и вымогательстве. Всякий раз судебное разбирательство не могли довести до конца из-за исчезновения свидетелей. — Лундквист наклонился к окошку и, понизив голос, добавил: — Похоже, вы ухлопали крупного подонка. Ньюаркские копы утверждают, что Боровой входил в русскую мафию.

— Откуда у них такая уверенность?

— Нью-Джерси считается штаб-квартирой русской мафии в Америке. Знаете, Слизень, по сравнению с этими парнями колумбийцы — прямо-таки Ротари-клуб. Русским мафиози мало просто убить свою жертву. Они сначала отрежут ей пальцы на руках и на ногах. Так, развлечения ради.

Кацка нахмурился. Он вспомнил недавние события: плавание в холодной воде, крики людей на пирсе. Их язык, которого он не понимал. Потом представил отрезанные пальцы, бостонские улицы, заваленные частями расчлененных трупов. Это невольно навело его на мысли о скальпелях хирургов и операционных столах.

— Как Боровой связан с Бейсайдом? — спросил Кацка.

— Этого мы не знаем.

— Но он был за рулем их фургона.

— В фургоне обнаружены лекарства и прочие медицинские товары, — сообщил Лундквист. — Тянет на две тысячи долларов. Возможно, мы наткнулись на черный рынок. У Борового в Бейсайде могли быть

партнеры, приторговывающие лекарствами и, так сказать, сопутствующими товарами. Вы застукали его, как раз когда он вез этот груз на корабль.

— Кстати, откуда этот корабль? Вы связывались с начальником порта?

— Корабль принадлежит некой «Компании Сигаева». Судоходная компания. Кстати, тоже из Нью-Джерси. Зарегистрирована в панамском морском регистре. Последним портом захода корабля значится Рига.

— Это где?

— Столица Латвии, одной из бывших советских республик.

«Опять русские», — подумал Кацка.

Если это действительно русская мафия, они имеют дело с преступной организацией, отличающейся особой жестокостью и беспощадностью. Вместе с каждой волной законопослушных иммигрантов в Америку приезжало и отребье. Хищники, пауки, торопящиеся вслед за соотечественниками обосноваться в стране равных возможностей. Здесь они плели свои криминальные сети. Им Америка казалась страной легкой наживы.

Кацка подумал об Эбби Ди Маттео, и в нем вдруг вспыхнула тревога. После того ночного звонка он ей больше не звонил. Его потянуло позвонить ей. Набирая номер, Кацка почувствовал сильное сердцебиение. Он знал, как называется это состояние. Предвкушение. Радостное, тревожное и совершенно иррациональное желание услышать ее голос. Подобных чувств Кацка не испытывал очень давно и понимал (очень отчетливо понимал), что они значат.

Он тут же отключился. Весь этот час он пребывал в подавленном состоянии, которое лишь крепло.

Он прикинул расстояние, какое успел пройти этот внезапно снявшийся с якоря сухогруз. Наверное, не меньше сотни миль. Даже если они засекут его местонахождение, арестовать корабль в международных водах будет не так-то просто.

— Мне нужно все, что известно о «Компании Сигаева». Прежде всего их возможные связи с «Эмити» и Бейсайдом.

— Будет исполнено, Слизень.

Кацка завел двигатель.

— Твой брат по-прежнему служит в береговой охране? — спросил он Лундквиста.

— Уже нет. Но у него там остались друзья.

— Надо с ними связаться. Узнать, подымались ли они на борт сигаевского судна.

— Сомневаюсь. Учитывая, что корабль совсем недавно пришел из Риги.

Лундквист замолчал, увидев шедшего к ним Карриера. Тот махал рукой.

— Эй, Слизень! Тебе уже передали… насчет доктора Ди Маттео?

Кацка мгновенно выключил двигатель. Пульс, бешено стучащий в висках, он выключить не мог. Он смотрел на Карриера, ожидая самого худшего.

— Она попала в аварию.

По коридору громыхала тележка с едой для пациентов. Этот звук разбудил Эбби. Проснувшись, она обнаружила, что лежит на простынях, мокрых от пота. Ее сердце билось быстрее обычного. Сказывались последствия кошмара. Эбби хотела повернуться на бок… и не смогла. Ее руки были привязаны. Натертые запястья саднили. Значит, все это — не кошмарный сон. Это — кошмарная явь, от которой не проснешься.

Всхлипнув от собственного бессилия, она вдавила голову в подушку. Разглядывать потолок — единственное доступное ей занятие.

Где-то рядом скрипнул стул. Эбби повернула голову.

У окна сидел Кацка. Видно, ему было некогда побриться, отчего его лицо казалось старше. Наверное, он провел бессонную ночь. Таким Эбби его еще не видела.

— Я просил медсестер снять ремни с ваших рук, — сказал Кацка. — Но им это делать запрещено. Вы брыкались и вырывали иглы капельниц.

Он встал, подошел к ее постели.

— С возвращением вас, Эбби. Можно сказать, вы родились в рубашке.

— Я ничего не помню.

— Вы попали в аварию. Ваша машина перевернулась на Юго-Восточной скоростной магистрали.

— Кто-нибудь еще…

— Никто не пострадал, — поспешил ее успокоить Кацка. — А вот ваша машина уже вряд ли будет ездить.

Он замолчал. Эбби поняла, что теперь Кацка смотрит не на нее. В сторону. На ее подушку.

— Кацка, это все… по моей вине?

Он неохотно кивнул:

— Судя по следам шин, вы ехали с серьезным превышением скорости. Скорее всего, заметили впереди машину, двигавшуюся по вашей полосе. Решили избежать столкновения, резко затормозили. Вашу машину отнесло вбок и ударило о бетонное ограждение. От этого она перевернулась. Несколько раз. Хорошо, что на соседних полосах никого не было.

— Боже мой, — закрыв глаза, прошептала Эбби.

И снова в их разговоре возникла пауза.

— Это еще не все, — вздохнул Кацка. — Я говорил с дежурным офицером патрульной службы. В вашей машине нашли разбитую бутылку водки.

У Эбби округлились глаза.

— Быть этого не может, — прошептала она.

— Эбби, при травмах такое бывает. Вы просто забыли. После тех событий на пирсе вы находились в шоке. Тоже вполне объяснимое состояние. Решили расслабиться. Ничего удивительного. Вы же были дома.

— Если бы я выпила, я бы это помнила! Все, что происходило дома, я хорошо помню. Если бы я выпила, то ни за что…

— Эбби, сейчас очень важно, чтобы…

— Важно, чтобы меня не обвиняли в том, чего я не делала! Кацка, неужели вы не понимаете? Они меня снова подставляют!

Кацка потер усталые глаза. Чувствовалось, бодрствование давалось ему с трудом.

— Эбби, мне очень жаль, — пробормотал он. — Понимаю, как нелегко вам это признавать. Но доктор Уэттиг показал мне результаты вашего теста на содержание алкоголя в крови. Анализ сделали ночью, когда вас привезли в отделение неотложной помощи. Содержание алкоголя — двадцать одна сотая.

Кацка смотрел не на нее, а в окно, словно каждый взгляд, брошенный на Эбби, отнимал у него силы. Она же не могла повернуться к нему. Мешали ремни, до боли стягивающие запястья. Слезы подступили совсем близко. Но она не позволит себе плакать. Нет, ее слез не увидит никто.

Эбби закрыла глаза. Куда, в какую сторону направить свой гнев? Другого оружия у нее не было. Они забрали у нее все. Даже Кацку.

— Дома я не выпивала, — сказала она, медленно выговаривая каждое слово. — Вы должны мне верить. Я не была пьяна.

— Тогда скажите, куда вы ехали в три часа ночи?

— Я ехала сюда. В Бейсайд. Это я помню. Марк мне позвонил, и я поехала… А где Марк? Он здесь? Почему он до сих пор не зашел ко мне?

От молчания Кацки веяло холодом. Эбби повернула голову, но увидеть его лицо все равно не смогла.

— Кацка, вы что-то знаете?

— Марк Ходелл не отвечает на сообщения пейджера.

— Что?

— Его машины нет на больничной стоянке. Никто толком не знает, где он.

Слова не выговаривались. Эбби показалось, что у нее вдруг распухло горло.

— Нет, — только и могла прошептать она.

— Эбби, пока слишком рано делать какие-либо выводы. Его пейджер мог попросту сломаться. Мы пока ничего не знаем.

Но Эбби знала. Знала с той секунды, как Кацка ответил на ее вопрос. Знала наверняка, и знание раздавило ее. У нее онемело все тело. Из него ушла жизнь. Эбби не сознавала, что плачет. Она даже не чувствовала слез, пока Кацка, держа в руке бумажный платок, не подошел к ней. Он осторожно вытер ее щеку.

— Я вам очень сочувствую, — прошептал он.

Кацка откинул ее волосы с лица, всего лишь на мгновение позволив своей руке задержать на ее лбу.

— Очень сочувствую.

— Найдите мне его, — прошептала Эбби. — Пожалуйста, пожалуйста, найдите мне его.

— Найду.

Кацка ушел. Только тогда Эбби сообразила, что он расстегнул и снял ремни с ее рук. Она была свободна. Она могла слезть с койки, уйти из палаты. Но Эбби никуда не пошла. Она уткнулась в подушку и дала волю слезам.

В полдень медсестра вытащила у нее иглу капельницы, попутно привезя тележку с едой. На еду Эбби даже не взглянула. Она лежала с закрытыми глазами и не слышала, как увезли тележку.

В два часа дня пришел доктор Уэттиг. Он встал у изголовья, листая карточку. Уэттиг долго всматривался в результаты анализов, сопровождая это действо хмыканьем и покашливанием. Только потом он удостоил ее взглядом.

— Как самочувствие, доктор Ди Маттео?

Она не ответила.

— Детектив Кацка сказал, что вы отрицаете, будто вчера ночью пили спиртное.

Эбби продолжала молчать.

Уэттиг вздохнул:

— Первый шаг к выздоровлению — это признание, что у вас есть проблема. Мне самому надо было бы проявить проницательность. Понять, что все это время вы пытались в одиночку справиться со своей проблемой. Но сейчас картина прояснилась. Настало время заняться непосредственно вашей проблемой.

Эбби подняла глаза.

— Какой в этом смысл? — отрешенно спросила она.

— Какой смысл? Уберечь ваше будущее. Конечно, управление автомобилем в нетрезвом состоянии — серьезное отягчающее обстоятельство. Но вы ведь умная, способная женщина. Помимо медицины, есть другие сферы, где вы сможете построить успешную карьеру.

Ее ответом снова было молчание. Крах медицинской карьеры сейчас казался Эбби пустяком. Исчезновение Марка — вот настоящее горе.

— Я попросил доктора О'Коннора осмотреть вас, — сказал Уэттиг. — Вечером он придет.

— Мне не нужен психиатр.

— Это вы так думаете. А я думаю, что нужен. По моему мнению, вы нуждаетесь в серьезной помощи. Я помню ваши слова о том, что вас кто-то подставляет, преследует, хочет расправиться. Вам необходимо избавиться от этих навязчивых мыслей. Пока доктор О'Коннор не осмотрит вас и не даст своего заключения, я вас не отпущу. Возможно, он сочтет необходимым перевести вас в психиатрическое отделение. Это его компетенция. Мы не можем допустить, чтобы вы себя покалечили. С нас достаточно ваших ночных попыток к бегству. Мы очень переживаем за вас, Эбби. Мы все, и я лично. Потому я и попросил о психиатрическом освидетельствовании. Уверяю вас, это делается для вашего же блага.

— А идите вы, Генерал… далеко-далеко, — глядя прямо на него, сказала Эбби.

К ее злорадному удовольствию, он дернулся, как от пощечины, и резко отошел, захлопнув карточку.

— Я к вам еще зайду, доктор Ди Маттео, — уходя, бросил он.

Эбби долго смотрела в потолок. До прихода Уэттига ей казалось, что у нее не осталось сил на сопротивление. Теперь все ее мышцы были напряжены до предела. Из живота слышалось грозное урчание. Пальцы болели. Ничего удивительного. Взглянув на них, Эбби увидела сжатые кулаки.

«Идите вы все!»

Она села на постели. Голова закружилась, но лишь на несколько секунд. Просто она слишком долго провалялась. Пора вставать и восстанавливать контроль над своей жизнью.

Эбби подошла к двери. Слегка приоткрыла ее.

Напротив палаты стоял стол, за которым сидела медсестра. Она сразу же подняла голову и посмотрела на Эбби. На ее бедже значилось: В. СОРИАНО, ДИПЛОМИРОВАННАЯ МЕДСЕСТРА.

— Вам что-нибудь надо? — спросила медсестра.

— Нет, ничего, — ответила Эбби и быстро закрыла дверь.

Ну и ну! Ее здесь держат как узницу.

Эбби босиком обошла палату, обдумывая план действий. Она запретила себе думать о Марке. Только не сейчас, иначе она снова повалится на койку и заревет. Этого они от нее и добиваются. Ждут, когда она сломается.

Эбби присела на стул у окна, она думала. Перебрала несколько вариантов действий и тут же отмела за несостоятельностью. Ночью Марк ей сказал, что Мохандас на их стороне. Теперь Марк исчез. Мохандасу Эбби не доверяла. В этой больнице она не доверяла никому.

На ночном столике стоял телефон. Эбби подняла трубку и услышала гудок. Она позвонила Вивьен домой, но потом вспомнила, что Вивьен все еще в Берлингтоне.

Тогда Эбби позвонила на свой домашний номер, набрала код доступа и прослушала сообщения с автоответчика. Оказалось, Вивьен снова ей звонила, и голос у китаянки был напряженный.

Эбби позвонила в Берлингтон.

На этот раз Вивьен взяла трубку.

— Просто чудо, что ты меня застала. Я съезжаю из номера.

— Возвращаешься домой?

— Да. Шестичасовым рейсом. Вся поездка оказалась сплошной тратой времени. В Берлингтоне не изымали никаких органов.

— Откуда ты знаешь?

— Я проверила расписание самолетов по берлингтонскому аэропорту и по аэропортам соседних городов. Нигде нет полуночных рейсов на Бостон. Ни один самолет в это время к нам не летает. Слышишь? Ни один. Берлингтон — это их прикрытие. А Тим Николс снабжал их официальными документами.

— И теперь Николс исчез.

— Или они от него избавились.

Обе замолчали.

— Марк пропал, — тихо, почти шепотом, сказала Эбби.

— Как пропал?

— Никто не знает, где он. Детектив Кацка говорит, они не могут найти машину Марка. Сам он не отвечает на сообщения.

Эбби замолчала, чувствуя, как ей сдавливает горло.

— Эбби... Эбби... я так...

Голос Вивьен смолк. В трубке послышался щелчок. Эбби до боли в пальцах стиснула трубку.

— Вивьен, ты меня слышишь?

Раздался второй щелчок. Их разъединили.

Эбби повесила трубку и попыталась перезвонить. Гудка не было. Она стучала по рычагу, набирала номер оператора, снова и снова вешала и поднимала трубку. Все было напрасно.

Ее телефон отключили.

Кацка стоял на узкой пешеходной дорожке моста Тобин и смотрел на воду. До воды было далеко. С запада несла свои воды река Мистик, торопясь соединиться с рекой Челси. Их общее устье выходило в Бостонскую гавань и море. Если прыгнуть с моста, полет до воды продлится несколько секунд. Удар о воду будет сильным и почти наверняка смертельным.

Кацка повернулся к противоположной стороне моста, густо забитого машинами. Он размышлял о том, какие стадии проходит тело утопленника. Течение реки, естественно, понесет труп к гавани. Поначалу труп будет плыть под водой, продираясь сквозь ил и грязь. Затем мертвое тело начнет наполняться газами. В одних случаях на это требуются считаные часы, в других — дни. Все зависит от температуры воды и скорости размножения бактерий в разлагающихся внутренностях. В какой-то момент труп всплывает.

Вот тогда его обнаружат. Через день или через два. Распухший до неузнаваемости.

Кацка повернулся к дежурному полицейскому:

— В какое время вы заметили машину?

— Около пяти утра. Она стояла у северного конца моста, возле разделительной линии. Вот там.

Полицейский махнул рукой, показывая место.

— Почти новый «БМВ» зеленого цвета. Я сразу остановился.

— А возле машины вы никого не заметили?

— Нет, сэр. Она выглядела брошенной. Я проверил по базе номеров. Не краденая. Тогда я подумал: может, у водителя сломался двигатель и он отправился искать помощь. Но в том месте машина мешала движению. Я вызвал эвакуатор.

— Ключей внутри не было? Записки тоже?

— Нет, сэр. Ровным счетом ничего.

Кацка снова взглянул вниз, прикидывая глубину реки и скорость течения.

— Я несколько раз звонил доктору Ходеллу домой, — сказал дежурный. — Ответа не было. Тогда я еще не знал о его исчезновении.

Кацка молчал. Он смотрел вниз и думал, как, в каких словах он сообщит об этом Эбби. В палате она казалась такой хрупкой и беззащитной. Она не выдержит новых ударов и новой боли.

Он решил пока ничего ей не говорить. Сначала нужно найти тело.

Дежурный полицейский тоже смотрел вниз.

— Вы думаете, он прыгнул с моста?

— С моста не только прыгают, — сказал Кацка. — Боюсь, он оказался в воде не по своей воле.

Телефоны не умолкали весь день. Двое медсестер позвонили и сообщили, что неважно себя чувствуют. Из-за всего этого дежурная медсестра Венди Сориано не смогла выкроить время и сходить поесть. Двойное дежурство отнюдь ее не радовало. Но сейчас, в половине четвертого, перспектива застрять в клинике еще на восемь часов становилась все реальнее.

Дважды звонили ее драгоценные детки: «Мама, а Джеффи снова дерется... Мама, когда папа придет домой?.. Мама, можно нам включить микроволновку? Честное-пречестное, мы не спалим дом». Мама, мама, мама.

Почему никому из них не взбредет в голову позвонить на работу их папочке? Потому что папочкина работа несравнимо важнее мамочкиной.

Венди обхватила голову, тупо глядя на стопку карточек, испещренных врачебными распоряжениями. Ординаторы просто обожают писать распоряжения. Наверное, специально для этого они покупают стильные ручки фирмы «Кросс» и своим неразборчивым почерком царапают распоряжения. Категоричные, требующие мгновенного и неукоснительного исполнения. «Гидроксид магнезии от запора». Или: «Коечные перильца на ночь оставлять поднятыми». Карточки с распоряжениями вручались медсестрам с такой важностью, с какой, должно быть, Господь вручал скрижали Моисею. «Не предавайся запору».

Вздохнув, Венди потянулась к первой карточке.

Зазвонил телефон. Только бы не ее спиногрызы с жалобами на очередные тумаки.

— Шестой этаж, восточное крыло, Венди, — раздраженно буркнула она.

— Это доктор Уэттиг.

Венди мгновенно выпрямилась. Разговаривая с доктором Уэттигом, непозволительно горбиться. Даже если это телефонный разговор.

— Слушаю вас, доктор.

— Нужно повторить тест на содержание алкоголя в крови доктора Ди Маттео. Образцы крови отправьте в «Медмарк лабс».

— Не в нашу лабораторию?

— Нет. Прямиком в «Медмарк».

— Обязательно сделаем, доктор, — сказала Венди, торопливо выписывая направление.

Распоряжение было весьма странным, но оно исходило от Генерала, а потому не обсуждалось.

— Как ее состояние? — спросил Уэттиг.

— Легкое беспокойство.

— Что, опять пыталась сбежать?

— Нет. Даже из палаты не выходила.

— Хорошо. Проследите, чтобы она оставалась в палате. И абсолютно никаких посетителей. Это распространяется и на персонал, кроме тех, кто выполняет мои распоряжения.

— Да, доктор Уэттиг.

Венди повесила трубку и посмотрела на свой стол. Пока она говорила с Генералом, ей добавили еще три карточки. И все — с распоряжениями. Похоже, придется весь вечер вкалывать магнезию и проверять перильца коек. У нее вдруг закружилась голова. Это от голода. Она забыла, когда в последний раз ела. Крутилась, вертелась, не передохнуть.

В дальнем конце коридора болтали две медсестры. Венди взяла злость. Она что, одна должна надрывать задницу?

Свернув листок направления, Венди бросила его в соответствующий ящик. Потом встала. Снова зазвонил телефон. Венди не повернулась. В отделении хватает тех, кто может ответить на звонок. Те же секретарши палат.

Теперь звонили оба телефона. Венди шла в кафетерий. Пусть кто-нибудь хоть раз почешется и снимет трубку.

В палату снова зашла вампирша, неся с собой пробирки, иглы и карточки забора крови.

— Прошу прощения, доктор Ди Маттео, но мне необходимо вторично взять у вас кровь.

Эбби, стоявшая у окна, едва удостоила флеботомиста взглядом. Затем снова повернулась к окну.

— Эта клиника и так высосала из меня всю кровь.

Окно выходило на стоянку. Несколько медсестер, приехавших на дежурство, торопились поскорее добраться до входных дверей. Ветер трепал им волосы и играл полами плащей. В восточной части неба собирались темные зловещие тучи. Неужели небо так никогда и не очистится?

За спиной позвякивали пробирки.

— Доктор, это не моя прихоть. Я должна взять у вас кровь на анализ.

— Довольно с меня анализов.

— Это распоряжение доктора Уэттига, — с отчаянием в голосе добавила флеботомист. — Пожалуйста, не создавайте мне лишних сложностей.

Эбби повернулась и теперь уже внимательно посмотрела на юную вампиршу. Совсем девчонка. Когда-то давно сама была такой. Это было в другом жизненном пласте, где она тоже боялась Уэттига, боялась что-то сделать не так и потерять все, ради чего училась и работала. Сейчас Эбби уже ничего не боялась. А у этой девочки было полным-полно страхов.

Вздохнув, Эбби подошла к койке и села.

Флеботомист поставила поднос на ночной столик и принялась вскрывать стерильные пакеты с бинтом, одноразовой иглой и одноразовым шприцем для забора крови. Судя по количеству пробирок, вампирша успела достаточно нагуляться по этажам и палатам. В стойке оставалось всего несколько свободных ячеек.

— Из какой руки лучше? — спросила девушка.

Эбби протянула ей левую руку и равнодушно смотрела, как пугливая девочка прилаживает резиновый жгут. Эбби привычно сжала руку в кулак. На руке проступила головная вена, уже исколотая иглами капельниц. Собственно, процесс забора крови Эбби не интересовал. Она отвернулась и стала разглядывать пробирки в ячейках. Лакомство вампирши.

Одна пробирка сразу привлекла внимание Эбби. Пробирка была закрыта фиолетовой крышкой. Она прочитала надпись на этикетке:

ВОСС, НИНА

ХИРУРГ. ОТД. ИНТ. ТЕР.

КОЙКА № 8

— Ну вот и все, — сказала вампирша, вытаскивая иглу. — Вам не трудно подержать марлевую салфетку?

— Что? — рассеянно переспросила Эбби.

— Прижмите салфетку. Сейчас я ее зафиксирую лейкопластырем.

Эбби машинально прижала салфетку и снова оглянулась на пробирку с кровью Нины Восс. В углу этикетки стояло имя лечащего врача: доктор Арчер.

«Нина Восс снова в клинике, — подумала Эбби. — Снова в лапах кардиоторакальных хирургов».

Флеботомист ушла.

Эбби расхаживала перед окном, поглядывая на облака. Те становились все чернее. Ветер кружил над стоянкой клочки бумаги и прочий мусор. Под его напором дребезжала оконная рама.

«Значит, организм Нины не захотел принять чужое сердце».

А ведь это было заметно еще несколько дней назад, когда они катались в лимузине. Еще тогда Нина показалась ей говорящим трупом. Неестественно бледное лицо, синюшные губы. Все это говорило об отторжении пересаженного сердца.

Эбби открыла шкаф и увидела объемистый пластиковый мешок с надписью «ВЕЩИ ПАЦИЕНТА». Там лежали ее туфли, забрызганные кровью брюки и сумочка. Бумажника не было. Скорее всего, его убрали в больничный сейф. Эбби порылась в сумочке. На дне обнаружилось несколько мелких монет. Они могут очень пригодиться.

Эбби надела брюки, оставив вместо кофточки верхнюю часть больничной пижамы. Надев туфли, она приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Стол дежурной медсестры пустовал. Но неподалеку стояли еще две сестры: одна говорила по телефону, вторая возилась с бумагами. Никто из них даже не взглянул на Эбби.

В это время пожилая женщина в розовой форме волонтера выкатила из лифта тележку с подносами. Наступало время ужина. Оставив тележку возле стола, женщина взяла два подноса и скрылась за дверью палаты.

Только тогда Эбби выскользнула в коридор. Тележка с едой загораживала обзор, и потому Эбби беспрепятственно миновала обеих медсестер.

Подниматься в лифте было опасно. Ее могли узнать. Эбби воспользовалась лестницей. Она поднялась на двенадцатый этаж. Знакомое место: операционные блоки. Отделение интенсивной терапии находилось за углом. Свернув в коридор, ведущий к операционным, Эбби остановилась перед тележкой с одеждой и взяла оттуда хирургический халат, шапочку с цветочным узором и бахилы. Весь этот голубой наряд делал ее неотличимой от других врачей.

Оставалось добраться до реанимации хирургического отделения.

Там ее встретил хаос. Пациенту из отсека № 2 делали электрошоковую стимуляцию сердца. Возле смотрового окошка толпились врачи и медсестры. Судя по обрывкам фраз, дела у пациента были плохи. Собравшимся было не до Эбби. Она спокойно прошла мимо стола дежурной медсестры, привычно глянув на ряды мониторов, и остановилась у смотрового окна отсека № 8.

Убедившись, что там действительно лежит Нина Восс, Эбби вошла в отсек и сразу же закрыла дверь, заглушив голоса реаниматоров. Потом она задвинула занавеску на смотровом окне и только тогда повернулась к Нине.

Нина безмятежно спала, даже не подозревая о лихорадочных попытках спасти жизнь пациенту из второго отсека. Эбби показалось, что с момента их последней встречи она усохла. Болезнь медленно съедала Нину, как пламя съедает воск свечи. Тело, прикрытое одеялом, казалось совсем детским.

У изголовья висел переносной пюпитр, оставленный медсестрой. Эбби потянулась к нему, пробежала глазами последние записи. Повышенное давление в легочной артерии. Постепенное снижение сердечных сокращений. Ступенчатое увеличение доз добутамина в напрасной попытке подхлестнуть сердце.

Эбби вернула пюпитр на место. Выпрямившись, она увидела, что Нина проснулась и теперь смотрит на нее.

— Здравствуйте, миссис Восс.

— Здравствуйте, доктор, которая всегда говорит правду, — улыбнулась Нина.

— Как вы себя чувствуете?

— Удовлетворительно, — вздохнула Нина. — Вполне удовлетворительно.

Эбби подошла ближе. Они молча переглянулись.

— Можете мне не говорить. Я и так знаю, — сказала Нина.

— Что вы знаете, миссис Восс?

— То, что все почти кончено.

Нина закрыла глаза и глубоко вдохнула. Эбби взяла ее руку:

— У меня не было возможности поблагодарить вас… за попытку мне помочь.

— Я пыталась помочь не вам, а Виктору.

— А чем вы могли помочь ему?

— Он похож на героя греческого мифа. Того, кто спустился в ад, желая вернуть свою жену.

— Орфея?

— Да. Виктор напоминает Орфея. Он пытается меня вернуть, и его не заботит цена вопроса.

Нина открыла глаза. Ее взгляд был на удивление ясным.

— Настоящую цену он узнает только в конце, и для него она будет очень высока.

Речь шла не о деньгах. Эбби сразу это поняла. Речь шла о душе.

Неожиданно дверь отсека открылась. На пороге стояла удивленная и испуганная медсестра.

— Ой! Доктор Ди Маттео? Что вы тут…

Женщина боязливо покосилась на задернутую занавеску, затем оглядела трубки капельниц и провода мониторов.

«Она подозревает во мне вредительницу».

— Успокойтесь, я ничего не трогала, — сказала Эбби.

— Пожалуйста, уходите.

— Я зашла всего на пару минут. Узнала, что миссис Восс снова в клинике, и...

— Миссис Восс нужен покой.

Медсестра буквально выпроводила Эбби из отсека.

— Вы что, не видели запрещающего знака? Никаких посетителей. Вечером ей предстоит операция. Ее сейчас ни в коем случае нельзя беспокоить.

— Какая операция?

— Повторная пересадка сердца. Ей нашли донора.

Эбби посмотрела на плотно закрытую дверь отсека № 8 и тихо спросила:

— А миссис Восс знает?

— О чем?

— Она подписывала согласие на операцию?

— Согласие за нее подписал муж. А теперь я прошу вас уйти. Немедленно.

Эбби молча повернулась и пошла. Ей было все равно, видел ее кто-то или нет. Она шла по коридору к лифтам. В остановившейся кабине было людно. Эбби вошла, тут же повернувшись ко всем спиной.

«Они нашли донора, — думала Эбби, пока лифт вез ее вниз. — Где-то они сумели найти донора. Сегодня Нина Восс получит новое сердце».

Когда лифт достиг первого этажа, в мозгу Эбби уже выстроилась четкая картина грядущих событий во всей их последовательности. Не зря она просматривала документы по другим пересадкам сердца, сделанным в Бейсайде. Сценарий везде повторялся. Около полуночи Нину привезут в операционную, где уже соберется вся команда Арчера. Они будут ждать звонка. И в это же время в другой операционной другая команда хирургов соберется вокруг другого пациента. Они возьмутся за скальпели, сделают надрез, уберут мешающие сосуды и мышцы. Потом пилой раздерут мешающие ребра и освободят путь к главному сокровищу. К живому бьющемуся сердцу.

Жатва пройдет быстро и чисто.

«Сегодня все пойдет по неоднократно использовавшемуся сценарию».

Двери лифта открылись. Эбби шла, глядя в пол. Подойдя к дверям, она выбралась наружу. Туда, где дул холодный пронизывающий ветер.

Через два квартала, успев озябнуть и дрожа от холода, она увидела телефонную будку. Сунув в щель автомата несколько своих драгоценных монет, она набрала номер Кацки.

Его на месте не оказалось. Полицейский, взявший трубку, спросил, что она хочет передать.

— Меня зовут Эбби Ди Маттео. Мне необходимо немедленно с ним поговорить! Разве у него нет пейджера или чего-то еще?

— Я вас переключу на оператора.

В трубке послышались щелчки, затем раздался женский голос:

— Я пытаюсь связаться с рацией в машине детектива Кацки. Ждите.

Эбби ждала. Через несколько секунд она снова услышала голос оператора:

— К сожалению, мы все еще ждем ответа детектива Кацки. Он может вам позвонить по номеру, с которого вы сейчас говорите?

— Да… я не знаю. Я ему перезвоню.

Эбби повесила трубку. Нельзя транжирить монеты на ожидание.

Мимо будки ветер гнал обрывки газет. Эбби очень не хотелось выходить наружу. Но что теперь делать?

Был еще один человек, которому она могла позвонить.

Половину телефонной книги кто-то вырвал. Сознавая бессмысленность своей затеи, Эбби принялась листать страницы. Она не поверила своим глазам, увидев номер домашнего телефона Ивана Тарасова.

У нее дрожали пальцы, когда она набирала его номер.

«Пожалуйста, окажитесь на месте. Пожалуйста, подойдите к телефону».

После четырех длинных гудков трубку сняли.

— Алло! — послышался знакомый голос.

Из динамика доносились и другие звуки. Такие уютные домашние звуки: звон посуды, негромкая классическая музыка.

— Да, я согласен оплатить этот разговор, — сказал оператору Тарасов.

Обрадованная Эбби затараторила в трубку:

— Я не знала, кому еще позвонить. Вивьен нет в городе. Другие не захотят меня слушать. Доктор, вы должны обратиться в полицию. Заставить их выслушать вас.

— Эбби, пожалуйста, не так быстро. Объясните, в чем дело.

Эбби втянула в себя воздух. Ее сердце колотилось от волнения и необходимости поделиться тревожной новостью.

— Сегодня ночью Нине Восс должны сделать повторную пересадку сердца… Доктор Тарасов, мне кажется, теперь я знаю, как работает эта схема. Они не привозят донорские сердца на самолетах. Органы изымают здесь. В Бостоне.

— Где? В какой клинике?

Эбби вдруг увидела машину, медленно едущую по улице. Она затаила дыхание и стояла так, пока машина не скрылась за углом.

— Эбби, вы меня слышите?

— Да, доктор.

— Эбби, со слов мистера Парра я понял, что у вас сейчас… непростой период в жизни. Не является ли это…

— Выслушайте меня! Пожалуйста, выслушайте меня!

Эбби закрыла глаза, приказывая себе успокоиться. Нужно говорить спокойно и логично. Должно быть, у Тарасова уже появились сомнения насчет ее вменяемости.

— Сегодня мне из Берлингтона позвонила Вивьен. Она узнала, что никакие донорские сердца там не изымали. Эти сердца поступали не из Вермонта.

— Тогда где же проводили жатвы?

— Полной уверенности у меня нет, но, скорее всего… в районе Роксбери. В здании компании «Эмити». Они торгуют медицинскими товарами.

Полиция должна еще до полуночи проверить это здание. Прежде, чем там оборвется очередная жизнь.

— Не знаю, сумею ли я их убедить, — растерянно произнес Тарасов.

— Вы должны это сделать. В полицейском управлении есть так называемый убойный отдел. Они расследуют убийства. Там работает детектив Кацка. Нужно с ним связаться. Думаю, он нас послушает. Доктор Тарасов, все очень серьезно. Эти люди не просто подыскивают доноров в обход существующих правил. Они сами их создают. Очень простым способом: они их убивают.

Из глубины жилища Тарасова донесся женский голос:

— Иван, ты ужинать собираешься? Все стынет.

— Прости, дорогая, ужинай без меня, — ответил жене Тарасов. — У меня тут чрезвычайная ситуация…

Он говорил спокойно, но в голосе звучало заметное напряжение.

— Эбби, думаю, вы не хуже моего понимаете, насколько все это страшно. Честно говоря, я просто напуган.

— Я тоже напугана.

— Тогда давайте передадим все это в руки полиции. Пусть разбираются. Нам с вами очень опасно в это влезать.

— Согласна с вами на все сто.

— Давайте сделаем это вместе. Чем больше нас, тем убедительнее наши слова.

Эбби задумалась.

— Боюсь, мое присутствие может все испортить.

— Но я не знаю подробностей. А вы, Эбби, знаете.

— Хорошо, — недолго думая, согласилась Эбби. — Поедемте вместе. Вы можете заехать за мной? Я тут коченею от холода. И мне очень страшно.

— Где вы находитесь?

Сквозь стекла будки Эбби смотрела на этажи клиники. В надвигавшихся сумерках огни в окнах Бейсайда, казалось, пульсировали.

— Я в телефонной будке. Даже не знаю, какая эта улица. Совсем рядом с Бейсайдом.

— Оставайтесь там. Я вас найду.

— Доктор Тарасов!

— Что-нибудь еще?

— Пожалуйста... приезжайте быстрее, — шепотом попросила Эбби.

24

Шасси самолета, на котором летела Вивьен Чао, уже катились по бетонной полосе аэропорта Логан, но тревога, владевшая ею, не исчезла. Наоборот, ей стало еще муторнее. Это не имело никакого отношения к перелету и посадке. Вивьен много летала и могла прекрасно спать при любой воздушной болтанке. Она беспокоилась за Эбби. Их разговор странным образом прервался. Вивьен ждала, что Эбби перезвонит, но та больше не позвонила.

Вивьен пробовала дозвониться ей домой. Безрезультатно. Весь полет китаянка думала о прерванном разговоре. Только сейчас до нее дошло: а ведь она не знает, откуда звонила Эбби. Их разговор оборвался столь внезапно, что выяснить это не представлялось возможным.

Самолет подрулил к воротам терминала. Вивьен сняла с багажной полки свою сумку, сошла по трапу и двинулась в здание терминала. Ее удивила огромная толпа, собравшаяся у ворот. В основном подростки. Над их головами раскачивались яркие воздушные шары. Многие держали плакаты. Вивьен читала надписи: «С приездом, Дэйв!», «Молодец!» и «Местный герой!» Кем бы ни был этот Дэйв, обожателей и обожательниц у него хватало. Вскоре толпа приветственно закричала. Обернувшись, Вивьен увидела улыбающегося молодого человека, спускающегося по пандусу. Он шел почти сразу за ней. Желая приблизиться к своему кумиру, подростки ринулись к пандусу, едва не сбив Вивьен с ног. Она с трудом проталкивалась сквозь это море восторженно орущих детишек.

Ничего себе детишки! Все они были на целую голову выше ее.

Вивьен пришлось вспомнить навыки времен увлечения американским футболом. Это помогло. Вивьен сумела вырваться из толпы почитателей Дэйва. Ее последний рывок был настолько сильным, что она вылетела на свободное пространство и чуть ли не в лоб столкнулась с каким-то

мужчиной. Пробормотав извинения, Вивьен пошла дальше. Пройдя несколько шагов, она осознала, что мужчина не ответил на ее извинение.

Первой остановкой Вивьен стал туалет. Ее тревоги передались мочевому пузырю, который требовал опорожнения. Облегчившись, она вышла и…

И снова увидела того мужчину. Он стоял возле киоска с сувенирами, почти напротив входа в женский туалет. Казалось, он читает газету. Ошибки быть не могло. Вивьен узнала мужчину по вывернутому воротнику плаща. Когда они столкнулись, первое, что бросилось ей в глаза, был этот странный воротник.

Дальнейший путь Вивьен лежал к багажным каруселям.

Идти было довольно далеко, а на ходу ей всегда думалось легче. В мозгу Вивьен что-то щелкнуло. Хлынули вопросы. Зачем этот мужчина дожидался ее у ворот? Допустим, не ее. Он просто кого-то встречал. Ответ не устроил Вивьен. Если он кого-то встречал, то почему до сих пор слоняется по терминалу?

Вивьен остановилась у газетного лотка, взяла первый попавшийся журнал и протянула кассирше. Пока та водила сканером по штрихкоду, Вивьен украдкой оглянулась.

Мужчина в плаще ошивался у стойки самостоятельного оформления полетных страховок. Казалось, он вчитывается в правила заполнения бланков.

«Ну хорошо, Чао, он идет за тобой по пятам. Возможно, это любовь с первого взгляда. Допустим, увидел он тебя и решил, что ты не должна просто так исчезнуть из его жизни».

Вивьен расплатилась за журнал, ощущая противное сердцебиение.

«Думай. Почему он тебя преследует?»

Ответ был прост: звонок от Эбби. Скорее всего, их разговор подслушали и потому знали, что Вивьен возвращается из Берлингтона шестичасовым рейсом. Вскоре после этого пошли какие-то щелчки и разговор оборвался.

Вивьен решила задержаться возле газетного лотка. Сделала вид, что рассматривает книжки в мягких обложках. Ее мозг лихорадочно работал, оценивая ситуацию. Вряд ли мужчина в плаще вооружен. Он бы не сумел пронести оружие через пост проверки. Следовательно, в пределах терминала ей ничего не грозит.

Вивьен осторожно заглянула в щель между полками. Мужчины возле стойки уже не было.

«Какая же ты дура! Напридумывала себе черт-те что. Никто тебя не преследует».

Она прошла пост проверки и спустилась к багажным каруселям.

Багаж пассажиров берлингтонского рейса как раз начали выгружать на карусель. Вивьен заметила свой красный «самсонит» и уже хотела подойти ближе, как вдруг снова увидела мужчину в плаще. Теперь он стоял у выхода из терминала и читал газету.

Ее бешеный пульс ощущался даже в горле. Незнакомец ждал, когда она получит свой чемодан и выйдет в вечернюю темноту.

Красный чемодан сделал еще один круг.

Вивьен спряталась в толпе пассажиров, ожидающих багаж. Красный чемодан катался по кругу. Вивьен не стала к нему прикасаться, а с нарочитой неторопливостью побрела вокруг карусели. Так она добралась до противоположного конца, где толпа загораживала ее от глаз человека в плаще.

Бросив сумку, Вивьен побежала.

Впереди были еще две багажных карусели, которые сейчас пустовали. Пробежав мимо них, она устремилась к дальнему выходу.

Вивьен выбежала в темноту, где бушевал ветер. Человек в плаще успел выскочить через другой выход. Здесь к нему присоединился напарник. Они заметили Вивьен. Человек в плаще указал на нее и прокричал что-то непонятное.

Вивьен стремглав понеслась по тротуару. Она знала, что эти люди гонятся за ней. По пути они опрокинули тележку носильщика, ругавшего их последними словами.

Затем раздался негромкий хлопок, и в волосах Вивьен что-то просвистело.

Пуля.

Сердце Вивьен неистово билось о грудную клетку. Легкие жадно ловили воздух, густо насыщенный автобусными выхлопами.

Впереди показался вход. Вивьен забежала внутрь и вскочила на ближайший эскалатор. Оказалось, он работал на спуск. Преодолевая упрямую ленту, Вивьен понеслась вверх, она перескакивала через две ступеньки. Уже наверху она услышала второй хлопок. Висок обожгло болью. Вивьен почувствовала, как что-то теплое капает по щеке.

Перед ней была билетная стойка компании «Американ эйрлайнз». Пассажиров обслуживали четверо сотрудниц, к каждой выстроилась небольшая очередь.

Преследователи бежали вверх по эскалатору. Они что-то кричали, но не по-английски.

Вивьен кинулась к стойке, оттолкнула мужчину с багажной тележкой и вскочила на прилавок. Она по инерции поехала дальше и оказалась по другую сторону. Вивьен упала, ударившись о бок багажного конвейера.

На нее смотрели четыре изумленные и испуганные сотрудницы «Американ эйрлайнз».

Вивьен встала, ощущая слабость в ногах, и осторожно посмотрела через стойку. Толпа ошеломленных посетителей глазела на китаянку в недоумении. Те двое исчезли.

Вивьен обвела глазами служащих авиакомпании. Они тоже пребывали в оцепенении.

— По-моему, самое время вызывать охрану, — сказала она.

Одна из женщин молча потянулась к телефону.

— И раз уж вы взялись звонить, наберите заодно и службу девять-один-один, — попросила Вивьен.

Черный «мерседес» ехал медленно. Возле будки он остановился. Мимо пронеслась другая машина, и в свете ее фар Эбби увидела профиль человека за рулем. Это был Тарасов.

Эбби подбежала к пассажирской дверце и забралась в салон.

— Слава богу, вы приехали.

— Эбби, вы же совсем замерзли. Возьмите с заднего сиденья мою куртку.

— Вперед. Нужно поскорее убраться отсюда.

Тарасов не спеша отъехал. Эбби привычно оглянулась назад, нет ли преследования. Никого. Проезжая часть была пуста.

— Машин за нами нет? — спросил Тарасов.

— Нет. Думаю, мы спокойно доедем.

Тарасов едва слышно выдохнул.

— Я в этих делах полный профан, — сказал он. — Я даже детективные фильмы не люблю.

— Пока что у вас все отлично получается. Сейчас главное — добраться до полицейского управления. Можно позвонить Вивьен, чтобы подъезжала туда же.

Тарасов с беспокойством вглядывался в зеркало заднего обзора.

— Кажется, я заметил машину.

— Где?

Эбби обернулась, но ничего не увидела.

— Я, пожалуй, сверну. Так надежнее будет.

— Поезжайте. Я буду следить за дорогой, — сказала Эбби.

Они завернули за угол. Эбби сидела вполоборота, вглядываясь в заднее стекло. Никаких фар. Машину Тарасова никто не преследовал. Тогда почему он сбросил скорость?

Вскоре он и вовсе остановился.

— Что-то случилось? — спросила Эбби, поворачиваясь к хирургу.

— Ровным счетом ничего, — ответил Тарасов и погасил фары.

— Почему вы...

Дальнейшие слова застряли у нее в горле. Тарасов нажал кнопку, сняв блокировку дверей.

Эбби с ужасом наблюдала, как снаружи открыли дверцу. В салон ворвался холодный вечерний воздух. К ней протянулись руки и выволокли в темноту. Волосы лезли в глаза. Эбби вслепую отбивалась от похитителей, но силы были неравны. Ей связали руки, предварительно

заломив их за спину. Рот заклеили скотчем. Потом ее подняли и бросили в багажник другой машины.

Крышка багажника захлопнулась, оставив ее в кромешной темноте.

Машина тронулась.

Эбби легла на спину и принялась молотить ногами. Она билась, пока у нее не заболели ляжки. Вскоре она уже с трудом поднимала ноги. Бесполезное занятие. Бейся не бейся, никто не услышит.

Утомившись, она легла на бок и заставила себя думать.

Тарасов. Значит, и он тоже? Почему он в их шайке?

Постепенно все куски головоломки встали на свои места. В темноте багажника, под грохот колес перед Эбби разворачивалась полная картина. Итак, Тарасов был хирургом с мировым именем. Он руководил командой блестящих кардиохирургов, одной из лучших и наиболее уважаемых на Восточном побережье. Десятки успешных операций по пересадке сердца. Благодаря репутации Тарасова к нему за помощью обращались безнадежно больные со всего мира. Эти люди обладали изрядным богатством и могли выбирать любого понравившегося хирурга. Они требовали самого лучшего и щедро за него платили.

Но они не могли купить главное, чтобы остаться в живых: сердца. Человеческие сердца. Это запрещено законом. В первую очередь — законом Соединенных Штатов.

И вот здесь им на помощь приходила команда трансплантологов из Бейсайда. Эбби вспомнила, как однажды Тарасов сказал: «Я постоянно направляю своих пациентов в Бейсайд».

Он был бейсайдским посредником. А проще говоря, сводником.

Машина затормозила, затем повернула. Некоторое время под колесами скрипел гравий. Потом они остановились. Издали донесся гул. Это был звук взлетающего реактивного самолета. Теперь Эбби точно знала, куда ее привезли.

Крышка багажника открылась. Эбби вытащили наружу, на холодный ветер, пахнущий дизельным топливом и морем. Ее поволокли по пирсу, втащили на сходни. Скотч на губах гасил ее крики. Впрочем, в грохоте взлетающих самолетов они и так были бы не слышны. Эбби мельком увидела палубу и тени геометрических очертаний. Ее потащили вниз по гулким металлическим ступеням. Один этаж, потом второй.

Открылась дверь. Эбби втолкнули в темное помещение. Связанные руки не позволяли погасить толчок. Она упала, ударившись подбородком о металлический пол. Перед глазами вспыхнули и замелькали яркие кольца. Она была в каком-то ступоре и не могла даже шевельнуться. Боль сверлила ей череп, словно туда забивали кол.

По лестнице спустился кто-то еще. Эбби услышала, как Тарасов сказал вполголоса:

— Хоть что-то добыли. Разлепите ей рот. Не хватает еще, чтобы она задохнулась.

Эбби перевернулась на спину. Коридор был тускло освещен. В проеме двери стоял Тарасов. Один из сопровождавших его людей нагнулся к ней и сорвал ленту с губ. Эбби невольно вздрогнула.

— Почему? — шепотом спросила она.

Это был единственный вопрос, вертевшийся в ее голове.

— Почему?

Силуэт Тарасова слегка пожал плечами, словно она задала неуместный вопрос. Его помощники вышли в коридор и уже собирались закрыть дверь.

— Неужели это все из-за денег? — крикнула Эбби. — Неужели все так просто?

— Деньги ничего не значат, если на них нельзя купить то, что вам позарез необходимо, — ответил Тарасов.

— Например, сердце.

— Например, жизнь вашего ребенка. Или вашей жены, сестры, брата. Уж кто-кто, а вы, доктор Ди Маттео, должны бы очень хорошо это понимать. Нам все известно о маленьком Пите и трагедии, случившейся с ним. Ему ведь было всего десять лет, когда он умер. Я прав? Мы знаем, какой личной трагедией стала для вас смерть младшего брата. Думаю, доктор, вы бы отдали что угодно, только бы спасти его жизнь. Так?

Эбби молчала, и ее молчание послужило Тарасову ответом.

— Вы бы отдали все. И все бы сделали ради спасения Пита.

«Да», — подумала Эбби.

Это признание не потребовало никаких размышлений. Оно было инстинктивным.

«Да».

— Представьте, что испытывают родители, глядя, как умирает их ребенок, — говорил Тарасов. — У них достаточно денег, но их сын или дочь должны дожидаться своей очереди на пересадку. А впереди стоят алкоголики и наркоманы. Впереди стоят умственно отсталые. Отъявленные бездельники, никогда не работавшие, привыкшие жить на пособие... Представьте, — уже тише повторил он.

Дверь закрылась. Лязгнул засов.

Эбби лежала в полной темноте. Гремели ступени под ногами ее похитителей. Они поднимались на палубу. Потом захлопнулся лестничный люк. Стало почти тихо, если не считать шума ветра и стона канатов, удерживавших корабль.

«Представьте».

Эбби закрыла глаза и постаралась не думать о Пите. Но брат стоял перед нею, красуясь в своей форме бойскаутов-волчат. Когда Питу было всего пять лет, он заявил, что Эбби — единственная девочка, на которой он хочет жениться. А как он потом горевал, узнав, что невозможно жениться на родной сестре...

«На что бы я пошла ради твоего спасения? На что угодно. На все».

Из темноты донесся шорох.

Эбби похолодела. Шорох повторился, едва слышимый. Крысы!

Она отползла подальше от источника звука и даже сумела встать на колени. Воображение рисовало громадных грызунов, снующих по полу. Кое-как Эбби поднялась на ноги.

Потом что-то негромко щелкнуло, и в помещении вспыхнул свет. Ее глазам он показался нестерпимо ярким. Эбби попятилась. Под потолком висела обыкновенная лампочка. Она чуть покачивалась, ударяясь о цепочку патронного выключателя.

Никаких крыс в помещении не было. Звуки, принятые Эбби за крысиный шорох, исходили от... мальчишки.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Мальчишка стоял не шевелясь. Глаза настороженные. Худенькие босые ножки напряжены, готовые дать деру. Вот только бежать было некуда.

Сколько ему? На вид — около десяти. Бледный, светловолосый. В свете качающейся лампочки его волосы казались серебристыми. У него на щеке Эбби заметила пятно и только потом, внутренне содрогнувшись, поняла: это не грязь, а синяк. Глубоко посаженные глаза мальчишки тоже показались ей синяками.

Эбби шагнула к нему. Мальчишка попятился.

— Я не сделаю тебе больно, — сказала она. — Я просто хочу с тобой поговорить.

Он почему-то наморщил лоб и покачал головой.

— Честное слово, я не сделаю тебе больно.

Мальчишка что-то буркнул, но Эбби ничего не разобрала. Теперь уже она досадливо наморщила лоб и покачала головой.

Оба в каком-то недоумении смотрели друг на друга.

И вдруг мальчишка задрал голову. На корабле запустили двигатели.

Эбби напряглась, слушая лязг якорной цепи, скрипы и стоны гидравлических механизмов. Вскоре судно качнуло. Корабль отошел от пирса и явно заторопился покинуть акваторию порта.

«Даже если я неведомым образом развяжу себе руки и выберусь из этой железной комнаты, бежать мне некуда».

В отчаянии она смотрела на своего маленького товарища по несчастью.

Мальчишка забыл о шуме двигателей. Он смотрел на связанные запястья Эбби. Потом он немного передвинулся, продолжая разглядывать веревки. Только сейчас Эбби заметила, что у мальчишки нет левой кисти. Чуть ниже локтя его левая рука оканчивалась культей. До сих пор он прижимал ее к телу, скрывая увечье. Теперь, казалось, вспомнил и внимательно рассматривал.

Мальчишка поднял глаза на Эбби и что-то сказал.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Мальчишка повторил с явным недовольством в голосе. Эбби удивилась себе: почему она не понимает? Что у нее с мозгами?

Она лишь покачала головой.

Их отчаяние было обоюдным. Затем мальчишка вскинул голову. Должно быть, он нашел решение. Подойдя к Эбби со спины, он одной рукой попытался освободить ее от пут. Не получилось. Веревка была завязана крепкими морскими узлами. Тогда мальчишка встал на колени и взялся за веревку зубами. Эбби чувствовала его жаркое дыхание. Иногда зубы задевали ее кожу. Корабль уходил от берега, под потолком железной комнаты качалась лампочка, а мальчишка, как настойчивый мышонок, грыз веревочные кольца на руках Эбби.

— Извините, но время посещения уже закончилось, — запротестовала медсестра. — Слышите? Туда нельзя. Остановитесь!

Кацка и Вивьен, игнорируя запрет, направились прямо в палату № 621. Эбби там не было. У окна стоял явно растерянный доктор Колин Уэттиг.

— Где Эбби? — спросил Кацка.

— Доктор Ди Маттео исчезла.

— Вы же говорили, что она у вас под наблюдением. Уверяли, что с ней ничего не может случиться.

— Она и была под наблюдением. Никому не разрешалось к ней заходить без моего непосредственного разрешения.

— Тогда где она?

— Этот вопрос вам следует задать доктору Ди Маттео.

Спокойный тон Уэттига — вот что по-настоящему взбесило Кацку. И еще — бесстрастное, лишенное каких-либо эмоций выражение глаз. Этот человек привык командовать и скрывать все, о чем не полагалось знать посторонним. Глядя в непроницаемое лицо Уэттига, Кацка вдруг узнал себя и был по-настоящему ошеломлен.

— Доктор Уэттиг, вы отвечали за нее. Что ваши люди сделали с нею?

— Мне не нравятся ваши предположения.

Кацка подскочил к нему, схватил за лацканы халата и толкнул к стене:

— А ну отвечайте, куда вы ее дели?

В голубых глазах Уэттига мелькнул страх.

— Говорю вам, я сам не знаю, где она! В половине седьмого мне позвонили медсестры и сообщили о ее исчезновении. Мы подняли на ноги всю нашу службу охраны. Они прочесали клинику.

— Вы ведь знаете, где она. Где? — напирал Кацка.

Уэттиг покачал головой.

— Я спрашиваю: где?

Кацка еще крепче схватил Уэттига за халат и снова тряхнул.

— Не знаю! — прохрипел Уэттиг.

Вивьен бросилась их разнимать.

— Кацка, прекратите! — крикнула она. — Вы его задушите!

Кацка резко отпустил Уэттига. Тот попятился и уткнулся в стену, тяжело дыша.

— Учитывая помраченное состояние, в каком она находилась, я думал, в клинике ей будет безопаснее.

Уэттиг выпрямился. Он растирал шею. Ярко краснела полоса, оставленная воротником халата. Кацка смотрел на полосу, шокированный собственной жестокостью.

— Мне как-то и в голову не приходило, что Эбби может говорить правду, — признался Уэттиг.

Он достал из кармана сложенную бумажку и протянул Вивьен.

— Совсем недавно получил от медсестер.

— Что в этой бумаге? — спросил Кацка.

— Результаты анализа на содержание алкоголя в крови Эбби, — морща лоб, ответила Вивьен. — Нулевой уровень.

— Я решил провести повторный анализ, — пояснил Уэттиг. — Она утверждала, что не выпила ни капли. Вот я и подумал: пусть проверят в

независимой лаборатории. Если результаты совпадут, ей будет трудно отрицать очевидное...

— Вы отправили ее кровь в стороннюю лабораторию?

Уэттиг кивнул:

— В лабораторию, полностью независимую от Бейсайда.

— Вы мне говорили, что по первому анализу содержание алкоголя в ее крови было двадцать одна сотая.

— Да. Этот анализ сделали у нас в четыре часа утра.

— Полураспад алкоголя в крови длится от двух до четырнадцати часов, — сказала Вивьен. — Если ранним утром ее кровь была насыщена алкоголем, повторный анализ должен зафиксировать хотя бы следы.

— Но в ее организме алкоголя вообще не было. Как вы это объясните? — спросил Кацка.

— Или ее печень изумительно быстро переработала алкоголь, или наша лаборатория допустила ошибку, — пожал плечами Уэттиг.

— Ошибку? — переспросил Кацка. — Это у вас так называется?

Уэттиг молчал. Он казался изможденным и очень старым. Не в силах стоять, он сел на смятую постель.

— Я не осознавал... не хотел допускать возможности...

— Что Эбби все это время говорила вам правду? — закончила за него Вивьен.

— Боже мой, — качая головой, бормотал Уэттиг. — Если все, что говорила Эбби, — правда, эту клинику нужно сровнять с землей.

Кацка почувствовал на себе взгляд Вивьен и посмотрел на нее.

— У вас еще остались сомнения? — тихо спросила китаянка.

Уже четыре часа мальчишка спал на руках у Эбби, щекоча теплым дыханием ее шею. Он лежал обмякший, странно вывернув руки и ноги, как спят по-настоящему уставшие дети. Когда Эбби его впервые обняла, он задрожал. Она массировала его голые ступни, и ей казалось, что она

трет сухие холодные палочки. Постепенно мальчишка перестал дрожать и затих. От него пошли теплые волны. Такое тепло исходит от всех детей, когда они глубоко засыпают.

Эбби тоже немного поспала. Когда она проснулась, ветер дул сильнее. Он скрипел в корабельных снастях. А над головой неутомимо раскачивалась лампочка.

Ребенок сопел и слегка елозил во сне.

«Как удивительно пахнут мальчишки в этом возрасте», — подумала Эбби.

Примерно так пахнет теплая трава. Их запах еще не приобрел специфический мужской оттенок. Когда-то Пит вот так же спал у нее на плече. Отец вел машину, а они сидели сзади, и милю за милей Эбби слушала негромкое биение сердца Пита. Но то сердце давно уже не бьется. Сейчас она слушает удары сердца другого, совершенно незнакомого ей мальчишки.

Он тихо застонал и вдруг проснулся. Сощурился, потом вспомнил, где он и кто с ним.

— Эб-би, — прошептал он.

Она кивнула:

— Правильно. Эбби. Ты запомнил.

Она улыбнулась и провела рукой по его лицу, осторожно коснувшись синяка.

— А ты... Яков.

Мальчишка кивнул.

Они улыбнулись друг другу.

Снаружи все так же стонал ветер. Качка усилилась. На лице мальчишки плясали тени, отбрасываемые лампочкой. Яков наблюдал за Эбби, глядел на нее почти голодными глазами.

— Яков, — повторила она.

Она провела губами по его шелковистой светлой брови. Ее губы были влажными. Нет, не от мальчишечьих слез. От ее собственных. Эбби

вытерла слезы о свое плечо. А Яков все смотрел на нее. Молча. И как только ему удавалось смотреть не мигая?

— Я здесь, — прошептала Эбби.

Потом, улыбнувшись, взъерошила ему волосы.

Вскоре его веки закрылись. Яков снова обмяк у нее на плече в глубоком сне.

— Вот и дождались ордера на обыск, — сказал Лундквист, пнув дверь. Дверь распахнулась, громко хлопнув о стену. Лундквист вошел и обомлел. — Это еще что за хрень?

Кацка повернул выключатель.

Они зажмурились от нестерпимо яркого света. С потолка свешивались три мощных светильника. Куда ни посмотри — повсюду сверкающие поверхности. Шкафы из нержавеющей стали. Тележки для медицинских инструментов и стойки капельниц. Мониторы, опутанные проводами. Какие-то приборы с обилием кнопок и ручек.

Посередине стоял операционный стол.

Кацка подошел к столу. По бокам свисали ременные крепления. Два ручных, два ножных и еще два, подлиннее. Эти предназначались для груди и талии.

Со стола взгляд Кацки переместился на шкафчик с препаратами для анестезии. Шкафчик тоже был на колесах и стоял у изголовья стола. Детектив выдвинул верхний ящик. Внутри лежали стеклянные шприцы и иглы в пластиковых футлярах.

— Чем они тут занимались? — недоумевал Лундквист.

Кацка задвинул верхний ящик и взялся за следующий. Здесь лежали стеклянные пузырьки. Он вытащил первый попавшийся. На этикетке значилось: «Хлорид калия». Пузырек был наполовину пуст.

— Это не демонстрационное оборудование, — сказал Кацка. — Похоже, это... операционная.

— Операционная в таких трущобах? — удивился Лундквист. — Что за операции они здесь делали?

Кацка опять посмотрел на стол. На болтающиеся ремни фиксаторов. И вдруг ему вспомнилась Эбби со связанными руками. Ее заплаканное лицо. Воспоминание было настолько болезненным, что он встряхнул головой, прогоняя картинку. Страх, охвативший Кацку, мешал ему думать. Но если он не будет думать, он не поможет Эбби. Не спасет ее. Кацка отшатнулся от стола.

— Слизень, вам никак стало плохо? — забеспокоился Лундквист.

— Нет. — Он подошел к двери. — Я в лучшем виде.

Он выбрался наружу, встал под пронизывающим ветром и еще раз обвел глазами здание «Эмити». Посмотришь с улицы — ничего примечательного. Обветшалое строение в захудалом квартале. Грязный фасад из коричневого песчаника. Окна с выступающими коробками кондиционеров. Его вчерашний визит не выявил ничего подозрительного. Заурядный торговый зал, обшарпанные столы, заваленные каталогами. Приемщики заказов, похожие на живые манекены. Но вчера он не видел верхнего этажа. Кацка и представить не мог, куда его поднимет лифт.

В операционную. К столу с ремнями.

Менее часа назад Лундквист выяснил, что «Эмити» принадлежит «Компании Сигаева». Той самой компании из Нью-Джерси, владевшей грузовым судном. Опять русская мафия. Насколько глубоко она пустила корни в Бейсайде? Или русские просто вели подпольный бизнес с кем-то из клиники? Бейсайд вполне мог оказаться их торговым партнером по черному рынку.

У Лундквиста запищал пейджер. Прочитав сообщение, молодой детектив поспешил в машину, где оставил свой сотовый.

Кацка стоял перед зданием. Он думал об Эбби и о том, где еще ее искать. Клинику они перерыли вдоль и поперек. Осмотрели стоянку и всю прилегающую территорию. Все указывало на то, что Эбби ушла из клиники сама. Но куда она направилась? Кому еще позвонила? Скорее всего, тому, кому доверяла.

— Слизень!

Кацка повернулся. Возле машины стоял Лундквист, размахивая сотовым телефоном.

— Кто звонит? — спросил Кацка.

— Береговая охрана. Их вертолет ждет нас.

По лестнице снова кто-то топал.

Эбби вскинула голову. Яков мирно спал. Она боялась, что гулко колотящееся сердце разбудит мальчишку, но он даже не шевельнулся.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Тарасов в сопровождении еще двоих.

— Пора идти, — сказал он, глядя на Эбби.

— Куда? — спросила она.

— Здесь недалеко. — Тарасов кивнул на Якова. — Будите его. Он тоже пойдет.

Эбби крепче обняла Якова.

— Только не мальчика, — сказала она.

— Его в первую очередь.

— Почему? — спросила Эбби, упрямо мотая головой.

— У него четвертая группа крови, положительный резус. Единственный экземпляр, которым мы располагаем в данный момент.

Эбби посмотрела на Тарасова. Потом на Якова. Как безмятежно он спал. В щуплой груди билось сердце.

«Это сердце пойдет Нине Восс, — подумала она. — У Нины та же группа и тот же резус...»

Один из спутников Тарасова рывком поставил Эбби на ноги. Она не смогла удержать Якова. Мальчишка скатился на пол. Только сейчас он проснулся и очумело заморгал. Второй мужчина пнул его носком ботинка и что-то прокричал по-русски.

Мальчишка сонно встал.

Тарасов шел первым. Они миновали тускло освещенный коридор, остановились возле запертого люка, прошли через люк, поднялись по лестнице, прошли через другой люк. Дальше тянулся проход, устланный металлическими плитами. В конце прохода была синяя дверь. Тарасов направился прямо к двери. Проход качался под его грузным телом.

И вдруг мальчишка вырвался и побежал обратно. Один из мужчин успел ухватить его за рубашку. Яков повернулся и впился зубами ему в руку. Взвыв от боли, мужчина наотмашь ударил Якова по лицу. Удар был настолько жестоким, что мальчишка распластался на полу.

— Прекратите! — крикнула Эбби.

Мужчина резко поднял Якова и снова ударил. Теперь мальчишку отбросило к Эбби. Она подхватила Якова на руки. Он уткнулся ей в плечо и заплакал. Укушенный мужчина шагнул к ней, намереваясь их разделить.

— Не приближайтесь к нему! — потребовала Эбби.

Яков дрожал и что-то бормотал, перемежая слова всхлипываниями. Эбби прижалась губами к его волосам и прошептала:

— Дорогой, не бойся. Я с тобой. Я останусь с тобой.

Мальчишка поднял голову. Его глаза расширились от ужаса.

«Он знает, что нас ждет», — подумала Эбби.

Ее толкали вперед. По металлическим листам. За синюю дверь.

Они очутились в совершенно другом мире.

Коридор со стенами из выбеленного дерева. Белый линолеум на полу. Мягкий, рассеянный свет. Они прошли мимо винтовой лестницы, завернули за угол и уперлись в широкую дверь.

Яков дрожал все сильнее. Почему-то он стал тяжелым. Эбби спустила мальчишку на пол, обхватила его лицо руками и заглянула в глаза. Их глаза встретились на секунду, но этого хватило, чтобы передать все, что они не могли сказать словами. Эбби крепко сжала руку Якова. Они вместе пошли к широкой двери. Один сопровождающий топал впереди, второй — сзади. Тарасов уже подошел к двери. Пока хирург ее отпирал, Эбби группировалась. Все ее мышцы напряглись для следующего шага. Руку Якова она отпустила.

Тарасов распахнул дверь. Помещение за нею было умопомрачительно белым.

И тогда Эбби решилась. Она навалилась плечом на впередиидущего, а тот, в свою очередь, толкнул Тарасова. Хирург споткнулся прямо на пороге.

— Мерзавцы! — крикнула Эбби, молотя их руками. — Вы все мерзавцы!

Второй бугай попытался схватить ее за руки. Эбби развернулась и что есть силы ударила его по лицу. Краешком глаза она засекла какое-то движение. Воспользовавшись суматохой, Яков улизнул за угол. Сопровождающие Тарасова кинулись к ней с двух сторон, схватили и подняли в воздух. Эбби извивалась, молотя воздух. Но ее уже тащили в умопомрачительно белую комнату.

— Утихомирьте ее! — потребовал Тарасов.

— Мальчишка…

— Забудьте про мальчишку. Он никуда не денется. Тащите ее на стол.

— Она весь стол разнесет!

— Подонки! — крикнула Эбби.

Ей удалось высвободить ногу.

Тарасов рылся в шкафах.

— Руку! — отрывисто приказал он. — Слышите? Мне нужно добраться до ее руки!

Он шел к Эбби, держа наготове шприц. Игла больно проткнула кожу. Эбби вскрикнула. Она дернулась, но ей было не вывернуться. Она снова дернулась. Теперь руки и ноги ее едва слушались. Она боролась с рассеивающимся зрением. Веки сами собой опускались. Голос исчез. Она попробовала крикнуть, но не смогла даже вздохнуть.

«Что такое со мной? Почему я не могу двигаться?»

— Тащите ее в соседнее помещение! — распорядился Тарасов. — Нужно интубировать, иначе мы ее потеряем.

Его помощники перенесли Эбби в другую комнату и положили на операционный стол. Сверху лился яркий, обжигающий свет. Ее сознание оставалось предельно ясным. Укол обездвижил ее. Помимо сознания, остались ощущения. Эбби чувствовала, как затягивают ремни на ее руках и ногах. Чувствовала руку Тарасова на лбу. Он запрокинул ей голову и вставил в горло холодную стальную трубку ларингоскопа. Крик ужаса прозвучал только у Эбби в голове. Из горла не вырвалось ни звука. Пластиковая интубационная трубка уходила все глубже, вызывая рвотный рефлекс и перекрывая дыхание. Чуть задев голосовые связки, трубка опустилась еще ниже, в трахею. Эбби не могла ни повернуться, ни

даже в отчаянии глотнуть воздуха. Трубку лейкопластырем прикрепили к ее лицу, присоединив другой конец к мешку Амбу — ручному аппарату для искусственной вентиляции легких. Тарасов нажал резиновую грушу. Грудь Эбби трижды быстро поднялась и опустилась. Три спасительных глотка воздуха. После этого Тарасов отключил мешок Амбу и подсоединил трубку к вентилятору. Машина заработала, мерно нагнетая воздух в легкие Эбби.

— Теперь идите за мальчишкой! — приказал Тарасов. — Не вдвоем! Кто-то один. Мне нужен ассистент.

Ушел тот, кого Яков укусил за руку. Второй подошел к столу.

— Закрепите ей ремень на груди, — потребовал Тарасов. — Через пару минут действие сукцинилхолина пройдет. Мне не нужны тут дерганья, пока я ввожу внутривенный катетер.

«Сукцинилхолин. Препарат, погубивший Аарона. Он не мог ни сопротивляться, ни дышать».

Действие сукцинилхолина ослабевало. Эбби чувствовала, как грудные мышцы пытаются вытолкнуть чужеродную трубку. У нее снова поднимались веки. Теперь она видела лицо помощника Тарасова. Он разрезал на ней одежду, с удовольствием разглядывая ее грудь и лобок.

Тарасов ввел иглу внутривенного катетера. Он выпрямился и тут заметил, что она широко раскрытыми глазами смотрит на него. Во взгляде Эбби читался вопрос. Добрый доктор Тарасов был готов на него ответить.

— Не так-то просто найти здоровую печень, — пояснил он. — А в штате Коннектикут есть некий джентльмен, который уже больше года ждет донора.

Тарасов потянулся за второй капельницей и повесил ее на стойку. Затем он снова взглянул на Эбби:

— Он будет рад услышать, что мы наконец-то нашли печень, совместимую с его организмом.

«Так вот зачем они брали у меня кровь в первый раз, — подумала Эбби. — Делали тест на совместимость тканей».

Тарасов педантично выполнял необходимые приготовления. Подсоединил вторую капельницу. Набрал в шприцы лекарства. Эбби могла лишь молча за ним наблюдать. Вентилятор исправно гнал воздух в ее легкие, однако интубационная трубка мешала говорить. Возвращалась

чувствительность мышц. Снова шевелились пальцы. Снова двигались плечи. По виску ползла капля пота. Она потела от напряжения, упрямо пытаясь вернуть себе свободу движений и контроль над телом. Часы на стене показывали четверть двенадцатого.

Тарасов закончил раскладку шприцев. Пару раз хлопнула дверь.

— Мальчишка где-то спрятался, стервец, — сказал он помощнику. — До сих пор найти не могут. Поэтому сначала займемся ее печенью.

К столу подошел кто-то еще. Остановился, глядя на Эбби.

Сколько раз она видела это лицо. Тогда она не лежала на столе, а стояла возле. Видела его глаза над хирургической маской, они улыбались ей. Сегодня они не улыбались.

Нет! Эбби всхлипнула, но слышно было лишь негромкий шелест воздуха в интубационной трубке. Нет...

Это был Марк.

25

Грегор знал: в кормовую секцию можно попасть только через синюю дверь, а она была заперта. Скорее всего, этот маленький паршивец поднялся по винтовой лестнице.

Грегор задрал голову, вгляделся, но не увидел ничего, кроме уходящих вверх ступеней. Тогда он стал подниматься по хлипкой лестнице. Укушенная правая рука до сих пор болела. Мразь малолетняя! Сколько крови он попортил им с Надией.

Грегор взобрался на второй этаж. Ноги утонули в мягком ковре. Здесь находились две каюты с общим гальюном и душем. Чуть дальше была очень уютная, хорошо оборудованная кают-компания. И больше никаких коридоров и люков. Единственный выход — по винтовой лестнице. Так что этот щенок в западне.

Он решил сначала проверить каюты. В первой жил толстяк-хирург. Здесь воняло табаком. Грегор включил свет. Открытая дверца шкафа, неубранная постель, письменный стол с пепельницей, переполненной окурками. Грегор заглянул в шкаф. Там висели шмотки мертвого хирурга (тоже провонявшие табаком), стояла пустая водочная бутылка. Под грудой нижнего белья Грегор обнаружил пачку порнографических журналов. Мальчишки здесь не было.

Он зашел в каюту помощника хирурга. Там царил порядок. Постель заправлена. Одежда в шкафу аккуратно развешана и разложена (и вдобавок отглажена). Однако мальчишки не было и здесь.

Грегор заглянул в гальюн, затем пошел в кают-компанию. Еще на подходе он услышал негромкое всхлипывание.

Распахнув дверь кают-компании, Грегор включил весь свет. Быстро осмотрел помещение, слазал под диван, стол и тумбу, на которой стояли телевизор с видеомагнитофоном и стопкой кассет. Где же прячется эта тварь? Грегор еще раз обвел глазами кают-компанию. У него мелькнула догадка: камбузный лифт!

Грегор бросился к стене, распахнул дверцы. Судя по тросам, площадка находилась внизу. Грегор ударил по кнопке «Вверх». Тросы заскрипели. Грегор протянул руки, уже готовый схватить мальчишку.

Площадка была пуста.

Мальчишка прятался на камбузе.

Грегор поспешил к лестнице. Времени жалко, но это не катастрофа. Дверь камбуза заперта. Обнаружив, что команда таскает из кладовой продукты, Грегор по вечерам стал закрывать камбуз на замок. Так что малец в ловушке.

Грегор толкнул синюю дверь и зашагал по проходу.

— Эбби, мне очень жаль, — сказал Марк. — Никогда не предполагал, что все зайдет так далеко.

«Одумайся, — мысленно молила его Эбби. — Марк, не делай этого...»

— Если бы существовал другой выход... — Он покачал головой. — Но ты шла напролом. Мне было не остановить тебя. Я утратил всякий контроль.

По волосам ползла слезинка, выкатившаяся из ее глаза. Всего лишь на мгновение лицо Марка исказила гримаса боли. Эбби это увидела. Он отвернулся.

— Пора одеваться для операции. Сделайте мне одолжение. — Тарасов протянул Марку шприц. — Пентобарбитал. Мы же не варвары.

Марк медлил. Потом взял шприц и повернулся к стойке с капельницами. В них имелось дополнительное отверстие для подобных инъекций. Марк снял колпачок с иглы, ввел ее в отверстие. И снова остановился. Он смотрел на Эбби.

«А ведь я тебя любила, — подумала она. — Я тебя очень любила».

Марк нажал на поршень шприца.

Свет в глазах Эбби начал тускнеть. Лицо Марка дрогнуло, словно отражение на воде. Затем и оно померкло. Мир вокруг Эбби погружался в серые тона.

Я любила тебя.

Я любила тебя…

Дверь оказалась заперта.

Яков отчаянно дергал ручку, однако дверь не поддавалась. Куда теперь? Подняться на камбузном лифте? Яков подбежал к лифту, нажал кнопку. Тросы не шелохнулись.

Мальчишка лихорадочно озирался, выискивая, где еще можно спрятаться. Кладовая. Шкафы. Холодильная камера размером с небольшую комнату. Спрятаться-то можно, но лишь временно. Грегор и другие обрыщут все и в конце концов найдут его.

Нужно сделать так, чтобы поиски затянулись.

Яков поднял глаза к потолку. Камбуз освещался тремя обычными лампочками. На них даже колпаков не было. Он бросился к шкафу, достал тяжелую керамическую кружку. Взрослые из таких пили кофе. Размахнувшись, он швырнул кружку в ближайшую лампочку.

Лампочка разлетелась вдребезги. В камбузе стало чуть темнее.

Яков достал еще несколько кружек. Во вторую ему пришлось бросить три раза, но и она наконец разбилась.

Он уже собирался угробить последнюю, когда вдруг зацепился взглядом за приемник кока. Приемник стоял на своем обычном месте — на шкафу. В сеть он включался через шнур-удлинитель. Раньше Яков не обращал внимания, куда шел этот шнур. А шнур шел к розеткам над столом, на котором стоял тостер.

На плите Яков увидел пустую кастрюлю. Сняв с конфорки, мальчишка дотащил кастрюлю до раковины и отвинтил кран.

Приемник орал на полную мощность.

Грегор торопливо открыл замок, дернул дверь и вошел внутрь. Музыка гремела в полной темноте: барабаны и электрогитары. Грегор нащупал выключатель, вдавил кнопку. Свет не загорелся. Грегор пощелкал выключателем. Света по-прежнему не было. Он шагнул вперед. Под подошвой хрустнуло стекло.

«Этот сучий выползок разбил лампочки. Задумал в темноте слинять от меня».

Грегор плотно захлопнул дверь. Чиркнув спичкой, он достал ключ от камбуза и снова запер дверь. Теперь не улизнет. Догоревшая спичка обожгла ему пальцы.

— Эй, пацан, вылезай! — крикнул в темноту Грегор. — Ты настоящим мужиком оказался. Мне такие нравятся. Тебе ничего не будет. Вылезай!

В темном пространстве камбуза по-прежнему гремело радио, заглушая все прочие звуки. Грегор пошел на звук, потом остановился и зажег вторую спичку. Орущий приемник стоял на разделочном столе. Грегор выключил радио. Рядом с приемником лежал тесак для мяса, а возле него — какие-то коричневые ошметки. Резина, что ли?

«За ножи кока взялся?»

Спичка погасла.

Грегор вытащил пистолет и снова крикнул:

— Парень! Я же все равно тебя найду!

Только сейчас Грегор почувствовал, что у него вымокли ноги.

Он чиркнул третьей спичкой и посмотрел вниз.

Он стоял в луже воды. Хана его модным кожаным ботинкам. Откуда взялась вода? В колеблющемся пламени спички Грегор увидел, что пол камбуза наполовину залит водой. У самого края лужи поблескивали кольца шнура-удлинителя. Колодка была срезана. Ошеломленный Грегор повел глазами вдоль шнура и увидел, что тот поднимается вверх, к стулу.

Спичка догорала. Последним, что успел увидеть Грегор, была прядь светлых волос и детская фигурка. Рука мальчишки застыла возле стенной розетки.

Пальцы сжимали вилку шнура-удлинителя.

Тарасов взял с подноса скальпель.

— Делайте первый надрез, — велел он Марку.

В глазах Марка мелькнул испуг.

«У тебя нет выбора, Ходелл, — подумал Тарасов. — Это ты стремился протащить ее в нашу команду. Ты допустил серьезную ошибку, тебе ее и исправлять».

Ходелл взял инструмент. Еще не приступили к операции, а у него уже весь лоб в поту. Он остановился. Скальпель замер над животом Эбби. И он, и Тарасов знали: это проверка. Возможно, последняя.

«Давай без канители. Арчер выполнил свою задачу, раньше времени отправив Мэри Аллен в мир иной. Цвик проводил Аарона Леви туда же. Теперь твой черед. Докажи, что ты по-прежнему в команде, по-прежнему один из нас. Потроши женщину, с которой когда-то занимался любовью. Давай».

Марк переместил скальпель, словно хотел взять инструмент поудобнее. Вздохнув, он приложил скальпель к коже.

«Давай».

Скальпель полоснул живот, оставив длинный извилистый разрез. Кожа разошлась. На хирургические салфетки закапала кровь.

Тарасов облегченно вздохнул. Ходелл не будет для него проблемой. Фактически Марк прошел точку невозврата давно, еще будучи ассистентом хирурга. Вечер обильных возлияний, несколько понюшек кокаина. А утром — пробуждение в чужой постели. Рядом — хорошенькая студентка школы медсестер, задушенная подушкой. Ходелл ничего не помнил о случившемся. Зрелище подействовало на него безотказно.

А цементом, скрепившим уговор с командой, были деньги.

Кнут и пряник. Это срабатывало почти всегда. Так удалось завербовать Арчера, Цвика и Мохандаса. На тот же крючок клюнул Аарон Леви… как оказалось, временно. У них было закрытое сообщество, ревностно охраняющее свои секреты. И свои доходы. В Бейсайде никто, ни Колин Уэттиг, ни даже Джереми Парр, не догадывался, какими деньгами ворочала команда. На эти деньги можно было купить лучших врачей и создать непревзойденную команду. Команда была детищем Тарасова. Русские лишь поставляли донорский материал и, если требовалось, применяли грубую силу. Но настоящие чудеса совершались в операционных, где органы попадали в руки искуснейших хирургов.

Аарон Леви тоже любил деньги, но этого оказалось недостаточно, чтобы удержать его в команде. А Ходелл оставался их человеком. Он это подтверждал каждым движением скальпеля.

Тарасов ассистировал, ставя ранорасширители и зажимы. Работать с таким молодым и здоровым организмом — настоящее удовольствие. Женщина была в прекрасной форме. Минимум подкожного жира. Брюшные мышцы плоские и плотные. Настолько плотные, что их помощник (он же анестезиолог) был вынужден сделать еще одну инъекцию сукцинилхолина для расслабления.

Лезвие скальпеля проникло в мышечный слой. Они добрались до брюшной полости. Тарасов раздвинул ранорасширители. Под тонким слоем брюшинной ткани поблескивала печень и кольца тонкой кишки. И все это — абсолютно здоровое, в превосходном состоянии! Здоровые человеческие внутренности — прекрасное зрелище.

Свет мигнул и почти погас.

— Как это понимать? — встрепенулся Ходелл.

Оба подняли глаза к потолку. Сбой был коротким. Вскоре все лампы засветили с прежней яркостью.

— Небольшой сбой в энергосистеме, — сказал Тарасов. — Генератор работает. Я слышу его звук.

— Неудачное вы место выбрали. Пол качается. Свет мигает.

— Это временно, пока не подыщем замену зданию «Эмити». — Тарасов кивком указал на стол. — Продолжайте.

Ходелл занес скальпель и замер. Его специализацией была торакальная хирургия. Резекцию печени он тоже делал, но всего несколько раз и давно. Возможно, ему требовались дополнительные указания.

А может, он начинает осознавать реальность того, чем сейчас занимается?

— Что-то не так? — спросил Тарасов.

— Нет.

Марк проглотил слюну. Он снова резал, но рука дрожала. Тогда он поднял скальпель и несколько раз глубоко вдохнул.

— Доктор Ходелл, у нас не так уж много времени. На очереди — второй донор.

— Просто… вам не кажется, что здесь жарко?

— Я не заметил. Продолжайте.

Ходелл кивнул. Он уже собирался сделать новый разрез и вдруг замер на месте.

Тарасов услышал, как дверь операционной открылась и тут же закрылась.

Марк застыл со скальпелем в руке.

Потом его словно ударили по лицу. Голова Ходелла запрокинулась. На операционный стол хлынула кровь, упали кусочки лобной кости.

Тарасов резко обернулся, увидев прядь светлых волос и бледное мальчишечье лицо.

Пистолет в руках мальчишки выстрелил снова.

Он стрелял не целясь, и пуля угодила в стеклянную дверцу шкафчика с хирургическими материалами. На пол полетели осколки.

Анестезиолог спрятался за вентилятором.

Тарасов попятился, не сводя глаз с пистолета. Это был пистолет Грегора: компактный и легкий даже для детской руки. Но рука, сжимавшая оружие, отчаянно дрожала. Негодное состояние для стрельбы.

«Он всего лишь мальчишка», — подумал Тарасов.

Испуганный мальчишка, не знающий, в кого теперь стрелять: в анестезиолога или в Тарасова.

Рядом с Тарасовым стояла инструментальная тележка, а на ней лежал шприц с сукцинилхолином. В резервуаре препарата оставалось более чем достаточно, чтобы угомонить этого ребенка. Тарасов медленно сдвинулся в сторону, затем переступил через тело Ходелла и расползающуюся лужу крови. Дуло пистолета тоже переместилось, заставив Тарасова замереть.

Мальчишка вовсю плакал, всхлипывая и хватая ртом воздух.

— Все хорошо, — попытался успокоить его Тарасов. Хирург улыбнулся мальчишке: — Ты не бойся. Я помогаю твоей подруге. Делаю так, чтобы она выздоровела. Она очень больна. Ты этого не знал? Ей нужен врач.

Взгляд ребенка застыл на столе. На распластанной женщине. Он сделал шаг вперед, потом еще один. Из его груди вырвался не то плач, не той вой. Мальчишка не слышал, как мимо промчался анестезиолог, спешащий убраться из операционной. Не слышал он и слабого гула приближающегося вертолета. Сюда летели, чтобы забрать плоды жатвы.

Тарасов взял с подноса шприц. Осторожно приблизился к столу.

Мальчишка поднял голову. Его всхлипывания превратились в отчаянный крик.

Тарасов поднял шприц.

В то же мгновение мальчишка взглянул на хирурга. В его глазах больше не было страха. Только злость.

Он прицелился и выстрелил в последний раз.

26

Этот странный ребенок не отходил от постели Эбби. Едва только ее перевезли из постоперационной палаты в реанимацию хирургического отделения, он сел рядом. Маленький бледный мальчишка, похожий на призрака. Дважды медсестры брали его за руку и выводили из отсека, и дважды он возвращался. Теперь он стоял, вцепившись в боковое перильце. Его взгляд умолял ее проснуться. Хорошо хоть истерика прекратилась. А когда Кацка впервые увидел его на корабле… Хрупкий ребенок, склонившийся над растерзанным телом Эбби. Он плакал навзрыд, умоляя ее не умирать. Во всяком случае, Кацке так показалось. Он не понимал ни единого слова из сбивчивой мальчишечьей речи. Но страх и отчаяние были понятны без перевода.

В смотровое окошко постучали. Повернувшись, Кацка увидел Вивьен Чао. Китаянка жестами просила его выйти. Кацка вышел.

— Мальчику нельзя здесь оставаться на всю ночь, — сказала она. — Медсестры жалуются. Да и вымыть его не мешало бы.

— Они при мне пытались его увести, но он поднимал жуткий крик.

— Может, вы поговорите с ним? — предложила Вивьен.

— Я же не знаю русского. Вы ведь тоже?

— В клинике есть переводчик. До сих пор его ждем. Почему бы вам не поступить по-мужски властно? Взять и вывести.

— Не торопите вы его. Дайте мальчишке прийти в себя.

Кацка повернулся к смотровому окну и взглянул на Эбби. Усилием воли он прогнал другую картину. Он знал: та картина будет преследовать его до конца дней… Эбби на операционном столе. Вскрытый живот. Внутренности, жутко поблескивающие в ярком свете. И хнычущий мальчишка, обнимающий ее голову. А на полу, в лужах крови, — двое знаменитых хирургов: мертвый Ходелл и Тарасов, без сознания, но живой. Как и всех, кто был на борту корабля, Тарасова заключили под стражу.

Грядут новые аресты. Следствие только начиналось. Но федеральные власти уже смыкают кольцо вокруг «Компании Сигаева». Судя по показаниям экипажа, масштабы поставки живых доноров и торговли органами были гораздо шире, чем они думали. Кацка и представить себе не мог, куда вела ниточка, за которую потянула Эбби.

Он моргнул, возвращая себя к действительности. Живот Эбби был покрыт целым слоем повязок. Ее грудь поднималась и опускалась. Монитор отмечал стабильную работу сердца. Кацка содрогнулся, вспомнив, как он запаниковал на корабле, когда монитор стал показывать остроконечные пики. Он боялся, что Эбби вот-вот умрет. А вертолет с Вивьен и Уэттигом находился еще в нескольких милях от корабля.

Кацка провел рукой по смотровому окну. Он почему-то все время моргал.

— Кацка, она быстро поправится, — тихо сказала за спиной Вивьен. — Мы с Генералом умеем работать.

Кацка кивнул и молча вернулся в отсек.

Мальчишка поднял на него глаза. Такие же влажные, как у самого Кацки.

— Эб-би, — прошептал мальчишка.

— Да, парень. Ты уже знаешь ее имя, — улыбнулся детектив.

Они оба смотрели на постель. Никто из них не знал, сколько времени прошло. Наверное, достаточно. Тишину нарушало лишь ритмичное попискивание кардиомонитора. Двое мужчин — большой и маленький — несли вахту у постели женщины, которую плохо знали, но которая вдруг стала очень дорога им обоим.

— Пошли, — наконец сказал Кацка и протянул мальчишке руку. — Сынок, тебе надо поспать. И она пусть спит.

Мальчишка недоверчиво поглядел на Кацку, потом неохотно взял протянутую руку.

Они шли вместе по коридору реанимации хирургического отделения. Пластиковые шлепанцы мальчишки шаркали по полу. Маленький русский вдруг остановился.

— Что там? — не понял Кацка.

Мальчишка застыл возле смотрового окошка другого отсека. Кацка тоже остановился.

Там рядом с койкой был мужчина. Он сидел, обхватив голову. Все его тело сотрясалось от беззвучных рыданий.

«Есть то, чего даже Виктор Восс не может купить, — подумал Кацка. — А впереди — сплошные потери. Потеря жены. Потеря свободы».

Детектив посмотрел на Нину Восс. Ее бледное лицо казалось сделанным из тонкого фарфора. Полуоткрытые глаза были подернуты пеленой надвигающейся смерти.

Ребенок прильнул к стеклу.

В глазах женщины вдруг мелькнул последний проблеск жизни. Она увидела мальчишку. Ее губы изогнулись в молчаливой улыбке. Потом она закрыла глаза.

— Нам надо идти, — тихо сказал Кацка.

Мальчишка посмотрел на него и покачал головой. Детективу оставалось лишь беспомощно наблюдать, как спаситель Эбби возвращается в ее отсек.

Только сейчас Кацка почувствовал, до чего же он устал. Он еще раз посмотрел на раздавленного горем Виктора Восса. На умершую женщину, чья душа, наверное, в этот момент покидала тело.

«Как мало времени нам отпущено, — подумал Кацка. — Как мало времени побыть в этом мире с теми, кого мы любим».

Детектив вздохнул. Он вернулся в отсек Эбби и встал рядом с мальчиком.

Примечания

1

Сеть магазинов шаговой доступности. Особенно популярна на автострадах. — *Здесь и далее прим. перев.*

2

Так называют потомков первых переселенцев, представителей высших слоев Бостона, считающих себя чем-то вроде родовой аристократии.

3

Ряд мер, которые должен принять медицинский персонал, если у пациента вдруг откажет сердце или легкие. Обычно эти меры согласовываются с родственниками пациента и заверяются их подписью.

4

Некоммерческое агентство по поиску и распределению органов и тканей для трансплантации.

5

Младшая группа бойскаутов: от 8 до 10 лет.

6

Гонки самодельных автомобилей, которые первоначально делались преимущественно из соснового дерева. Очень популярны среди бойскаутов-волчат.

7

Крупнейшая частная клиника в Рочестере, штат Миннесота.

8

Коктейль из рома, кокосового молока и ананасового сока. Популярен в странах Карибского бассейна.

9

Праздник, устраиваемый родителями, чаще будущей мамой, за несколько недель до рождения ребенка. Приглашаются родственники и друзья семьи, каждый из которых обязательно дарит что-то из детских вещей: игрушки, одежду, памперсы и т. д. Молодым и не слишком обеспеченным родителям такой праздник позволяет заметно сэкономить.

10

Квартал развлечений в центральной части Бостона.